

В. Я. Б у т а н а е в
**ТРАДИЦИОННЫЙ
ШАМАНИЗМ
ХОНГОРАЯ**

...только согреть
...хранят огонь в
...чаге, но и защища-
...м, свою Родину. В
...нь много женщин,
...евали в годы Вели-
...венной войны. Об
...каз.

районную газету "Голос к
хозяина" корректором и про
работала в редакции до мая
1942 года. Затем добровольно
ушла на фронт. Служила на
Дальнем Востоке - сначала в
госпитале, а после его расфор-
мирования - краснофлотцем в
Казанской береговой тихооке-
анской охране. "Пока я служи-
ла, побывала под водой, прав-
да, в маленькой подводной
лодке в шторм.

Очень
когда в
услыш
коже, и
идет?!"
У де
задача
кие са
сбиват

2 11536

Выражаю благодарность за оказание помощи в издании сего труда адвокату РФ, депутату Верховного Совета Республики Хакасия Вячеславу Спартаковичу Киму и Генеральному директору Агропромышленной компании «МаВР» Владимиру Михайловичу Ромашову.

Ответственный

редактор: **Михайлов Т. М.**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия.

Рецензенты: **Гладышевский А. Н.**, кандидат исторических наук, доцент, заслуженный деятель науки Республики Хакасия
Усманова М. С., кандидат исторических наук, доцент, Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия.

Бутанаев, Виктор Яковлевич

Б 93 Традиционный шаманизм Хонгорая / Бутанаев В.Я. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 254 с. Илл.

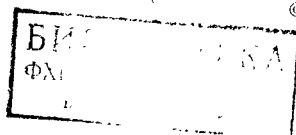
ISBN 5-7810-0349-5

В работе рассматриваются основы традиционного хакасского шаманизма: его структура, древние культы и обряды, духовный мир и деятельность шаманов, ритуальная атрибутика. Этот труд создан на основе полевых материалов, собранных автором по крупицам на протяжении сорока лет. В книге впервые вводятся в научный оборот оригинальные тексты шаманских молитв, большая часть которых записана и переведена автором. В качестве названия Хакасии оставлено древнее имя Хонгорай, которое употреблялось в Центральной Азии до присоединения этой территории к России. Книга рассчитана на религиоведов, историков, этнографов, тюркологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся самобытной культурой тюрков Саяно-Алтая.

ББК 63.5

ISBN 5-7810-0349-5

© Бутанаев В.Я., автор, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Воины Ирлик-хана.....	10
1.1. Шаман и его общественный статус.....	10
1.2. Шаманский дар.....	22
1.3. Обряд посвящения.....	27
1.4. Образ жизни посвященных.....	33
Глава 2. Мир вечных духов.....	48
2.1. Эзотерический мир шамана.....	48
2.2. Личная гвардия.....	55
2.3. Адам-хан.....	68
Глава 3. Ритуальные атрибуты.....	75
3.1. Шаманский костюм.....	75
3.2. Музыкальные инструменты.....	85
3.3. Ритуальный жезл.....	102
3.4. Обряд оживления атрибутов.....	109
Глава 4. Шаманские камлания.....	115
4.1. Путешествие в иной мир.....	115
4.2. Горное жертвоприношение.....	127
4.3. Лечебная практика.....	138
4.4. Дорога к богине Умай.....	146
4.5. Проводы черной души.....	152
Заключение.....	157
Приложения.....	161
Примечания.....	243

*Посвящаю моему славному роду Хобый,
ведущему начало от прародителя Хобый-Адаса,
рожденного в пещере родовой горы Коль-Тайга
и взлелеянного там в бронзовой колыбели.*

ВВЕДЕНИЕ

Хакасский шаманизм, как цельная религиозная система, до сих пор остается неизученной областью этнографической науки. В этом отношении наша монография впервые в полной мере открывает неведомый мир традиционного шаманизма Хонгорая. Надо отметить, что описания отдельных культов, горных жертвоприношений, шаманских атрибутов и сеансов камлания над больными приводятся в работах многих исследователей, как дореволюционных (Н. Ф. Катанов, Е. К. Яковлев, В. П. Суховской, С. Д. Мойнагашев и др.), так и советских (Н. П. Дыренкова, Л. П. Потапов, К. М. Патачаков и др.). Однако трудность углубленного и цельного изучения темы определялась в первую очередь недостаточностью собранных материалов. Хакасы, в силу своей национальной замкнутости, религиозные представления держали в тайне и неохотно раскрывались «иноверцам». Другим препятствием служили идеологические запреты со стороны советских и партийных органов, объявивших бой шаманизму, который необходимо было искоренить как религиозный «опиум» народа.

«Шаманизм, как нечто цельное, – писал в 1911 г. А. В. Анохин, путешествуя по долине Абакана, – среди качинцев и сагайцев, однако, не существует. Настоящий вид шаманизма есть жалкий остаток богатого шаманизма».¹ Данный вывод исследователя относится к началу XX в. и сделан в силу общего упадка устоев первобытной религии. Однако еще в XIX в. древняя вера отцов продолжала сохранять свой традиционный вид. Классовое расслоение не затронуло основ догматики. Понятия хакасского байства (т.е. образованной части населения) не поднялись над мировоззрением простых людей, которые понимали шаманство так, как объясняли его служители духов. По мнению автора статьи «Шаманство и шаманы», опубликованной в журнале «Нива» в 1871 г., минусинские татары представляли типичное племя для изучения шаманизма. Религиозные культы достались в наследство хакасам от их предков – енисейских кыргызов. В 1739 г. Г. Ф. Миллер в Красноярске встречался с одним из из-

бранников духов. По утверждению Г. Ф. Миллера, шаман не был качинцем, «а происходил из енисейских кыргызов: во время увода в начале XVIII в. основной массы кыргызов в Джунгарию он находился в Красноярске в качестве аманата (заложника)».²

Слово «шаман» в русской речи, как свидетельствует научная литература, заимствовано в XVIII в. из тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, где термин «самаан» обозначал иступленного, взволнованного человека. Вероятно, данный термин имел более широкий ареал распространения в Сибири, охватывающий и тюркские языки Саяно-Алтая. Так, вызывает интерес наличие в хакасском языке аналогичного слова «самаан» со значением: беснующийся, неугомонный, посылающий проклятия.³ Например, «самаан иней» – неугомонная старуха, «алыг самаан» – дурной дебошир, «самаан самархапча» – беснующийся человек посылает проклятия.

Во время исследования этнографии Хонгорая П. Е. Островских обратил внимание на рассуждения хакасского учителя М. И. Райкова о том, что русские могли воспринять частое употребление сакрального слова «шама, шама» в хакасском шаманизме за обозначение шаманов. «Насколько такое объяснение заслуживает внимания, я не могу ничего сказать», – добавляет П. Е. Островских.⁴ Исходя из наличия указанных фактов, можно в качестве предположения высказать мысль об алтайском (имеется в виду алтайская семья языков) происхождении слова «шаман» в русском языке.

Древняя религия хакасов в официальных документах степных дум называлась камларским толком или шаманской верой. Например, в 1842 г. Борис Топоев из кобийского улуса, отправившийся за промыслом зверей в тайгу долины р. Аны, был, как писали письмоводители, «неграмотный, шаманской веры».⁵

Сами хакасы свою шаманскую веру называли «хам кирегі» – букв. шаманское дело, «тадар чозагы» – букв. хакасский закон или «төстүп» – букв. шаманская сила. В отличие от русского определения хакасы в качестве основы понятия шаманизма видели деятельность служебных духов – «тёсей» (төстер), а также древний уклад жизни, связанный с религиозными верованиями, обычаями и обрядами. В сознании жителей Хонгорая шаманизм представлял религию, существующую наравне с христианством и исламом. Например, христианская религия называлась «терсе, тарчы, харчы» – букв. крест (имеется в виду христианство – несторианство, проникшее в долину Среднего Енисея в древнетюркское время); ислам – «саат терсезі» – букв. татарская религия, а шаманизм – «тадар терсезі» – букв. хакасская религия. Идентичные представления бытовали на Алтае, где шаманизм теленгиты называли «тадар дьянг» – северо-алтайская религия.

В хакасском языке термин «төс» представляет следующие значения: 1) основа, корень, сущность, основные устои общества; 2) духовная сила;

3) невидимый дух – слуга шамана; 4) фетиш, т.е. материализованное изображение духов-покровителей, магическая сила которых служила семье, роду и обитателям Хонгорая. Кроме того, встречаются различные его омонимы. В нашей работе мы придаем большое значение хакасской терминологии и правильному переводу терминов. Неправильная трактовка приводит к искажению смысла всей концепции вероучения. Например, в «Образцах народной литературы тюркских племен Южной Сибири» (СПб., 1907., т. 9) встречаются такие переводы, как: «заячья грудь» вместо «заячий фетиш» (хозан төс); «дух, покровительствующий растениям» вместо «фетиш (горькой) пищи, т.е. табак» (ас төс); «тёща» вместо «дева-мать» (хыс ине); «Ева» вместо «мать Умай» (Ымай иче); «солдаты» вместо «салдатчы», т.е. «дух, грызущий человека»; «Кашей Бессмертный» вместо «чудовище Чилбиген» и др. К сожалению, в современных переводах терминов хакасской мифологии повторяются подобные ошибки иногда еще в более уродливом виде.

Традиционный шаманизм Хонгорая оказал значительное влияние на соседние регионы Саяно-Алтая. По словам знатоков старины Тувы, шаманские духи пришли к ним из Хонгорая и из страны Телег, т.е. Горного Алтая. В молитвах тувинских шаманов звучат следующие слова их предков: «Хоорайдан хоя чаштап хоор аъттын хокпазынга хона келген» – (Шаманские духи) испугавшись, за ночь прискакали из Хонгорая (в Туву) на крупе кауруго коня.⁶

В 1841 г. Сагайская степная дума сообщала, что ее жители «более придерживаются древней их шаманской (веры), переданной от прадедов их, исполняя все ее обряды при рождении младенцев, болезнях, похоронах и (...), верующих в предсказания имеемых между ими шаманов».⁷

В 1885 г., по донесению причта Усть-Абаканской Николаевской церкви, во многих хакасских аалах, помимо главных камов, было «еще много второстепенных шаманов, которые или еще учатся или действуют как любители. Шаманы призываются инородцами в следующих случаях:

а) во время болезней (это главное их занятие); б) если инородца давит злой дух, если он мучится бессонницей и т. п., то шаман пускает ызыка, т.е. лошадь, околдованную особым образом, и которая после того не может быть запрягаемая и на нее не может садиться женщина; в) во время поминовения; г) при входе хозяев в новый дом». Согласно мнению причта, «не шаманы влияют на инородцев, а поверья и обычаи, оставленные инородцам от времен язычества поддерживают шаманов. Сами шаманы не сопротивляются христианству (...). Правда, что они во время камлания не допускают в юрту церковные иконы, но свои иконы они не выносят из юрты; правда и то, что ладану они не терпят, а курят богородскую траву, но все это проделывается для того, что будто бы злой дух при церковных иконах не может придти.

Правда и то, что некоторые шаманы дурно относятся к духовенству, но это потому, что прежде само духовенство дурно с ними обращалось. Но вероятно шаманы влияют на поддержку языческих поверий и обрядов, ибо это в их интересах». «Вообще здесь заметна смесь в верованиях инородцев. Они не оставили и прежних своих верований, да и не знают, в чем состоит христианская религия. Но так как верования шаманов внушаются им с малолетства, а о христианской вере ни от кого ничего не слышат, то они и не оставляют своих поверий, а следовательно и шаманов».⁸

В советское время впервые хакасскому шаманизму была посвящена кандидатская диссертация А. Н. Гладышевского под названием «Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность» (М., 1954). Тема автором была выбрана под влиянием известного советского этнографа – проф. С. А. Токарева, эвакуированного в годы Великой Отечественной войны в Абакан. Как верно отметил автор, до этого в научной литературе не было специальных работ по хакасскому шаманизму. В публикациях встречались только разрозненные и противоречивые сведения. Автор пришел к выводу, что каждый род имел родовую гору, духи которой «считались предками и покровителями всех членов родового коллектива».⁹ Несмотря на партийный подход о реакционной сущности шаманизма, где А. Н. Гладышевский вынужден был говорить: «Шаманы происходили в большинстве случаев из наиболее алчной и авантюристически настроенной части населения» (что в какой-то степени было верно в отношении шарлатанов 1920-х гг.), он правильно отмечал: «Шаман – лицо, избранное в шаманскую «должность» самими духами».¹⁰ После защиты диссертации в ВАК поступила отрицательная рецензия, в которой А. Н. Гладышевского обвинили в пропаганде шаманизма. В результате утверждение диссертации отложили на неопределенное время. Только через три года, в 1957 г., благодаря вмешательству депутата Верховного Совета СССР М. К. Баиновой ВАК дал положительную оценку. Жесткие испытания исследователя, столкнувшегося с политикой правящей партии по отношению к религии, привели к потере интереса автора к данной теме. Больше он к ней не возвращался, и поэтому рукопись осталась неизданной.

В сентябре 1957 г. Хакасию посетил известный венгерский этнограф Вильмош Диосеги, посвятивший свою творческую жизнь изучению шаманских верований народов Сибири. Венгерский ученый сумел записать прекрасные материалы у шаманов Егора Кызласова и Мукулки Боргоякова. В. Диосеги планировал подготовить монографию о шаманизме Хонгорая. Но в связи с тем, что Хакасия была закрыта для посещения иностранцев, его 2 октября 1957 г. выслали в Москву. В. Диосеги сумел опубликовать в 1962 г. только небольшую работу «Как становятся шаманами у сагайцев».¹¹

Среди последних исследований по шаманизму хакасов необходимо отметить работу этнографа Н. А. Алексеева «Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования)», изданную в 1984 г. в Новосибирске. Автор впервые свел воедино все известные сведения о шаманских верованиях хакасских этнографических групп. Н. А. Алексеев, по мере возможности, привел весь накопленный материал в определенную систему. Хакасский шаманизм им был представлен в сравнении с верованиями других народов Саяно-Алтая, что дало возможность выяснить его общность и особенность.

Источниковедческой базой данного труда послужили полевые материалы автора, собранные более чем за 40 лет. Нам выпала редкая удача – возможность поработать с последними шаманами, большая часть которых побывала в ссылках. К ним относятся Коче Арыштаева, Ефим Саржаков, Пасют Кичеев, Сарго Мойнагашева, Лачын Мишаков, Анисья Сыргашева. Со слов камов и знатоков хакасского фольклора были записаны шаманские молитвы, в которых особенно ценными являются сцены призвания духов.

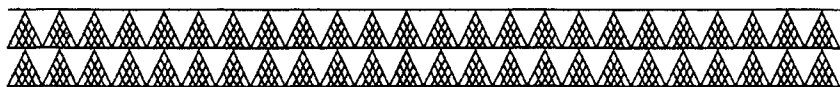
Предметы шаманских культов были нами изучены в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова и Хакасского республиканского музея. В рукописном отделе библиотеки Хакасского краеведческого музея мы смогли познакомиться с очень ценными работами Н. Тенешева «Шаманизм у сагайцев» и «Царство мертвых по верованиям сагайцев». Главный хранитель фондов музея М. Ф. Чалкина любезно предоставила возможность осмотреть все шаманские атрибуты (№ 4656/26; № 4567; № 2993; № 2994; № 2998; № 4217/8 и др.). В Минусинском краеведческом музее нами проработаны коллекция атрибутики хакасских шаманов и рукопись бывшего директора музея Ивана Тимофеевича Савенкова (1846 – 1914 гг.) «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа. Археолого-этнографический очерк» (Ф. 2. оп. 3. д. 250–253).¹² Большую ценность представляют иллюстрированные приложения: «Рисунки минусинских и алтайских бубнов, хранящиеся в Минусинском музее.» (АМКМ. Ф. 2. оп. 3. д. 254) и «Рисунки поперечных ручек на внутренней стороне шаманского бубна.» (АМКМ. Ф. 2. оп. 3. д. 256). В настоящее время рисунки на хакасских бубнах, которых насчитывается в фондах Минусинского музея более 20 экземпляров, стерлись. Поэтому иллюстрации И. Т. Савенкова приобретают особую ценность. В музее нами изучены шаманские костюмы, головные уборы и ритуальные жезлы «орба».

За предоставленную возможность изучить редкие музейные экспонаты приношу большую благодарность директору Хакасского РКМ Татьяне Николаевне Феоктистовой и директору Минусинского КМ им. Н. М. Мартянова Людмиле Николаевне Ермолаевой. С большим пониманием к нашей работе отнеслись главные хранители фондов – Ма-

рия Феофановна Чалкина и Ольга Ивановна Боярченко, за что выражаю им искреннюю признательность.

Приношу свои теплые слова благодарности прекрасному фотографу республиканской газеты «Хакас чирі», заслуженному работнику культуры Республики Хакасия Михаилу Федоровичу Тутаркову. Весь фотоиллюстративный материал представлен указанным мастером. В книге использованы также графические работы талантливого художника В. Кызласова, которые, надеюсь, будут радовать не только автора, но и многочисленных читателей.

Кроме того, благодарю моих коллег – председателя хакасского общества «Мемориал» Н. С. Абдина, заведующего ОДНИ ГАРХ В. П. Чебокакову, проф. Э. А. Абельтина, музыковеда, заслуженного деятеля искусств РХ А. К. Стоянова, которые оказали помощь в моей работе советами и сделали ценные замечания по тексту рукописи книги.

ГЛАВА 1. ВОИНЫ ИРЛИК-ХАНА

1.1. ШАМАН И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС

Шаманизм на берегах Среднего Енисея существует уже несколько тысячелетий. Еще во времена Кыргызского государства китайскими хроникерами династии Тан (VIII в. н. э.) зафиксировано, что в стране «Хягас» «Жертву духам приносят в поле... Шаманов называют гань (кам)». ¹ В 1841 г. Сагайская степная дума сообщала, что среди хакасов имелись «шаманы и шаманки, которые в приличной для сего одежде и с бубном в руках (но только, разумеется, не без своих выгод) в природных гимнастических движениях, давая заметить, что они имеют связь с невидимыми силами, лечат больных и сопровождают похороны, передавая инородцам будущность, что они по необразованности своей и не отвергают». ²

Шаманы были носителями сверхъестественных способностей и представляли особую социальную прослойку, благодаря которой держалось исполнение религиозных культов «камларского толка». «Духовная особа есть кам или шаман, – сообщали официальные документы начала XIX в. – Звание сие получается от познания тех преданий или того искусства, которое нужно для образа их врачевания, гаданий и некоторых священных ритуалов». ³ Согласно хакасской мифологии первого человека создал верховный творец «Хан-Худай», а первого кама – бог подземного мира Ирлик-хан. Хакасы уверены, что шаманом становится человек, отмеченный знаком бесовской силы Ирлик-хана.

Для обозначения шамана (как мужчины, так и женщины) в языках саяно-алтайских тюрков применяется слово «кам» (хам). Из тюркской речи, предположительно в результате ранних контактов русских с сибирскими татарами в XVI в., это слово было заимствовано русским языком в форме «камлать» – шаманить и «камлание» – шаманский сеанс, обрядовое действие шамана.

Рядовые члены общества, не обладающие способностью предвидения, не знающие религиозного вероучения, назывались «хал» – невежда, профан; «тегин» (тигін) – простой человек или «хул» – раб. Например, когда хакасы говорят о шамане, то применяют выражение «тигін кізі нимес» –

т.е. он не простой человек. В языке загадок рядовые скотоводы чаще известны под словом «хул». Например: «хурап сарап тон тіктім, хул кізее чарабачых» – сшил шубу из лоскутов, которая рабу оказалась не в пору, или «хурап тіккен тонны хул кізее кизерге чарабаан (хамдых тон)» – сшитую из лоскутьев шубу надевать рабу не разрешено (шаманский костюм).⁴ Халы во время камлания перед шаманами униженно кланяются, приговаривая, что они безглазые невежественные батыры, глухие раболепствующие болваны, что они тупее чем телята, проще чем телка, непробиваемые как ребро, закрытые как яйцо, немые как рыба (харағы чох хал матыр, хулағы чох хул матыр, пызодан мухах, хазырадан хал, палыхтаң килегей, хабыргадаң халлар, нымырхадан туйухтар). В связи с раболепием простолюдинов возникла загадка, сравнивающая силу дующего ветра на деревья с шаманами: «Хам хамнапча, хамых чон пазырынча (чил, агас)» – Шаман шаманит, весь народ головы склоняет (ветер, деревья). Самого служителя духов иносказательно называют «ах-сы чилліг» – букв. рот, имеющий ветер (т.е. духов).

В речи шаманов рядовой люд обозначался словами «күннig чон» – народ солнечного мира, «айлыг чон» – народ подлунного мира или «айлыгларым – күннigлерім» – мои лунно-солнечные люди. В контексте шаманских молитв, как и в речи героических сказаний, указанные термины связаны с понятием созданий (т.е. людей), живущих под солнцем и луною, в отличие от существ подземного мира, где нет подобных светил. Поэтому нельзя трактовать данные выражения, как этим грешат местные философы и фольклористы, в значении религиозных людей, «поклоняющихся солнцу» или «одной природы с небом». Простые скотоводы именовали себя «халами», не употребляя слова «солнечный» или «лунный».

Разделение общества на роды потомственных шаманов и на роды простых скотоводов отразилось в этнонимике Хонгорая. Среди подтаежных хакасов и шорцев имеется сеок «халлар» (каларский) – т.е. профанный. В юсских степях Хонгорая распространен сеок «хамнар» (камларский) – букв. шаманский. Вплоть до XX в. все могущественные шаманы среди кызыльцев происходили из рода «хамнар».

Социальная прослойка камов составляла незначительное число населения Хонгорая. Например, в 1885 г., по сведениям Сагайской степной думы, среди сагайцев насчитывалось 36 шаманов (из них две женщины), что составляло 0,2% всех жителей этого ведомства. По р. Тёя проживали следующие шаманы: Кычан Тырласов, Соскан Сюлев, Сычан Мамышев, Хароол Боргояков, Отанча Боргояков принадлежавшие кивинскому роду; Апчикон Кичеев, Ачетак Тыгдымаев, Торкан Побызак и Ырбонак (женщина), принадлежавшие ближне-каргинскому роду; Чапас (фамилия неизвестна) изушерского рода. Кроме того, по другим участкам Думы в

карачерском роде было два шамана, в изушерском – 5, дальне-каргинском – 2, бельтырском – 10, казановском – 4, в сагайском первой половины – 3 (из них одна женщина).⁵ По всей видимости, незначительный удельный вес шаманов был характерен для многих народов Южной Сибири. Например, среди бурят Иркутской губернии в 1867 г., согласно сведениям Т. М. Михайлова, шаманы составляли 0,2% от всех жителей.

В 1925 г. исполкому Хакасского уездного совета рабоче-крестьянских депутатов заведующий стат. бюро Филимонов доносил: «По сплошному обследованию, произведенному уездным статистическим бюро с 18 декабря 1924 г. и по 1 марта 1925 г., в Хакасском уезде шаманы оказались во всех четырех районах, в 26 сельских обществах из 60-ти.

Зарегистрировано 54 мужчины и 17 женщин, а всего 71. Из этого числа шаманят с бубнами 27 мужчин и 12 женщин. Грамотных – 3 мужчины и одна женщина.

По основному занятию шаманы распределяются так: занимающихся сельским хозяйством и скотоводством – 59, прочими занятиями и промыслами – шесть и без определенных занятий – шесть. Последних можно считать живущими на доходы от шаманства.

По возрасту, в коем начали шаманить, они делятся так: до 20-ти летнего возраста – семь, свыше 20 до 25 лет – одиннадцать, свыше 25 до 35 лет – тринадцать, свыше 35 до 50 лет – двадцать шесть, и свыше 50-ти летнего возраста – четырнадцать.

Продолжительность шаманства: шаманят до года – тринадцать, свыше одного года до пяти – 32, свыше пяти до десяти – 15, свыше 10 до 15 лет – четыре и свыше 15 лет – семь. Причины, побудившие к шаманству: по наследству – 15, по болезни, главным образом нервной, на почве душевного расстройства – 42, прочим (впечатление, ремесло) – 14.

Виды шаманизма: моления с жертвоприношениями старшему горному и водяному духу, о ниспослании счастья в пути и прочее врачевание. Имеется один шаман, специализировавшийся в шаманстве по отысканию похищенного.

Распространенность шаманства характеризуется так: совершенно молений до 1920 года – 1738, в 1920 году – 368, 1921 году – 451, 1922 году – 498, в 1923 году – 468 и 1924 году – 502. (...) При обследовании установлено, что к услугам шаманов прибегает русское население. Таких случаев, правда, мало – всего семь, но они являются показательными». ⁶

Итак, в 1925 г. во всей Хакасии насчитывался 71 шаман или около 0.2 % всего населения. С 1917 по 1924 гг. ими было совершено 4025 камланий. Женщины составляли 24% от общего числа шаманов, однако среди камлающих с бубнами они почти не уступали мужчинам. На доходы от шаманства жило 8,5% камов. Грамотных почти не было (5,6%). Около половины, 31 человек, относились к молодому возрасту (до 35 лет). Абсолютное большинство – 60 человек, стало шаманить в течение послед-

них десяти лет, т.е. после Октябрьской революции 1917 года. Увеличение количества шаманов связано с появлением деятелей от шаманизма и шарлатанов, воспользовавшихся трудными для рядового населения годами разрухи.

Начиная с 1923 г., после образования Хакасского округа, шаманов стали лишать избирательных прав, что давало основание для их выселения за пределы Хонгорая. В 1930 г. за шаманство только по Таштыпскому району были занесены в список на выселение из Хакасии 26 камов. Из Чиланского сельсовета – Егор Конусов (сеок чити-пююр), Борис Чильчигашев (1881 г.р., сеок чыстар), Сабис Куюков (1876 г.р., сеок чити-пююр), Семен Карьяков (1865 г.р.), Аста Сультреков (сеок бельтыр), Кухчас Тороков (1870 г.р., сеок туран), Петр Чебоचाков (1898 г.р., сеок хахпына), Петр Чебоचाков (1885 г.р., сеок хахпына), Таскача Тохтобин (сеок чилей), Федосья Сультрекова (сеок бельтыр), Мария Сультрекова (сеок бельтыр), Полит Чебоचाков (1889 г.р., сеок хахпына), Семен Коктояков (сеок хахпына); Арбатского с/с – Егор Сагалаков (сеок сарыглар); Сирского с/с – Антон Канзычаков (1882 г.р., сеок хобый), Сакени Канзычаков (сеок хобый), Тайба Суптереков (1877 г.р., сеок бельтыр), Хадай Канзычаков (1886 г.р., сеок хобый), Петр Чичинин (сеок чонмай), Пачинах Канзычакова (1905 г.р., сеок хобый); Сейского с/с – Сазанакон (сеок бельтыр); Матурского с/с – Иден Кушаков (1878 г.р., сеок хызай), Укрен Кушаков (1868 г.р., сеок хызай), Кызылсукского с/с – Николай Шулбаев (сеок хобый), Лаврентий Токмашев (сеок хобый); Артасского с/с – Кузьма Шупаев (сеок кечин).

В 1928 г. в Хакасии насчитывалось 77 шаманов, проживавших в 70 аалах (что составляло 14% от общего количества хакасских поселений). В их числе было 15 женщин (19%). Меньше всего (только 3 человека) отмечалось служителей духов на севере Хонгорая. Наибольшее количество камов проживало в долине реки Аскиз. Здесь в начале XX в. действовало более десяти крупных шаманов, таких как: Аркут Сунчугашев (1890 г.р.), Морха Чугунеков, Мансар Чугунеков (1903 г.р.), Ошароп Ахпашев (1893 г.р.), Чапчан Кулемеев, Манзар Сунчугашев (1903 г.р.), Самой Угдыжков (1892 г.р.), Номой Костякова (по мужу Киргинекова), Апсалин Кызласов (1895 г.р.), Егор Сербигешев, Карсак Сунчугашев (1878 г.р.) и др. В 1937 году их всех, за исключением Аркута Сунчугашева, или отправили в ссылку, или посадили в минусинскую тюрьму, из которых они не вернулись. В числе расстрелянных в 1937 г. шаманов значатся: Албанча Иридеков (1877 г.р., аал В-Киндирила), Апсалин Кызласов (1895 г.р., аал Кызлас), Андрей Токояков (1904 г.р. аал Печень), Алексей Топоев (1879 г.р., аал Усть-Таштып), Полит Чебоचाков (1889 г.р., аал Бутрахты), Клан Чертыков (1879 г.р., аал База), Ире Чертыков (1901 г.р., аал База).⁷

В хакасском обществе XIX в. не делалось большого различия между православным священником и шаманом. Их связь с неземными силами

вызывала настороженное отношение и определенный страх перед ними. Бурханизм, утверждаясь в сознании хонгорцев в начале XX в., вел открытую пропаганду против шаманов и скрытую борьбу против деятельности христианских священников. В народе можно было встретить выражение: «абыстаң хамның чолы пір» – у попа и у шамана дорога единая. Со стороны аальной общины по отношению к нерадивым служителям культов существовала общая форма наказания, словесно выражавшаяся: «хамның чарғызы отых тас, абыстың чарғызы түге» – суд над шаманами – кремень (которым «таврили» лоб после надевания на кама треножника), суд над попами – хомут (или дуга, которую надевали попу на плечи). Некоторые шаманы были крещеными, а получившие школьное образование даже становились священниками. Например, шаман Аларчон-кам служил дьяконом при Усть-Абаканской церкви. Он стал прототипом образа шамана в романе Н. Г. Доможакова «В далеком аале». Крещеные шаманы не совершали шаманских радений во время держания поста. При камлании они снимали с себя крест. «Старый шаманизм, прежние языческие обычаи и христианство открыто живут друг с другом в Абаканской долине. Служение молебна православным священником и шаманство легко мятся между собой», – сообщал в начале XX в. А. В. Анохин.⁸ Если во сне видели шамана или христианского священника, то ничего хорошего не ожидали. Верили, что дом навестил черт.

В отличие от общей позиции общества по отношению к служителям культов, между шаманами и попами бытовала неприязнь. Православные служители церкви боролись против идолопоклонства, считая, что они имеют «полное право отбирать и ломать бубны у шаманов». Таштыпский священник П. Силин специально ездил по аалам и отнимал у камов их шаманские атрибуты. Священник с. Матурского Иван Штыгашев насильственно «отбирал бубны, одежды шаманов, изображения духов и сжигал их, шаманов привязывал к столбу и подвергал даже порке».⁹ Сила шаманов, якобы, могла пройти под воздействием гонения на них православной церкви.

Иногда шаманы демонстрировали свои способности перед попами, стараясь показать свое превосходство. Однажды матурский священник Иван Штыгашев, как рассказывают, вызвал на спор шамана Хараса Токмашева, чтобы тот продемонстрировал свою силу против церкви. Шаман Харас, живший в аале Танмалык, слыл крупным камом. Харас пообещал, что силой камлания снесет крест с купола церкви. Ради этого из Танмалыка в Матур привезли его бубен. Небо было ясным. Сначала он нагрел бубен на огне и приступил к камланию. Кам Харас отправился в далекий путь. Вдруг люди видят, как со стороны горы Сыын-таг, находящейся в устье реки Матур, поднимается туман. Появились тучи, загредел гром и полил проливной дождь. Закрутился грозный вихрь, который свалил с

купола церкви крест. Силы священника, по мнению шаманистов, не смогли противостоять духам-тёсам. Когда кам Харас вышел из шаманского транса, то небо сразу прояснилось.¹⁰

В одном хакасском предании, записанном Н. Ф. Катановым, говорится, что известный шаман Кечук Мойнагашев однажды утопил в воде священника, который стал купаться без креста, за то именно, что тот отнял у Кечука бубен.

Социальная прослойка шаманов, несмотря на свою малочисленность, делилась в зависимости от наличия духов на три категории: «пугдуров», «пулгосов» и «чаланчиков». «Пугдуры» относились к великим камам. Они имели одновременно до девяти бубнов, особый костюм, оснащенный металлическими стрелами и крыльями орла, и огромную армию сильных духов. При камлании их тёси поднимались под облака и даже могли достигать Полярной звезды.

Пугдуры руководили на горных жертвоприношениях, лечили от бесплодия женщин, получая жизненную силу – «хут» от самой богини Умай, занимались предотвращением эпидемий скота, сопровождали души умерших людей в царство мертвых. Пугдуры в хакасском обществе иногда могли занимать высокие общественные посты. Например, И. Штыгашев писал, что в аале Тлачек Кобийской волости родовым старостой был шаман – человек «очень умный и влиятельный в обществе».¹¹ Основатель сеока сибиджин Тохпагас, живший в XVIII в., был великим шаманом и в то же время чайзаном – главой рода. Вплоть до Советской власти у его потомков среди фамилии Чочиевых хранились княжеские атрибуты Тохпагаса (бронзовая печать, грамота, кинжал и саадак). Необходимо отметить, что феодально-байскую верхушку хакасского общества также именovali «пугдурами».

«Пулгосы» («пас пулгачаң пулгос» – букв. мешалки, крутящие головы) относились к категории средних, небольших шаманов. Они обладали только одним бубном и носили простой шаманский наряд. Пулгосы занимались лечебной практикой, избавляя людей от многих болезней. Их шаманское путешествие ограничивалось соседними районами Саяно-Алтая. «Пугдуры» и «пулгосы», называвшиеся общим именем «аттыг хамнар» – т.е. шаманы, имеющие бубны (букв. «конные»), проходили обряд посвящения. «Чаланчики» («тиріг чоҳ чаланчых» – букв. гонцы без вооружения) представляли низшую, но самую многочисленную часть шаманов. Они обладали гипнозом и небольшим отрядом духов. «Чаланчики» не были посвящены в догматику шаманизма, не имели шаманского костюма и бубна («чазағ чаланча» – отправляется пешком). Они занимались лечением людей при помощи обмахивания. В качестве ритуального инструмента «чаланчики» использовали черный платок, черную мужскую одежду или ветвь березы с лентами «чалама». Среди них выделя-

лись специализирующиеся как: «түкүрікчі», «чилбегчі», «чарынчы», «чулугчы», «ходыр хамы», «арага хамы», «хычытхах хамы» и др. Они лечили людей от болезней ног и головы, от чесотки, от коликов в животе, от кашля, избавляли детей от испуга или сглаза, производили гадания и т. д.

В суровые времена средневековья полководцы при штабе держали армейских шаманов – «чаа хамы», которые в период военных походов служили разведчиками и предсказателями исхода боевых сражений. Они насылали ненастье на армию врага. Например, в предании «Сыгда и Сыбы» говорится, что на службе у монгольского хана находился великий армейский шаман Паламор-кам, обладавший девятью бубнами. Он предугадывал исход военных действий и отыскивал спрятавшихся врагов. В хакасской легенде «Хан-Суна» шаман «чаа хамы» на одной из горных вершин совершил жертвоприношение и послал дождь надвигающуюся армию ойратского правителя Хунтайджи. Ойратские воины из-за образовавшейся распутицы не смогли двигаться, а оперение их стрел промокло и сгнило.¹² Подобные уловки применялись выдающимися завоевателями Азии. Например, армейские шаманы Тимура (Тамерлана), вызывали на неприятелей дождь и ненастье при помощи камня «яда-таш».¹³

Предубеждение «халов» против шаманов проявлялось в настороженном общении с ними. Люди старались их обходить стороной. Если кама встречали на улице, то говорили заклинание: «Пусть сгинут его силы («ынчыгы тартынзын» – букв. пусть свою нечисть притянет к себе)». Если во сне видели шамана, то чтобы пресечь его козни, обжигали на огне концы черемухового прута, затем, выйдя на улицу, три раза плевали в сторону жилища шамана и туда же бросали обожженную ветвь. Черемуха обладала защитными свойствами против злых сил. Считалось, что во время обжигания она начинает жечь тело шамана и продолжает это делать до тех пор, пока он, спасаясь от наказания, не погрузит себя в текущую реку. После посещения шаманом любого дома сразу подметали пол, а мусор бросали ему вслед за ограду. Хакасы боялись родниться с представителями шаманских родов (хамных сёок) и не брали оттуда девушек. «Небогатому человеку трудно ...тягаться с шаманом: начальство боится их мстительности. Так один качинец передавал мне, – писал П. Островских, что дочь одного влиятельного шамана по смерти своего мужа, сына рассказчика, ушла к отцу, и последний не возвратил этому качинцу половины данного за невесту калыма, как требуется обычаем; ... староста, боясь шамана, ничего не предпринял для разбора дела».¹⁴

Шаманы обладали мстительным характером. Они насылали на жилище благополучно живущих людей порчу в виде духов болезней «пух», нечистых сил «пуртах», летающих бесов «тор» или духа суицида «поон-

чах», из-за чего в семье происходил разлад, супруги становились нездоровыми, скот погибал, дети умирали, домочадцы вешались и т. д. Они могли творить препятствия охотникам во время таежных промыслов, которые носили название «поом». Согласно героическим сказаниям подобные препятствия чинят богатырям ведьмы – «хуу хаты» подземного мира. Нередко шаманов на злобные проделки подбивали люди, страдающие черной завистью к успехам своих соседей. Они незаметно брали с места рубки дров во дворе щепку «тахпай» и относили к шаману с просьбой навредить хозяину данного предмета. Кам по щепке «тахпай» находил двор и уничтожал семейство на радость завистникам.

Злобные шаманы иногда вместо лечения забирали у простых людей их ангелов-хранителей, которых присоединяли к своим тёсам. Например, Нитей Боргоякова из аала Усть-Чуль обратилась в 1971 г. к шаманке Нюре Субраковой (по мужу Ултургашевой), жившей в Политовке. Она жаловалась на болезнь глаз, которую врачи из-за ее старости не хотели лечить. Шаманка, совершив обряд, забрала себе ее жизненные силы («хада төреен хуйах» – броню, рожденную вместе с человеком). Нитей вернулась домой бессильной, потерявшей зрение (огонь глаз) и дар речи. Через полгода она скончалась. Если бы Нитей не пошла к шаманке, то ее жизненный век еще бы продолжился. Сын Нюры – Никадим Ултургашев, 1934 года рождения, живет там же, в аале Политовка. Мать его перед смертью «закрыла» в горах своих духов-тёсей и ему не передала, ибо Никадим по отцу относится к другому роду. Ее тёси принадлежали к сеоку хобый и найдут себе подходящего преемника только из этого рода. Ныне срок их заточения истек и духам требуется новый хозяин.¹⁵

Шаманы могли навредить скотоводам, подорвав благополучие их хозяйства. Они забирали жизненную силу «хут» скота, «закрывая» ее в горах, и тогда стада животных подвергались повальным болезням. Рядовым хакасам ничего не оставалось, как смиренно подойти с нижайшими просьбами к шаманам и за вознаграждение вернуть счастье – «хут» их скота.

Шаманов возили только на повозках, запряженных парой лошадей. Если кама везли медленно, то свое раздражение он имел право выражать плеткой. Если «хал» не предоставлял для поездки пару коней, то оскорбленный шаман опять пускал в дело свою плеть. Увидев приехавшую за ними телегу, шаманы говорили: «Не сяду в телегу с деревянной осью. Подавайте тарантас». Рядовой скотовод, вызвав шамана к себе домой, должен предоставить взамен двух работников в его хозяйство. В юрту приглашенного кама вводят и выводят из нее мужчины под руки. Сначала три раза объезжали усадьбу по солнцу, а затем, заведя во внутрь помещения, его усаживали на белую кошму, постеленную в почетном углу. Если хозяева не проявили должного уважения, не постелив белой кошмы, то за оскорбление его достоинства кам имел право наказать плетью виновного. Шаманы перед рядовыми людьми капризничали и вели себя как

ханы и беги. Капризными их делали якобы духи-тёси. Рядовые скотоводы обязаны обращаться к ним со словами: «пиг пирік, хам хазыр!» – жестокий князь, грозный кам! или «пиглезе пигібіс, хамназа хамыбыс» – Ваше княжеское высочество! Ваше шаманское превосходительство! Простой народ возводил их в разряд бегов. После камлания шаманов отвозили домой на тарантасе, запряженном парой коней. Сам больной запрягал ему повозку. Если кони шли медленно, а не бежали рысью, то шаман имел право бить сопровождающих.¹⁶ В отличие от простых скотоводов шаманы носили с собой курительные трубки с длинным чубуком, которые зажигали только от углей очага.

Раньше на севере Хонгорая в устье р. Парной жил сильный шаман Кудестей, который прославился жестоким характером. Когда в аалах проводили свадьбы, то Кудестей появлялся с претензией на право первой ночи. «Я буду ночевать в первую ночь с невестой», – заявлял Кудестей. Если невесту не отдавали, то он пугал людей, говоря, что съест душу кого-нибудь из родственников. Поневоле невесту отдавали на ночь Кудестею. Люди его ненавидели. Из-за него девушки боялись выходить замуж за северных хакасов.

Кудестей был заодно с конокрадами. Когда воры пригоняли табуны лошадей из сагайской стороны Хонгорая, Кудестей камлал горным духам. Черная скала, стоявшая рядом с Усть-Парной, распаивала свои двери и впускала к себе во внутрь украденных лошадей. Никто не мог найти спрятанный скот. Конокрады и кам Кудестей пировали за счет страданий народа.¹⁷

Отрицательная деятельность указанных групп населения подтверждается народной оценкой: «тадар чонын хамнаң огыр ўреткен» – шаманы и конокрады своими действиями довели хакасский народ до разорения.

После завершения камлания хозяин юрты в качестве дара накидывал на плечи шаману халат. Древнейшей формой натурального подношения служили: «теер-көчік» или «уча» – задняя часть туши жертвенного животного вместе со шкурой и «холға» – т.е. ливер забитой жертвы. Грудную часть животного варили для божеств и держания жертвенного пара «оор-пус». Скот, на период камлания выставленный на привязи к дверям (конь или корова, обычно черной масти), служил жертвенным выкупом – «толыг» и отдавался шаману. Если больной поправлялся, то нужно было сделать «ахтаг» – благодарственный подарок шаману, включавший вино, рубашку или шелковую материю (10 аршин ткани), которую не вручали, а обвязывали вокруг талии.

За работу шаман получал плату – «асты» (хам чалы, чўлўг). В качестве «асты» он получал деньги, корову или лошадь (овцу не положено давать). Сам шаман деньги руками не брал, глава юрты вкладывал их ему в карман. Хозяин также сам пригонял скот в его дом. В XIX в. заработок

«асты» составлял от 20 до 30 копеек. Это была плата духам – тёсям под названием «хут ахчазы» – деньги жизненной силы, т.е. за возвращение души – «хут» больного. К началу XX в. плата «асты» возросла до рубля. За освящение домашнего очага (каждый год весной и осенью) каму давали по рублю деньгами. В среднем в год на шамана в хозяйстве скотовода уходило три рубля, т.е. стоимость полугодового албана.¹⁸

Если шаману не платили «асты», то он мог отомстить неблагодарным людям. Например, в аале Ирбенниг-хас жил Павел Доможаков, дочь которого вышла замуж за Масла Баинова. Молодая семья не имела детей и поэтому обратилась к шаману Сухсалу, чтобы получить жизненную силу для рождения ребенка. За камлание Масла пообещал осенью дать коня на зимний убой «согым». Сухсал пришел осенью за конем, но Масла не отдал скотину. После этого случая каждую ночь в юрте Баиновых слышались удары камлающего бубна. Однажды, когда подошло время родов, беременная женщина вышла на двор. У нее начались схватки, после чего она родила на улице мертвого ребенка. Через неделю умер и сам Масла Баинов. Так шаман Сухсал, рассказывают, отомстил этой семье.

Хакасы высмеивали корыстные цели как шаманов, так и священников, сочиняя язвительные стихи на их молитвы, иногда не без влияния советской агитации. Например, «Хобат тізем-хой теерізі, сама тізем-салковай, от алғазам-отыс ахча» – Если скажу «хобат» (возглас при обмахивании больного), то получу овчину, если скажу «сама» (возглас при кормлении фетиша «чалбах-тёсь»), то получу рубль, если освящу огонь, то получу тридцать копеек. «Педек харыннын абыс-хамнар прай чоннын күчин пасханнар. Сама-сама тізелер, салковайлап ахча алчаннар: «О господи, помилуй», – тізелер, оох аттынны олар чыгчаннар» – Пузатые попы и шаманы весь народ эксплуатировали. Как только скажут «сама-сама», то берут с народа по целковому. Как только скажут: «О господи, помилуй», – то собирают они поборы золотом.¹⁹

На севере Хонгорая в кызыльском диалекте термину «асты» соответствовала фонетическая форма «хаста» (хасты), употреблявшаяся в значении ясак, подать.²⁰ Исходя из языковых данных, можно предположить, что хакасы раньше шаманам платили специальную подать, как, например, это было у шорцев. В Кузнецкой тайге шаманы состояли «на жаловании от окружающих их жителей: с весны до осени 1 руб. 50 коп. и 5 белок, и с осени до весны – тоже».²¹

Шаманы, сказители, охотники и конокрады относились к профессиям, не приносящим домашнему хозяйству материального благополучия. В хакасском обществе бытовало утверждение: «хамнаң огыр пайыбачаң чон» – шаман и конокрад – нищий народ. Аналогичное представление существовало на Алтае. В XIX в. Г. Н. Потанин отмечал: «Участь шамана незавидная; камы и адучи (вожаки на зверином промысле), как говорит

народная примета, не бывают богаты».²² Шаман так же, как и хайджи, имел тяжелую судьбу, ибо его жизнь зависела от воли духов-тёсей и духов-хозяев сказаний. Многочисленные обряды требовали от шаманов частого употребления араки, что приводило их к пьяной жизни, способствующей упадку и обеднению хозяйства. Отсутствие материальной выгоды в их деятельности засвидетельствовано в следующих пословицах: «Хам хаах, хадарганы хуух» – Шаман голый как прах, а его хозяйство пустое; «Хам кізінің халдығы чоғыл, ус кізінің учугы чоғыл» – У шамана нет накоплений, у мастера нет сбережений (т.е. сапожник без сапог) и т. д.

В начале XX в. среди шаманов стали выделяться отдельные личности с приличными доходами, взимавшие за каждый сеанс камлания от 10 до 25 рублей. Например, кам Полит Абжилаев нажился после того, как установил таксу за каждое камлание по 25 рублей. Во время сенокосной страды на его покосах трудились должники, которым он шаманил.²³ Известный кам Аркут Сунчугашев, 1890 г. рождения, за одну ночь камлания брал 25 рублей «асты», не считая животных, идущих в качестве выкупа «толыг». Аркут стал камлать даже днем. Он пользовался страхом женщин перед его духами и поэтому со многими сожительствовал. Его третий младший сын Тойон (Гаврил), 1926 г. рождения, в годы Советской власти стал партийным человеком. После достижения сорокалетнего возраста его стали одолевать духи отца, с которыми он боролся около десяти лет. Но наконец он не выдержал и повесился в роще на берегу р. База.

В первые годы Советской власти, после образования Хакасского уезда, шаманов приравняли к кустарям-одиночкам и обложили особым налогом. Например, в 1925 г. по Чебаковскому району налог на служителей религиозных культов распределялся в следующем порядке: для «попов не менее 20 рублей, дьяконов – 8 р., дьячков – 4 р. и шаманов от 5 до 15 рублей».²⁴

Над злыми шаманами (чеек хам), уличенными в коварных действиях, аальные общины совершали своеобразный суд – «хам чаргызы». Их насильно «закольцовывали» (очых киптирге), троекратно пропуская сквозь обруч железного тагана. Затем надевали на голову уздечку и процарапывали до крови кремнем линию или крест на лбу. Сочившейся кровью мочили тряпицу, которую затем сжигали на огне. После такого обряда камы теряли силу, ибо их духи не могли выйти из магического огненного круга треножника (очыхтаң сых полбинча). Исследователи отмечали, что хакасы «тавили» шаманов на лбу и бедре. «Надо непременно добыть из него крови, тогда только все его шаманские заклинания и кары потеряют свою силу, не будут действовать», – писал Н. Т. Попов.²⁵

Например, в аале Усть-Лыры над злоязычной шаманкой Мандюнкам был совершен суд «хам чаргызы». По решению аальной общины она

была пропущена сквозь таган, а на лбу до крови процарапали кремнем крест. После этого обряда у нее пропали шаманская сила и способность проклинать.²⁶

Шаман Ошароп Ахпашев при разводе со своей женой подвергся со стороны ее родственников насильственному суду. Его жена надела на Ошаропа железный треножник и закольцевала. Лоб «затавила» чертой, проведенной до крови кремнем. У него было двое детей – сын и дочь. Оба покончили с собой из-за того, что их стали одолевать отцовские тѣси.

Иногда доведенные до отчаяния скотоводы совершали самосуд над злобными шаманами «чеек хамами». Например, шаман Чабый из Шории был убит за то, что его посчитали виновным в смерти детей Кулемеевых. Он якобы в образе серого волка «съел» их. Однако дочь Чабый-кама отомстила за отца. Она явилась из Кузнецкой тайги в район Бирикчуля в виде смерча, повалила лиственницы и унесла душу последнего ребенка Кулемеевых.²⁷ Надо особо отметить, что только в шаманизме Хонгорая совершались народные суды над служителями культов.

Итак, шаманами были как мужчины, так и женщины, называясь общим именем «кам» (хам). Отдельного названия для женщины-шаманки (ср. «удаган» в монгольском языке) нами не зафиксировано. Женщины составляли незначительную часть (20–24%) общего числа социальной прослойки шаманов. В 1924 г. на доходы от камланий жило 8,5% избранников духов. Шаманы выполняли не только высокую миссию защиты здоровья своего рода, но играли и отрицательную роль, нанося вред своей мстью процветающим семьям. Во времена этнополитического образования Хонгорай при ханах и бегах находились шаманы-прорицатели, предсказывавшие судьбу правителя и победу в войнах.

Шаманы не составляли своих корпораций или религиозных общин. Их деятельность носила индивидуальный характер. Но в силу своих врожденных качеств они относились к наследственному сословию, исполнявшему потребности как своего сеока, так и общества, что придавало им особый социальный статус. Поборы шаманов содействовали обнищанию рядовых скотоводов. Камы поддерживали родовые устои, благословляли употребление араки и этим провоцировали пьянство среди населения. В официальных документах отмечалось, что все шаманы «приведены в православие». Сибирская администрация не в силах была изменить жизненный уклад хакасов, которые, несмотря на то, что в XIX в. официально были крещены, в то же время фактически придерживались шаманизма. В Хонгоре продолжала признаваться идея шаманской веры. Служители духов утверждали: «Тадар чоны хамнан на чуртаан чон» – Хакасы – народ, живущий только шаманскими обычаями.

1.2. ШАМАНСКИЙ ДАР

Способности, делающие людей шаманами, обычно передавались по наследству как по мужской, так и по женской линии, через духов – тёсей («тёс» – букв. основа, сущность), принадлежащих определенному роду. Будущий повелитель духов получал в наследство (инчи) от предков невидимое вечное воинство «тёсей», под руководством которых над ним совершался особый обряд инициации. Таким образом он становился новым хозяином таинственной челяди, перешедшей к нему на очередную службу, которую бессмертные духи несут уже в течение тысячелетий. Выбор претендентов проходил по инициативе духов – тёсей, в связи с чем существует хакасское выражение: «чон тапса – пиг полар, айна тапса – хам полар,» – т.е. если выберет народ, то человек станет бегом, если выберут духи – «айна» (подразумеваются тёси), то станет шаманом. После смерти шамана его духи – тёси находят достойного преемника («тёстері таныпча» – букв. тёси узнают), проверяют его избранность. Наследственная линия шаманских родов может прерваться из-за нарушения запретов. Например, в результате того, что березовое дерево, выросшее из костных останков шамана Тохпагаса из сеока сибиджин, было срезано на бубен и орбу представителями чужого рода, его потомки лишились покровительства духов. Кам Чалбарт из сеока сарыглар из-за того, что невестка нарушила запрет во время камлания, оказался «вбитым» вместе с бубном в родовую гору. Поэтому его род утратил дар великих шаманов, снаряженных бубнами.

Люди, имеющие шаманские задатки, обладали способностью легко входить в состояние транса. Основа их тела сотворена из «легкой кости» – «ниик сбёк», благодаря которой они быстро впадают в экстаз и могут доводить себя до припадков. В отличие от шаманов, у простых мирян «халов» (хал төрелі) тело, якобы, состояло из «тяжелой» кости. Люди, обладавшие «легкой» или «чистой костью» (арыг сбёктіг), без затруднений могли общаться или «знакомиться» с горными духами. Если они посещали нечистые места – «пуртах чир», как, например, дом, где умер человек, или юрту, где родился ребенок, то заболели (пулайсып) из-за нарушения требования сохранять сакральную чистоту. В результате восприимчивости они падали в обморок и бились в припадках. В хакасском представлении и место смерти, и место, где происходят роды, т.е. места появления человека на свет и ухода его в иной мир считаются нечистыми.²⁸

Избранник духов, получающий шаманский дар, подвергается испытанию психической болезнью. Хакасы были уверены, что если сородич начинает сходить с ума, то в него вселяются или тёси, или горные духи (кізі тискінчетсе – таг нимелері кірче). Дело в том, что на суровый шаманский путь могли выйти люди, оказавшиеся под воздействием гор

ных или даже речных духов. Субъекты могли не обладать шаманской наследственностью. Но, как правило, будущий шаман с младенчества был уже отмечен особым знаком тёсей. Например, если замечали, что завернутый в пеленки ребенок переворачивается головой в ножную часть хакасской колыбели, то верили, что он будет непрым человеком. Во время сеанса призыва духов шаман напоминал им: «Завернувшие меня в черные пеленки, положившие меня в обратном направлении в черной колыбели».

Камы, как уже было сказано, отличались от рядовых членов общества – «халов», своей наследственной природой (пасха чайанныг). Они обладали шаманским «корнем» и имели свое родословное древо (төрелден тартылган хам, тамырдаң тартылган хам).²⁹ Тот, кто не знал своего родословия, не мог считаться шаманом. У каждого избранника существовала шаманская генеалогия – «хам төрелі». В 1740 г. И. Гмелин встречался с двумя хакасскими шаманами бохтинского и ястинского родов. Он отметил, что отец бохтинского шамана, равно как и бабушка ястинской шаманки, «занимались точно таким же ремеслом. А потому они считали себя знатными и предлагали нарисовать нам родословное древо, указав свою колдовскую линию, кажется, вплоть до седьмого колена. В глазах языческой черни это действительно почетная должность, которой достойны лишь избранные, и тот, в ком струится кровь многих почтенных предков, всегда считается для этого наиболее способным».³⁰ Так, например, у шамана Мачора Мишакова из сеока ах-сор, приходившегося троюродным дядей нашему информанту Лачыну Мишакову, отец по имени Хузух, дед Макай и прадед Пайдон (1796 г. рождения) были шаманами. Сам Лачын 1908 г. рождения, живший в Усть-Сосе и бывший комсомольцем в 1920-е годы, стал шаманить в 1950-е годы. Его отец Акелдей был «женат» на дочери горных духов.³¹

Знаменитый слепой шаман Кечук Тоспияков (Мойнагашев) жил в начале XIX в. в долине реки База. У него был единственный сын Харах (порусски Федор) 1812 г. рождения. Имя Харах (букв. Глаз) сын получил из-за того, что был поводырем у слепого Кечука. У Хараха было три сына Карачан, Адычак и Сойан. От Карачана родился Кондрат. Сыном Кондрата был Роман. От Романа в 1924 году родилась Сарго Мойнагашева, ставшая через четыре поколения после Кечука большой шаманкой.³²

Шаман Туда Юктешев (Николай Антонович), 1877 г. рождения, из сеока таяс, стал шаманить в 1930 году. Он получил служебных духов – тёсей в виде двух огромных черных собак и двух серых волков от предка по отцовской линии – шаманки Кам-Озек, похороненной в начале XIX в. у подножия горы Элиг-хая, повыше аала Большой Монок. Туда Юктешев не имел бубна и орбы (хотя тёси требовали) из-за сильного преследования шаманов в годы Советской власти.³³

Родоначальником сеока сарыглар был Киигес, рожденный от старика и его невестки после угона кыргызов Хонгорая в Джунгарию. Его сыном был Кам-Чалбарт, ставший могущественным шаманом. Он жил вместе с своими сородичами под горой Чалбарт напротив современной Абазы. У Кам-Чалбарта родился Сагал, основатель фамилии Сагалаковых. Сыном Сагала был Оглах. У Оглаха родился Онис (1783–1829 гг.), живший по р. Монок. Сыном Ониса был Кокетей, 1813 г. рождения, переселившийся в Усть-Киндирлу. У Кокетея родился сын Атыкай, ставший шаманом. У младшего сына Атыкай Павла, 1885 г. рождения, тоже обнаружились шаманские задатки. Его тёсей унаследовал внук Павла Тыыба, рожденный от младшей дочери Феклы.

Шаман Харас Токмашев перед смертью закрыл своих духов-тёсей в горах. От него родилось трое сыновей – Апла, Аптис и Мылтыгас, которые не были шаманами. Но от дочери Аптиса родился Гаврил Канзычаков, который стал шаманом. Он жил в 1960-х гг. в аале Катанов.

Предком шамана Егора Кызласова, 1885 г. рождения, из рода тагхарга, являлся Пюригес, переселившийся из Кузнецкой тайги в 1703 г. после угона кыргызов в Джунгарию. Его сын Устух был шаманом. От Устуха родились Пурчух (в варианте Хызылазах), Амзор (от него пошла фамилия Амзороковых) и Поргай (от него пошла фамилия Боргояковых). От Пурчуха (Хызылазаха) родилось два сына. Старший сын Сунчух не был шаманом, а младший Кызлас стал им. От Сунчуха родились Сунчугашевы рода «суг харга», а от Кызласа пошла фамилия Кызласовых рода «таг харга». От Кызласа родился единственный сын Торых. От Торыха родился Паядай (по-русски Сергей, 1780 г. рождения), от Паядая – Овчин (по-русски Матвей, 1806 г. рождения). У Овчина был сын Мамай, который стал шаманом. От Мамая родился Егор Кызласов, ставший шаманом в пятом поколении после Кызласа. Среди всех фамилий, произошедших от Устуха, т.е. среди Сунчугашевых, Боргояковых, Амзороковых, также рождались крупные шаманы.³⁴

Избранный на шаманское поприще претендент на новолуние теряет рассудок, впадает в состояние транса. Подобное обычно усиливается весной, когда открываются (букв. развязываются) горы и реки, и осенью, когда они закрываются (букв. завертываются). Хакасским обществом запрещалось петь песни на улице весной и осенью, иначе говорили, что познакомишься с горными духами и станешь шаманом.³⁵

Шаманский дар или проявление шаманских задатков носит хакасское название «тинзег». Это слово восходит к глаголу «тинзе-» – падать в обморок, сходить с ума, бесноваться, терять рассудок, убегать в пустынные места и подражать камланиям (в общем, совершать действия, которые связаны с поступками будущего шамана).³⁶ В народе считается, что происходит это от действия духов, ищущих себе хозяина.

Становление шамана связано с началом его близкого общения с духами-тёсями. Избранник духов испытывает болезненное состояние, которое хакасами определяется выражением: «хамны тѳзі пасча» – кама давят его тѳси. Подобное представление бытовало среди северных алтайцев и телеутов. Исследователь этнографии Южной Сибири Н. П. Дыренкова отмечала: «Призыв к шаманскому служению обнаруживался особым приступом «шаманской болезни», который осмысливался телеутами как принуждение духа – «тѳс пасчат» – дух давит, т.е. наступает на избранного им. ... В этот период шаман назывался «паскын кам», т.е. букв. – «принуждаемый, давимый шаман».³⁷ Будущий адепт оказывался бесильным перед волею духов.

Шаманская болезнь или шаманский дар среди хакасов имеет параллельное название «Ыргаґ» – букв. воздействие духов на будущего шамана. Слово восходит к глаголу «Ырга-» – испытывать, исследовать, донимать, изучать. Человека, обладающего задатками шамана, духи-тѳси подвергают испытанию (тѳстері Ыргаґча). Он бьется в судорогах от донимающих его духов.³⁸ Таким образом, люди, получающие шаманский дар, теряют рассудок, болеют по нескольку лет. Например, шаманка Коче Арыштаева три года сходила с ума под действием духов. Она не хотела идти по шаманскому пути, но вынуждена была уступить их силе. Тѳси достались ей по наследству от деда.

Известный шаман Егор Кызласов, прежде чем стать шаманом, болел нервной болезнью семь лет. Шаманский дар он получил в 23 года, а шаманить стал в 30 лет. Сарго Мойнагашева, 1924 г. рождения, стала терять рассудок, когда пошла в первый класс, т.е. в 1931 году. В аале Верх-База, где жили ее родители, школы не было и ее отправили учиться в интернат в Нижнюю Базу за 7 км. Она не помнила, как зимой ночью уходила в горы, где бродила босиком и в одной рубашке. Ее находили школьники по следам на снегу. Сарго приходила в себя после того, как ее находили люди. Каким образом она попадала в горы, она не помнила. Из интерната ее отправили к врачу. Тот все проверил, но ничего не обнаружил, здоровье оказалось нормальным. Врач был хакасом. Он спросил, были ли в роду шаманы. Сарго призналась, что ее прадедом был знаменитый шаман Кечук-кам. Тогда врач попросил учителей отпустить ее из школы, ибо она не сможет учиться. В то время отца уже не было в живых, на руках у матери осталось семеро детей. Сарго отправили домой с надеждой, что может быть какой-нибудь шаман возьмет ее под покровительство. В то время было много шаманов. Но спустя некоторое время, в 1930-х гг., всех шаманов арестовали и отправили в тюрьмы. Шаманов в Хакасии не стало. Поэтому Сарго не прошла курсы обучения. Она мучилась шаманской болезнью более десяти лет. В конце концов Сарго получила шаманские знания от своих тѳсей. Они научили ее молитвам, обучили обрядам. Ша-

манить она стала в 1953 г. после смерти Сталина, т.е. в 29 лет. Теперь Сарго считает, что перед своей кончиной надо собрать всех своих тэсей и закрыть в горах, чтобы они не достались детям, ибо не хочет передавать наследникам тяжелую судьбу избранников духов. Тэси для человека являются мучительным бременем (ирееліг ниме).³⁹

Согласно рассуждениям известных шаманов Хонгорая, на шаманский путь (хам чолы) надо становиться до тридцатилетнего возраста. После исполнения тридцатилетия новый кам сумеет получить знания, но от его деятельности не будет большой пользы.⁴⁰

Избранник, подвергающийся проверке тэсей, испытывает страшные муки и боль. Тэси исследуют его плоть и кровь, выясняя физическую полноценность. Подтверждением избранничества шамана служит наличие лишней кости «артых сёёк», которая представляет особую отметину Ирлик-хана.

При шаманской болезни избранник живо переживает смерть. Духи отводят его в специальное место испытаний «пастанар чир» (букв. начинающаяся земля), которое, вероятно, находится во владениях Адам-хана. Ему видится, как тэси сначала отделяют мясо от костей и расчленяют его тело. Отрезав голову, откладывают ее в сторону. Отделенная голова не теряет способность видеть и слышать. В иллюзорном мире духи-тэси проверяют легкие и сердце, отделяют по суставам кости, расчленяют позвонки, разделяют ребра. Расчленив тело человека, духи пересчитывают все кости его скелета (сан сёёгі). После этого кости толкут в железной ступе и мелют их на каменной мельнице. Затем эту массу пропускают через медное сито и находят лишнюю кость – символ шаманского предначертания. Если кость «артых сёёк» найдена, это значит, что претендент имеет право встать в ряды неофитов. После этого шла процедура восстановления. Кости шамана соединяли, наращивали плоть и, в заключение, новоявленного «варили» в черной смоле в бронзовом котле до полного «созревания» (хам айналарына, тётстеріне пызырча). В результате происходило закрепление восстановленного тела («кёзікче» – букв. затвердение).

Во сне шаману Егору Кызласову казалось, что его раскладывали на черном столе и тело расчленяли по суставам. Его разделенный на части скелет варили в казане, а грозные черные люди проверяли наличие «лишней кости». Около ложного ребра (сүме хабырга) они нашли круглую косточку. Это и была лишняя кость «артых сёёк» с отверстием в середине, через которое он мог наблюдать сакральный мир. У шаманки Сарго Мойнагашевой духи обнаружили лишнюю кость в локте. Мукулка Боргояков, живший последние годы в Бутрахтах, имел «артых сёёк» внутри бицепса правой руки в виде окостенелого шарика. Наличие кости «артых сёёк» имело сакральное значение и поэтому не подлежало пол-

ному оглашению. В том случае, если лишняя кость «артых сёок» не обнаруживалась, человек признавался не годным для камлания и тёси его возвращали обратно. Если лишняя кость была, но человек не хотел быть шаманом, тёси могли в гневе сделать избранника калекой. Жилы его рук и ног стягивались, и он не мог двигаться.⁴¹

У некоторых людей, призванных стать шаманами, лишняя кость «артых сёок» появляется в юношеском возрасте, т.е. в 15- 20 лет, а у других – в зрелые годы. Встречались случаи, когда лишняя кость проявлялась в преклонном возрасте – лет в 50-60. Например, у Тула Юктешева лишняя кость выросла в 53 года.⁴²

Процесс расчленения костей носит название «сёок сайгарарга» – букв. проверять кости. Руководит данным действием ответственный тёсь под названием «сайгот». Он сам проверяет потомков шаманов и находит лишнюю кость, тем самым выявляя годных к шаманству. Выполнять ответственную миссию «сайготу» поручает сам Адам-хан. В молитвах шаманы его именуют: мой сайгот, исследователь шаманского родословия; мой сайгот – ханский посол и т. д.⁴³

Идентичные обряды инициации существовали в шаманизме большинства тюркских народов Саяно-Алтая. Например, у телеутов духи «варили, будто бы, шамана в особом котле, разрезали его мясо и долго и внимательно пересматривали и пересчитывали его кости. Если у кандидата в шаманы не хватало одной кости, он должен был умереть, если находилась лишняя кость, как бы он ни сопротивлялся, он становился шаманом».⁴⁴ У северных алтайцев если духи-покровители находили у избранника «артых сёок», т.е. лишнюю кость (например, зуб и т.д.), то в таком случае определяли, что этот человек должен сделаться шаманом.⁴⁵

Итак, шаманский дар – «тинзег» или «ыргаг», получали избранные люди, имевшие в своем родословном древе славных предков властителей духов. Получение дара сопровождалось мучительной болезнью, длящейся годами, и обрядом инициации, при котором следовала иллюзорная смерть избранника и возрождение его в новом качестве. Шаманом мог стать только тот претендент, который в отличие от простых смертных обладал лишней костью – «артых сёок», знаком особого предназначения.

1.3. ОБРЯД ПОСВЯЩЕНИЯ

Новоявленного избранника духов, получившего шаманский дар, проверял опытный шаман, который ставил окончательный «диагноз». Если предназначение подтверждалось, то неофита допускали к посвящению на шаманскую службу. Для обучения выбирался опытный и достойный шаман, который становился его наставником. Каким будет учитель – таким будет и будущий шаман. В некоторых случаях, если молодой избранник

оказывался сильнее практикующего шамана, т.е. обладал более значительной армией духов-тёсей, то старый кам отказывался его обучать. Например, так произошло с Сарго Мойнагашевой. Известный шаман Е. Кызласов отказал ей в посвящении, мотивируя наличием у нее более сильных духов-тёсей. При посвящении учитель ученику обязательно должен был вручить на память одного из своих духов-тёсей. Корыстные шаманы, стремясь увеличить легион своих тёсей, наоборот, отбирали у молодых избранников их служебных и охранных духов. Поэтому при неудачном выборе учителя незадачливый ученик лишался своей шаманской силы. Например, злобный шаман Кудестей, живший в Усть-Парной, забирал тёсей у молодых избранников духов.⁴⁶

Практика обучения молодого неопита шаманскому делу или посвящение на службу носили хакасское название «хам чолын пастатханы» – открытие (начало) шаманского пути, или «хам пастирга» – проводить начинание шамана. Аналогичное название «хам башгаар» – букв. начинание, т.е. обучение шамана вместе с шаманом-наставником, существовало в Туве.⁴⁷ Ученик, проходящий обряд посвящения в шаманы, а также начинающий шаман именовались «наа паспах» – новая поступь, или «наа пастах» – новое начинание. Их камлание считалось действенным, ибо новые духи-тёси были свежими и сильными. Учитель начинающего шамана носит прозвание «пастаан ада» – ведущий отец, или «хам пасчызы» – шаманский вождь. Женщин обучали шаманки, которых называли «пастаан ине» – ведущая мать. Без посвящения под руководством учителей начинающий избранник духов не может стать истинным камом.⁴⁸

Молодого кандидата «наа паспах» направляют на истинный, но тяжелый путь «хам чолы» – букв. шаманская дорога, старые и опытные шаманы, которые выступают проводниками – «чоллаачы» («чол пастапчалар» – прокладывают путь, «алнын чолын ачыпчалар» – открывают впереди путь). В дальнейшем в своих молитвах шаманы обязаны были указывать имена своих учителей и притягивать при камлании их тёсей. Например, у Подось Ульчугачевой была учителем шаманка Киндир Пиджир-ине, у Кислеп-кама – шаман Хыпчыгай-ада, у Ефима Саражакова – сильная шаманка Кам Обдых и т. д.

Обучение молодого шамана проходило уединенно в горах, в течение от одного до трех месяцев. Посвящение проходило или на родовых горах или в священных местах. Например, за озером Хара-коль находилась возвышенная сопка «Агыл-Кёгиль тигей», где кызыльские шаманы проходили курсы обучения.⁴⁹ Возвышенности с идентичными названиям «Агыл-Кёгиль тигей», расположенные на Алтайских хребтах, неоднократно отмечаются в героических сказаниях. Они являлись сакральным местом захоронения великих ханов.⁵⁰ В некоторых случаях обучение было коротким, длившимся от трех до девяти дней, ибо практически основные каноны шаманизма хакасы знали благодаря участию в камланиях

Кроме того, согласно народному представлению, молодого «наа паспах» доводят до ума его тёси. Под руководством учителя-наставника заучивались шаманские гимны – «ахсаньс» и стихи – «кибел», необходимые при определенных обрядах. В завершение обучения проводился праздник «наа паспах хам тойы». В начале XX в. Е. Яковлев отмечал: «Начинающие шаманы проходят нечто вроде школы под руководством опытного шамана (курс обучения состоит в выучке слов молитв, произносимых по тому или иному поводу, и в точном усвоении ритуала культа) и только тогда посвящаются на особом празднике (той бакшы хам) в звание самостоятельного шамана. Во время празднества оба шамана шаманят, что кончается нередко жестоким припадком падучей у молодого».⁵¹ Анонимный автор XIX в. писал о хакасских шаманах: «Все шаманы учатся кам-лать у старых камов и для этого ходят несколько времени по горам, где созерцают того духа, который покровительствовал их роду, держа при этом в руке шкуру с платком и выкрикивают те слова, которые употребляются при шаманстве. Сначала камлание начинается с платка (чагалыг хам – Б. В.), потом с орбы (орбалыг хам – Б. В.) и, наконец, с тюря (түүрлэг хам – Б. В.). Все это разделено у них по годам».⁵² Аналогичные обряды обучения существовали у бурят. Г. Потанин писал, что один «из старых шаманов приглашается по выбору ставленника быть его отцом; правило требует, чтобы старый шаман, которого молодой зовет отцом, зависел от тех же духов, от которых зависит и посвящаемый. Два эти шамана, старый и молодой, связываются вместе и камлают в одно слово, в один жест. Посвящаемый шаман и тот, который назван его отцом, имеют на головах белые шапки с шелковой красной кистью, так называемую «зала». Эти то «залы» и связаны у шаманов. Процедура посвящения длится девять суток, и из них в течение трех духовные отец и сын остаются связанными».⁵³

Судьба шаманов была нелегкой. Тяжелая участь избранников духов толкала некоторых из них на отречение от шаманства. Среди хакасов бытовало высказывание: «Хам полганча хап-хал таа халган ползам» – Лучше бы я остался последним «халом», чем быть шаманом. Молодые люди, получившие шаманский дар, могли отказаться от звания шамана и попросить учителей закрыть их духов-тёсей в горах. В таком случае над ними совершали обряд закрытия духов «тёс пиктирге». Проводилось специальное камлание, где старый шаман забирал вызванных духов, вбивал их в бубен и отправлял за пределы Хонгорая. Он мог увезти его духов – «сайготов» в Черную Монголию и закрыть в монгольских скалах. Но, как правило, их отправляли в северные страны. Шаманы устремлялись вниз по течению Енисея до Северного Ледовитого океана, где имеется мифическое Черное море. На его дне в Черных скалах запирались тёси. Однако через определенное время замки ржавели, ослабевали, и духи,

вырвавшись на свободу, опять захватывали выбранного ими претендента в шаманы. Избранник опять начинал болеть до тех пор, пока в результате камлания тэсей снова не закроют в горах. Так периодически продолжалась вся жизнь.

Иногда в случае отказа от шаманства тэси угрожали избраннику лишить его жизни. Когда, например, Г. Юктешев отказался стать шаманом, то его тэси – черный богатырь «хара алып», черная женщина «хара хат», два черных орла подхватили его душу и принесли на неведомую отвесную скалу, вершина которой упиралась в облака. Они несколько раз бросали его со скалы и подхватывали у земли. Они мучили его до тех пор, пока Т. Юктешев не согласился стать шаманом.

Часто шаманам не удавалось полностью исполнить просьбу молодых избранников о закрытии тэсей. Например, когда у чайзана Варлама Шосва заболела шаманской болезнью дочь, то по отцовской просьбе обучающий шаман попробовал закрыть духов в горах. Однако шаманские задатки у наследницы остались, и она стала «чаланчиком», камлающим при помощи обмахивания одежды (чагалыг хам).

Шаманы, обладающие хищными духами, становились губителями человеческих душ и назывались «чек хам» – пожирающий шаман. Подозреваемые шаманы с аналогичным названием «чээк хам» имелись и среди тувинцев.⁵⁴ Если объявлялся «наа паспах» с задатками пожирателя человеческих душ, то великие шаманы старались закрыть его злобных тэсей (чек тэс) в горах. Если закрыть духов будущего пожирателя «чек хам», то он потеряет свой дар. Однако полностью шаманские задатки – «төстөөн төстер» сильного кама замуровать невозможно. После проведения ритуала закрытия «тэсей» шаманы «чек хамы» становились «чаланчиками» – т.е. мелкими служителями духов, лечащими людей обмахиванием одеждой. Например, могущественная шаманка Соко Котожекова из Белого Яра предвидела, что ее сестра Таптис Котожекова станет чек-хамом. Она совершила обряд закрытия ее тэсей в горах, после чего Таптис стала «чаланчиком». Также поступил шаман Котой Сарлин. Он узнал, что заболевшая шаманским даром Чончик Картина станет «чек хамом». Котой Сарлин закрыл ее тэсей в горах и она превратилась в «чаланчика».

Закончив курс обучения, учитель проводил завершающий обряд, на котором отводил своего ученика к мифическому патрону всех шаманов Адам-хану, дворец которого «хам ордазы» находился в Саянах (на горе Борус, или в верховьях Абакана на горе «Хам адазы Хара тасхыл»). При камлании помощниками выступали семь дев и девять юношей. В качестве реквизитов для кормления Адам-хана в сагайской части Хонгорая готовили семь хариусов, девять теертпеков (вид блинов из пресного теста, отваренных в мясном бульоне и разрезанных в форме квадратов 10х10

см.), три кадки пьянящего напитка абыртха и одно ведро араки для угощения гор на пути к Адам-хану. Шаманы угощали не все горы, а только высокие, достойные внимания.

Будущий адепт «наа паспах» должен был пройти испытания на трудном пути к Адам-хану – главе всех шаманов данного рода – за получением наставлений и атрибутов, бубна и орбы. Кам, не побывавший у Адам-хана, не может стать полноценным шаманом и даже теряет право быть им. Начинаящий шаман первый свой путь к Адам-хану совершал под руководством учителя, который помогал ему созывать духов – тёсей, проводил через опасные места, останавливал, когда молодой кандидат забегал вперед. Духов-тёсей при камлании они призывали одновременно. По дороге духовный наставник и ученик останавливались около устья реки Аны, перед большой черной скалой «Юттиг-тас» с отверстием для прохода шаманов, совершая возлияние вином. Пройдя сквозь отверстие скалы «Юттиг-тас», путники останавливались у большого черного камня «Хам харацаң хара тигей» – камень обозрения шаманов. Эта черная скала стоит в водах Верхнего Абакана и представляет опасную зону. Завистливые шаманы здесь устраивали засады с намерением уничтожить соперников. Поэтому каждый молодой шаман, останавливающийся здесь, зорко оглядывался вокруг, дабы не быть внезапно застигнутым врагом. Для того, чтобы обезопасить себя во время остановки, на камне «Хам харацаң хара тигей» шаманы перекуривали, превращая выпущенный дым в туман, скрывающий их движение. Затем они делали остановки около устья р. Матур на горе Хан-Хооргыс и на горе Хан-Сын. Только после преодоления указанных гор они приближались к месторасположению дворца Адам-хана, на подходе к которому усложняются дорожные преграды «поолта». На обочине дороги находился валун величиной с корову, называемый «хамнар хапчаң хара тас» – т.е. черный камень, понимаемый шаманами. Молодой шаман должен испытать свою силу, поднимая черный валун словно гирию. Теперешние шаманы, как свидетельствовал Т. Юктешев, не только поднять, но даже пошевелить его не могут. Черный камень «хамнар хапчаң хара тас» угощали аракой. Затем путникам дорогу преграждало широкое поле, заросшее колючими кустарниками. Для преодоления нового препятствия «поолта» приходили на помощь тёси. Духи молодого шамана в виде огромной черной птицы Хан-Кирети и двух ханских орлов переносят его через колючее поле. За колючим полем встает гора Пулан-таг. Она высокая, без растительности, вершиной упирающаяся в белые облака. Гора Пулан-таг земному человеку не видна. Она предстает во всем величии только перед шаманами и его духами-тёсями, а также видна душам умерших людей – «узютам», которые следуют в царство мертвых. За Пулан-тагом в истоках Большого Абакана

стоит величественный Черный тасхыл, к которому сходятся все остальные горы. Внутри Хара-Тасхыла находится резиденция Адам-хана.⁵⁵

Успешно преодолев все преграды, представший перед взором Адам-хана посвящаемый воин-неофит получал от главы шаманов необходимые атрибуты. В том случае, когда молодой избранник духов не сумел пройти препятствия «поолта», его шаманский век будет коротким (чöрiм чо). Он не имел права носить костюм и пользоваться ритуальными инструментами. Только после посвящения «наа паспах» глава всех шаманов Адам-хан мог дать ему разрешение на приобретение необходимой атрибутики.

Вероятно в древности после обряда посвящения на службу Адам-хану существовал обряд возведения в должность шаманов. Подобный ритуал сохранился среди бурят. «Существенная часть обряда заключается в понимании шамана на войлок. Этот обряд называется: бо бегде, то есть шаман вознесся. Шамана ставят на войлок, поднимают на воздух и подносят к девяти воткнутым в землю деревьям; посвящаемый шаман соскакивает с войлока на вершинку крайнего деревца. По верхушкам деревьев, держа в руке, он обегает их быстро вокруг три раза и снова вступает на подстиленный войлок. После этого обряда шаман начинает камлать, ворожить и лечить, но еще без бубна».⁵⁶ Церемония возведения в должность шаманов в шаманизме, возникшая еще в первобытных недрах, уже в эпоху средневековья была внедрена в тюрко-монгольских государствах и для интронизации ханов. Например, инаугурацию Чингис-хана на трон монгольской империи проводил его великий шаман Кокочу тэб-тенгри. Высшие сановники усаживали наследника на престол на белый войлок и девять раз по движению солнца обносили его вокруг ритуального жертвенника.⁵⁷

От рода новоявленного шамана духи требуют жертвенный выкуп «тэ-лыг». Избранничество не давалось даром. Жертвами должны стать семь или девять сородичей, души которых идут на съедение духам. Однако шаман взамен людей предлагал души лошадей. Шаманисты считали, что у человека и коня душа единая, поэтому души этих животных могли заменить людские. После обряда посвящения молодого шамана забивали жертвенную лошадь в честь Адам-хана.

В советское время молодые шаманы, избранные духами, не могли пройти обучение, ибо учителя-наставники сгинули в тюремных застенках. Страдающие муками шаманской болезни и боясь общественно о презрения, они отрекались от шаманизма, но, не выдержав испытаний, погибали. Некоторые из них, не пройдя посвящения, становились мелкими шаманами, не имевшими снаряжения, т.е. были без костюмов и бубнов. Шаман без всяких атрибутов носил название «тик хам» – т.е. простой шаман.⁵⁸

В 30-е гг. XX в. все крупные шаманы были отправлены в ссылку, и многие из них нашли свой последний приют. Среди хакасов ходит миф о

том, как в 1937 г. всех сагайских шаманов собрали в одно место и решили сжечь. Ночью, когда служители духов спали, тойманы (комиссары) подожгли дом. Однако одна искра далеко отлетела от горящего здания и скрылась. Это духи-тёси шамана Аркута Сунчугашева вытащили его из пламени. Он сумел живым вернуться домой. Когда за ним пришли опять, то увидели, что вместо одного Аркута в юрте сидят три одинаковых человека. Милиционеры удостоверились в его чудодейственной силе и не стали больше трогать.⁵⁹

Некоторые шаманы, как, например, Коче Арыштаева, Ефим Саражаков, Егор Кызласов, вернувшись в 1940–1950-е гг. на родину, дали письменное отречение или ушли в подполье. Таким образом, при Советской власти было покончено с «паразитическим» сословием камов. Егор Михайлович Кызласов, 1885 г. рождения, из ссылки вернулся в 1942 году. Коче Арыштаева (Анна Петровна) была сослана в 1929 г. Перед этим в 1928 г. она сдала уполномоченному Чебаковского РИК Гарбузову шаманский костюм, бубен и обечайку от старого бубна. Согласно обвинению «А. П. Арыштаева только в 1928 г. сдала шаманский костюм и не стала заниматься шаманством, что не может служить доказательством несомненного отречения Арыштаевой от религиозно-культовых убеждений».⁶⁰ Она вернулась из ссылки домой только в 1950 году.

В настоящее время можно насчитать около десятка человек, относящихся к потомкам наследственных шаманов. Но никто из них из-за гонений Советской власти не прошел обряд обучения и посвящения и не имеет специального облачения и атрибутики. Можно констатировать, что традиция посвящения и обучения основам шаманизма в Хонгорае окончательно погублена, поэтому нет ныне ни учителей, ни учеников.

1.4. ОБРАЗ ЖИЗНИ ПОСВЯЩЕННЫХ

Необычный дар, которым обладали шаманы, порождал сказы об их чудесах, подвигах, победах и поражениях, передававшиеся из поколения в поколение. Рассказы о великих камах, обладавших девятью бубнами, из которых последний (младший) являлся бронзовым, встречаются в ранних хакасских мифах, легендах и даже героических сказаниях. Образ главного, возможно даже первого, шамана (обычно это или пожилая женщина, или молодая дева) в фольклоре хакасов, как правило, связан с именем Палабан-кама (Палабар, Палагыр, Парамон, Паламор). Так, например, в мифах о белоглазом народе «ах харах», построившем курганы в степях Хонгорая, повествуется, как люди чтили своего великого шамана Палабан-кама. Они обратились к нему, чтобы он выяснил, почему на их земле выросла белая береза. Палабан-кам, владевший девятью бубнами, камлал в течение девяти ночей. На девятую ночь, камлая девятым маленьким

бронзовым бубном (хола түүр), он выяснил, что белая береза является символом власти Белого хана. Вместе с березой в долину Среднего Енисея придет его правление.⁶¹

Согласно мифу «Хара-Сарыг», фольклорный герой, сын ханши Хара-Сарыг, оказался в стране духа-болезни Оспы. Однажды он, блуждая по тайге Восточных Саян, перевалил через Пестрый хребет – «Ала-сын» и спустился в белую степь. Весь пасущийся в степи скот оказался пестрой масти (ала мал). Люди страны пестрого скота не замечали присутствия сына ханши Хара-Сарыг. Он оказался для них невидимым. Когда царевич зашел в прекрасный дворец и увидел красивую девушку, то не выдержал и поцеловал ее. Та сразу скончалась. Народ страны Пестрых коней решил пригласить могущественную жрицу Паламор-кам, имеющую девять бубнов, чтобы выяснить причину напасти. Шаманка Паламор-кам на девятую ночь камлания сказала: «Из солнечной земли появился гость, который нас поражает чужим духом». Присутствующие люди закричали: «Откуда он пришел, туда же пусть уходит!». Она не смогла справиться с ним в течение восьми ночей камлания. Когда шаманка Паламор-кам на девятую ночь взяла свой младший, девятый, медный бубен, сын ханши Хара-Сарыг потерял сознание. Он очнулся у себя в усадьбе. Шаманка «вбила» его в свой бубен и вынесла из страны Пестрых коней. Вместе с сыном ханши Хара-Сарыг была отправлена и девушка, которую он умертвил своим поцелуем. С тех пор в Хонгорай стали приходить «невидимые гости» из страны Пестрых коней и появилась болезнь – оспа. Если бы царевич Хара-Сарыг не оказался в той стране, то никогда не было бы оспы в нашем крае.⁶²

В легенде «Похты-Кирис» богатырскую сестру главного героя по имени Погана-Арыг оживляет старая шаманка Паламур-кам (в вариантах – старик Парамон), имевшая девять бубнов. Она, обернувшись быком-маралом с сорока рогами, привезла оживленную ею богатырскую деву Погана-Арыг домой и выдала ее замуж за своего сына Хара-Педекей (в вариантах – Хара-Метегей).⁶³

В героических сказаниях великий шаман «Паламон-кам» о девяти или семи бубнах, предстает как отрицательный герой, вредящий богатырям. В некоторых сказаниях шаманские персонажи, соответствующие Паламону, носят имена «Чингис-кам» или «Толай-кам». Например, в героическом произведении «Ай мичикнез Күн Мичик» описывается: «Шаман Чингис-кам, имеющий семь бубнов, путешествует среди облаков. Он, находясь среди облаков, беснуется и сильно бьет во все семь бубнов. Повелитель духов Чингис-кам о семи бубнах, всю силу богатыря Ай-Мичик забрал себе».⁶⁴ Шаман Толай-кам из сеока сарыглар обладал девятью бубнами. Девятый бубен – «хола түүр» у него был сделан из бронзы.

Толай-кам обитал в верховьях Абакана в местности «Сарыг-тайга», где находилась страна умерших душ – «узютов».⁶⁵

Вероятно, в имени «Палабан» (Паламар) заключается особый смысл. Мы склонны отнести это имя к древнетюркскому слову «барман» – буддийский брахман. Проникновение буддизма на берега Енисея отмечено в письменных источниках еще в эпоху Кыргызского каганата. С другой стороны названия могущественных шаманов «Чингис-кам» и «Толай-кам» можно отождествить с великим завоевателем мира Чингис-ханом и его младшим сыном Тулуем.

Другим именитым шаманом в хакасских легендах выступает Чалбарт. В далекие времена лучного боя (охчаа тузы) в верховьях Абакана на Большом лугу, на территории нынешнего города Абазы (в вариантах – в Арбатах), под скалой Сарыг-хая жил известный шаман Чалбарт из сеока сарыглар. Он обладал девятью бубнами, из которых девятый был бронзовым (хола түүр). В те же времена в долине реки Табат проживал богатырь по имени Полчек (букв. Волчонок). У него был могучий сын, прославленный в борцовских поединках. Охотничьи угодья Полчека находились в двух местах – в верхнем течении Табата на белом солончаке и в устье Табата на черном солончаке. До сих пор в этих местах имеются горы, названные в его честь «Полчек таг» (т.е. гора Полчека). Чалбарту не давала покоя слава сына Полчека. Он решил вызвать на поединок юного богатыря, дабы в состязании продемонстрировать свою мощь. Чалбарт приехал в долину Табата, где они условились померяться силой в борьбе на кушаках. По договору проигравший обязан был отдать своих подданных людей другому. Первый бросок сделал Чалбарт. Но сын Полчека не упал. Затем юный богатырь схватил шамана за кушак и переброшил через себя. Чалбарт упал и сломал бедро. После этих состязаний слава богатырского рода Полчека загремела по всему Хонгораю. Шаман Чалбарт, обладавший черными духами-тёсями, в злобе возвратившись домой, стал вынашивать мысль о мести богатырскому роду Полчека. В течение девяти дней и ночей он в своих мистериях иступленно собирал шаманские силы. На девятую ночь, когда он стал камлать бронзовым бубном, то поразил своими духами сердце сына Полчека. Юный богатырь скончался.

В это время не ожидавший беды старший богатырь Полчек возвращался после охоты домой. На горе Силбер-таг он увидел трех бегущих косуль. Не долго думая, Полчек схватил саадак (ох-саадах), натянул лук и выстрелом убил наповал трехого самца косули с золотыми рогами. Сразу он почувствовал недомогание и, немного погодя, замертво свалился на вершине своей горы Полчек. В трехом самце косули с золотыми рогами находилась душа богатырского рода. Полчек своей стрелой поразил собственную душу. Так шаман Чалбарт расправился с процветающим родом Полчека.⁶⁶

Великий шаман Чалбарт имел большую семью. У него было девять женатых сыновей и соответственно девять невесток. Однажды, когда наступил голодный год, Чалбарт принял решение спасти свой род сарыглар. Он приготовил девять торсуков араки, сказал, что отправится к горным духам (по другому варианту – поднимется к Ульген-хану) и от них принесет пищу. Чалбарт посадил свою многочисленную родню в юрте и начал камлание. Перед этим он предупредил: «Через дымовое отверстие юрты с неба будут сыпаться кедровые шишки, но до тех пор, пока не закончится шаманство, никто не должен прикасаться к ним!». Когда посыпались шишки, и юрта заполнилась дарами тайги, младшая невестка, сидевшая у порога, не выдержала. Она спрятала под полую большую шишку, исподтишка вытащила орешек и тихонько его раскусила. В тот же момент в юрту ворвался вихрь, закрутивший в диком круговороте шамана и все шишки. Таежные дары вместе с Чалбартом вылетели через дымовое отверстие. Над крышей юрты мрачно прозвучал его рассерженный голос: «Нельзя нарушать запреты духов. Трагедия произошла не по моей вине, а по вашей». Сам Чалбарт с бубном и жезлом со страшной силой был вбит в скалу, на которой и ныне виден его отпечаток. Теперь эта скала носит название Чалбарт (по-русски – Чалпан) и является родовой горой сеока сарыглар. С тех пор среди его потомков прервалось шаманское наследство. Камы других родов во время камлания, доходя до горы Чалбарт, не совершают ей кропление вином. Если выполнить обряд угощения напитком, то шаман долго не проживет, ибо гора забирает жизненную силу. В последний год мира кам Чалбарт выйдет из горы и спасет свой сеок сарыглар.

Младшим сыном Чалбарта был Сагал, от которого произошла фамилия Сагалаковых. Один из правнуков Сагала по имени Кокетей переселился в долину Табата и стал жить в устье реки Киндирла. Его сын Атыкай был отмечен горными духами, которые передали ему в наследство тёсей Чалбарта. Атыкай стал простым шаманом, без костюма, шаманского бубна и жезла. Перед своей смертью Атыкай сильно мучился. Он, согласно обычному праву, попросил своего младшего сына Павла принять в наследство его народ – «тёсей». Павел не согласился. Тогда все братья стали его уговаривать взять духов отца, иначе тёси не отпустят Атыкаю и он долго будет мучиться на этом свете. Павел пришел к отцу и сказал: «Я взял твоих духов». После чего Атыкай сразу скончался. Павел стал не только шаманом, но и крупным сказителем «хайджи». Камлал он без бубна, опахалом «чилбег». Когда стал умирать Павел, он также стал сильно страдать. Его жена, сидевшая рядом, сказала: «Павел, ты не мучайся. Подними своих тёсей и закрой их в горах». Павел закрыл тёсей. Накануне смерти предупредил, что среди его детей не родится шаман. И ныне шаманские задатки появились лишь у Тыбыа (Алексея) Сагалакова, сына его младшей дочери Феклы.⁶⁷

Основатель сеока киджин Пюрюстей, происходящий из рода шорских шаманов, стал камлать в семилетнем возрасте. Когда он стал призывать своих тёсей, явившихся к нему во двор в образе разных таежных зверей и птиц, то его сородичи, несмотря на предупреждение Пюрюстей, стали их отстреливать. В результате нарушения запрета горные и речные духи прокляли род киджин, произнеся: «Не достигнув сорока лет, будете погибать, не достигнув тридцати лет, будете умирать». С тех пор представители сеока киджин долго не живут.

Сын Пюрюстей по имени Кам Падас унаследовал способности отца и стал крупным шаманом. Он жил в начале XVIII в. От Кам Падаса родились два сына Тохаях и Ачытай, основавшие фамилии Токояковых и Ачитаевых. Внук Ачытая Умнак родился в 1784 г., внук Тохаяха Бадаш родился в 1789 г. Со времени рождения Кам Падаса прошло семь поколений, но в их роду киджин, в силу проклятия, больше не появлялись шаманы.⁶⁸

Некоторые известные шаманы участвовали в защите своего отечества от нападения вражеских войск. В верховьях Уйбата по реке Кискач (в вариантах – в долине Аскиза у подножия горы Аар-таг) имел свою ставку знаменитый шаман Эпчелей из сеока том-сагай. Однажды со стороны р. Томь появился неприятельский отряд. Эпчелей вместе со своими сыновьями и племянниками в истоках р. Терен-сук устроили засаду на врага. Они укрылись с двух сторон лога. Во время перестрелки с неприятелем стрела, выпущенная племянником, случайно пробила грудь Эпчелей. Согласно другому варианту, внезапно с неба спустилось огненное пламя, отскочившая искра которого прожгла грудь Эпчелей. «Я не защитился броней своего шаманского костюма и поэтому поражен стрелой шорского кама. До появления звезд на небе еще буду жить, а как только появятся звезды, скончаюсь», – сказал Эпчелей. После смерти сыновья похоронили своего отца на высокой горе, которая получила в его честь название – Эпчелей-Тасхыл (в вариантах – Хам-Тасхыл, т.е. Шаманское Белогорье). Они установили каменные столбы, на которые водрузили каменный саркофаг. От саркофага до подножия Эпчелей-Тасхыла они сделали дорогу из каменных ступенек. Перед своей кончиной Эпчелей приказал сыновьям отрезать у него два больших пальца рук и захоронить в злосчастном логу. Он заявил: «Если на годовщину моих поминок из моей костной основы вырастет березовая роща, то хакасы будут счастливо жить на этой земле, если же лог засохнет, то хакасы не выживут». Через год, когда люди пришли отметить последние поминки Эпчелей, то увидели непроходимый березовый лес. Значит, будет жить хакасский народ! От Эпчелей происходит фамилия Абжилаевых, среди которых самым известным шаманом был Полит Абжилаев.⁶⁹

Между шаманами происходила постоянная вражда не столько за поле деятельности, сколько из чувства мести и соперничества. Они всегда го-

товы были биться насмерть в дуэлях. По этому поводу говорится: «Хам хамга хынмас, пай пайга хынмас» – Шаман не любит шамана так же, как бай не любит бая. Если оказывалось, что два крупных шамана жили рядом, то они при помощи своих тёсей состязались до тех пор, пока один из них не «съедал» другого. Подобная ситуация наблюдалась и в других регионах Саяно-Алтая. Например, по поверью тубаларов, враждующие между собой шаманы часто вступали в смертельные поединки при помощи своих духов. При этом побежденный шаман умирал, а из бубна его вытекала кровь.

Хакасы смерть шамана сравнивают со смертью хищной птицы, говоря: «хам өлімі – хартыга өлімі» – т.е. смерть шамана, что смерть ястреба. Исследователь Иорданский в свое время отметил, что хакасский шаман никогда не умирает естественной смертью, так как другой шаман убивает его с помощью гор, а духов, служивших умершему, запирает в каком-нибудь тайном месте. Духи находятся в заточении до тех пор, пока новый шаман из рода убитого не освободит их». ⁷⁰ Исследователи хакасской этнографии отмечали, что шаманы весьма редко доживали до глубокой старости, а все умирали в цветущем возрасте.

Между собою шаманы бились в поединках, не зная мирной жизни, жили словно кошка с собакой. Они называли друг друга «хан көріспес харындас» – ненавидящие братья (букв. родную кровь ненавидящие). Хакасы говорили про них: «пачазы чох адай, чүрегі чох абаай» – т.е. собака не имеет свояка, старший брат (т.е. шаман) не имеет сердца. Во время дуэлей камы нападали друг на друга, нанося поражающие раны стрелами и мечами, которые входили в набор их атрибутов. При помощи духов-тёсей шаман может или убить противника оружием, или умертвить, похитив его душу «пугра», или отнять его наследственных духов. В Хонгорае встречаются каменные изваяния, считающиеся окаменевшими шаманами. Например, недалеко от аала Нижняя База среди горного массива Саартаг находится каменная баба под названием «Хам атхан козее» – Стела застреленного шамана. Она изображала, якобы, хакасскую шаманку, убитую в поединке тувинским камом. Голова ее отбита и утрачена. Высота сохранившейся части 109 см. Круглой скульптурой передана фигура человека, держащего у груди в обеих руках небольшой узкогорлый сосуд. ⁷¹ Изваяние «Хам атхан» относится к незначительному количеству каменных скульптур Хонгорая, сохранившихся с древнетюркских времен.

Если в битве погибали оба шамана, то их тёси оставались на месте поединка. Например, в устье реки Курлек, где она впадает в Таштып, около Кызылсука, однажды сцепились и погибли в схватке два шамана. Один из них был шорский шаман, а другой хакасский из аала Бор. На месте побоища остались их следы в виде двух длинных траншей. Ныне траншеи

носят названия «хам сиден» – шаманская поскотня или «ікі хам тудусхан чир» – место битвы двух шаманов. Здесь на месте дуэли остались тёси двух шаманов, которые ночью камлают в образе двух черепов.

Хакасы были уверены в превосходстве женщин шаманок над мужчинами, ибо их способности считались намного большими. Например, однажды Подось Тайдонова, последняя великая кызыльская шаманка, была поражена внезапным выстрелом сагайского кама. Она сама осталась едва живой, но ее сына сагаец «съел». Шаманка Подось решила отомстить и отправилась по следу сагайского кама. Достигнув его селения, она обнаружила шамана, спящего в юрте. К двери была приставлена метла из колючего золотарника. Веник из колючих кустарников – шиповника, золотарника и боярышника – прекрасный страж дверей, который никого не пропускает. Шаманка попробовала пройти через дымовое отверстие, но там охраняла юрту богиня огня «От ине». Подось стала умолять стражников ее пропустить. Дух-хозяин веника не поддался на уговоры и не пустил, но дух-хозяйка огня разрешила пройти. Подось увидела, что сагайский шаман спит пьяный вместе с семилетним сыном. Одной стрелой она поразила обоих. Подось Тайдонова осталась удовлетворена мостью.⁷²

Против злых сил хакасы ставили у порога веник «сыбыргы», сделанный из колючих кустарников – шиповника, боярышника или таволожника. По своей силе метла из таволожника равнялась шаману с девятью бубнами. Если шаман хотел проникнуть через дверь в юрту со злыми намерениями, то колючий веник, стоявший на страже при входе, не пропускал его. Например, в аале Усть-Киндирла жил шаман Оолах Кузугашев. Однажды к ним в селение пригласили шамана Ныспан-кам Чебодаева из аала Кунре. Во время камлания Ныспан-кам решил отправиться к Оолах Кузугашеву, чтобы «съесть» его детей. Шаман Оолах, узнав о появлении злобных сил неприятеля, спрятался за колючий веник у дверей. Ныспан-кам при всем старании не смог к нему подобраться. Шаман Оолах из-за веника сумел выстрелить из своего шаманского лука в неприятеля. Пришедший из аала Кунре шаман Ныспан-кам с криком «хош-ханах» испустил дух.⁷³

Шаманы могли зимой проплыть подо льдом большие расстояния, сохраняя в своем теле необходимое тепло. Например, однажды знаменитого кама Кечука, слепого от рождения, зимой пригласили в какой-то койбальский аал. За камлание ему дали плату «асты» деньгами. Домой его сопровождал один человек, задумавший недобрый поступок – отобрать у него деньги, а самого утопить. Когда они стали переходить реку Абакан, то поводырь столкнул слепого Кечука в бурлящую полынью, а сам с отобранными деньгами пошел домой. Кечук выплыл через версту из нижней полыни благодаря защите служебных духов-тёсей. За подлый поступок Кечук отомстил поводырю, погубив его душу.⁷⁴

Среди некоторых народов Азии проводились испытания шаманов, которые должны были продемонстрировать свои достоинства в подводном плавании. Так, например, маньчжурские шаманы в разгар зимних морозов «во льду делают девять отверстий (по типу прорубей) и шаман (лиди́мо, обнаженный) должен влезть в одну прорубь и вылезти из второй, влезть в третью и так далее, вплоть до девятой».⁷⁵

Знаменитый шаман Хуу (букв. Лебедь) Абдорин, являвшийся сыном не менее знатного кама Ээгиджох, мог вызывать в засушливые дни дождь и бурю. Если в ясный день он как лебедь затрубит, да нырнет в воду, то небо внезапно затянется тучами и хлынет проливной дождь. Сыном Хуу был Хуурлух, который тоже был известным шаманом.

Шаманы в результате битвы могли отобрать духов-тёсей у других народов. Например, шаманка Коче Арыштаева присвоила духов у побежденной Тайки Шандаковой, после чего та стала простым человеком. Кам Чилтек Арыштаев попытался закрыть духов-тёсей у Коче Арыштаевой. Но Коче выиграла битву и сама расправилась с его шаманскими задатками. Харо Угдыжеков стал шаманом благодаря тёсям, полученным от матери. Тапай Кидиекова (девичья фамилия Амзорокова) из аала Халар стала шаманкой, забрав тёсей Пысхи Амзорокова после его смерти. Она шаманила погружаясь в сон вместе с тёсями на четыре – пять часов. Чапчан Кулемеев из аала Казановка владел большой армией тёсей. После его смерти шаман Ошароп Ахпашев хитростью присоединил к своей армии оставшихся тёсей.⁷⁶

Шаманских духов могли прибрать случайные люди в результате использования главного атрибута – шаманской одежды, где воплощались тёси. Например, в долине р. Ниня жила дева-шаманка Кетир Мойнашева. Сама Кетир первоначально не была избрана духами. Ее родная сестра Майра Мойнашева, рожденная камом, получила шаманский дар. Однажды, когда Майра заболела, Кетир, надев ее одежду, стала шаманить, собирая ее тёсей. Когда тёси «прилипли» к ней, Кетир превратилась в шаманку, а ее сестра Майра, потеряв силы, умерла. Но потом Хандыр Аешин надел шаманский костюм Кетир, притянув ее духов-тёсей, стал нарочно шаманить. Однако после этого случая тёси шаманки Кетир «прилепились» к Хандыру и тот превратился в шамана, а Кетир стала простым «халом». Ее силы исчезли (айыл партыр).

В Хонгорае самыми сильными слыли сагайские шаманы, имевшие непокон веков бубны в качестве музыкальных инструментов. Качинские и кызыльские камы уступали им в битвах. Хакаские избранные духов по своей силе превосходили тувинских шаманов и считались сильнее русских колдунов. Если между ними происходили поединки, то хакаские камы одерживали победы. Однако последние проигрывали сражения шаманам таежных районов Шории (чыс хамы), тёси которых в образе таежных зверей считались могущественнее сагайских. Кроме того, сильнее

хакасских камов представлялись северные тунгусские шаманы (тонгаза хамы).⁷⁷

Однажды в аал Чебаки привезли шамана из Шории (Чыс чир). Услышав эту новость, хромой шаман Ахсах-Тискин Ямандыков, живший на берегу озера Ошколь, решил вступить в единоборство. Отправившись в шаманский путь, он в Чебаках увидел, что шорский шаман в юрте камляет только с двумя духами. «У этого шамана нет силы», – подумал Ахсах-Тискин и через дымовое отверстие выстрелил в него змеиной стрелой (чылан ух). Вдруг вокруг шорского шамана появилось громадное количество духов. Ахсах-Тискин, испугавшись, побежал обратно. Духи-тёси шорского шамана стали его преследовать. Ахсах-Тискин достиг Ошколя и стал просить помощи у духа-хозяина озера. Но хозяин озера Ошколь не помог. Затем кам побежал к священной горе Ыстыгаш, где находилось место укрытия шаманов. Он попросил помощи у духа – хозяина горы. Но и священная гора Ыстыгаш проигнорировала его мольбу. Тогда дух-хозяин маленького озера Кокколь пожалел его и спрятал в своих водах. Шорский шаман, достигнув озерца, стал плавать по нему на берестяной лодке. Увидев под водой Ахсах-Тискина, он насадил его на острогу, как рыбу, и вытащил на берег. Ахсах-Тискин стал умолять шорского шамана пожалеть его. Последний отпустил Ахсах-Тискина, но взамен забрал душу его грудного ребенка. Если бы Ахсах-Тискин не выстрелил в шорского шамана, то тот бы не стал гнаться за ним и ребенок остался бы жив.⁷⁸

Во второй половине XIX в. в долине Белого Июса жил знаменитый шаман Сурас Тачеев из сеока ызыр. Его аал располагался за озером Иткуль на р. Чылыг-суг. Сурас был могучим шаманом и крупным баем. В советское время его сына Мукуса раскулачили и отправили в ссылку. До сих пор за озером Иткуль сохранились поскотни Мукуса.

Кам Сурас заботился о благосостоянии своего рода. Однажды он решил совершить камлание для того, чтобы Тачеевым выпало счастье на ловлю рыбы. Собрав свой род на берегу озера Хазын-куль, он приказал: «До тех пор, пока я не закончу камлание, не вздумайте смотреть в сторону воды». Во время сеанса камлания одна невестка не выдержала и открыла глаза. Глядит, а по водной глади озера Хазын-куль идет кам Сурас и рыба, играя в воде, цепляется за колокольчики и стрелы его шаманской одежды, а он собирает ее в мешок. При взгляде невестки вся рыба ушла обратно в воду. Сурас, остановившись, произнес: «Пусть глаза смотревшего на меня человека выпадут». После таких слов невестка ослепла. Однако до сих пор если Тачеевы ловят рыбу на удочку, то им выпадает удача.

Подобная легенда распространена о кызыльском шамане Ээгиджох Абдорине. Однажды он пошел на рыбалку. Младшая невестка подсмотрела, что Ээгиджох не взял вершу, а пошел только с мешком. Он надел шаманский костюм и шаманские варежки. Зашел в глубокий омут, после чего вышел, а к колокольчикам «хонга» шаманской одежды прилепилось

много рыбы. Как только невестка увидела такое чудо, то вся рыба обратно ушла в реку. Шаман Эгиджох промолвил: «У человека, видевшего меня, пусть два глаза выпадут!». Глаза младшей невестки выпали из глазниц ей в руки.

Великие шаманы Хонгорая могли оживлять своим камланием умершего человека в течение первых трех дней после смерти, т.е. до выноса гроба из дома. Подтверждающим явлением их силы служили разрубленные на три части ветви березы, положенные под порог, которые в случае оживления покойного должны были срастись.

Однажды из аала Тастар приехал Тачеев Хароол, чтобы пригласить кама Сураса к больному. Тот согласился камлать и поехал с Хароолом. По дороге шаман Сурас говорит: «Мы опоздали, больной человек уже умер». Печальную весть сообщили его тэси. Кам Сурас срезал ветвь от верхушки молодой березки, стоявшей у дороги, и разрубил ее в трех местах. «Теперь я вернусь к себе домой и стану камлать дома. А ты как доедешь до аала Тастар, эту березовую ветвь, разрубленную в трех местах, положи под порог. Если ветвь срастется – тот человек оживет, если нет – то не оживет. Никому об этом не говори», – приказал кам. После этих слов шаман Сурас повернул домой.

Доехав до аала Тастар, Хароол положил березовую ветвь к порогу юрты покойного. Через три дня смотрит – дерево срослось. Тогда он зашел в юрту умершего человека, а тот сидит живой. У ожившего сородича спросили, что с ним случилось. «Меня, – говорит, – увели два «сарыга» – посланца царства мертвых. Они меня завели в один дом и встали с двух сторон дверей. На почетном месте за столом сидел хан шаманов Адам-хан. «Для чего этого хонгорца привели? – спрашивает. – Это не тот человек, который нужен. В нашем мире совершается суд над умершими. Но его документов у меня нет. Отведите его обратно», – приказал Адам-хан. Два «сарыга» быстро меня схватили под мышки и привезли обратно. Как только довели до моего дома, то они толкнули меня в проем дверей и я потерял сознание. Когда очнулся, то вижу, что лежу в гробу».

А в это время шаман Сурас, камлая, отправился на поиски души «суне». Он достиг царства умерших душ «узют чир», где по следам дошел до Черной скалы, имеющей двери и дымовое отверстие «түндүк». Когда он зашел вовнутрь, то увидел в дверях стоящего на страже немого беса «айна». Спросив разрешения у дверной стражи «айна», кам Сурас пропустил двух своих тэсей – «кучунов», которым наказал найти душу «суне». «Кучуны» обшарили все углы и схватили один подозрительный предмет. Когда они доставили его к дверям, то немой стражник «айна» жестами показал на их ошибку. Отпустив чужую душу, «кучуны» опять пошли искать нужный объект. Перевернув внутри скалы все подозрительные вещи, они нашли спрятавшуюся под одной травинкой душу «суне». Последняя стала сопротивляться и кричать. Но ее силой доставили до ве-

рей и показали немому бесу «айна». Тот сделал утвердительный знак руками. «Кучуны» пойманный объект отдали в ведение кама Сураса, который душу «суне» доставил домой, «вбил» в тело мертвеца и оживил покойного.

В древние времена шаманы пророчили качинцам, этнической группе хакасов, что за последние триста лет им придется сменить три родины. Первоначальная родина Хум-Тигей находилась в районе современного г. Красноярска на северной окраине Хонгорая. Из-за военных действий с русскими казаками они вынуждены были переселиться в долину Абакана. Со временем, якобы, им придется со второй родины перекочевать на юг, за Саяны, в страну Торбет, где расстилаются пустыни с красными песками. Центр земли Торбет находится в городе Улясутай. Там поставлен, якобы, медный столб, являющийся центром земли. На медном столбе по-хакасски написано: «Торбет – третья родина качинцев, последняя их обитель». Письмена вырезали горные духи. Шаманы, якобы, читали эти пророческие строки и, пугая народ русской колонизацией, вешали: «Наших хонгорцев последняя обитель – «чурт» будет Торбет».⁷⁹

Кам Сурас предвидел, что в XX в. страну Хонгорай захлестнет нахлынувший из других земель разноплеменный народ. Пришедшие люди «должны были носить круглые шапки, лыковые лапти и с ними должны были появиться разные болезни. И стали говорить тогда, что для изгнания их не хватит шаманов; и если даже во всех улусах будут шаманить, то и тогда шаманы будут бессильны прогнать их обратно».⁸⁰ Шаман Сурас решил путем камлания предотвратить будущую беду, но сначала хотел увидеть страну Торбет и Урянхайскую землю, а потом перекочевать со своим народом за Саяны. Во время путешествия он узнал, что около Улясутая живут его соотечественники, ушедшие раньше из долины Абакана и перемешавшиеся с тувинскими женщинами. Они в последний год мира вернутся в Хонгорай и возродят бывшее могущество хакасов. Сурас принял решение оставить свой род в Июсской степи.

Однажды во время гуляния шаман Сурас внезапно со свистом выскочил из-за стола. Один из его духов, под названием «сыгыр тёсь» – т.е. свистящий, залетел в юрту, чтобы предупредить хозяина об опасности. Кам Сурас схватил бубен и побежал к озеру Хазын-куль. Достигнув озера, он нырнул под воду. В тот же момент с неба на него бросился орел, но опоздал и не сумел его схватить. Это великий шаман Митрофан Абумов превратился в хищную птицу, чтобы сразиться с соперником. Он отобрал всех служебных духов-тёсей у Сурас-кама. У последнего остался только свистящий дух «сыгыр тёсь». «Обворованный» шаман Сурас пришел к бегу Ефграфу Спирину с жалобой на кама Митрофана. Он заявил на княжеском суде, что шаман Митрофан забрал весь подвластный ему народ – духов-тёсей. Бег Ефграф вызвал на суд Митрофана и спросил: «Так ли ты поступил с Сурас-камом?». «Да, – говорит Митрофан, – я так сделал. Я

его духов-тёсей замуrowал в горе «Чамыс-Пёзик». Бег приказал вернуть духов-тёсей шаману Сурасу. Кам Митрофан не осмелился возражать начальству и после этого он вернул Сурасу его духов.⁸¹

Административные наказания шаманов применялись и в более ранние времена. Например, во второй половине XVII в. по челобитию качинского башлыка Кубана «был посажен «за пристава» его соплеменник Чиначейко за то, что он «у него, Кубана, прилетев с шайтанами, удавил жену, а доводил на него шаманщик, а шаманщик де сказывал, что служит ему 70 шайтанов, а Чиначейку служат 200 шайтанов». Чиначейко не отрицал, что «шайтаны» ему служат», но не сознавался в своей причастности к смерти Кубановой жены. На четвертый день «за караулом Чиначейку шайтаны удавили».⁸²

Шаманов хоронили отдельно от простых «халов» на вершинах высоких гор воздушным способом. Воздушный способ погребения шаманов носил название «Пулай пурханга кёдиргені» – поднятие к Пулай-бурхану, т.е. божеству, живущему на священной хребте Пулай-сын. В шаманском мире имеется особая земля «Пулай-сын», куда попадали шаманы после смерти. Души умерших избранников духов обитали отдельно от царства мертвых простых людей. Например, местом, куда уходили души умерших шаманов, у кызыльцев являлась гора Онло.

На месте захоронения камов сооружались деревянные саркофаги, называемые «чаян». Они устанавливались на помосте с четырех опор. Деревянный помост, где хоронились шаманы или убитые молнией люди, носил названия: «сартах» (бельтыры), «тасхах» (сагайцы), «сеер» (качинцы и кызыльцы) или «худжа» (бирюсинцы).⁸³ На «сартах» водружали деревянный саркофаг, куда помещали кама. В некоторых случаях ставили четыре столба с перекладинами, на которые накидывали жерди, а на жерди – хворост. Самого шамана укладывали на хворост – или завернутого в бересту во всем шаманском облачении, но без бубна и жезла, или одетого – и зашивали в войлок. «Выше объясненные похороны шамана делаются тайно, – сообщал И. Каратанов, – чтобы не знало земское начальство, потому что подобные похороны в санитарном отношении вредны».⁸⁴

Недалеко от аала Картоев вверх по р. Б. Есь находится гора под названием «Хам тыт» – т.е. Шаманская лиственница. На этой возвышенности рядом с одинокой лиственницей когда-то был захоронен шаман воздушным способом на помосте, завернутым в бересту, вместе с одеждой и бронзовыми колокольчиками.

По данным Д. Е. Лаппо, шаманка Пахта Капчигашева из сеока сохы была похоронена на вершине горы Ашпа в долине Белого Июса. Ее шаманский костюм вместе с «орба» висели на лиственнице рядом с могилкой. В 1902 г. атрибуты Пахты Д. Е. Лаппо отвез в Минусинский музей.⁸⁵

Одинаковый обряд захоронения на настиле, установленном на четырех столбах, совершали над человеком, убитым молнией. Пораженный

громом скотовод считался избранником духа молнии. Его хоронили на месте происшествия, водрузив на помост под названием «күгүрт сеері» – букв. громовой навес. Потомки убитого молнией человека приобретали шаманские задатки (күгүрттен танытхан). Аналогичные обычаи встречались среди тувинцев и бурят. Тувинцы воздушное захоронение шаманов на помосте называли «суурган», т.е. субурган, отождествляя его с буддийским захоронением святых мошей.

Места погребений служителей духов почитались с благоговением и страхом, и даже приобретали названия в их честь. Например, седловина горы около аала Ызырлар, что рядом с селением Трошкино, именуется Пырлан-биль в честь шамана Пырлана. Сейчас могила Пырлана стала местом поклонения, и проходящий через перевал народ совершает ему моление, окропляя местность каплями вина.

Иногда крупных шаманов хоронили в курганах в виде впускного погребения. Например, Чилтек Котожекову похоронили в насыпи кургана скифского времени. Могилей шаманки Матрены Райковой послужил тагарский курган. Ее бубен, хранящийся ныне в Минусинском музее (оф. № 5292), найден у этого курганного камня в степи близ аала Райков.

В старину шаманов запрещалось погребать в земле на общем кладбище в связи с опасностью, грозящей живым людям. Если шамана похоронить на кладбище, то избранники духов могут забрать у некоторых людей жизненную силу «хут». При сеансе камлания ее невозможно вызволить из неволи, ибо похороненный шаман не отдаст «хут» обратно. Начиная с середины XIX в., шаманов стали хоронить на общих кладбищах, но в стороне от других могил за 50-100 метров. Их похороны сопровождалась звуками ударов бубна.

При выносе тела какой-нибудь приглашенный шаман разбивал кожу бубна жезлом – орба. Обряд разбивания бубна носил название «тинтеп» и совершался для того, чтобы освободить духов-хозяев от оков целой вещи. Разбитый инструмент вместе с жезлом – орба тот же шаман относил к месту погребения. На сороковой день разрезали костюм шамана и увозили на место захоронения, где его вешали на дерево вместе с бубном и орбою. Обряд разрезания костюма назывался «көндөп». Шаманские атрибуты – костюм и бубен с орбою, вешали рядом с могилой на дерево, как правило, на лиственницу. Обряд вешания шаманской одежды на дерево при могиле называется «түнет» – букв. оставить ночевать. Обряд с одинаковым названием совершали с домашними фетишами. После смерти хозяев или когда фетишей не хотели больше держать, их отправляли в иной мир путем сплавления на плоту по крупной реке. Обряд носил идентичное название «түнет» – т.е. отправить на ночлег. Дерево, на которое вешали атрибуты, приобретало название «ээліг агас» – букв. дерево, обладающее хозяином, ибо оно становилось прибежищем духов. Атрибу-

ты – бубен и орбу, обязательно надо было привязать. В противном случае верили, что они могут вернуться домой и привести с собой душу шамана.

Если шаманов хоронили рядом с кладбищем, то атрибуты оставляли на одном дереве. Например, на старом кладбище аала Картоев росла ель, куда были повешены бубны трех умерших шаманов – Морка Боргоякова, Апона Боргоякова и Сырая Кайлачакова. В минусинском музее хранится куртка «хамдых тон», снятая с дерева, близ которого был похоронен шаман – хозяин костюма. Перед, полы, часть рукавов и спины отрезаны – по обыкновению инородцев не оставлять целыми вещи, долженствующие сопровождать покойника.

После смерти шамана разгулявшиеся духи-тёси устраивают страшную бучу. Портится погода, поднимается ураган, дует сильный холодный ветер. Поэтому при резкой смене погоды и хакасы, и русские старожилы говорят: «Значит, скончался шаман». Также наступает внезапное ненастье тогда, когда тёси собираются для выбора нового претендента на шаманский пост.

Когда умер шаман Эгиджох Абдорин из сеока ажыг, то его похоронили на горе Солбан-хара-хус. С тех пор на вершину Солбан-хара-хус нельзя было подниматься невесткам и зятям из этого рода. Однажды зять Эгиджоха Сулеков Пююриджек решил пренебречь запретами предков и подняться туда. В пещере горы Солбан-хара-хус якобы хранился клад с золотом. Пююриджек Сулеков по веревке стал спускаться в пещеру, но веревка оборвалась и он погиб. С тех пор посещение горы Солбан-хара-хус зятям категорически запрещено.

Однажды шаман Кудестей, живший в устье Парной, сказал жене: «Я отправлюсь в путешествие к великому Адам-хану. Буду находиться во сне семь суток. Моя душа «ёйп» уйдет, а тело будет находиться здесь. Не тревожьте меня, не трогайте. Никому не говори о тайном камлании. После того, как я вернусь от Адам-хана, стану еще сильнее, стану людоедом «чеек хам». Затем он лег на кровать и погрузился в камлание, заснув крепким сном. Жена его не любила. «Чем стать шаманом-людоедом «чеек хам», пусть лучше его не станет на этом свете», – решила женщина. Она сообщила соседям, что Кудестей умер. Соседи собрались, сделали крепкий гроб и сообща похоронили Кудестея. Они запрягли пару вороных коней и подняли тело на гору Хырхазын около устья Парной. Шаманский костюм положили под гроб, а поверх могилы насыпали громадные глыбы камней.

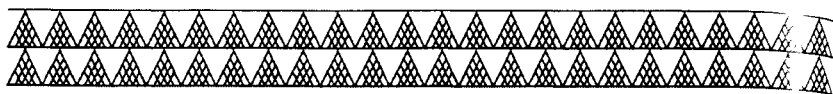
Через семь дней, когда настало время возвращения кама от Адам-хана, поднялся ураган. На месте захоронения закрутился большой вихрь. Три дня и три ночи гремел как гром голос Кудестея: «Выпустите меня из могилы! Зачем мой костюм положили под гроб?! Если бы вы повесили мое снаряжение на дерево, как положено, то я бы поднялся из гроба, у меня хватило бы силы». Но народ не сдвинулся с места, ибо ненавидел

Кудестея. Тот не смог выйти из-под наваленных камней. Со временем душа Кудестея объединилась с горными духами. До сих пор рядом с его могилой происходят разные аномальные явления: кони распрягаются, телеги переворачиваются и т. д.

Иногда случалось, что на месте захоронения шаманов вырастали деревья. Согласно народным представлениям, в дереве воплощалась душа человека. Если деревья разрастались, то, значит, шаманский род будет процветать, если засыхали, то род прекратит свое существование. Аналогичное представление бытовало среди бурят. Если на месте погребения шамана выросшее дерево засыхало, то говорили, «что потомки шамана не будут долговыми, плохо будут жить».⁸⁶

Появление на свет, житие и смерть шаманов сопровождались особыми, отличными от простых людей, обрядами. В сказах о великих шаманах часто встречается сюжет о непослушных невестках, как представит лях другого рода, и получающих наказания от родовых духов-тёсей. Могучие шаманы, производя камлания на расстоянии, могли оживлять людей. В случае оживления умершего разрубленная на три части ветвь березы, положенная под порогом, срastалась. Порог представляет связывающее звено между миром живых и мертвых. Только шаманы, как посредники, могли безнаказанно сидеть на пороге. Согласно мнению исследователей, в древние времена порог служил местом захоронения предков. Камы выступали жрецами и пророками, предсказывающими будущую судьбу своего рода.

Традиционные правила поведения шаманов опирались, главным образом, на принцип позитивизма, т.е. идеи пользы. Основная цель деятельности – благополучие сеока. Сложившиеся веками родовые нормы допускали месть и борьбу шаманов с избранниками духов иных сеоков. Между шаманами велась постоянная борьба за право господства над своим родом и населением округа. В результате битв они отбирали гвардию духов друг у друга. Интересно отметить, что в XIX в. в отношения между шаманами стала вмешиваться административная власть.

ГЛАВА 2. МИР ВЕЧНЫХ ДУХОВ

2.1. ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ МИР ШАМАНА

Вся вселенная, по представлению шаманистов, разделялась по горизонтали на три мира «тилекей» – верхний, нижний и средний. Верхний мир – «ööркi тилекей» находится на небесах и служит обителью десяти творцам – «чаячы», каждый из которых занимает один из девяти небесных слоев – «тамов». В бурханизме, пришедшем на смену хакасскому шаманизму в начале XX в., многоликие творцы объединились в один образ Единственного Творца – «Чалгыс Чаячы» или «Ах Худая» – т.е. Белого Бога. Образ Ах-Худая в верованиях жителей Хонгорая возник довольно поздно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в текстах шаманских молитв никогда не встречается упоминаний о божестве «Ах Худай».¹

В шаманских гимнах отмечается небесный дух, воспеваемый под именем «Ульген» или «Ульген-хан» (Ўлген, Ўлген хан, Ўлгенниг хан, Ўлгер, Ўлгерлиг, Ўлгелиг). Он является верховным духом-тёсем шаманов, глаза которого светятся на небе, как утренняя и вечерняя звезды («Олбан»). Он представляет мужской дух, называемый шаманами «Ўлген Адам» – мой отец Ульген. Верховный дух выступает покровителем богини огня «От-ине», говорящим с ней на одном языке. При обряде очищения огнем «алас» шаманы не забывают обратиться к нему со словами: «Ак ўлгенниң от алас, Ўлген канның чын алас» – Белого Ульгена огненный «алас», Ульген-хана истинный «алас».² Ульген, судя по контексту молитв, выступает то как супруг, то как родитель богини Умай. В хакасских гимнах почитаемая Белая Умай сотворилась от Белого Ульгена (Ах Ўлгеннен чайалгазын) и спустилась от него по белой шелковой нити на священные березовые роши Хонгорая, почитаемая Небесная Умай (Кök Ымай) родилась от Небесного Ульгена (Кök Ўлген) и спустилась по синей шелковой дорожке на культовые места Хонгорая. В телеутском шаманизме «Умай-эне» спускается с неба от «Ах Улгена» по лунной дороге «ай чолы» и от «Кök Улгена» по солнечной дороге «күн чолы».³

В хакасских молитвах, записанных Н. Тенешевым, Ульген предстает в виде духа – тёся. Например, при обращении к богине огня «От-ине» шаман произносит: «Ўлген төспөң үзүктігзін» – ты поражаешь (врагов) вместе с тёсем Ульгеном. Аналогичные строки «Ўлгеннен ү тү

болтыр» – т.е. от Ульгена предопределен был, – поются в гимнах телеу-
тских шаманов.⁴

Ульген-хан определяет судьбу тварей, живущих на земле. В текстах телеутских камланий говорится: «Ак үлгенде йаргылу. Көк үлгенде йаргылу» – по определению белого Ульгена, по определению небесного Ульгена (букв. имеющий суд).⁵ Он являлся покровителем звездно-чубарых (пестрых) коней «ызыхов», считавшихся небесными лошадьми.

Согласно исследованиям ученых, имя небесного духа «Ульген» восходит к тюрко-монгольскому слову «үлкен» – великий, громадный и. в переносном смысле, – великое небо. Подтверждением мысли тюркологов служат различные примеры из текстов молитв и героических сказаний тюрков Саяно-Алтая. Например, среди телеутских текстов встречаются выражения: «Үлген кужу пай мўркўт» – Ульгена птица святой беркут и «тенгере кужы беш мўркўт» – небесные птицы пять беркутов.⁶

По мнению некоторых ученых, слово Ульген восходит к древнетюркскому термину «үлкер» – созвездие Плеяды, и в широком значении – звезды, небо.⁷ В телеутских молитвах, посвященных жертвенным березкам «сомдор», небо называют «мой верховный Ульген» и «мой верховный Ульгер». Яркими примерами, подтверждающими наше мнение, служат тексты хакасских героических сказаний, где говорится: «Үлгерби́нен үлү́сти́гзи́н, чааспына́ң чаргылы́гзы́н» – ты имеешь (одну) судьбу с небом, ты имеешь (один) удел с землей, или (во время битвы богатырей) «чаас тү́бі чарыл халған, үлгер тү́бі үзі́л халған» – дно земной поверхности раскололось, основание звезд оторвалось. Хакасские шаманы в своих молитвах поднимаются на небо то к Ульгену, то к Ульгеру. Небесные созвездия, такие как Плеяды, Орион, Большая Медведица, Малая Медведица с Полярной звездой, а также и небесный дух Ульген, считались покровителями шаманов, обладавших чистыми тёсями, которые обитали на небе. К ним обращались за получением счастливой доли (үлүс).⁸

Не исключена возможность, что на земле небесный дух Ульген имел свою ставку в Хонгорае в горах Кузнецкого Алатау, известных у хакасов под именем «Үлгенни́г сын» – букв. Божественный хребет (Үлген сын, Үлгерли́г сын, Үлгелі́г сын).⁹ Хребет Кузнецкого Алатау скотоводы представляли в виде великого горного кольца, опоясывавшего всю страну Хонгорай. Возможно название «Ульгенниг сын» имеет аналогичное значение с именем «Хан Тегир» – т.е. поднебесный, применяющимся для обозначения хребта Западных Саян.

Особый интерес вызывают загадочные камни Ульгена, упоминаемые в шаманских молитвах телеутов под следующими обозначениями: камень «аргын» Белого Ульгена; камень «сыман», который конь не поднимет; камень «сургун» Ульген-хана; красный камень Ульген-хана; небесный камень «яда-таш» Адама-хана (силоу которого вызывали дождь, снег

или солнечную погоду).¹⁰ Аналогичные названия камней – «аргын
«сургун», встречаются в фольклоре хакасов. Например, «Чагынгы ч
кічичек хара тас, ыраххы чирге сургун тас (харах оды)» – Вб
черный камень, вдали хрустальный камень (отгадка – блестящие зр
человека, где сосредоточена его душа), «Чагынгы чирге чарых
ыраххы чирге ыргы тас (пүүр харагы)» – На ближнем расстоян
бриллиант, на дальнем месте – хрусталь (отгадка – блестящие глаза
ка). Кроме того, в легенде «Сорхуйух» говорится о крупных камнях
гын тас», которые конь не в силах поднять и которые основатель шор
го рода Сорхуюх неизвестно для чего установил на склоне горы Те
Пурны.¹¹ Согласно представлениям хакасов, от г. Тегир-Пурны нач
ются отроги хребта Ульгенниг-сына. Можно предположить, что перс
ленные камни, типа «яда-таш», обладали, благодаря силе Ульген-х
волшебными свойствами, вызывающими изменения погоды.

Средний мир, т.е. земля, где обитают люди, шаманы назыв
«Кўнниг тилекей» – букв. Солнечное царство. Земля и небо имеют
где находится проход в другой мир. Место соприкосновения неба с
лей носит название «Ачылар – Умулар» – т.е. Открывающийся и За
пывающийся край или «чирнец тигір поолтазы» – место преграды н
небом и землей. Оно находится за горизонтом, у основания неба. И
тичное представление о двух черных скалах на краю неба – «Ач
Дьабылар» бытовало в алтайской мифологии. Они служили воро
ни между небом и землей. Ночью и днем они, как два бодающихся б
сходились и расходились, не пропуская никого за пределы дозволен
о. И земля, и небо имеют свое дно и верхние окна в виде дымового о
р-стия юрты «түндүк» (тигир түндүгі, чир түндүгі).

В центре земли находится мифический медный столб «Чир кін
обаа» – букв. Пуп Земли, созданный во времена сотворения мира. С
представляет ось Вселенной и связан с Полярной звездой, называе
ой: «Хан Тигір Ортазы Тимір Өрген» – букв. Железный Кол Сере
Царского Неба.

По данным героического эпоса, между верхним и средним мирам
мифическом горном хребте «Пулай сын», клубящемся жертвенным п
ом. вершина которого скрывается в белых облаках, находилась обитель бо
называвшихся бурханами. К ним относились три святые дочери дев
бесных творцов – Толай Пурхан, Пулай Пурхан и Чарых Пурхан. По
мо дев-бурханов, на белых облаках вершины «Пулай-сын», в белой шел
ой юрте восседала богиня Умай – «Ымай-ине», хранительница детских
и покровительница беременных. Там же находится Молочное озеро «
көд». Богиня Умай родилась из белого молока Молочного озера. К р
божеств относились священное Солнце – «Күн хан» и Луна – «Ай хан
которые вращаются вокруг горы «Пулай-сын».

На вершине хребта «Пулай-сын», достигающего неба, растет священная береза «пай хазыц», которая покрыта золотой листвой и у подножия которой растет трехсоставная белая трава. На стволе священной березы любые шаманы могли выбить свои родовые тамги. Согласно представлениям сагайских шаманов, «Пулай-сын» располагается в верховьях Абакана. Чтобы достичь священной горы, надо было пройти сквозь отверстие скалы «Ўттиг тас» и пересечь гору Хам-Хооргыс. Представление о горе «Пулай-сын» напоминает образ священной мировой горы Сумеру – «Сүбүр таг», хорошо представленной в вероучении бурханизма.¹²

В эзотерическом мире шаманов священный хребет Пулай-сын существует наряду с горой Сумеру. На вершине Сумеру располагается круглое, как конский глаз, молочное озеро «Сүт көл», имеющее золотые берега. Священной водой молочного озера омываются герои эпических сказаний и шаманы после похода в подземный мир Ирлик-хана, чтобы очиститься от скверны. Рядом с озером «Сүт көл» растет мировое дерево «Пай Хазыц» – т.е. священная береза. Серебряный ствол и золотая крона священной березы упираются в верхний мир, а корни уходят в нижний мир. «Пай хазыц» служит символом целостности трех миров. Под ее сенью скрываются души «чула», отдыхающие от бременного тела во время сна человека, а также шаман в период своего путешествия.

На вершине священной березы «Пай Хазыц» сидит вещая птица – золотая кукушка (алтын көөк) величиной с лошадиную голову. Когда она закукует, то на черной земле начинает расти зеленая трава, на твердых деревьях начинают распускаться листья. Под березой бьет источник с живой и мертвой водой, а также растет волшебная белая трава – «үс пуунныг ах от», оживляющая погибших богатырей. На горе Сумеру на трех священных дубах находится гнездо супружеской пары мифических птиц «Хан Кирети», охраняющих живую и мертвую воду. Они служат ездовыми птицами богатырей героических сказаний и шаманов при камланиях. Двухголовые Хан Кирети имеют золотое оперенье, медные клювы и лапы со стальными когтями. Птицы Хан Кирети спокойно не сидят. Они оглядывают землю справа и слева, благодаря своим двум головам. Во время полета по небу птицы Хан Кирети отождествляются с солнцем и луной. Образ горы Сумеру и птиц Хан Кирети (Гаруда) проник в шаманизм, а затем и в бурханизм под влиянием буддизма.

Нижний мир – «төбінкі тилекей», находящийся под землей, согласно героическим сказаниям, был под управлением семи подземных божеств «ирликов». Подземная страна состоит из семи слоев – «тамов», где нет лучей солнца и луны (по другим версиям, там светят половина луны и половина солнца). Деревья в нижнем мире растут кроной вниз (төдір көзөліг). «Төбінкі тилекей» связан со средним миром входом, называемым «читі аастыг чир тўнўк» – букв. дымовое отверстие земли с семью

«ртами», т.е. проходами, ведущими в семь слоев подземного мира. В таком случае можно предположить, что подземный мир имел вверху напоминающий крышу юрты. Согласно представлению сагайских шаманов, вход в нижний мир «чир түүндүгү» находится в верховьях реки за скалой «Ўттиг хая», а койбальские камы определяли его место. Входение вверх по течению Енисея, также за скалой «Ўттиг хая». Иное название для мифического входа в подземный мир («газар уу», т.е. дымовое отверстие земли) бытовало в бурятском шаманизме, через него люди попадали в царство Ирлик-хана, обитателям которого кажется небом.

Семь нижних божеств – «ирликов», обитают на седьмом подземном «тэме», где держат скотоводческое хозяйство из лошадей, коров и овец. Причем, табунщики пасут коней верхом на девятиглавых змеях, скотоводы ездят на шестисаженных пестрых лягушках, а чабаны – оседлав своих ящериц.

Семь «ирликов» имеют общих детей, живущих вместе с ними в одном подземном «тэме». Сыновья носят название «моос» и относятся к богатырям, наделенным отрицательной силой. Они имеют бесовский вид (айна чүлүктүгү): лицо чернее земли, глаза величиной с чашку, лоб как дно черного котла. Поэтому их еще называют «хара моос» – черные моосы. Они выходят на поверхность земли из нижнего мира для того, чтобы навредить людям. Главой над ними поставлен «Кир Моос» – Великий Моос, имеющий вид семиглавого дракона. Одной головой он достает до неба, другой подпирает землю. Одним ухом он слушает небеса, другим – растущие корни деревьев. Он изображается на лицевой стороне бубна черной краской.

Дочери семи «ирликов» носили название «хуу хаты» – букв. высохшие бабы (т.е. кожа да кости). В героических сказаниях внешность «хуу хатов» предстает в следующем виде: обладающие бесовским обликом (айна чүллүгү), с оловянными глазами, с острыми, как шило, медными носами и плоскими переносицами, похожими на сточенный брусок. У них были плешивые головы, уши размером с веялку, пышные груди, валившиеся по земле, и корявые лица, похожие на кору тополя. Из-за этих медных лиц «хуу хаты» имеют дополнительные имена: «Чис Ханз хуу хат» – Медная Костистая высохшая старуха, «Чис Сибелдей хуу хат» – Медная Сибелда высохшая старуха, «Чис Хыйазын хуу хат» – Медная Хыйазын высохшая старуха.¹³

Главной над всеми «хуу хатами» поставлена старшая дочь семи ирликов «Чик Чеекей хуу хат» – букв. Прожорливый Бес. Она живет в самом подземном «тэме», в месте слияния семи морей, в семиугольной медной юрте вместе с семьей ирлика. Она имеет отвратительную внешность, которую может изменять (хубулгат төрөөн). Нос ее б

вый, а зубы медные. Чик-чеекей имеет широкую талию, которую не обхватить семью охапками. Она ходит в стальных башмаках и облезлой кожаной шубе. Чик-чеекей заплетает семь косичек из пестрых змей и украшает себя бриллиантовыми сережками. Она является матерью семерых дочерей, которые называются «сарыг хыс» (букв. желтые девы). Старшая среди них носит имя «Чилбен Сарыг». Волосы «желтых дев» имеют вид желтой конопли. Девы ездят на соловых конях. Ночью они проказничают и воруют души людей.

В царстве семи ирликов, в устье семи морей, находится мифическая гора «Порчаналыг Пора Тигей» – букв. Серая Сопка с длинной грядой, где «хуу хаты» развлекаются, ведут наблюдение за людьми Солнечного мира и совершают гадания.

Приоритет добычи железа, путем его плавки, согласно исследованию А. Сагалаева, принадлежит подземному творцу. Ирлик-хан, раскалил железо, выковывал себе множество слуг невидимого фронта. Секрет горящего огня и раскаленного железа люди бессовестным образом у него выкрали. В хакасском фольклоре война представляется действием злых сил, которые на сказочной горе «Порчаналыг Пора Тигей» куют молотом из раскаленного железа солдат или через медное сито высевают зерна для выращивания воинов кровожадной армии. «Чик-чеекей» вместе со своими «желтыми девами» со своего полигона отправляют созданных ими солдат на расправу с людьми Солнечного мира. Внутри горы «Порчаналыг Пора Тигей» хранится душа «Чик-чеекей» в образе желтой лягушки, находящейся в черной шкатулке, которая лежит внутри черного сундука.

Самая младшая дочь семи ирликов носит имя «Тогдыр хуу хат» (в вариантах – «Толбас хуу хат»). Она живет на последнем девятом (в варианте седьмом) – «таме», в девятиугольной медной юрте. Она имеет девятирких черных сыновей, старший среди которых – «Толбан-Хара». Необходимо отметить, что при своих мистериях шаманы пользовались помощью семи девушек, главную из которых называли «Чилбен-Сарыг», и девяти юношей, возглавляемых мифическим вождем «Толбан-Хара». Они же изображались на мембране шаманского бубна черной краской.

В подземном мире есть свои шаманы, которые изредка появляются на поверхности земли в образе синего или черного быка с громадными рогами и длинной шерстью. Они представляют умерших своих братьев, которые помогают затем живым, давая указания при лечении больных.

На третьем «таме», согласно героическим сказаниям, властвует «Ўзүт хан» – глава царства умерших человеческих душ – «узютов» (ўзүт). Он живет в желтой каменной юрте, стоящей на берегу Желтого моря, под Желтым хребтом. «Ўзүт хан» женат на одной из дочерей семи ирликов по имени «Чис Сибелдей», от которой имеет четверых детей – два сына и две

дочери. Его сыновья носят имена «Ўзўм Молат» (Ускер Мөке) и Мөтегей». Они рождены с собачьими головами. В шаманском фольклоре под именем «Хара Мөтегей» или «Хара Педекей» известен один из великих шаманов. Например, так называют сына шаманки Ил-кама. В телеутском шаманизме отмечен образ «Падюкея» – самого большого среди всех узютов.¹⁴ Две дочери «Узют-хана» – «Ўчен Арыг Арыг» и «Ўзўм Чачах» обладают неприятной внешностью. У них острые зубы, овечьи глаза. Расстояние между глаз больше четверти, расстояние между ушей больше сажени. Они носят по три косички из пестрых нитей, т.е. являются старыми девами. «Узют-хан» и его дети вредят людям и нечистого мира. Необходимо отметить, что сами шаманы не отождествляют страну умерших душ «Ўзўт чир» с подземным царством, а определяют ее на земле, в стороне заходящего солнца. Однако вход в подземный мир «тўндўг», под третьим слоем которого правил глава умерших душ «Узют-хан», находился на территории узютов.

Властителем всего подземного мира является Ирлик-хан, образ которого из шаманизма был воспринят учением Белой веры (бурханизма). Ирлик-хан имеет отвратительную внешность. Он обладает гигантским ростом. Лицо его чернее земли, огромные красные глаза блещут, как огонь, края губ обгарены кровью. Расстояние между глаз – четверть сажени, расстояние между ушей – сажень, голова величиной с круг дымового отверстия юрты, лоб величиной с дно казана. Он носит большую черную шапку длиной до пояса и короткие черные усы, имеет два рога. Зубы у него длинные и блестящие, ногти как у медведя. Ногами служит черному туману, дыханием является синий туман. Ирлик-хан ездит на черном аргамаке, держа в руках плетень из черной змеи.

Аналогичное описание внешности Эрлик-хана встречается в мифологии телеутов. Он также имеет бороду, доходящую до пояса, короткие черные усы (кара мыйык сагалду), лоб в четверть, постель из черного бобра. Он ездит на черном аргамаке, играет черными тучами.¹⁵

Ирлик-хан обитает на последнем, седьмом (в вариантах – девятом) «таме» подземного мира. Дворцом Ирлик-хану служит семиугольная медная юрта, стоящая в устье семи черных морей (в вариантах – девяти). На берегу Огненного и Ядовитого морей. Через моря к его обители протянут волосяной мост «хыл көбірткі».

Стражами у дверей юрты Ирлик-хана служат две черные собаки величиной с теленка, и носящие названия: «Игер-Кизер» или «Ат-Пазар». Они привязаны железными цепями с двух сторон дверей молотом дворца.

Одним из помощников Ирлик-хана (по другим вариантам – сыном) выступает «Кирей-хан». Он очень жестокий, не знающий милосердия даже к своим детям.

В самом нижнем слое подземного мира, во владениях Ирлик-хана, находится своеобразный ад, место мучений для отъявленных грешников. Кирей-хан варит их в громадном бронзовом котле «кулер-хазан» о девяти ушах, с кипящей смолой. Он раздувает девять мехов, поставленных вокруг котла. Представление об огненном котле, вероятно, произошло от морей «От талай» и «Оо талай», куда падали грешные шаманы, не выдержавшие испытаний.

Аналогичный образ существует в шаманских верованиях алтайцев, где «Керей-хан» представляется сыном Эрлик-хана, отвечающим за хозяйство ада в подземном царстве. По всей видимости имя «Керей» восходит к этнониму монгольского племени «кереит» – непримиримого противника тюрков. Не зря все они, включая Чингис-хана, представляют ряд злых божеств в мифологии тюрков Саяно-Алтая.¹⁶

Мир шаманских божеств и почитаемых духов имеет общую основу с миром образов, представленных в героическом эпосе. Божества обитают на небесах, в подземном царстве, на священной вершине «Пулай-сын» или Сумеру, а в среднем мире (күннig тилекей) живут люди и окружающие их невидимые для простого глаза различные духи – хозяева. Существуют разные имена для божеств и духов, имеются определенные титулы: «чаячы» – творец; «хан» – повелитель, «пурхан» – святой, «агалар» – предки; «ине» – праматерь и т. д. Многие из духов изображены на внешней стороне шаманского бубна. Шаманы общаются как с верхними творцами, так и с духами нижнего мира и с самим Ирлик-ханом. Имя Ирлика как божества злой силы встречается уже в кыргызских рунических надписях (IX в. н. э.) в форме «Эрклиг», что значит могучий. Название его собак «Игер-Кизер» возможно имеет параллель с Кербером, сторожевым псом царства умерших душ в греческой мифологии.

2.2. ЛИЧНАЯ ГВАРДИЯ

Сила шаманов заключалась в действии армии служебных духов – «тёсей» (тöс). Идентичные названия для невидимой силы употребляли тувинские (дöс) и алтайские (тöс) избранники духов. Хакасский термин «тöс» в переводе на русский язык обозначает – «первооснова, корень, сущность», т.е. основной дух. Знаменитый исследователь тувинского шаманизма М. Б. Кенин-Лопсан воспринимает слово «дöс» или «ээрeндöстүк» как корень духа шамана. Аналогичный смысл носит монгольское название шаманских духов – «онгон». По мнению Т. А. Бертагаева, слово «онгон» происходит от монгольского корня «онг», имеющего значение «первооснова, первичная сущность». В русских документах XVII – XIX вв. шаманские духи назывались шайтанами. В хакасском языке духовные силы шаманизма, помимо слова «тöс», имели дополни-

тельные определения: «тöстүп» – основная база, «тöс түлүк» – основные силы, «тöстүк түлүк» – коренной продукт, «тöс түлүп» – основная сила (переводы предположительные).¹⁷ Указанными словосочетаниями хакасами определялась и в целом их шаманская религия. Например, «тöстүпке киртінерге» – верить в шаманскую религию, «хоор, тöс түлүгі» – хакасский шаманизм. Специфика шаманизма заключалась не в наличии особых служителей, а в духах – тёсях, которые могли выступать в связь с ними.

Тёси, согласно шаманским представлениям, – это невидимые бессмертные существа (мөгі ниме). В молитвах говорится, что они были созданы вместе с землей и водой, сотворены вместе с небом. Их создал подземный творец – Ирлик-хан, в виде вечных богатырей – алыны. После сотворения земли алыпы Ирлик-хана стали уничтожать живых аррей Солнечного мира. Не найдя другого способа расправы, верховный аррей Хан-Худай, согласно представлениям бурханистов, закрыл их в тёмных мыслию: «Пусть они встанут на защиту людей Солнечного мира (түннүг кизи)». Так возникли горные духи-хозяева (таг төстері), с которыми связана судьба хакасов. Вместе с тем горные духи стали также служить шаманам, представляя их тёсей (хам төстері).

Как правило, камы получали своих духов по наследству от предков и укрепляли их ряды дополнительными дарами мифического папай-арха Адам-хана. Незначительная часть шаманов приобретала тёсей от других духов в результате избрания их в родство духами-хозяевами гор. В ряду с камами, знаками избранничества горных духов отмечались и другие сказители – хайджи, которые выражали свое родство с ними следующей формулой: «пір ханым, пір сөөгім» – моя единая кровь, моя единая кость. Шаманы, обладавшие тёсями определенной горы, проходили там свое обучение. Например, у Сарго Мойнагашевой таковой служил гора Тапсаачы-хая. Во время камлания она, обращаясь к ней, призывала свои силы. Шаманка Чурдикова Тодо-хыс считала своей горой – Хара-Сорах (в горном массиве Сахсары). В молитвах она обращалась к этой тёсе со следующими словами: «Меня познавшая гора Хара-Сорах, со стороны луны покрыта золотом, со стороны солнца покрыта серебром, место моего начала (т.е. где прошла обучение) Хара-Сорах». У шаманки Тагир Киндиковой (Амзороковой) из аала Халар тёси женского пола – «семидев», содержались в горе Синдер по р. Таштып, а мужские тёси – «девья парней» – закрывались в горе Чымыр по р. Тёя. Шаман Егор Кызлас при завершении молений закрывал своих духов в горе «Пятиглавы» Хан-Тигир Тасхыл, а Мукулка Боргояков – в пятиглавом Борусе.

Шаманские тёси представлялись в виде зверей (волки, тигры, лисы, медведи, зайцы, мыши), птиц (сороки, соколы, вороны, кукушки, коростели), насекомых (мухи, комары), змей, вихря, тумана, звезд и т. д. Они живут

как ласточки, снуют, как мухи. Тёси в виде птиц летали на разведку по горам и селениям. Их внешность описывается следующим образом: «Имеющие лицо чернее земли; имеющие сердце тверже скалы; имеющие глаза величиной с чашку; имеющие лоб наподобие дна котла; имеющие нос, как у совы. Расстояние между глаз больше четверти; расстояние между ушами больше сажени». Некоторые тёси имели глаза на темени, рты на пятках.¹⁸

Шаманские тёси различаются по полу и внешности, по своему назначению и функциям. Шаман при камлании иногда подчеркивал половые особенности некоторых тесей: «С вульвой в виде расщелины земли, с волочащимися по земле удами. С клитором в девять четвертей, с членом величиной с четырехлетнюю рыбу хариус».¹⁹ Тёси могли быть жестокими, глупыми, мудрыми. Умные духи во время сеанса камлания наделяли своими свойствами дурных шаманов. Например, шаманка Манчах Боргокова имела дурные задатки. Но ее мудрые тёси во время камлания преобразовали их госпожу, и она совершала умные поступки.

В иносказательной речи шаманов тесей называли своим народом – «чоным», наделяя их следующими эпитетами: «хамых чоным» – весь мой народ, «илім чоным» – мой элитарный народ, «хоорайларым» – мои хонгорцы; «албатыларым» – мои подданные, «күчүннерім» – мои силы, «ил сириим» – моя народная армия; «тигірлерім» – мои небесные силы; «айғахтарым» – мои духи-хранители; «хағбаларым» – мои ангелы-хранители; «салдыларым» – мои родовые бесы, «илчілерім» – мои посланники и т. д. В целом служебные духи представляли воинство шамана и поэтому назывались «хан сиріг» – личная (букв. царская) гвардия.

Тёси, избрав себе хозяина, становятся его послушными солдатами. Чем многочисленней «армия» невидимых духов, тем сильнее их полководец – шаман. Кам обязан был в своих молитвах упоминать имена предков, тёси которых стали его гвардейцами.

К тёсям применялись особые обращения – возгласы. Например, шаманы во время моления духам-небожителям применяли обращение «хобат», при почитании богини огня «От-ине» восклицали «шама», при поклонении фетишу аба-тёсь говорили «ямы», во время моления фетишу хызыл-чалама произносили «шали» и т. д. Эти религиозные призывы ныне не переводимы. Их нельзя употреблять без надобности, иначе тёси могут оскорбиться и покарать шамана. Как только тёси реагировали на призывы и появлялись, шаман радостно здоровался с ними, говоря: «Элем-салам» – мир вам (влияние исламской культуры).

Тёси в свободное время располагаются в своих резиденциях – «турлаг». Они являются существами, обитающими среди различных природных стихий и явлений: в горах, в земле, в воде, в огне, на радуге и на небесах среди созвездий. Сильные шаманы приобретали духов от звезд,

огня и даже молнии. Например, у шамана Мачор Мишакова, жившего в начале XX в., тэси обитали на созвездии Большой Медведицы. Во время камлания он притягивал духов Большой Медведицы в свой бубен.

Шаманские тэси согласно своему происхождению и деятельности делились на «белых» («арыг төстер» – букв. чистых) и «черных» («пуртах төстер» – букв. грязные, нечистые). «Чистые» тэси якобы обитают в горах, в огне и на небесах. Шаманы, признанные горными духами (таптаң танытхан), получившие дар от богини огня «От ине» (оттаң таптаң оган) или от богини Умай, относились к белым – «арыг төстіг хам» и великим шаманам «пугдурам». Камы, получившие дар от молнии «күгүлтен сыххан хам», камлали при помощи огненных духов-тэсей, идущих от грома и молнии (чазын төстіг хам). Потомки людей, пораженных молнией, становились избранниками небесных сил.²¹

Черные тэси, т.е. «нечистые», обитали в тайге, под землей и в воде. Шаманы, получившие дар от духов-хозяев тайги (тайгадаң таптаңган), от духов-хозяев рек (сугдаң танытхан), от духов-хозяев болезней (таптанности от оспы (чохыр аалчыдаң танытхан), от духа-покровителя оленей (ызыха (хой ызыгынан таптырған) и от заблудившихся духов-тэсей (асхын-психун төстіптең танытхан), относились к черным камам («пуртах төстіг хам»). Среди них встречались пожиратели людей – «чесек хам». Последние могли обладать могучей армией духов и также быть великими «пугдурами». Они имели духов-тэсей в виде медведей, волков и других хищников. Каждый шаман должен изображать своих духов на верхней стороне бубна и на одежде. Образы «чистых» тэсей рисовали на верхнем секторе бубна, а «черных» – на нижнем.²²

Шаманы получают духов-тэсей, как уже сказано, по наследству от предков и от Адам-хана. Поэтому в шаманских текстах говорится: «Со старины унаследованные, с древних времен кормящиеся жертвенным паром, нечистые силы Адам хана». Тэси, доставшиеся по наследству от предыдущих шаманов, называются «инджи» (инчі) – т.е. наследственное. Черные шаманы получают «хара инчі» – черное наследие (т.е. «нечистые» тэси), а белые имеют «ах инчі» – белое наследие (т.е. «чистые» тэси). Прекращение наследственной шаманской силы (инчі т.е. обладания тэсями, связано или с вмешательством сил окружающей природы, или с нарушением запретов. Например, в роду Нербышевы (сеок табан) шаманский род прервался в связи с тем, что их предка – шамана съел медведь.²³ Нарушение запрета могло повлечь за собой смерть природных духов. Шаман Чалбарт из сеока сарыглар силой тэсей был вынужден спастись с скалы Чалпан из-за неисполнения во время камлания предписаний для членов рода. Сила шаманства могла пройти из-за неправильного использования камом своих духов. В том случае, когда шаман ставит перед тэсями непосильную задачу, его духи могут не выдержать и покинуть его.

Непосильное поручение грозило шаману потерей тёсей. Шаманов, ставших простыми людьми, называли «айаан хам» (айыххан хам) – потерявший знания, очнувшийся, ибо их навсегда покидали тёси.

Тёси умершего шамана называются «хара тос» – черные духи (букв. черная основа). Черные духи, потеряв хозяина, по ночам бубнят в черный бубен (т.е. бубен умершего шамана). Со временем, благодаря гадательной игре на черном бубне, они находят следующего избранника, который должен стать шаманом. По народным представлениям, во время смерти или рождения нового шамана резко изменяется погода, т.е. поднимается буря, льет проливной дождь с сильным ветром. Подобные ураганы, якобы, происходят от проделок собравшихся на шабаш тёсей. При пыльной буре и хакасы, и русские старожилы – чалдоны, говорят: «умер шаман» или «шаман трясет медвежьей шубу», имея в виду разгулявшихся духов медвежьей атрибутики. Когда осенью поднимается буран (хас-псраан), то хакасы считают, что медведи («агалар» – букв. предки, ибо медведь – брат человека) перед залеганием в берлогу загуляли, т.е. справляют шабаш медвежьих духов.

«Хара тёси» боятся Адам-хана, ибо если они попадутся ему на глаза, то последний может посадить их под замок в своем дворце. В том случае, если тёси не перейдут кому-либо по наследству, они могут превратиться в злые силы «айна», вредящие людям. Оставшись после смерти шамана без хозяина, вечные тёси стремятся выбрать из его рода для себя нового повелителя. Тёси сами выбирают кандидата и проверяют его данные.

По словам кама Туда Юктешева, после смерти шаманки Кам-Озек ее тёси разошлись по разным горам и жили в них, как горные духи. Некоторые из них (например, богатырь в железной кольчуге – «хара алып») обитали на Белогорье в верховьях Абакана. Тёси жили в горах до тех пор, пока среди сеока таяс не появился человек, рожденный с лишней костью, т.е. будущий шаман. Узнав об этом, духи-тёси вышли из своих убежищ и пристали к избраннику (т.е. Юктешеву), заставляя его стать камом, чтобы продолжить дело далекого предка шаманки Кам-Озек.²⁴

Знаменитые духи предков, образы которых восходят к славным героям Хонгорая, были наделены самостоятельными именами. Например, мужской тёсь «Хан-Солагай» рассматривается как мифический хозяин рыжих коней «ызыхов». Среди качинцев он носил второе имя – Чизе-хан, а среди сагайцев – Хан-Кинен. Дух Хан-Солагай похож на человека и выступает как сын китайского императора Хыдат-хана. Его изображением служил фетиш «хызыл тёсь» или «ах тёсь». Место обитания мифического хозяина рыжего «ызыха» Хан-Солагая находилось в Китае, где растилается красный песок и растет красная лоза, где в центре Земли стоит семигранный красномедный столб. Хан-Солагай ездит на красно-рыжем коне, с красными шелковыми поводьями. Он носит красную одежду, надевает красную бобровую шапку и красные сафьяновые сапоги. Выпу-

ценная из лука стрела знаменитого меткого стрелка Хан-Солагай. Когда не упадет на землю, не поразив противника. Ясновидящий Хан-Солагай считается предком хакасского народа. Он погиб в великой войне с южными врагами Хонгорая и поэтому стал великим духом.²⁵ Хан-Солагай изображался на бубне в виде красного всадника с луком, сидящего на рыжем коне. Каждый кам имел своего Хан-Солагай, который постоянно находился возле шаманской юрты, вооруженный луком и стрелами. Если к юрте шамана приближались духи враждебного соперника, Хан-Солагай стрелял в них из своего лука, поражая противника своими стрелами. Во время дуэли между шаманами он усердно помогал своему господину и боролся за него с вражеским Хан-Солагаем. Возможно, имя духа-предка Хан-Солагай – меткий стрелок Царь-Левша связано с именем исторического лица – великого посла Кыргызского государства Чжу-ву Хэ-Со – Искусного Стрелка с Лево́й Руки, которого в 843 году правитель Ажо отправил в Китай с великой миссией.

Дух Хара-Тума являлся покровителем вороных «ызыхов». Он изображался на мембране бубна в виде черного всадника. Хара-Тума был младшим сыном хана черных монголов и обитал в Монголии. Коновязью для его коня служил медный столб, установленный в центре земли. Он ездил на вороном коне, плетью его – из черной змеи, дыхание его – синий туман.

Женский тёс Хан-Салыг, согласно мифологии, представляет дух (тайна) брошенной старой девы, которая на соловом коне прибыла в Хонгорай из страны Торбет, т.е. Северо-Западной Монголии. На земле ее предков растет красная лоза и расстилаются красные пески. Хан-Салыг одевается в одежды из желтого плиса, носит желтые сафьяновые сапоги и имеет в ушах золотые серьги, а грудь украшает серебряным нагрудником «пого». Это дух – покровитель соловых «ызыхов», изображаемый на бубне желтой краской.

Дух Кирбе-хан представляет главу овечьих «ызыхов» желтой масти. Он изображается на бубне в виде лягушки и относится к нечистым тёсам (пуртах). По мнению шаманов, лягушка являлась покровителем овечьего стада. Поэтому Кирбе-хану в жертву посвящали желтую по масти овцу. Дух овечьего ызыха «Кирбе-хан» обитает в горах Ыргах-Таргах в Западных Саянах, кишаших земноводными. Вполне возможно, что имя тёсы происходит от термина «кирбе» – пиявка, отмеченного в словаре Г. Вербицкого.

Шаманский тёс в образе гуся носит название «Ынгай-Хоох». Он был величиной с конскую голову и имел пестрое оперение. Его имя восходит к древнетюркскому слову «йугак» – гусь и происходит от подражания крику гуся «ынгай-гак». Шаман во время камлания садится на неваляшку и отправляется в свое путешествие за душой больного.

Среди армии служебных духов встречаются: немой, воровской, ере-дразнивающий, свистящий, щекочуший и т. д. В зависимости от при-

сутствия того или иного тёся менялась манера поведения шамана. Когда зайдет воровской тёсь (оғыр тёс), то чтобы он ни просил, давать нельзя. Если случайно передадут, то на больного надо было вылить семь или девять чашек холодной воды, дабы внезапным вздрагиванием тела избавиться от воровского тёся. При подражающем тёсе (өткінчек тёс) надо было тихо себя вести. Если кто-то закашляет, то шаман тоже кашляет. Тёсь, производящий шекотку (хылчых тёс, хылчыхчыл айна), имеет коровьи ноги и собачью голову. Если он зайдет в юрту, то начинает шекотать людей. Избавиться от него следовало следующим шаманским заговором: «Имеется ли обмен на пестрые глаза, я в придачу дам пеструю змею, имеется ли обмен на светлые глаза, я в придачу отдам ядовитую змею». После указанных слов люди кричали: «У человека нет таких глаз на обмен».

У каждого шаманского атрибута существовал свой тёсь-хозяин. Например: «тулбек» (түлбек) – дух-хозяин шаманского костюма, «тубен» (түбен) – дух-хозяин бубна, «оджан» (очан) – дух-хозяин жезла и т. д. К ним шаман обращался со следующими словами: «Мои оджаны, держащие жезл – орба, обвейтесь вокруг моей правой руки! Мои тубены, держащие бубен, закрепите на моей левой руке! Мой тулбек, закружись вокруг меня!».

При обряде камлания в качестве жертвы обязательно кололи белого ягненка, ставили в юрте белую березу и готовили молочную водку — «араку». Сначала шаман призывал своих духов. Он открывал дверь юрты, издавал громкий свист и, изображая на лице улыбку, пятась к почетному углу, давал проход своим гвардейцам, пел молитвы. Каждый раз, обращаясь к тёсям, кропили аракой с троекратным восклицанием «сёёк». В юрте возжигали богородскую траву (ирбен), запах которой привлекал духов. При призыве тёсей шаману сначала необходимо «забронироваться» (хуйахтанча), имея трезвый вид. Пьяного шамана пришедшие духи наказывали лишением жизненных сил и потерей сознания.

После того, как шаман окружит себя «армией» духов и объединится с тёсями в единое целое, то он перестает быть простым человеком. Тёси забирают рассудок и делают его жестоким. Теперь он властительный и суровый повелитель духов. Его приказы и решения должны точно исполняться духами. «Мои всевидящие! – приказывал шаман, – пусть не останется места в мире, не известного вам! Все, что попадется вам на глаза, говорите безошибочно! Если же вы скажете ложь, то я расшибу в кровь ваши черные головы!» При этих словах шаман сотрясал в воздухе своим жезлом (орба). Ничто в мире не остается не замеченным духами. Тёси не имеют права вернуться назад, не исполнив приказа. Они вступают в борьбу со злыми силами и тёсями других шаманов. Тёси понимают язык шаманов. Они слушаются приказов – «хызан», отдаваемых при помощи

поднятия жезла – орба. Шаманы управляют ими словно всадники и придерживая вожжи.

Каждый шаман имеет разное количество тёсей. Он имеет права для себя только необходимых духов и даже возможность поселения привязь в горах. Сарго Мойнагашева, получив в наследство от прадеда шамана Кечука целую «армию» духов, отобрала для себя три нужных тёся: Хан-Солагай, медвежий тесь (аба төс) и совин: (үгү төс). От остального наследства Кечука она отказалась, посчитав неподходящим для себя, ибо у нее слабое сердце. Анисья Сыр главного своего тёся Алабарса перед смертью «привязала» в горе, он помогал оттуда ее сыну, работавшему шофером. Анисья Сыр 1905 г. рождения, жила в д. Кызыл-сук и камлала за мизерную плату в основном за подношение вина.

Тёси и горные духи очень любят слушать сказания и горловое «хай». Если случалось, что шаман начал камлание, а в другом месте же время исполнялось героическое сказание, то духи не являлись на шамана. Хай притягивает шаманских тёсей. Если поет хайджи, то не сможет камлать. Тёси садились на музыкальный инструмент и слышали пение сказителя. Согласно народным представлениям, у шамана и сказителя – хайджи дорога считалась единой (хамнаң хайчылың чолы). То есть пути у богатырей сказаний (нымак чолы) и шаманских духов (хам чолы) общие. Во время исполнения героических сказаний души богатырей – «алыптың сүнезі» на своем пути могут встретиться с тёсями камлальщице. В это время шамана. Согласно субординации хайджи останавивал сказание, кропил вином и, после прохождения тёсей, продолжал путь богатыря. Если он не остановится, то духи заслушаются сказания и шаман не выполняет необходимый обряд, что чревато местью с их стороны.²⁶

Многие великие сказители «хайджи» становились шаманами, ибо способность к горловому пению они получали от горных хозяев. Горные духи во время посвящения заводили сказителя к себе во дворец, находились шаманские атрибуты и музыкальные инструменты. Хайджи, выбравший путь сказителя, приобретал чатхан или хомыс. Если одет мет шаманский костюм, то станет камом. С другой стороны, великие шаманы умели петь горлом – хаем. Шаманы, благодаря камланию, могли притянуть духов-хозяев песен (сарын ээзі), живущих в горах, и поэтому человек становился одаренным способностью певца. Перед началом сказания хайджи исполняет зачин, напоминающий призыв шаманских духов. Он покашливает и играет наигрыши, притягивая духов-хозяев казюки. Указанный зачин носит определение «чолын ачарга» – открывать дорогу для богатырей. Так, например, делал хайджи Каптос Кабельков.

Хакасы относятся к тем редким народам, у которых бытовало горловое пение – «хай» или «хайыл». Хай – это песенный жанр, исполняемый

при помощи особого сжатия гортани нешироко открытым ртом. У хакасов бытовал одноголосый хай с хрипящими звуками, напоминающими гудящий рокот моря. В такой манере под аккомпанемент чатхана исполнялись героические сказания, как правило, ночью по праздникам или во время поминок. Интересно отметить, что у кыргызов Тянь-Шаня под словом «хайым» понимается состязательная песня-импровизация по покойнику. Существует мнение о южносибирском происхождении горлового пения, ибо за пределами Саяно-Алтая он практически не встречается.

Согласно народным представлениям, умение петь горлом дает «хай ээзи» – дух-хозяин хая. Хакассские мифы утверждают, что «хай ээзи» пришел в Хонгорай из Тувы. Он сначала поселился среди сагайцев в междуречье Большой и Малой Еси (Ис харчызы). Надо отметить, что перекрестки рек и дорог – любимое место духов-покровителей музы ки. Первый встречный так испугался вида «хай ээзи», что от отвращения невольно произнес «татай» (магическое заклинание от нечисти). «Хай ээзи», обидевшись, сказал: «Ты произнес заклинание «татай» и поэтому счастье пройдет мимо сагайцев. Здесь я оставлю только маленькую толику искусства горлового пения». Затем он ушел на север Хакасии и поселился в междуречье Июсов, где до сих пор находятся лучшие хайджи. Из сагайской части Хонгорая он сначала двинулся в верховья рек Мрассу и Томь, передав искусство горлового пения шорцам. На Северный Алтай дух-хозяин хая пришел из долины Абакана, что подтверждается и алтайскими мифами о заимствовании алтайцами музыкального искусства страны Конгырай-Сагай.

Для того, чтобы научиться горловому пению и приобщиться к тайнам игры на музыкальных инструментах, ученики отправлялись безлунной ночью на перекресток трех дорог, где, якобы, любили собираться духи – покровители музыки и песен. На этом месте необходимо в течение трех ночей подряд петь и играть. При соблюдении таких условий на третью ночь должен явиться «хай ээзи» и передать искусство горлового пения. Обучив будущего хайджи, он, якобы, произносил: «Пусть у тебя будет хомыс и носимой одеждой, и насущной пищей, и верховым конем!». Согласно мнению исследователей, в этом древнем поверье присутствуют инициационные мотивы.

«Хай-ээзи» неотступно следит за исполнительским мастерством хайджи. Запрещалось искажать содержание героических сказаний, а тем более, не закончив, прерывать их. В таком случае верили, что сокращается жизненный век сказителя. Рассказывают, что однажды какой-то сказитель, прервав сказание, лег спать. Ночью во сне к нему явился «хай ээзи», который разбудил его и сказал: «Богатырь твоего сказания не вернулся домой и остался стоять в печали на вершине горного хребта. Много сказаний ты до конца не рассказал, много богатырей ты оставил в печали. Теперь ты умрешь!». Как ни просил незадачливый хайджи оставить его в

живых, но «хай ээзи» остался непреклонным. В другом случае рассказывают, что один хайджи, который многие сказания не довел до завершения, в конце концов, состарившись, сам скончался. Но дух-хозяин хая не отпустил должника, на третий день после смерти поднял его из гроба и заставил в течение сорока дней исполнить все неоконченные сказания – «алыптыг ныхахи», после чего отправил его на тот свет.

Путь богатыря эпического сказания («ныхах чолы» – букв. порога сказания) должен начинаться и заканчиваться хайджи в одном и том же доме. После исполнения «алыптыг ныхаха» для сказителя и собравшихся людей хозяева устраивали угощение «ныхах тойы». Люди верили, что в таком случае сказочный богатырь принесет хозяевам счастье.

Особое могущество «хай ээзи» имеет «красным» вечером и, что бы ни случилось, не дает оторваться поющему сказителю от чатхана. Однажды вечером, как говорят, во время исполнения сказания жена хайджи вышла на улицу. Их ребенок, ползая по полу, упал в очаг. Мать прибежала на крики малыша, выхватила дитё из огня и увидела, что хайджи продолжает петь героическое сказание, а по его лицу текут слезы. «Хай ээзи» не отпустил его от пения.

Однажды один шаман побился об заклад с хайджи, говоря: «Когда я стану шаманить, то в мире иной реальности «хамных чир» пойду по пути богатыря и не отпущу духа-хозяина хая». Сказитель решил поспешить и начал богатырское сказание, а кам, облачившись в снаряжение, отправился в свое путешествие. Во время камлания он, подгоняя духов, встал на дорогу духа-хозяина сказания. Сказитель в этот момент потерял голос. Когда хайджи утратил способность к исполнению сказания, то подошла душа богатыря, сумевшая помочь исполнителю, восстановив его голос. На пути героев сказания попадают Огненное и Ядовитое моря. Мифический крылатый конь богатыря «аран-чула» перескочил Огненное море. А шаман в этот момент не смог близко подойти к огню и с криком «нееп» (возглас от ожога) упал навзничь. Его шаманская одежда загорелась. Шаман потерпел поражение от духа – хозяина «хая» и проиграл спор.²⁸

Во время камлания шаман обязательно оставляет одного-двух тэсей на пороге юрты, чтобы они охраняли жилище. Если шаман проиграл в битве со злыми силами, то оставленные тэси-телохранители навсегда оседали под порогом. Это являлось одной из причин особого отношения к порогу. На него нельзя наступать, иначе заболеешь. Детям нельзя сидеть, иначе не вырастешь и т. д.

Иногда шаман от усталости или желая проучить кого-либо временно «прилеплял» тэсей к простому человеку и отправлял его в поход вместо себя. Участники камлания, которых шаман окружал тэсями, теряли рассудок. Обычно так он практиковал с девятью парнями и семью девушками, выступавшими его помощниками. Чтобы тэси к ним не «прилипли», девушки и парни брали в рот черные угольки, а на горле рисовали пре-

стик. Если тёсей не хватало, то во время обряда шаман мог взять духов-ангелов хранителей у присутствующих людей и обратить или присоединить их к своей гвардии. В иллюзорном мире «хамдых чир» тёси и духи-ангелы простых людей борются вместе против армии духов противника. Если какой-либо шаман погибнет в битве, то его тёси переходят под власть победителя.²⁹

Обязательным условием для камлания является наличие спиртного напитка «арака», которым поили тёсей. Они считаются создателями спиртного зелья (араганы айна чайаган). Если шаман камлал на «сухую», не совершая возлияния вином, то тёси его «забраковывали», т.е. отказывались от хозяина и ему мстили. Так, например, при камлании То-омаху Сербигешеву тёси исполнили свою обязанность и вылечили его. Но шаман пренебрег требованиями, забыв напоить духов их зельем, и поэтому поплатился своим здоровьем. Они поставили «тамгу» на правую руку шамана и она отсохла. Если тёсям не кропили аракой, то шаман бился в припадках и закатывал глаза. В таком случае он просил: «Ала хараамнын одын пирінер» — Дайте мне огонь моих пестрых глаз!, т.е. срочно напоите духов вином.

Заключительным этапом камлания является распускание тёсей. «Чистых» духов отправляли в разные стороны, как жаворонков и перепелок, а «нечистых», проявляющих непослушание, сначала притягивали к флажкам жезла-орба. Последние духи-тёси могут забрать с собой «огонь глаз», т.е. зрение. Поэтому шаман при их распускании наказывал: «Не забирайте огонь моих глаз». Когда тёси удалятся, то кам превращается в просто-го человека.³⁰

Невидимая отрицательная сила, негативно влияющая и дурно действующая на людей, носит собирательное название «айна». «Айна» пожирает жизнь людей, приносит болезни, толкает на самоубийства, преступления и другие отрицательные поступки. Как считают тюркологи, первоначально слово «айна» относилось к иранскому термину, обозначающему зеркало. В Хонгореае его стали связывать с видимым отражением человека в зеркале, которое приняли за нечистую силу. До сих пор ночью запрещается смотреть в зеркальное отражение, ибо в нем покажется «айна». Ни в одном другом языке тюркского мира слово «айна» не употребляется в подобном значении.³¹

Термин «айна» в некоторых случаях употребляется в качестве синонима для тёсей («хам айналары» — шаманские силы). Нечистая сила «айна» относится к особому «народу», созданному подземным божеством Ирлик-ханом во времена сотворения земли. Поэтому это дьявольское создание вечно обитает как в нижнем, так и в среднем мирах. Нечистая сила невидима для глаз и неслышима для ушей человека. Чтобы ее лицезреть, надо взглянуть из-под левой подмышки, согнув руку в локте. Подмышечное лоно создает эффект видимости запредельного мира.

Если в речи человека часто применяется слово «айна», то нечистая сила радуется этому призыву и может навредить болтливым людям. Нечистая сила двигается по своим путям, называемым «айна чолы». Причем порой крутится по ним в виде вихря. «Айна» боится режущих предметов (нож, ножницы, топор) и колючих кустарников (боярышник, золотарник, караганник, шиповник, крыжовник, облепиха), которые имеют общее название: «айна ағастары» – чертовы деревья. Они применялись при лечении болезней для изгнания злых духов. Хакасы никогда не разбивали сады из этих деревьев, как впрочем и из других. Существовало предубеждение, что если посадить черемуху или боярышник рядом с домом, то будет несчастье.

Нечистую силу «айна» можно поразить выстрелом из ружья, зашпегенного бронзовой круглой пуговицей «хола марха», или ножом с бронзовой ручкой. Свинец на них не действует. Вплоть до советской эпохи все хакасы в качестве амулета против «айны» носили бронзовые пуговицы. Вероятно, эти представления уходят в глубину веков, к временам бронзовой эпохи.

Старые девы, согласно поверьям, сами становились нечистой силой жилища (чурт айназы), ибо не выполняли своего социального предназначения – материнства. Их никогда не приглашали на общественные мероприятия. О себе хакасы говорят: «Пістің тадар чон айна чарым. Чон. Піске ле урунмас, хаппас ниме чоғыл» – Наш хакасский народ наполовину связан с «айной». Нет ничего в мире, чтобы нам не встретилось, не прицепилось.

Черные бесы, оставшиеся от старых шаманов или бывших хозяев жилищ, у хакасов обозначались именем «салды» или «салдыма». Происхождение их связывают или со злобными духами умершего в юрте шамана, или с нечистой силой, подосланной в дом шаманом. Возможно, это название возникло от хакасского глагола «салда-» – грызть кости, т.е. пожирующий дух. Дух «салдыма» появляется только ночью в виде бегущей по улице черной собаки с бубном в лапах. Его отправлял шаман для «лечения» глухих и слепых людей. В пустых домах, где хозяева погибли от злой силы «салдыма», ночью слышатся глухие удары бубна. Ясновидцы могут увидеть «салдыма» в образе камлающего черепа человека. Но хакасскому обычаю запрещается брать вещи из дома, где скончались хозяева, иначе можно привезти с собой нечистую силу «салдыма». В качестве оскорбления словами «чурт салдызы» – т.е. домашний бес, обзывали старых дев, стариков или старух, у которых все родные давно скончались. Аналогичный образ духа под названием «салды неме» отмечен в тунгусском и шорском шаманстве.³²

Шаманы по своей злобе или в качестве мести бросали на территорию проживания людей духов болезни под названием «пух» (хам пухтары). Под воздействием «пуха» здоровье домочадцев подрывалось, призыва-

лась жизнь рода. Через него распространяются неизлечимые болезни – рак, сифилис и др. Он становится причиной смерти детей. Старые девы также становились «пухом» дома. Бесовское отродье «пух» может показываться в образе пресмыкающихся – лягушек, ящериц, змей или четырехглазых черных собак. Против него читался заговор: «Пух, пух, пух! У тебя есть жилище из золы, уходи в свое жилище! У тебя есть грязный дом, уходи в свой дом!». Рядовым скотоводам приходилось волею-неволей обращаться к повелителю духов, чтобы наладить свою жизнь (чүрт чазирга). Если шаман бросал в дом «пух» и ничто не помогало от него избавиться, то обычно перекочевывали вверх по реке подальше от злополучного места, иначе настигнет беда. Например, аальный старшина Мылтых Тугужеков совершил суд над шаманкой Пайгудо, т.е. пропустил обруч тагана через ее стан и «затавил» кремнем лоб. Несмотря на карательные меры, Пайгудо нашла силы ему отомстить. Она бросила нечистую силу «пух» в его юрту. От брошенного в жилище «пуха» у Мылтыха скончались все сыновья.

Рядом с аалом Сапогов находится озеро «Пух тастаан Хара көл» – Черное озеро, куда бросили «пух». Люди не купались в нем, боясь буков, брошенных туда шаманами.

Данное слово известно и в других языках тюрко-монгольского мира. Например, в монгольском языке слово «буг» значит – злой дух, вампир, нечистая сила. Возможно русское слово «бука», означающее демоническое существо, которым пугают детей, связано с тюрко-монгольским словом «бук».

Падающие с неба метеориты, известные у хакасов под названием «тор», согласно народным представлениям, появляются из другого ханства и добра с собой в Хонгорай не приносят. В месте падения «тора» распространяются болезни. Если «тор» упадет на территорию аала, то появляется эпидемия среди людей, если в степи, то происходит мор скота. Во время метеоритного дождя, дабы оградить людей от напасти, хонгорцы читали заклинание: «Паар чили син пат, өкпе чили мин өөрлим, тас чили син сөк, тахпай чили мин чачырим!» – Словно печень ты погрузись, словно легкие я поднимусь, как камень ты шлепнись, как щепка я отскочу! Упавший на территорию аала метеорит «тор» («чылтыс торы» – звездный тор) вечером может предстать в образе прекрасной девы, сводящей с ума молодых парней. Для того, чтобы выяснить ее истинную суть, надо заглянуть девушке за спину. Спина «тора» просвечивает насквозь и видны печень и легкие. Небесное наваждение можно поразить из ружья, заряженного бронзовой круглой пуговицей (хола марха). До сих пор женщин, приносящих несчастье мужу или у которых умирают мужья, иносказательно называют «тор хат» – букв. метеоритная баба.

Шаманы могли насылать «тор» на людей. С небосвода они спускали на усадьбу противников духов болезней под названием «тор» («хам то-

ры» – шаманский тор). В народе отмечались «ах тор» – белый тор, «хара тор» – черный тор. Белый «тор» приносил несчастье, а черный «тор» нес с собой смерть. Шаманский «тор», в отличие от «пуха», можно было отправить далеко за пределы Хонгорая. Например, 29 марта 1608 г. в Томском городе учинилась болезнь в виде тяжелого бесовского недуга «над служилыми людьми и над женками». Над Томским городом «ушлеение» сделал шаман Ивашка, который на русских посылал «шайтанов». Под пытками он показал, что «велели ему на служивых людей насылать шайтанов кузнецкие и чюлымские татаровья, и князец Лага с товарищи, да томский татарин Басандай».³³ Кам, вероятно, приобретал силу «тор» от звезд и созвездий во время небесных путешествий. Посланные через небо духи – «тор», по представлениям хакасов, стояли в одном ряду с шаманскими тэсями.

Итак, тэси представляли основу шаманской силы и благодаря их соучастия осуществлялась вся деятельность шамана. Две противоположные силы – духи – тэси и духи – айна, являлись созданием одного творца – главы подземного мира Ирлик-хана. Отношения между камом и духами были сложными. Шаман не мог быть полновластным хозяином духов, они не выполняли определенных требований. Повелитель духов вместе с камом был у них заложником и при несоблюдении законов мог поплатиться даже жизнью. Он был непревзойденным мастером слова, ибо духи принимают только поэзию и проза их не трогает. Камы являются создателями своего рода устного творчества – молитв, заклинаний и гимнов. Шаман обязан постоянно доказывать свое превосходство, сохранять власть над духами. При неудачах он терял эту власть и общественное признание. Кам является избранником духов и «сотворенным вновь» ими в ходе жезлового обряда посвящения – инициации.

2.3. АДАМ-ХАН

Мифический босс всех шаманов, главный повелитель духов и великий патриарх в шаманской речи носит имя «Адам-хан» – т.е. Мой Отец. Повелитель. Идентичное наименование «Адам-хан» (Адам-хам) принимали для главы шаманов или для первого шамана все тюрки Саяно-Алтая (алтайцы, шорцы, телеуты и тувинцы).³⁴ В сагайской части Хонгор-Тора для него существовало дополнительное обозначение «Адам Хара Кюк-хан» (т.е. Ясновидящий), а среди качинцев и кызыльцев – «Адам Харатан-хан». Слово «хараты» вероятно восходит к монгольскому термину «хайраг» – господин. Среди фольклорных записей Н. Ф. Катанова не отмечается персона Адам-хана, но встречается подобный ему образ горного духа Хубай-хана. Хубай-хан, по его сведениям, обитает за девятью огненными морями и девятью горными хребтами. Он, по качинским понятиям, владе-

вался в черный бархат, носил шапку из черного камчатского бобра и отдыхал в тени березы, имеющей золотые листья. Хубай-хан является хозяином гнедого коня – «ызыха».³⁵ Возможно, шаманы в данном случае применяли иносказание по отношению к Адам-хану, ибо под словом «хубай» в хакасском языке передаются значения: злой дух; душа; судьба; участь. Согласно сведениям наших информантов, Хубай-хан являлся повелителем душ живого мира, а также души матери огня и горных хозяев. В речи рядовых хакасов Адам-хан слыл под названием «Хам ханы» – шаманский царь, «Өөн хан» – генеральный повелитель, «Өөн ада» – главный отец, но чаще «Хам адазы» – отец шаманов. Согласно шаманским представлениям, мифический глава камов проявлял в основном заботу о благополучии их рода. Поэтому каждая родовая гора имела своего Адам-хана. Например, в горе Падын-Таскыл находился Адам-хан каргинцев, в Харлыгане – сеока том, в Хооргысе – бельтыров и т. д.

Шаманы в молитвах не делают различия между мифическим бессом всех шаманов «Адам-ханом» и главою духов нижнего мира Ирлик-ханом.

В шаманской мифологии повелитель подземного царства Ирлик-хан изображается создателем или даже отцом камов.³⁶ Согласно указанным представлениям, фигура Адам-хана становится тождественной образу Ирлик-хана. Отличительной чертой, разделяющей указанных двух персон, остается владение одним из них – Ирлик-ханом, всеми черными силами «айна» (айналарның ханы), а другим – Адам-ханом, всеми духами – тёсами (төстернің ханы). В разноречивых сведениях наших информантов происходит путаница – оба образа то совмещаются между собой, то выдаются как разные.

Аналогичное совмещение образов мы встречаем на Алтае. У телеутов Эрлик-хан чаще назывался «Адам-хан» и пользовался особым почитанием. Северные алтайцы и шорцы в своих призывах Эрлик-хана величали или «Эрлик-Ада», или «Адам».³⁷

Внешний вид Адам-хана изображается следующим образом. Это великан, носящий короткие черные усы (хара минк), но так же, как и горные духи, лысый и не имеет бровей. Он имеет выпученные глаза. Один глаз воспринимался в виде утренней Венеры, а другой – как вечерняя Венера. Адам-хан имеет громадный живот наподобие каменной бочки, носит черную бобровую шапку, одевается в халат из черного бархата, ходит в черных сафьяновых сапогах, опираясь на посох из трехлетней березы. Он спит на постели из шкуры черной выдры. Адам-хан ездит на карем коне. Он отдыхает в тени молодой березовой поросли, имеет поводырей из семи черных жеребят. Если Адам-хан рассердится, то из его рта вырывается огненное пламя.³⁸ Он напоминает внешностью Ирлик-хана. Особый интерес вызывает наличие коротких черных усов «хара минк», которые характерны и для Эрлик-хана у телеутов и алтайцев (кара мыйык).

Супругой Адам-хана выступает царица «Инем-хан», повелительница злых сил «айна» (хам айназының ічезі). Она старшая над богиней Умай (Ымай ічезінің ханы). Шаманы, бросая великий клич к прародительнице Инем-хан, просили ее не направлять в подлунный мир нечисть «чине айна». Их сыном считался златоглавый Сыргай-хан. Голова его была освещена свечением пламенеющего нимба. В связи с этим среди хакасов бытовала следующая загадка: «Адам ханның оолгы алтын пастығ Сыргай-хан» – Сын Адам-хана златоглавый Сыргай-хан (отгадка – горящая свеча).³⁹ Подобный персонаж – «Шагай хан» встречается среди телеутского шаманизма, где Шагай-хан, как и Сыргай-хан, являлся сыном Адам-хана.⁴⁰ Интересно провести параллели с материалами бурятской мифологии, в которой под именем Хан-Шаргай подразумевали сына неба.⁴¹

Адам-хан обитает на западе, в стороне заходящего солнца, где находится вершина Абакана. Его храм расположен за горой «Читі путтыг Пулан таг» – семиногая Лось гора (в других вариантах – «Читі путтыг Пулай таг» – семиногий Пулай хребет; «читі путтыг Хам таг» – семиногая шаманская гора), отождествляемой с горой Шаман, стоящей в истоках р. Кызас. Адам-хан обитает на вершине снежного пика «Хам хамначан Хара сын» – Шаманящий Черный Хребет или «Хам Адазы Хара Тасхыл» – Черный Тасхыл Отца Шаманов, в золотом дворце «алтын орда». Его золотая кровать находится за золотым пологом в спальне с золотыми дверями.

Согласно представлениям жителей долины Енисея, храм Адам-хана располагается на одной из высоких вершин священной пятиглавой горы Борус в Западных Саянах под названием «Читі путтыг Пулан таг» – Семиногая Лось гора, обозначаемой по-русски Буланташ. Великий Борус являлся местом происхождения шаманских тэсей и первоначального сотворения шаманов. Здесь находится место зарождения белых шаманов, т.е. обладающих «чистыми» тэсями, что считалось особенно престижным среди хакасов. Шаман, получивший служебных духов на Борусе, назад сдать их уже не мог, ибо обратной связи не было, священная гора их не принимала. Духи закреплялись за шаманским родом навеки. На поклонение к Адам-хану на великий Борус с южной стороны поднимались и тувинские шаманы. Они приносили в дар духов-тэсей, унося полученное наследство в Туву. В недрах Боруса находится жизненная сила «хут» скота, которым наделялись шаманы по распоряжению Адам-хана от духа-хозяина горы. Во времена сотворения мира Царский Борус – «Хан Пургус» был создан раньше остальных тагов Хонгорая. Поэтому во время камланий в молитвах шаманы сначала обращаются к Борусу, как самой главной вершине земли.⁴² Культ этой горы в дальнейшем был принят и в хакасском бурханизме.

Другой почитаемой горной вершиной в Саянах являются снежные пики «Ырҕах-Тарҕах» (Ергаки). Согласно представлениям койбалов, ка-

чинцев, здесь находилось царство умерших душ, а также, наряду с Бору-сом, было место сотворения шаманов. Исходя из текстов некоторых молитв, храм богини Умай с зародышами детских душ отождествлялся с горным массивом «Ырҕах-Тарҕах». Снежные пики «Ырҕах-Тарҕах» представляли границу между силами хакасских и тувинских шаманов. Духи Хонгорая не имели права переходить за их пределы.⁴³

Адам-хан владел своей личной гвардией духов, обладавших большей силой по сравнению с шаманскими тёсями. К ним относились, например, «адары» – название небесных духов – помощников, принадлежавших Адам-хану (Адам ханның адарлары). Вполне возможно хакаское название имеет единый корень с тувинским именем «азар» – небожители. Вероятно, слово связано с санскритским термином «азар» – класс демонических существ. Приказной дух, в виде электрических разрядов, носил имя «пузур». Например, «Адам хан пузурлары» – приказные духи Адам-хана, «Инем хан пузурлары» – приказные духи Инем-хана.

Во владениях Адам-хана действует персонаж «Кормес-хан», который выполняет роль главного стражника при дворце. Он является покровителем коней – «ызыхов» гнедой масти. Согласно мифологии, гнедую масть создал Ирлик-хан. В шаманских молитвах освящаемый конь «ызых» гнедой масти принадлежал мифическому главе шаманов Адам-хану. Камы при молении душу гнедого «ызыха» отправляли в верховья Абакана в сторону Кузнецкой тайги (Аба-тура чир), где находился призрачный дворец Адам-хана и где обитал Кормес-хан. Гнедые кони – «ызыхи» служили также верховыми лошадьми шаманов, которые получают их от Адам-хана (или Ирлик-хана) и поэтому шкуру гнедых лошадей использовали для обтягивания шаманских бубнов.

Кормес-хан, называемый шаманами «чарылыс чолның ханы» – ханом развилистых путей, зорко следит за дорогой, ведущей к воротам золотого дворца Адам-хана. Его контрольный пункт находится на развилке путей, которая носит название «хан чарылыс» – царская развилка дорог. Кормес-хан встречает путников, расспрашивает их происхождение и цель прихода. Шаманы объясняют ему, какого они роду-племени и зачем идут. Кормес-хан проверял истинность будущего кандидата в шаманские мастера. Он шупает пульс, рассекает тело неофита и узнает наличие лишней кости «артых сёёк». Молодой шаман угощает вином или абыртой ханского наместника. Угостив напитком, шаман рассказывает о трудностях пути: «Мясо наших подошв осталось на камне, мясо голени осталось на дороге». После контрольной проверки и достойного угощения Кормес-хан дает разрешение на вход во владения и показывает путь к Адам-хану.⁴⁴

Дорога после развилки «хан-чарылыс» разделяется на девять троп, одна из которых носит название «Адам-хан чолы» – дорога к Адам-хану.

Получив разрешение от Кормес-хана, путники отправлялись по дороге «Адам-хана». Путь к нему пролегает через большие препятствия – волшебные преграды, называемые «поолта» или «поом». Их могут преодолеть только настоящие камы. По дороге к Адам-хану шаман преодолевает вязкую степь «чилім чазы»; проходил через преграду «чирне-поолтазы», где земля сходится с небом; проникал сквозь отверстие горы Юттиг-тас (Ўттиг тас), стоявшей в устье р. Аны; посещал страну умерших людей «ўзўт чир» и, наконец, пересекал волосяной мост, натянутый над Огненным и Отравленным морями (Оо талайнан От талай).⁴⁵

Дворец Адам-хана расположен в устье девяти морей, над которыми натянут волосяной мост. На подходе к мосту дорога к Адам-хану проходила между двумя медными скалами «Ачылар – Умулар», стоявшими близко друг к другу. Они беспрерывно сдвигались и раздвигались. Изловчившись, нужно было успеть проскочить этот отрезок пути, иначе скалы не сдвинулись, иначе гибель была неизбежна. Слабые шаманы, дойдя до скал «Ачылар-Умулар», возвращались назад, так и не попав к Адам-хану. После преодоления преграды «Ачылар-Умулар» дорога проходила к берегу девяти морей, над которыми был натянут волосяной мост, где нельзя оступиться (хыйа паспас хыл кёбїрткї). Перейти мост нужно в три прыжка. Если шаман оступится и упадет, то он или утонет в Огненном море – «От талай», или замерзнет в Холодном море – «Соох талай», или отравится в Ядовитом море – «Оо талай».

Двери золотой орды Адам-хана, как и у Ирлик-хана, охраняли две свирепые черные собаки величиной с телят, носящие названия «Игер-Кизер» (Изер-Кизер) или «Хазар-Пазар» (Изер-Пазар). Одна из них – самка, другая – кобель. Их лай звучал как гром, отдаваясь эхом в окружающих горах. Они привязаны железными цепями с двух сторон дверей дворца и не пропускают неофита к хозяину.⁴⁶

Только пройдя через различные испытания, «наа паспах» попадает в храм Адам-хана. Начинающий шаман обязательно должен предстать перед ликом своего грозного мифического патрона. Глава шаманов стоял за черным столом, читает книгу судьбы «хара пічік» (букв. черное письмо), по которой узнает предназначение прибывшего кама. Новый избранник кланяется Адам-хану и упрасивает принять его. Если пренебрежением поклонения, то патриарх разгневался и может бросить невинного в котел с кипящей смолой, куда кидают грешников. В таком случае пользы от встречи ждать не приходилось.

Адам-хан вручает будущему шаману недостающих, на его взгляд, духов-тёсей, т.е. нужное количество наследства «инчі». Он определяет его атрибуты: костюм, ритуальные инструменты и жезл. Адам-хан проводил прибывшего во внутрь храма, где находились залы священных дел – «орба туразы», шаманских костюмов – «хамдых тон туразы», мантий-

ных инструментов – «түүр туразы». На стенах указанных огромных залов висели сотни бубнов и жезлов – орба, разных размеров и разных образцов. Среди них встречались бронзовые и медные бубны. Адам-хан определял общее количество ритуальных инструментов, которое шаману необходимо иметь в течение жизни. Молодой неофит хорошо запоминал число, образцы и размеры рекомендованных атрибутов.

Кроме атрибутов и духов-тёсей, Адам-хан вручал молодому шаману особую душу под названием «пугра» (пүгре, пыгыра, мыгыра), которая должна была служить ему жизненной силой. Далее Адам-хан совершал особый обряд – отправлялся на место рождения «наа паспах» и там находил его заблудшую душу – «пугра».

Шаманская душа «пугра» имеет способность превращаться в нечистого духа – «айна». Благодаря ее способности шаман мог принимать различный облик зверей, птиц, насекомых и рыб. «Пугра» пряталась в три своего родового дерева или родовой горы. Если другой шаман ее найдет и проглотит, то неминуема гибель прежнего хозяина. Например, душу «пугра» шаманки Тапай Кидиековой (Амзороковой) из аала Халар обнаружил один матурский кам. Он ее забрал себе вместе с тёсями. После чего Тапай распрощалась с жизнью.

При отделении души «пугра» наступала смерть кама. Если после битвы шаманов один из них побеждал, то обязательно забирал себе «пугру». Победитель включал ее в состав своего войска, где она служила ему в качестве тёся. В случае смерти шамана его «пугра» разливалась по поверхности земли, что приводило к резкой смене погоды. Начиная бушевать стихия, гремел гром, шел дождь, снегопад и свирепствовал буран.⁴⁷

В заключение аудиенции Адам-хан приказывал выбить родовую тамгу шамана на стоящей во дворце девятигранной черной ели (или железной лиственнице) с белой хвоей (ах сабаллыг хара сыбы). Данный заключительный акт удостоверял возможность нового шамана камлать и способствовал его общественному признанию. Тамга служила своего рода «дипломом», удостоверяющим права шамана на службу. Только тот кам, у которого поставлена тамга на черной ели во дворце Адам-хана, считается «ёөн хам» – т.е. настоящим. Знаки при его жизни светились на стволе «дипломного» дерева. Но после смерти шамана они тускнели, приобретая цвет черной ели. Чем выше по стволу «дипломной» ели располагалась тамга шамана, тем величественнее и почитаемей становился посвящаемый претендент. Поэтому каждый шаман желал выбить тамгу как можно выше своих предшественников. Например, тамга шамана Кечука Мойнагашева находилась выше 200 шаманских знаков, выбитых на «дипломном» дереве. Тамга Пыси Амзорокова была выбита выше ста трех шаманов.

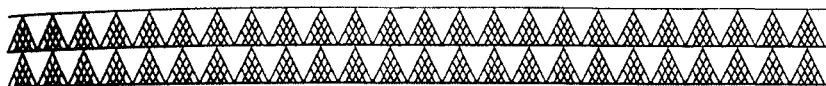
Кроме того, Адам-хан специально для тёсей ставил свою тамгу на правое запястье избранника и писал письмо на правой его подошве. Не-

которым шаманам он для этого ставил свою метку на правое плечо, а затем клеймил правое плечо. По знакам Адам-хана духи легко находили своего хозяина.

В конце встречи Адам-хан напутствовал молодого шамана: «Сильным не поддавайся в борьбе, говорливым не уступай в споре, долго на этом свете, пока твоя черная голова не побелеет, пока твои белые зубы не пожелтеют!». Попрощавшись с Адам-ханом, шаман, получивший заслуженное звание истинного шамана, покидал деревню. Когда путник подходил к золотым воротам, то они сами открывались, а затем сами захлопывались. На обратном пути шаман произносил: «Пусть наш путь будет открытым, пусть наш подол будет чистым». Этими речами шаман напоминал горным духам, чтобы они открыли обратный путь, чтобы они охраняли дорогу от злобных духов. При возвращении шаманы двигались быстро, как перелетная птица, нигде не задерживаясь.

«Адам-хан» (в вариантах Ирлик-хан, являющийся главой нечистой) забирал души «хут» заболевших или умерших (суне) людей в дворец и закрывал их на дно девятислойного черного сундука, который находился в треугольном каменном доме. Он совершал Страшную над людьми (түгенчі чарны) и определял грешников. У него на службе находилось двое слуг «сарылов» или «сарыгов», имеющих по одному глазу и одной руке. Они сидели на железной цепи под замком. «Адам-хан» отпускал их за душами умирающих людей. Если «сарыл» прыгнет вперед, то пролетит трехдневный путь, если назад – то однодневный. Шаман иногда отправляется к Адам-хану выпрашивать душу «хут» и того, чтобы вернуть здоровье или, даже, оживить человека. Для похода ему нужна была дополнительная помощь пением девяти юношей и семи девушек.⁴⁸ Хакасские мифы повествуют о шаманах, которые засыпали на три, семь или девять суток и во время сна отправлялись к Адам-хану, чтобы получить необычную способность властелина, или приобрести кровожадных духов, позволяющих стать пожирателем душ «честным». Как правило, испугавшиеся люди заживо хоронили их в могилы.

Итак, образ главы шаманов Адам-хана неразрывно связан с представлениями об Ирлик-хане. Близкие функции, одинаковые дворцы, устье девяти морей, стерегущие две собаки «Игер-Кизер», бронзовые котлы с кипящей смолой для грешных людей или шаманов и другие факты свидетельствуют о недавнем разграничении их властей, или даже указывают на одну персону, но под разными именами. Главным разграничительным маркером служит руководство армией шаманских духов – тессей Адам-хана и владение Ирлик-ханом всей отрицательной силой «айна». Адам-хан является мифическим главой как хонгорских, так и тувинских шаманов. Этот факт свидетельствует об общих истоках шаманизма ух соседних народов.

ГЛАВА 3. РИТУАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ

3.1. ШАМАНСКИЙ КОСТЮМ

Хакасские шаманы во время камлания облачались в специальные костюмы «хамных кип», пошитые по общему стандарту, но имеющие различные наборы культовых аксессуаров в зависимости от ранга хозяина. Мелкие «чаланчики» костюмов не имели. Шаманский наряд в хакасском языке носил общее название «хам тирии» – букв. шаманское вооружение или просто «тиріг» – снаряжение. Шаман во всем облачении иносказательно обозначался «аттыг- тонныг хам» – т.е. имеющий коня и шубу. Не обладавший костюмом мелкий «чаланчик» именовался «ады-тоны чох хам» – без коня и шубы или «чазаг хам» – т.е. пеший шаман. Под названиями «конь» и «шуба шамана» (хамның ады-тоны) подразумевались бубен и костюм. Аналогичное определение бытует по отношению к снаряжению сказителей – хайджи. Богатырское сказание, исполняемое горловым пением и под аккомпанемент музыкального инструмента, носит название «аттыг ныхмах» – конная сказка. Героический эпос, исполняемый без музыкального сопровождения, называется «чазаг ныхмах» – пешая сказка.¹

Костюм шамана «хамдых кип» (хамных кип) состоял из куртки – «хамдых тон» (хамных тон), обуви – «хамдых ѓдік» (хамных ѓдік), головного убора «хамдых пѓрік» (хамных пѓрік), и в редких случаях рукавиц – «хамных меелей». Специальных штанов не было, хотя автор статьи «Шаманство и шаманы» упоминает о «бараньих шароварах». У других народов Сибири, за исключением якутов, также не шили обрядовых штанов.²

Кроме того, для обозначения шаманского снаряжения в хакасском языке применялись следующие слова: «азах», «тим» и «сѓм». Например, «хам тимі» – снаряжение шамана, «тим тиріг» – комплект снаряжения, «азахтыг хам» – шаман в ритуальной одежде, «хам сѓмі» – шаманский наряд.³ Нам пока неизвестно употребление указанных терминов как в древнетюркском, так и в других тюрко-монгольских языках.

Основную часть снаряжения составляла куртка или, как пишет исследователь шаманской одежды Е. Прокофьева, короткий кафтан. Шаманская куртка «хамдых тон» обладала своими защитными функциями. Поэтому имела дополнительное название «хуях кибі» – т.е. броня. кольчуга. латы. Она была равнозначна рыцарским доспехам полководца.

В деталях покроя и оформления курток у этнических групп, как отмечала Е. Прокофьева, встречались незначительные вариации. Кожаная одежда шилась из осенних, после линьки, шкур трехлетних дикой козы, мехом внутрь. На один «хамдых тон» шло от трех до шести шкур. Матерчатые куртки изготавливались из сукна красного или редко черного с красным окаймлением.⁴ Красный цвет шаманского костюма вероятно являлся символом злых тѣсей, требующих жертв. Куртки шились короткими, с доходящими до колен подолками, без воротника. «Хамдых-тоны» имели прямой покрой и шились без кушака. Спереди они застегивались на всю длину при помощи петель и медных или деревянных пуговиц. На мужской одежде застёжки нашивались девять круглых маленьких бронзовых пуговиц «ла марха». На женском костюме – семь (МКМ. Оф. №3164). Костюм застегивалась слева направо (по данным каталога этнографического музея ТГУ – кафтан запахиался справа налево).⁵ С левой стороны нашивались кожаные петельки. Согласно представлениям хакасов куртка обладала таинственными свойствами. Ее пуговицы «расстегиваются сами собою по окончании акта шаманства».⁶ На спине выше пояса по двум сторонам на кожаных тесемках прикреплялись два миниатюрных лука (длина – 145 мм.) из крученой проволоки. На их проволочной основе крепились железные или медные стрелы «сыгда» (длина – 75 мм.). Этими стрелами шаманы поражали своих противников.⁷ На некоторых костюмах, например, в фондах Хакасского краеведческого музея) наконечники стрел вешивались под мышками на железных кольцах, вероятно так же служивших изображением лука. На кольцо под правой подмышкой костюма находилось девять крученых металлических наконечников стрел, под левой – пять или семь (ХКМ. № 2993, № 2994). Подобные стрелы «сыгда» присутствовали на шаманских костюмах тувинцев. Железные наконечники луков и стрел, висевшие на спинной части куртки тувинских шаманов, служили орудиями борьбы со злыми духами.⁸ В коллекции музея ТГУ к верхней части спинки шаманского плаща «пришиты два больших медных бубенца, между ними – медная полусферическая чаша дном вверх». Под пазами рукавов «висели два больших кованые конские бубна или колокола, правый из листового железа, левый из листовой меди с железными язычками. Звучком ботал шаман производил шум и топот, слышного вдали табуна лошадей – и уверял, что под этот звук легче шаманить, особенно когда мысленно он едет верхом».⁹ На груди прикреплялась круглая черная металлическая пластина, которая служила защитой при перестрелке с тувинскими и монгольскими шаманами. На спине нашивалось 12 штук «летних коричневых и зимних белых горностаев, головных уборов, – для того, чтобы шаман мог зимою и летом мысленно углубиться с ними в землю». Как еще отмечал Гмелин в 1741 г., костюм был «сверху донизу множеством шкур зверьков, орлиными крыльями и

парой пудов железных побрякушек». ¹⁰ В хакасской загадке о шамане в снаряжении говорится: «Тигірдең түскен осхас, тимірдең хуйахтанган осхас» – Как будто бы спустился с неба, как будто бы забронировался железом. Надевался «хамдых тон» прямо на голое тело или на длинную рубаху.

Подол и рукава куртки украшались каймой из материи другого (обычно красного) цвета. По краю рукавов пришивались две красные каемки: одна у самого края, другая на 60 мм. повыше. Манжеты не делались. Вместо них к верхней каемке пришиты ремешки (длина 20–30 мм.) под названием «нии сызымнары» – ленты рукавов. Под мышками у начала каждого рукава с левой стороны пришивали крыло или чучело ворона (хусхун киби), с правой – крыло или чучело филина (үгү киби) с лапами. Если у кама в качестве тёсей служили вороны, то к одежде прикрепляли крылья ворона – «хусхун», а если тёсами были коршуны, то пришивали крылья коршуна – «хартыга». При быстром движении шамана во время камлания эти крылья распускались и двигались как у летящей птицы. Когти хищных птиц, висевшие ниже крыльев, были символом силы и могущества кама.

Вдоль подола изнутри пришивались кожаные ремешки (длиной 100 мм.), которые назывались «идек сызымнары» – т.е. ленты подола. Ремешки снизу разрезаны на кисточки. Каждый ремешок в двух местах поперек охвачен красными ленточками. В отличие от традиционной хакасской шубы вдоль края полы шаманской куртки меховая опушка «хума» не делалась. Об этом в хакасской загадке говорится следующим образом: «Хурапсарып тон тиккем, хумалирға чарабады» – Сшил я из лоскутов (т.е. из лент) шубу, но меховую опушку к ней сделать нельзя. В отношении кама и шаманского костюма сложена и следующая загадка: «Чилім-чилім читірбес, чир алтында таптырбас, тоғым хайах азыхтын, торғы чібек идектіг» – Ветром не догнать, под землей не найти, пища его отборное масло, подол его из шелковых нитей. Отгадка: духи-тёси, шаман и шаманский костюм. Шелковые нити – ленты по нижнему краю одежды, а масляная еда – это души съеденных шаманом людей. ¹¹

На плечах вокруг ворота укреплялась особая квадратная или полукруглая кожаная накидка (пелерина или оплечье) – «чапанчы», доходившая до середины лопаток, обшитая по краям красным сукном (иногда полностью вся из красного сукна). Она представляла собой важную деталь шаманского костюма и несла основную нагрузку при пришивании культовых аксессуаров. «Чапанчы» или надевалась на плечи, или пришивалась к вороту. У кызыльцев и качинцев при камланиях накидки «чапанчы» могли надеваться даже на обычный халат. Вероятно, она представляла древний вид шаманского одеяния. «По-видимому, – отмечала Е. Прокофьева, – первоначально весь костюм состоял из этой накидки и

только впоследствии она соединилась с кафтаном». На кожаной «чапанче» (225 мм. ширины) крестообразно нашивались узоры из медных раковин-каури, медные бляшки, бубенцы, колокольчики. Они служили для созыва и увеселения духов «айны». ¹²

На плечах с двух сторон находились изображения кукуш «кёбк үлгүзи», вырезанные из дерева или листовой меди. Со стороны груди по середине кожаного «чапанчы» имелись один или два латунных «глаза» (Диаметр 55 мм.) – «кёс», представляющие собой дополнительные глаза, благодаря которым шаман мог видеть, что происходит сзади. По нижнему краю «чапанчы» с двух сторон подвешивали крупные бубенцы «хонгро» (хонро).

У кызыльских шаманов на кожаной ленте, пришитой к кукушке под «чапанчы» на уровне лопаток, за тесемки прикреплялись в три ряда полые трубки – «хонга» (хона), имеющие вид длинных патронов. Слово заимствовано из монгольского языка, где «хонх» значит колокольчик, бубенчик. Изготавливались они из бронзы или белой жести. При камлании к ним притягивались духи шамана. Под трубками «хонга» и под бубенцами «хонгро» нашивались когти хищных птиц и медные бубенчики разных размеров. Шаманы-людоеды «чеек хам» на плечах костюма пришивали когти медведя. У шамана Е. Кызласова на «чапанче» было пришито 99 колокольчиков (саң) и 77 раковин-каури (чыланмас). Звук бубенчиков отпугивали нечистую силу и оберегали кама от злых намерений со стороны других шаманов. Возможно, они ассоциировались с ржаньем коней – «ызыхов», охраняющих благополучие хозяина. Не зря про колокольчики шаманского костюма хакасов бытует загадка: «Чир алтынды чистем ады кістепче» – Под землей ржет конь моего старшего зятя. ¹⁴

Под «чапанчы», поперек спины, пришивался кожаный ремешок, к которому прикреплялись длинные ленты, называемые «сызым» или «манчы», опускающиеся ниже подола кафтана. Кожаный ремень не ограничивали спинной частью, и он мог продолжаться далее, опоясывая грудь. Заканчивался он лапой с когтями беркута и застегивался на пуговицу на правой стороне костюма. Матерчатые ленты «сызым» в таком случае развевались и спереди одежды. Подобный костюм имеется в фондах Хакасского краеведческого музея (ХКМ. № 2998). Ленты «сызым» шьются обычно из сукна черного, синего, зеленого и красного цветов или из других разноцветных материй (гарусных, шелковых, шелковых и парчовых). П. Паллас во время своего путешествия по Хонгору отметил, что на плечах шаманского костюма «пришит был красный лоскут, как будто воротник, от коего висели 13 тесем «сызым». Тесемки были разные: зеленые, красные, голубые, черные; полосатые и вышитые; шелковые и хлопчатые лоскутки нашиты друг на дружку так, чтобы один цвет с другим не мешался». ¹⁵ Знатные шаманы – «пу-

гдуры», получившие признание горных духов, делали ленты «сызым» из звериных шкур (лисицы, выдры). Сам хозяин костюма сначала пришивает сзади три «сызыма» с изображениями духов. Центральная лента делалась шире остальных. На нее нашивали вырезанную из черной или белой материи фигуру человека, изображавшую духа самого шамана. Все остальные ленты собирались родичами на народные средства. Каждый член рода обязан вложить свою ленту. В целом шаманский костюм шился всем миром.

Плоские ленты «сызым» считаются женской особью (тізіліг), а цилиндрические жгуты – «сыр нымалах» – являются мужскими (іргектіг). На конце лент мужской особи нашивались колечки «эмек», колокольчики (хоңро) или медные бляхи (күбе). На конце лент женской особи пришивали пуговицы «марха». Внизу лент прикрепляли изображения духів-тёсей в виде людей, коней, всадников, собак и лягушек, вырезанные из материи другого цвета. Изображения делались из полушерстяной ткани «таар» или из жести. В руках человеческих фигурок, представлявших воинов шамана, были сабли. В каждом доме, где совершался шаманский сеанс, каму привязывали парную ленту «сызым» мужской и женской особи.¹⁶

«Каждая пришитая лента, – отмечает П. Тыжнов, – к одежде, шапке и орбе означает духа, и чем больше лент, тем кам имеет больше связи с духами, помогающими ему при шаманстве».¹⁷ «По словам Тинникова, на его костюме вначале было только 25 лент, а затем он постепенно, каждый месяц, прибавлял их; в продолжение его двенадцатилетней шаманской практики лент накопилось до 477 штук. Все ленты и ленточки изображают духов, а постепенное их прибавление к костюму означает то, что шаман постепенно совершенствуется в своем искусстве и духи охотно делают его слугами, готовыми выполнять все его повеления при лечении больных. Цвет лент ничего не значит, а потому духи между собою все имеют совершенное равенство».¹⁸ Если шаману Тинникову при каждом посещении нового хозяина привязывали по паре лент, то, значит, за 12 лет он совершил 226 сеансов в разных юртах. У качинского шамана Куске за семь лет его деятельности накопилось до 500 сызымов и до 60 разнообразных металлических погремущек. Всего же на его одежде насчитывалось 1673 ленты. На манекене шамана, находящегося в Минусинском музее, число лент достигает 1000 штук.

Ленты «сызым» или «манчы» играли основную роль среди аксессуаров одежды шамана. Они означали, как свидетельствовали исследователи, присутствие духов-тёсей, окружающих шамана во время его камлания.¹⁹ Поэтому под названием «сызым» или «манчы» понимался в целом весь шаманский костюм. Например, шамана в костюме называли «сызымныг хам» – т.е. шаман, имеющий «сызым». Слово «манчы» при-

менялось при названии как костюма шамана, так и одеяния бурханистского алгысчыла. Ритуальная одежда алгысчыла носит дополнительное название «алтын манчы» – золотой манчы или «ах манчы» – белая манчы. Словом «манчы» обозначаются и ленты бурханистской одежды, которые пришиваются в доме, где совершалась служба. В отличие от «сызыма» бурханистская лента «манчы» обшивается раковинами каури. Во время священнодействия этими лентами украшают ритуальную резку, поставленную в юрте. Бурханисты позаимствовали ленты «манчы» из шаманских культов, где они использовались в качестве лент, привязываемых к стропилам юрты. Шаманы после камлания забирали «манчы» и прикрепляли их внутри бубна.²⁰

В 1904 г. А. В. Адрианов в аале Саргов у Варлама Шоева приобрел «хамдых тон», принадлежавший его умершей дочери – шаманки З. Шоев при заключении сделки перечислил все материалы, которые были израсходованы на изготовление наряда. В этом перечне значилось:

1) для шубы и шапки: «Четыре козлины на шубу по 60 коп. – 2 р. 40 коп.; два аршина красного сукна – 4 р.; один аршин зеленого сукна – 2 р.; филин, которого – сбился с ног не могли найти, куплен у кого-то в городе Минусинске за 1 р.; три дюжины пуговиц – 45 коп.; шесть шунгунов – 90 коп.; 10 колокольчиков – 3 р.; ботало – 40 коп.; один большой шеркунец – 20 коп.; три половины шаркунов – 30 коп.; десять медных пуговиц – 50 коп.; шесть чиланмасов (раковины-каури) – 30 коп.; большая бляха от седла, употребленная на застежку у ворота – 1 р.; десять аршин разных материй на чалама (ленточки) – 2 р.

2) для бубна: «шкура козла – 1 р. 50 коп.; шесть медных подвесок «шунгур» – 40 коп.; да двух человек посылал березу искать на буюн, им платил столько-то; потом народ угощал – 1 р.; барана колот – 3 р.; полведра вина брал – 4 р.». Стоимость костюма с принадлежностями обошлась в 30 р.²¹

Шаманы на шею носили специальные бусы – амулеты «пос мончных» синего, бело-голубого, зеленого цветов и этим отличались от остальных людей. Подобный оберег использовался древними тюрками, которые употребляли пропитанные мускусом бусы – амулеты «бос бонч» против сглаза.

У каждого шамана ожерелье состояло из 40-50 бусин. Две бусины представляли два глаза одного тэся. Шейное украшение из стеклянных бус надевалось во время камлания. Простым людям запрещалось их носить. Во время камлания шаман иногда разрешал примерить костюм простому человеку, чтобы отдохнуть и вместо себя заставить другого поработать с духами. Однако бусы «пос мончных» не давали никому. Если мирянин «хал» надевал шаманский костюм и выходил на шаманский путь, подражая каму, а затем оттуда не мог возвратиться, то шаман тем от-

правлялся за ним вдогонку и возвращал его душу. Но если надеть на рядового «хала» бусы «пос мончых», то его шаману не догнать.

Если служитель духов умрет, то вместе с ним нельзя хоронить бусы «пос мончых». В таком случае оставшиеся тёси будут без глаз. Рассказывают, что Шушурбина Педон стала бы сильной шаманкой, но ее предка захоронили вместе с бусами «пос мончых». Дома осталась только одна бусина. Поэтому только одного одноглазого тёся она сумела у себя оставить.²²

Головные уборы шаманов «хамдых пёрік» у всех этнических групп хакасов (качинцев, кызыльцев, сагайцев) были однотипными и представляли островерхие, как шлем, конусообразные колпаки, обшитые вертикальными рядами раковин каури (по семь штук в ряду), или крестовидными звездочками, или другими сочетаниями раковин. Колпаки шились из красного сукна (высотой 250 мм без перьев и 200 мм перья). на подкладе. По нижнему краю всю шапку обшивали каймой из черной материи или делали опушку из выдры шириной в два пальца. Острый верх шаманского колпака украшался пучком перьев из хвоста филина, совы или беркута. В редких случаях головной убор завершался головой беркута (ХКМ. № 4567). Султанчик шапки из пучка птичьих перьев высушенного хвоста носит название «чалаа». Наличие на головном уборе султанчика выделяло хакаских шаманов среди простых людей, ибо он служил отличительным знаком привилегированных лиц. Термином «чалаа» или «чал» именовались ханы и правители. Шаманы, наряду с ними, представляли особую касту властителей духов. Подобный обычай отмечался и среди других тюрко-монгольских народов. Например, отличительной чертой бурятских шаманов, писал Г. Н. Потанин, являлось ношение на головном уборе «залаа», т.е. шелковой кисти.²³ Перья знаменовали парение души шамана во время камлания в области духов, когда он сам превращался в птицу.

Сзади колпак в нижней части имел разрез с двумя широкими завязками, на которые и завязывался. Обязательной принадлежностью шапки, как отметила Е. Прокофьева, являлась спускавшаяся сзади суконная широкая лента или пучок матерчатых лент в виде косы. «На конце косы подвешивали один или несколько колокольчиков».²⁴

Над лицевой частью к основанию шапки нашивались ленты «сызым» из черного и красного сукна (250–700 мм длиной), закрывавшие лицо и грудь шамана во время камлания. На них нашивались раковины каури, а на концах подвешивались бубенчики. «По околышу колпака нашиты разноцветные пестрые ленты, опускающиеся до груди. настолько часто, чтобы, закрывая лицо шамана от других, они давали ему возможность видеть всех и все».²⁵ На лобной части шапки «хамдых пёрік» пришивались две перламутровые пуговицы «тана», которые изображали глаза. В связи с тем, что шапка по конструкции напоминала шлем, а ленты закрывали

лицо словно забрало, она носила хакасское название «хам гүл» – т.е. шаманский шлем.

На севере Хонгорая среди кызыльцев был известен головной убор под названием «хус пöрiк» – птичья шапка. Для его изготовления отрезалась от внутренностей тушка беркута (киикчин), орла (хара хус), кукурузы (кöк пöрiк) или красного филина (хызыл үгү), а затем чучело высушивали в виде шапки. Внутренность обшивали материей или войлочной подкладкой. Голова и крылья птицы оставались нетронутыми.²⁶ Аналогичные шаманские головные уборы под точно таким же названием «куш пёрюк» – птичья шапка, встречались среди телеутских шаманов. Они делаются «из шкуры филина, причем крылья не отрезаются, а остаются при шкуре и надеваются на шапку; иногда и голова филина оставляется на шапке».²⁷

У хакасов, кроме островерхих колпаков «хамдых пöрiк», были и шаманские головные уборы под тем же названием, но в виде диадемы. Они представляли собой «продолговатый прямоугольник из ситцевой материи, обшитый звездами из раковин; с одной из длинных сторон пришиваются перьями филина или орла, с другой – ленточками. Надевается на лоб и затягивается на затылке тесьмой».²⁸ Подобные головные уборы встречались у алтайцев и тувинцев. Они делались из четырехугольных пластин, скроенных из шкуры олененка и покрытых с лицевой стороны сукном. Такая пластина образует над головой цилиндр. «На одном из концов пластины пришиты две медные пуговицы, на другом две петли. Верхний край пластины... усажен перьями беркута или филина, которые зашиваются пучками: по нижнему краю сделана бахрома из каури, подвешенных на шнурах...».²⁹

Шаманские сапоги «хамдых бöдiк» шились из шкуры летней лошади козуси или лошадиных камусов и напоминали остроносые унты «сөн бöдiк». Подошва была слоеная. Верхняя часть голенища делалась из красного сукна с разрезом сзади. По лицевому шву голенища пришивалась красная лента из сукна с нашитыми в ряд сверху вниз 12 раковинам каури. Верхнее окаймление голенища также обшивалось раковинами каури. Правая сторона от колена украшалась девятью раковинами, а левая – семью. По краю верхней части голенища нашивалась кожаная лента – «кöбее», к которой прикреплялись разноцветные ленточки «с чылым» с кисточками «чачах» на концах. На уровне колен пришивались изображения змей, сделанные из красной ленты. Шаманские кожаные унты «были спереди повдоль обшиты красной шерстяной тканью, а по краям этой шерстяной ткани вышиты конским волосом. На чулках колдунов островерхих ступней присутствовало такое же украшение в форме креста».³⁰

По поводу шаманских рукавиц «хамных мелей» достоверной информации нами не было получено. Они употреблялись, как свидетельствовали информанты, для того, чтобы брать в руки змей, пугая больных кото-

рыми, проводили своеобразное лечение. Отличие их состояло в нашитых кисточках «мелей сызымнары» по нижнему краю каймы. Рукавицы входили в набор ритуального облачения шаманов только северных народов – энцев, нганасан и кетов, которые возможно исторически были связаны с предками хакасов.³¹

Шаманский костюм нельзя было трогать, надевать и даже разглядывать простым смертным. Особые запреты существовали в отношении женщин и вдов, от прикосновения которых к одежде кам мог заболеть (пулайсып), а его шаманская сила уменьшиться. Об этом свидетельствует следующая загадка о шаманском костюме: «Хурандылыг кибім тул кізее тугырбадым» – К моей одежде, составленной из лоскутов (т.е. из лент), я не позволил прикоснуться вдове.

Шаманы хранили свой костюм подвешенным в чехле за стропилами с южной стороны юрты, или складывали поверх главной мебельной секции «пас параан» вместе с бубном и орбою, или держали в специальном срубе «киртпе». Иногда прятали в пещере скалы, как, например, у кызыльцев, или даже в дупле дерева. Через каждые три года или шесть лет по приказу духа-хозяина шаманское снаряжение нужно было обновлять. Костюм «хамдых тон» из-за металлических аксессуаров был тяжелым. Например, кафтан качинского шамана Куске весил 18 фунтов, т.е. около девяти килограммов, а одежда Коче Арыштаевой, согласно ее сведениям, – два пуда, т.е. 32 кг. От такой тяжести, как сообщал автор статьи «Шаманство и шаманы», во время камлания кафтан сползал «с плеч шамана, спина его делалась обнаженной и распростерты крылья филина казались пришитыми к ней».

Шаманскую одежду после смерти шамана, на сороковой день, хоронили – «ағашха тўнеттур», вешая на дерево (как правило, на лиственницу) рядом с могилой. От костюма отпарывались раковины каури (чыланмас). Чтобы одежду с бубном не сбило ветром и не могли ими воспользоваться духи, их привязывали к стволу. Шаманский костюм нельзя хоронить вместе с камом в могиле. Например, снаряжение знаменитого шамана Кудестея постелили под гроб и поэтому он не смог вернуться в этот мир. «Если бы народ повесил мой костюм «сызым» на дерево, то я бы ожил, у меня бы хватило сил подняться из могилы», – сетовал он после того, как пришел в себя от летаргического сна.

Согласно хакасским представлениям шаманская одежда имеет своего духа-хозяина под названием «тулбек» (тўлбек). Он охраняет костюм и витает вокруг него в виде вихря. Если простой человек наденет костюм шамана, то дух-хозяин «тулбек» может подчиняться ему как господину и выполнять его требования, оказывать небольшие услуги.

Так, например, в селении Малый Тайдонов жил один бедняк по имени Илексен Кулаганов. Однажды Илексен отправился на сенокос, который

находился под горой Торе-таг. Рядом с покосом стояла старая лиственница со сгнившей вершиной. Когда Илексен на костре сварил суп, то плеснул в огонь жирную пищу для богини огня «От-ине» и, говоря: «Поешьте, духи», он супом окропил окружающую местность. В этот момент зашумела рядом стоящая лиственница. Он взобрался на нее и увидел в дупле шаманскую одежду – «сызым». Костюм был сшит из шкуры красной козы, сзади на спине висели медные наконечники стрел. Илексен снял с дерева и надел «сызым» на себя. Рядом с ним, появляясь как вихрь, появился дух-хозяин костюма – «тулбек», который звать Илексена в шаманский путь. Илексен снял одежду, завернул ее и принес домой. Утром он услышал, что дочь одного бая умирает. Илексен, надев «сызым», спросил у «тулбека»: «Сумеем ли вылечить баянскую?» «Вылечим», – ответил «тулбек». Илексен отправился к баю, завернул в свою шаманскую одежду. После камлания девушка выздоровела. За лечение бая отправил к нему своих батраков, которые помогли накопить сена. С тех пор Кулаганова прозвали «айна хамы» – бесовский шаман.

Однажды из Сагайской стороны Хонгорая к Илексену пришел один бай, у которого сильно болел единственный сын. Когда Илексен обратился к «тулбеку», то выяснил, что сын сагайского бая уже умер. Несмотря на отказ Кулаганова, сагаец повез его к себе в родное селение. Когда приехали к сагайцам, то выяснилось, что действительно байский сын на днях скончался от тифа и его тело уже обмыли. Кулаганов вышел на улицу и спрашивает у тулбека: «Сумеем ли оживить?». «Отрубив вершину березы, разрубив в трех местах, положи под порог, если сростется, то оживет», – наказал тулбек. Кулаганов срубил вершину березы, в трех местах разрезал и положил к дверям. Затем накрыл очаг перевернутым котлом и стал шаманить. Он камлал три дня и три ночи. Илексен, объединившись вместе с тулбеком, достиг местонахождения хана шаманов – Адам-хана. Во дворце хан шаманов спросил Кулаганова – каким образом тот появился пред ним. «Меня привел дух-хозяин шаманской одежды «тулбек», – сказал Илексен. Глава шаманов разрешил оживить сагайского ребенка. Затем он наказал: «Откуда ты взял одежду, туда назад положишь, больше ее не бери и не камлай». После этого Адам-хан отпустил его вместе с «тулбеком», вручив душу ребенка. Когда он закончил камлание, то верхушка березы срослась, а сын бая ожил. Илексен, вернувшись домой, положил шаманскую одежду обратно в дупло лиственницы, говоря: «Ты у меня больше не будь и я у тебя больше не буду». В лиственнице со сгнившей вершиной выстрелил бронзовой пуговицей, после чего вышел из себя и стал простым человеком.³²

Итак, шаман во время камлания облачался в специальный костюм красного цвета, соответствующий его положению полководца и вавых духов. Кафтан представлял броню, шапка – шлем, ленточки, выходящие с лица, – забрало, а пучок перьев на макушке головного убора – хан

ский султанчик. Султанчик «чалаа» и бусы «пос-мончых» служили отличительным знаком касты властителей духов и носились камами и в обыденной жизни. Шаманское путешествие осуществлялось в образе хищной птицы, поэтому на костюме нашивались крылья филина, беркута, ворона, коршуна, а шапка украшалась перьями совы.

3.2. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

В традиционном шаманизме Хонгорая употреблялись различные музыкальные инструменты, главным предназначением которых было эмоциональное воздействие на психику человека при ритуальных обрядах. К ним относятся бубен, чатхан, варган, бронзовые литавры, гонги, различные деревянные ударные щитки.

Главным музыкальным инструментом шамана являлся бусен – «түүр». У всех тюрков Саяно-Алтая он носил одинаковое древнетюркское название «түнгүр» > «түүр». На севере Хонгорая в кызыльском диалекте хакасского языка сохранилось название «түндүр хомыс» для хомыса, дека которого была обтянута кожей как у бубна. Не исключена возможность, что хомыс также употреблялся в шаманских ритуалах. Первоначально слово «түндүр» вероятно обозначало понятие глухого звука и связано с хакасским термином «күндүр» – полный, глухо звучащий. Подтверждением служат такие примеры из хакасского языка, как «түндүре-» – глухо (гремять), «күндүрс-» – гулко (звенеть), «күндүрее» – барабан. Кроме того, в монгольском языке имеется близкий по звучанию термин «дүнгер» – 1) гул, гудение; 2) шаманский бубен, который происходит от глагола «дунгэнэх» – гудеть, глухо греметь, издавать глухой звук.³³

Бубен, занимая ведущее место в шаманской практике, получил различные иносказательные определения: «ах чалыг» – священный ударный инструмент; «ах чагал» – священный слон; «ах адан» – священный рабочий верблюд; «ах тайлах» – белый трехлетний верблюжонок, «ала барс» – тигр, «пай сөөдер» – священная сень (для духов).³⁴ Как видно, большей частью он отождествлялся с экзотическими для Хонгорая животными. У соседних народов Саяно-Алтая бытовали идентичные названия: «чалу» (алтайцы, телеуты), «ак адан» (алтайцы, телеуты, шорцы), «ак чагал» (телеуты и шорцы), «ак тайлак» (телеуты), «ала марс» (шорцы, северные алтайцы), «баар» – тигр (западные монголы, тувинцы).³⁵ Слово «чагал» Л. П. Потапов переводил как «пегий», подразумевая одно из названий мастей лошади.³⁶ Подобный термин «чаңмыл» существует и в хакасском языке, однако в значении «белая масть коня». На наш взгляд, название «чагал» логичнее отождествить с понятием «слон», относящимся к определению сильных зверей, таких как тигр, барс, верблюд. До сих пор в

языке фуйюйских кыргызов, угнанных из Хонгорая в 170 «слон» сохранилось в форме «чаган > чаан». слово

Выражение «сёдер» понимается как сень или тень дере- ношая
прохлада и отдых. На мембране бубна изображалась священная реза, в
тени которой во время сеанса камлания отдыхала душа шамана. юрко-
монгольских народов душа часто отождествлялась с тенью. Т бурят данное представление связано с аналогичным словом «с» мер, у

Бубен являлся не только инструментом, создающим му- альный
ритм, сопровождающий камлания. В нем сосредоточивались с- духов
он заменял собою переносной алтарь, в него вбивалась «ху- измен-
ная сила человека, которая доставлялась больным. Бубен слу- , каче-
стве транспортного средства – крылатого верхового животного. а кото-
ром шаман «передвигался по вселенной во время своих путеше- ий по
верхнему и нижнему мирам». ³⁸ Он служил и оружием – луко о стре-
лой, щитом с мечом. При преодолении водных преград бубен и слу-
жить лодкой, а жезл – веслом и т. п.

По мнению Л. Потапова, бубен предназначался для приз- ния ду-
хов-помощников и служил сигнальным звуковым инструмен- пред-
вещающим приближение шамана «к тому или иному этапу или кгу во
времени камлания, когда он совершает путешествие в мире духов

В отношении хакасских бубнов, по сведениям С. В. Иван- более
или менее удовлетворительное представление ученые имеют о инских
и сагайских инструментах. Что касается кызыльских бубнов, о них
вообще говорить не приходится, ибо они остаются невыясн- ыми.³⁹
Число известных С. Иванову хакасских бубнов, хранящихся в р- ных
музеях страны, доходит до 60–70 экземпляров. Среди шаманск- трибу-
тов народов Саяно-Алтая они представляют самую внушитель- ю кол-
лекцию.

Сами шаманы в изготовлении бубнов прямого участия не пр- имали.
Инструменты делались посторонними людьми, как правило, м- ерами.
но по указанию камов. Мастерить обечайку (обод), натягива- на нее
мембрану и наносить на последнюю изображения должен был с- затель-
но мужчина. «Женщины не имеют права делать бубен и даже м слу-
чае, если начинает камлать женщина...» – отмечала Н. Дыр- ва.⁴¹ В
течение своей деятельности шаман мог не только сменить ряд б- ов, но
и одновременно иметь несколько их экземпляров, в зависимости своей
шаманской силы и цели камлания.

Бубен имел круглую, яйцевидную или овальную форму, с- евян-
ной вертикальной ручкой внутри и поперечной переклади- в виде
металлического стержня. Он хранился в специальном войлоч- теле
«туур хабы» вместе с ритуальным облачением шамана. Кр- вид
бубна, который при камлании представлял ездовое животное мана.

породил хакасское выражение «туур сагырлыг ат» — конь с округлым (букв. бубновым) крупом, применявшееся по отношению к упитанным лошадям.

В общественном быту тамгой у шаманов служил рисунок шаманского бубна. Графически он изображался в виде круглого диска, перечеркнутого крест-накрест двумя линиями. Например, Тайдоновы из кызыльского рода «хамнар» — т.е. шаманы, имели тамгу в виде шаманского бубна, называемую «түүр танма». Подобную же тамгу имели представители койбальского сеока чода, относившегося к шаманскому роду. Наличие шаманских тамг в форме бубна у кызыльцев и койбалов свидетельствует о давнем знакомстве всех этнических групп хакасов с этим инструментом. Тамги аналогичной формы использовались в общественном быту якутских шаманов.

Бубны были различных размеров: от 550 до 800 мм. в диаметре. Например, известный шаман Павлушев Илке имел маленький бубен, похожий на сито (илгек). В астральном мире шаманских странствий небольшие бубны представлялись величиной с хакасскую юргу. Обечайка (түүр хазы) бубна изготовлялась из березы, иногда красной ивы или желтой тальника. Борта делались широкими (120–150 мм.), с бугорками на наружной стороне для крепления кожи.⁴² Для обода выбиралось необычное дерево, выросшее в форме колеса или сросшихся корней трех деревьев. Материал срезался с солнечной (т.е. восточной) стороны дерева. «Изготовление бубна всегда приурочивалось ко времени рождения молодого человека в месяце или к первым дням народившегося месяца».⁴³

По сведениям шамана Ефима Саражакова, материалом для обода служила береза, которую выбрали духи. Во время сна духи-тёси по-сказали, что в верхней части лога «Ах-Марчаа» в истоках р. Биджа растут три сросшиеся березы, из которых надо изготовить бубен. Его дядя Котой Нагрузов от тех деревьев срезал со стороны солнца заготовку и сделал обод. Рисунки на мембране бубна выполнил Котос Жульмин.⁴⁴

В сказах о великом шамане Эпчелее, похороненном на вершине горы Эпчелей-тасхыл, говорится, что когда он умирал, то завещал отсечь два его больших пальца и захоронить рядом с могилой на берегу ручья. «Если в моем потомстве родятся великие шаманы, — сказал Эпчелей, — то из моих больших пальцев вырастут две березы. Из них вы сделаете бубен. Если вместе с моей смертью закончится шаманский род, то моя могила станет голой землей».

На сороковой день поминок сородичи, придя на место захоронения, увидели, что рядом с могилой из его отрезанных больших пальцев выросли две березы. Одна береза согнулась в виде обода, другая походила на колесо с проросшим посередине стволом, напоминающим рукоять бубна.

От Эпчелея происходит фамилия Абжилаевых, относящихся к сеоку том-сагай. Спустя некоторое время, в роду Эпчелея родился могуществен-

венный шаман Полит Абжилаев. Он обладал двумя бубнами: маленьким и большим. Последний использовался для камлания над тяжело больными людьми.

Когда настало время стать шаманом, то он и его родственники отправились к могиле Эпчелея срезать дерево для бубна. Они повели с собой девять белых барашков и одну черную телку. Двигались к вершинам Томи девять суток. По дороге шаман Полит, каждую ночь камлая, срезал по одному барашку. Когда достигли вершины Эпчелей-тасхыла, Полит сначала забил черную телку и шаманил в течение трех ночей подряд. Только после этого духи разрешили срезать выросшие из останков длинных пальцев Эпчелея березы для изготовления бубна.⁴⁵

В долине Аскиза жил великий шаман Тохпагас, глава сеок-сибиджин, предок фамилий Толмашевых, Чочиевых и Идимешевых. Однажды при возвращении из Кузнецкого острога (Аба-тура) на перевале хребта Улгенниг-сын его настиг шорский шаман, летевший в виде небесного пламени. Горящей искрой противник поразил сердце Тохпагаса. Тохпагас попросил похоронить его на вершине этого хребта. Прямо из моих останков на моей могиле вырастет береза. Она станет скривленной в виде круга для обода бубна. Посреди круга прорастет ветвь, необходимая для рукояти «марс». Охраняйте и берегите эту березу. Когда среди моих потомков родится шаман, то сделаете из нее бубен. Если не уследите за заветным деревом и позволите его украсть, то в моем роду больше не будет шаманов. Если эту березу срежут люди другого рода, то, значит, шаманский дар перейдет в чужой сеок», – предсказал он своим сородичам перед смертью. На годовые поминки Тохпагаса сородичи съездили на могилу и увидели, что из его останков выросла береза. Весть о березе Тохпагаса достигла жителей долины Базин. Когда дерево выросло в виде круга для обода, то они поехали на перевал хребта Улгенниг-сын, срезали ее и сделали себе бубен. За допущенную халатность и нарушение заветов Тохпагаса его потомки фамилии Толмашевых потеряли шаманский дар, а среди базинских Мойнашевых появились избранники его духов.⁴⁶

Срезанную заготовку тонко обстругивали, замачивали в горячей воде, а затем выгибали и высушивали. В качестве формы для обода иногда служило заднее колесо телеги. На ободе имеются шесть отверстий («кёс» – букв. глаз), куда вставляются шпонки для закрепления натянутой кожи. Поэтому готовый обод бубна получал название «алты кёстіг аччагал» – белый слон с шестью глазами, или «алты имчектіг игір адам» – горбатый рабочий верблюд с шестью сосцами.⁴⁷ Из шести сосцов яблочки питается дух-хозяин бубна, облегчая участь шамана во время езды. Как писал Н. Катанов из сосцов «питается кам во время путешествия с него по горам и морям». Их еще называют резонаторными бугорками.

Детали внутренней стороны бубна.
(ХКМ. Оф. № 4656/26)

Металлические конусы «сюнгюры» на металлическом стержне «кирис»
Внутренняя сторона бубна.
(ХКМ. Оф. № 4656/26)

◀ *Деталь шаманского костюма.
(ХКМ. № 2993)*

*Голенища шаманской обуви.
(ХКМ. № 4567)*

Изображения духов
на лентах (сызым)
шаманской куртки.
(ХКМ. кп. № 2994)

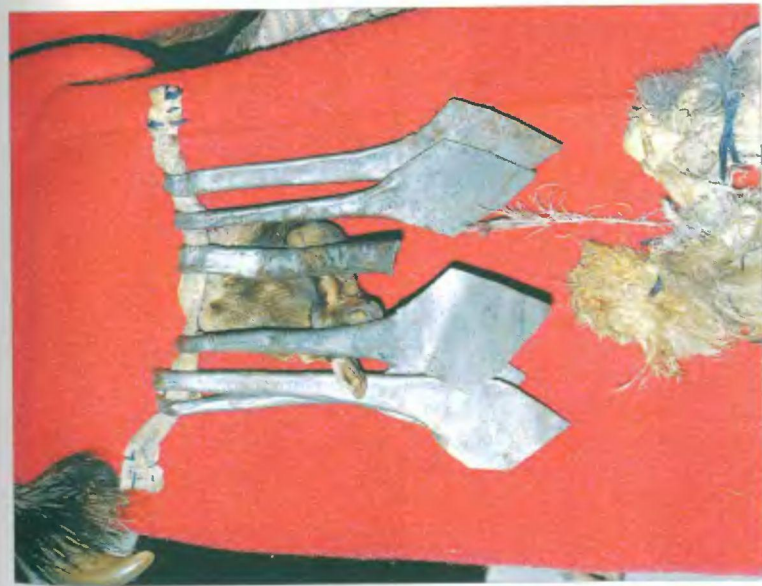
Изображение духов
на лентах (сызым)
шаманской куртки.
(ХКМ. кп. № 2994)

*Тыльная сторона
жезла «орба».
(МКМ. Оф. № 1700)*

*Ударная сторона жезла «орба»,
обтянутая заячьей шкурой.
(МКМ. Оф. № 1700)*

Деталь шаманского костюма – стрелы «сыгда».
(ХКМ. кп. № 2994)

Шаманская куртка. Деталь правой полы.
(ХКМ. кп № 2993)

*Шаманский жезл «орба»,
сделанный из рога лося.
(ХКМ. № 4217/8)*

*Деталь рукояти шаманского бубна.
(ХКМ. № 4656/26)*

▲
Жезл «орба».
(МКМ. Оф. № 1814)

*Большая «орба», применявшаяся вместо
бубна у качинцев.* ▶
Найдена в пещере около д.Тесь .
(МКМ. кп. № 654/В-600)

◀ Деталь рукояти шаманского бубна.
 (ХКМ. Оф. № 4656/26)

Деталь рукояти шаманского бубна. ▶
 (ХКМ. Оф. № 4656/26)

Обод бубна нельзя было выбрасывать или сжигать. Со старого, отслужившего свой срок бубна, снимали все металлические принадлежности, а его вешали на одинокое дерево – березу или лиственницу, стоящую на вершине горы. Например, на горе Уйтаг росла одинокая лиственница «түүр илчен агас», на которую вешали старые бубны.

«Когда кончался срок камлания бубном, шаман уносил его в лес, обычно на исходе месяца, взяв из этого бубна только железные части», – отмечал Л. П. Потапов. При обновлении бубна шаман уносил в лес старый инструмент и вешал его на дерево, забрав металлические подвески. Старый бубен он уносил в лес тогда, когда новый инструмент был готов, но на нем еще не было рисунков. При смене бубна прежний жезл «орба» не меняли, а лишь обтягивали его новой шкуркой зайца, и то, если старая была изношена.⁴⁸

Когда шаман умирал, то на сороковой день после смерти хозяина бубен относили в горы, где вешали его на дерево («агасха тўнеттур» – букв. посадить ночевать на деревянный насест) рядом с могилой. Если бубен оставить дома, то он погубит домашних (халган түүр иб үретчс). Ритуальное разрезание бубна носит название «тинтеп-» или «кентеп», представляющее иной смысловой вариант однокоренного слова «кўндеп» – обрядовое разрезание одежды умершего человека. Согласно поверьям одежда имела душу «хут», которую надо освободить. Одежду покойника обязательно надо разрезать, иначе душу умершего не примут в страну мертвых.⁴⁹ Аналогичный обряд разрезания совершали для освобождения души бубна. Деревья, на которых висели бубны умерших шаманов, почитались. Во избежание беды запрещалось прикасаться не только к бубнам, но и к деревьям, на которых они хоронились.

Например, недалеко от аала «Аар-паары» находилась гора «Түүр илчен таг», на вершине которой росла береза, где вешали бубны умерших шаманов. Однажды Степан Тинников, Тунгей Чепчигашев и Ирбеке Казагашев, поднявшись на гору, сожгли висевший там бубен. Горящий инструмент удивительным образом несколько раз сжимался и выпрыгивал из пламени. После сжигания этого шаманского атрибута у всех троих стянуло жилы ног. У Степана ноги изогнулись в виде калача и с тех пор он мог передвигаться лишь на костылях. У Тунгея ноги скрючило таким образом, что он никак не смог их выпрямить. В результате Тунгей перешел на костыли. Ирбеке стал хромым.⁵⁰

С внешней стороны на обод в качестве мембраны натягивалась сыромятная кожа трехлетнего самца дикой козы, годовалого марала, лося или оленя. Возможно, в древние времена бубны обтягивались шкурами тигров – «алабарс», верблюдов – «адан» или даже слонов – «чагал». На рубеже XX в. для этой цели повсеместно стали употреблять конскую кожу. Для бубна мужчины-шамана требовалась шкура трехлетнего жеребца

(тайлах) или жеребенка, а для бубна женщин – трехлетней кобылицы, (хызырах). Кожаная мембрана, которую натягивали на бубен, носит на звание «чагыг» (чагыг) – букв. обтяжка, покрытие, которое восходит к древнетюркскому слову «йакык» – пластырь. Для «чагыга» употреблялась только грудная часть шкуры козла или марала, считавшаяся чистой. Кожа лошади бралась или с грудной части, или с крупа. Обшивка бубна закреплялась ремнями той же кожи, из которой делалась мембрана. Шкуры коров и овец на обтяжку бубна не использовались. Как отмечали исследователи, при изготовлении бубнов «соблюдается известная последовательность. Сначала – конская, разорвалась – дикой козы, далее оленя и затем марала. После изнашивания маральей шкуры опять натягивается конская и т. д.».⁵¹ Выбранная шаманом лошадь из чужих табунов, шкура которой пойдет на бубен, должна быть отдана хозяином бесплатно. Бубны предпочитали обтягивать кожей коня гнедой или буланой масти. Поэтому в шаманской поэтической речи, обращенной к бубну, звучали выражения: «алтыма мўнген ах ой адым» – оседланный мною бело-буланный конь; «ўс хулахтыг ах тайлиим» – треухий мой святой стригунок; «чылан аргалыг хара ториим» – мой черно-гнедой конь, имеющий змеиный хребет; «ўс хулахтыг тай ториим» – мой треухий гнедой жеребчик. Под тремя ушами (хулах) подразумеваются три резонаторных бугорка бубна, о которых сказано выше. Существующая среди народа загадка: «торыг пииниң сағырзы, толғай агас салаазы» (тўўр) – шкура крупа гнедой кобылицы, ветвь кривого дерева (бубен) – подтверждает наши сведения о значении гнедого коня в иллюзорном мире хакасских шаманов.

Согласно мифологии, кони гнедой масти были созданы в царстве Ирлик-хана. Главой гнедых ызыхов – освящаемых шаманами лошадей, был сам Кормес-хан, грозный страж у ворот дворца Адам-хана. Отсюда становится понятным особое отношение шаманов к этой масти, ибо они получают бубны от Адам-хана или Ирлик-хана.⁵²

У грозных шаманов, особенно «чеек хамов», мембрана бубна делалась даже из медвежьей шкуры. Например, у Апсалина Кызласова, владевшего медвежьими духами-тёсями, мембрана одного из больших бубнов была из указанной кожи. Бубен «чеек хама», обтянутый медвежьей шкурой, носил название «хара тўўр» – черный бубен. Возможно, подобное название связано с его черной силой. Надо заметить, что название «хара тўўр» обычно применялось в отношении инструментов умерших шаманов, тогда как бубен живого шамана носил название «ах тўўр» – белый бубен.

Кам Апсалин Кызласов обладал тремя бубнами. Один, как уже сказано, имел мембрану из медвежьей кожи, другой – из конской, а третий – из маральей. Бубен из конской шкуры применялся для горного жертвоприношения – «тага – суга пус тутчаң», из маральей – для лечения людей –

«кізі чазачаң», а из медвежьей – для пожирания человеческих душ (чабалга тутчаң). Если он камлал с бубном, где мембрана была из медвежьей кожи, то обязательно где-нибудь погибал маленький ребенок. «Смотрите на истинного шамана. Смотрите на моих злобных тёсей», – заклинал Апсалин в процессе камлания. Погубив душу избранного объекта, он изрыгал человеческую кровь, а затем слизывал ее языком с поверхности бубна. «Душу погибшего съел мой медвежий тёсь», – доказывал он собравшимся людям. Народ, увидев проделки Апсалина, не выдерживал его мерзости и блевал от брезгливости.⁵³

Шаманка Коче Арыштаева пользовалась двумя бубнами. Мембрана одного была из маральей кожи, другая – из конской. Бубен, покрытый шкурой марала, уступал в силе главному, покрытому шкурой лошади. Главный бубен Коче Арыштаевой, согласно ее сведениям, весил полпуда – т.е. 8 кг.

Согласно хакасским мифам, один из древних шаманов Паламар-к м обладал девятью бубнами, каждый из которых был покрыт шкурами разных животных – медвежьей, волчьей, маральей, лосиной, козьей, конской. Последний маленький бубен был бронзовым. В зависимости от покрытия бубна менялась манера камлания шамана.

Главную часть внутренней стороны бубна представляла вертикальная рукоять, наглухо прикрепленная к ободу. В языке жителей долины Абакана она именовалась как «ала барс» – тигр или «марс» – т.е. барс, а на севере Хонгорая у качинцев и кызыльцев – «туда» (т.е. ручка). Идентичные названия «марс, барс» известны в языках всех тюрков Саяно-Алтая. Рукоять выполняла роль основы, на которой держался весь обод. Несомненно поэтому, что название «ала барс» или «марс» отождествлялось с самим бубном. Вероятно, первоначально была создана рукоять, а затем появился сам бубен. Не случайно вертикальная основа «марс» могла заменять сам бубен, и, как отмечал Н. Ф. Катанов, поддерживала шамана «при воздушных полетах и путешествиях к Ирлик-хану».⁵⁴ Рукоять никогда не меняли. Если случайно при подсушивании мембраны бубна над огнем рукоять сгорала, то шаман оставался без бубна. Ему запрещалось богиней огня «От-ине» возобновлять инструмент. Л. П. Потапов отмечал, что шаман «отождествлял свою жизнь с деревом, из которого выделялась рукоятка, изображавшая хозяина бубна».⁵⁵ «Марс» изготовлялся из березы и имел вид широкой массивной пластины с выточенным перехватом посередине для держания рукой. В бубнах центральной части Хонгорая были распространены пластины, в которых посередине вырезали овальное отверстие с перекладиной, вследствие чего рукояти приобретали Ф-образную форму. Они украшались резным елочным орнаментом. С двух концов по бокам от ребер на плоских лопастях вырезались продолговатые «бабочковидные» отверстия, по шесть с каждой стороны. Они

представляли глаза (кös) хозяина бубна, в которых сосредоточивалась игра духов. «По объяснению шамана, духи влетают по его зову под бубен (тюр) в эти дырочки с одной стороны и вылетают с другой после камлания».⁵⁶ При единоборстве шаман мог укрыться в углублениях рукояти своего бубна.

В поэтической речи шаманов, обращенной к рукояти, а также к бубну, звучали следующие слова: «алты көстіг ала парсым» – мой шестиглазый тигр или «алты имчектіг ала марсым» – мой тигр с шестью сосцами, «алты пістіг ала марсым» – с шестью лезвиями мой тигр. С одной стороны рукояти укреплялось девять металлических колец, а с другой – семь. Например, у шаманки Коче Арыштаевой на рукояти находилось семь и девять железных колец. Кольца служили для привязывания духов «айна». Антропоморфных изображений, как и любых других, на них не было.

Поперек рукояти «марс», сквозь ее верхнюю часть, проходит железный стержень, называемый «кирис» (кіріс) – тетива лука. Название «кирис» свидетельствовало о том, что бубен мог представлять лук шамана, которым он поражал своих противников и врагов своего пациента.⁵⁷ На поперечном пруте «кирис» с двух сторон привешивали по два колокольчика «саң» (80 мм. длиною). Иногда встречалось и большее количество. Например, на бубне шамана Е. Кызласова было шесть колокольчиков. Кроме того, для усиления звона поперечину снабжали девятью бубенцами «хонгро». На правой стороне «кириса» было четыре, а на левой пять «хонгро». Наличие в бубне девяти бубенцов свидетельствовало о высоком звании шамана. Все металлические детали – кольца, бубенцы, железный стержень, наконечники стрел и др., обычно сохранялись от предыдущего шамана. Они после смерти предка хранились в уединенном месте, ибо простой люд боялся к ним прикасаться. На стержне «кирис» между колокольчиками и бубенцами подвязывали ленточки «чалама» или «манчы». В каждой юрте, где впервые камлал шаман, привязывали по одной ленточке, предварительно окурив дымом богородской травы. Когда освящалось какое-нибудь животное, ставшее «ызыхом», то на него повязывали две ленточки «чалама», взятые с железной перекладки «кирис». Находясь на шее «ызыха», как отмечал Н. Ф. Катанов, они «служат талисманом, ограждающим его от нечистых сил».

На железном стержне «кирисе» прикреплялись пять, семь или девять остроконечных полых конусов из железа или бронзы (60 мм. длины и 10–15 мм. в диаметре), называемых «сюнюр» (сүңүр). Конические подвески на верхнем сужающемся конце имели крючки для крепления. Количество подвесок «сюнюр» на «кирисе» обязательно было нечетное и не более девяти штук. Они обозначали стрелы или мечи шамана и поражали во время камлания нечистого духа, который вселялся в больного. Звучание

конусовидных подвесок «сюнгюров» означало голос, обращенный к Ирлик-хану, а колокольчиков и бубенчиков – к горному духу. Необходимо отметить, что все предметы вооружения на шаманских атрибутах носили общее обозначение «сюнгюр». Например, «хамның сүңүрі» – шаманский плащ (букв. шаманский сюнгюр) или «ханның сүңүр» – атрибутивные стрелы и мечи (букв. кровавый сюнгюр, т.е. требующий кровавую жертву). Слово, вероятно, происходит от древнетюркского «сюнгию» (сүңү) – копье.⁵⁸

С внутренней стороны к верхнему борту бубна прикрепляются железные или медные серповидные ножички, которые называются «хылыс» – сабля (75 мм. длиной и 15 мм. шириной у основания). Сабель насчитывается шесть, редко семь штук, по три с каждой стороны от рукояти. Они необходимы для битвы с нечистой силой в том случае, когда шаман изгоняет ее из дома больного. Оружием «хылыс» умертвляются противники, когда между шаманами разгорается вражда и происходят состязания. Когда кам отправляется к Ирлик-хану, то он берет с собой предметы вооружения – мечи и сабли, чтобы никто не смог ему служить препятствием в дороге.⁵⁹

На ударной части бубна изображались небесные светила, шаманские божества, а также служебные духи-тёси, представлявшие его «инджи» (инчі), т.е. духовное наследство. Изображения, выполненные по указанию шамана, были только на кожаной обтяжке «чагыг» и носили довольно устойчивый характер. После их появления прикасаться к бубну простым людям запрещалось во избежание кары духами шаманской судьбы.

Рисунки на мембране бубна назывались по-хакасски «пізег» – букв. резьба. Аналогичные названия носят рисунки на скалах, выполненные охрой. Например, писаницы под названием «пізегліг хайа» – т.е. расписанная скала, имеются в долинах рек Чиланы и Малые Арбаты. Согласно хакасским представлениям на скалы их нанесли горные духи. Термин «безег» известен еще по памятникам древнетюркской письменности и обозначал аналогичное значение – резьба, роспись, украшение.⁶⁰ Исходя из значения термина «пізег» – т.е. резьба, можно предположить, что первоначальной поверхностью ритуальных инструментов были твердые материалы (дерево или металл), на которых вырезались изображения.

«При взгляде на хакасский бубен, – пишет С. Иванов, – прежде всего, обращает на себя внимание расчленение его поверхности на отдельные части, или сектора, полосой, состоящей из зигзага (простого или сложного), заключенного между двумя параллельными линиями».⁶¹ Зигзагообразная линия, окаймленная с двух сторон прямыми полосами, обязательно наносилась красной краской по краю вокруг всего бубна. Она представляла книгу судьбы под названием «хара пічік» – т.е. черное письмо, которым пользовались духи-тёси. Они считывали предписанные Адам-

ханом законы. Известно, что идентичные начертания были и на телеутских бубнах. Письмена представляли книгу решений верховного Ульгена. Шаман мог совершать свое служение только в том случае, если имел от него это письмо. «Предсказывая судьбу человека, по просьбе которого шаман совершал камлание духам, шаман предварительно «заставлял» духов смотреть в эту книгу».⁶² Вслед за зигзагом по краю бубна наносилось дополнительное окаймление в виде полумесяцев или полукруглых сабель, служившее защитой для духов-тёсей, под названием «түүр хуйагы» (букв. броня бубна). Бубен без подобного оберега – «брони» не удержит у себя тёсей. «Когда шаман созывает своих духов-помощников, то он их заталкивает в бубен. После этого духи уже без разрешения шамана самовольно не могут покинуть бубен и перейти через линии окаймления. В этом случае духи находятся в полном распоряжении шамана, становятся беспрекословными исполнителями его воли до конца камлания».⁶³ Нередко зигзагообразное окаймление охватывало не всю окрестность мембраны, а ограничивало лишь верхнюю часть.

Рисунки на хакасских бубнах, как отмечал Л. Потапов, носили канонические черты в пределах общих теологических норм и представлений. Обязательными для всех были изображения неба со светилами, почитаемых принадлежностей и подземного мира с шаманскими тёсями.⁶⁴ Добрые духи рисовались белой или красной красками, злые – черной. Для нанесения красного цвета употреблялась охра – «чоза», добываемая в горах; для белого – белая глина «шогай»; а для черного – краска «сандар», получаемая в результате окисления ржавого железа в барде. В качестве желтой краски употребляли клей «хырба», изготовленный из лосиных камусов.

Все поле мембраны бубна разделялось горизонтальной полосой на две неравные части: большую, представлявшую подземный мир, и меньшую – небесный мир. Средняя горизонтальная полоса в виде зигзага изображала горную поверхность земли.

Верхний мир был окружен большим полукругом, упирающимся вниз в горизонтальную полосу, обозначающую землю. Эта дуга, окаймляющая небесный свод, обозначала радугу «тигир хуры». Она наносилась или тремя красками – красной, синей и белой, или красным цветом. С концов радуги спускались две клетки белого (вверху) и красного (внизу) цветов, изображающих две лестницы (пасхыс), по которой шаман поднимается на небо или спускается под землю. Белая клетка – путь к обители Всевышнего творца, нижняя красная – путь в царство Ирлик-хана. Иногда небесную сферу разделяла на правый и левый секторы вертикальная полоса, игравшая ту же роль, что и клетки у подножия радуги. «В ней видели то мост, то лестницу (пасхыс) для подъема шамана на горы или на

небо, к Кудаю». ⁶⁵ Кам поднимается по 40 ступенькам лестницы, ведущим к девяти небесным творцам и Ульген-хану.

Ниже радуги в правом секторе бубна изображалось Солнце (Күн), а в левом Луна (Ай), в виде крупных лучистых кружков. Светила изображались обычно белой, реже красной и желтой красками. В шаманских призываниях Солнце и Луна обязательно указываются с прилагательным «сустыг» – т.е. лучистые. Солнечный и лунный лучи дают жизнь всему живущему. Рядом с ними иногда помещались два круга с лучами, представлявшими утреннюю (таң солбаны) и вечернюю (иир солбаны) Венеру. Кроме Венеры изображались также звезды Ориона и Большой Медведицы в виде семи или девяти мелких крестиков в каждом секторе (всего 14 или 18) белого, красного или черного цветов. Все эти светила находились в царстве небесного духа Ульген-хана. Шаман поднимался для поклонения небесным светилам во время горного жертвоприношения в период засухи с просьбой послать на землю дождь. ⁶⁶ «Рисунки светил, особенно Ориона и других звезд, имели не только культовое значение, – отмечал Л. Потапов, – ...они помогали ориентироваться в «космосе» во время камлания». ⁶⁷

Помимо светил в верхнем мире изображались фигуры людей, животных и птиц. Рисунок черного человека представлял Кормес-хана, главного стража у дверей дворца Адам-хана. Он докладывал главе шаманов о приезде кама. Кормес-хан караулил коня приехавшего шамана.

Белой краской изображались две священные березы «пай хазың», растущие перед жилищем Ульген-хана. Одна из них – мужского рода («улуғ пай хазың» – большая богатая береза), другая – женского («кічіг пай хазың» – малая богатая береза). К этим березам усталый служитель во время отдыха привязывал своего коня. ⁶⁸ При камлании шаманы обращались к Ульген-хану с просьбой потрясти богатую березу, чтобы пошел дождь или снег для урожая трав и хлебов на земле. В шаманских молитвах говорилось: «Священная трехлетняя береза «пай-хазың» с толстым основанием, с развесистой кроной, ты притягиваешь крупный куржак (признак будущего плодородия), ты стоишь крепко в тяжелый год».

В некоторых случаях священные березы изображались в нижней части бубна. «Обращает на себя внимание связь между светилами и парными деревьями, расположенными в нижней части бубна, – отмечал С. Иванов. – Последние рисуются на правой от зрителя стороне и располагаются обычно под светилами, также помещенными вправо, как бы составляя с ними один комплекс изображений... Нахождение берез в нижней части бубна (в подземном мире) не противоречит этой связи, поскольку, по словам шаманов, березы оказываются столь высокими, что достигают неба. Шаманы говорили, что они поднимаются по этим березам в обитель духа неба. Следовательно, деревья, нарисованные в нижней части бубна,

нельзя считать принадлежащими лишь нижнему миру. Начинаясь в нижнем мире, они «прорастали» через все три слоя вселенной и являлись, таким образом, деревьями космическими. Отсюда композиционная связь их с солнцем и луной, подчеркиваемая единой осью расположения тех и других фигур».⁶⁹

На мембране бубна обязательно имелось изображение кукушки (кекүк), которая помогала шаману перечислять горы и реки. Без этого изображения не разрешалось камлать. Большое значение имели рисунки двух черных орлов и огромной чудо-птицы «Хан-Кирети», летающих по поручению шамана. Во время камлания он обращался к ним со словами: «Большой и малый орел! Птица «Хан-Кирети»! Два крыла заставьте зашуметь, летите сквозь голубые облака, под взошедшим Солнцем, под белеющей Луной. Зашумев двумя крыльями, заострив длинные когти, повернитесь передо мной, притяните радугу!». ⁷⁰ Мифическая птица «Хан-Кирети» и два черных орла способны перелететь даже через большие моря, быстро настигать противника, наводить страх на врагов своих.

В верхней части бубна имелось изображение духов двух черных воронов (хусхун). Один из них изображал самца, другой – самку. Служили они посыльными шамана, считались всевидящими и всезнающими птицами. Воздушное путешествие шаман совершал на фантастическом гусе – «ынгай-хоох» (ынгай-гаах). Дух гуся «ынгай-хоох» изображался белой краской в виде свастики. Поэтому свастика имела название «хас таңма» – гусиная тамга.⁷¹

Завершали пляду крылатых созданий небесной сферы две черные вешие птицы «хан-харлых», в виде ястребов. Они считались покровителями шамана. Аналогичный персонаж – «кан-карлык», был известен в шаманстве телеутов и шорцев. У телеутов птица «кан-карлык» «исполняла роль «разведчика» шамана, летела впереди его и «докладывала» ему обо всем увиденном. Рисовалась она черной краской». ⁷² На птицах «хан-харлых» шаман якобы поднимался на небо к верховному Ульгену просить о добре или возносился к чистому духу по имени Тазыл-хан. ⁷³ По данным В. Суховского, дух Тазыл-хан обитает в горах Амыльской тайги среди гребней хребта Ыргах-Таргах. Он ездит на буро-синегривом коне, чембур у него из черных шелковых ниток; шапка, сапоги, перчатки и одежда – черные. Ныне среди наших информантов не встретились знатоки, знающие персонажа Тазыл-хана. Но у соседних алтайцев и шорцев образ Тазыл-хана связывался с понятием Ульгена. ⁷⁴

«Значительное место в верхней части хакасских бубнов занимают изображения коней, – отмечал С. Иванов. – Количество их различно: от одного до девяти. Кони рисовались обычно белой или красной краской и лишь в редких случаях черной. Белая масть говорит о том, что они принадлежали верхним, добрым божествам...». Кони различных мастей представляли освящаемых «ызыхов». На них разъезжали духи-тёси, что-

бы исполнить различные просьбы и поручения шамана. Белые кони являлись небесными «ызыхами». На них шаман сам отправлялся на небеса к Ульгену просить милости в несчастьи. Белые всадники могли ездить на небо к Ульгену, красные и черные – во владения Ирлик-хана.⁷⁵

У шаманки Коче Арыштаевой на бубне были изображены вороны кони, которые ей помогали при камлании. Но поездки она совершала на трех конях, также изображенных на поверхности бубна. На небесном (символ) «ызыхе» она поднималась в небеса и летала среди облаков. На другом, рыжем «ызыхе» она ездила по земле. На третьем – летучем карем (чил кўрең ат), она путешествовала под землей, к горным духам.

Если бубен обтягивался конской кожей, то в верхней части мембраны помещалось особое изображение коня. Присутствие в верхней части фигуры лося означало, что бубен обтянут кожей сохатого. Рисунки марала или козла свидетельствовали о соответствующем покрытии и наличии их души (чула) в недрах бубна. Отмеченные животные (кони, лоси, маралы, козлы) использовались шаманами в качестве верхового транспорта для «полета» над горами и лесами.⁷⁶ Традиционное обтягивание ударной части бубнов шкурами копытных зверей отразилось в следующей хакасской загадке: «Пур-пар чорыхтыг, пулан-сын табыстыг (хам түүрі)» – Имеющий громкий топот, имеющий голос лося и марала (шаманский бубен).

В верхней части мембраны бубна изображались почетные духи-тёси. Покровитель вороных «ызыхов» дух Хара-Тума представлялся в виде черного всадника. Следующий рисунок в виде красного всадника с луком, сидящего на рыжем коне, именовался духом Чизе-хан (по данным С. Иванова, «дух Кииж»).⁷⁷ Чизе-хан носил второе имя Хан-Солагай – букв. Царь-Левша, стреляющий из лука без промаха.⁷⁸ Рядом с духом Хан-Солагай изображался дух Хан-Килегей (букв. Царь-Заика). По заданию шамана Хан-Килегей проверял обитателей различных земных государств. Дух-покровитель соловых «ызыхов» под названием Хан-Салыг изображался желтой краской. Хакасы считали Хан-Салыг «девицей-богатырем, духом-покровителем охотников». Обращает на себя внимание тот факт, писал С. Иванов, что эта женщина в виде фигуры всадника вооружена луком и стрелой.⁷⁹ «На бубне есть еще изображение человеческой фигуры, сделанное красной краской и называемое «тайкам», т.е. учитель шамана, старший шаман», – отмечал Н. Ф. Катанов. «Тайкам» считался далеким предком, научившим людей шаманить. Рисунок его помещался в центре верхней части бубна. Дух-учитель шамана «тайкам» изображался в виде человека, «державшего в левой руке бубен, в правой – орбу или в одной бубен с колотушкой, а в другой лук и стрелу. Изображение старшего шамана, живущего на востоке, на берегу кипящего моря, избавляет больного от чесотки».⁸⁰

Верхнее царство отделялось от нижнего мира двумя горизонтальными линиями, между которыми нанесен зигзагообразный узор. Таким обра-

зом. площадь земли – средний мир, изображалась поперечной полосой из узора примыкающих друг к другу треугольников, символизировавших горы. Существовали и другие объяснения горизонтальной полосы с зигзагом. Некоторые шаманы считали ее волосным мостом «хыл көбірткі», пользуясь которым, они якобы переправлялись через моря и реки. Речь идет о подвесном мосте, который перекидывался с одного берега на другой, пишет С. Иванов. «Представители отдельных племен хакасов, будучи в составе войсковых объединений этих государств и участвуя в дальних походах, могли видеть подобные мосты в различных странах Центральной и Восточной Азии...».⁸¹

Под поперечной полосой с зигзагом изображался подземный мир, принадлежавший царству Ирлик-хана, в котором солнце никогда не светит (Ирлік хан чурты кўн азар чир). В правом секторе черной краской рисовались девять юношей – «хара оол», стоявших взявшись за руки. В некоторых случаях изображалось девять черных людей на девяти вороных конях. Девять черных человеческих фигур представляли челядь Ирлик-хана. Они передавались шаману для службы на посылках. Их обитель находится в устье трех морей. Шаман обращался к ним во время камлания со словами: «Девять моих черных плешивых слуг-поводырей, вы имеете верховой транспорт из девяти черных вороных коней. Вы имеете трость из чистой стали, вы ездите (в виде) земляной нечисти, вы имеете лицо чернее земли, предстаньте передо мною». В левом секторе желтой краской изображались семь желтых дев – «сарыг хыс». Это горные девы, помогающие шаману отводить нечистого духа, в особенности тогда, когда силы шамана ослабевают. При горном жертвоприношении они помогают карему «ызыху».

В нижнем мире рисовался представитель речного духа под названием «кир-сортан» в виде двух щук, которые служили тёсями шамана. При содействии щук «кир-сортан» кам просил духа-хозяина воды «суг-ээзи» избавить больного от водянки, «если таковой от нее страждет».⁸²

Следующим духом, отмеченным на бубнах в нижнем мире, представлялась чудо-рыба «кир-палых». Рыба «кир-палых» была одним из духов-помощников шамана и считалась отпрыском владыки моря Сугдай-хана. Она была спутником шамана при путешествии по морю, а при необходимости становилась его ездовым транспортом.

Череду чудищ продолжал «кир-моос» обликом похожий на зверя. Одно его ухо слушает небо, другое – корни земли. «Кир-моос» – это слуга Ирлик-хана, находящийся постоянно при хозяине. Ему дано право от имени Ирлик-хана избавить больного от болезни или же умертвить его, т.е. взять его душу. При сотворении человеческого тела богом Хан-Худаем Ирлик-хан сумел воспользоваться моментом и вложил «душу в человека, а потому он и имеет право взять ее обратно».⁸³

Рядом с «кир-моосом» изображался дух-хозяин овечьего желтого «ызыха» в виде двух лягушек под названием «алты путты Пай Пагац» – т.е. шестиногая священная лягушка или Кирбе-хан. Идентичный образ – Кирби-хан, имелся на шорских бубнах, которые заимствовали его из Хонгорая. Одна лягушка (ах пага), нарисованная белой краской, представляет мужскую особь, другая (хара пага), изображенная черной краской, – женскую. Лягушки во время камлания заходили вперед шамана на место моления и принимали кропление вином или брагой «абыртыхы». Духу Кирбе-хан молились при болезнях ног и рук.⁸⁴ Изображение лягушек являлось неотъемлемой частью иллюстрированного мира духов на шаманском бубне. Лягушки пугали тех злых духов, которые желали погубить отары овец. Избранные духом овечьего «ызыха» шаманские роды использовали рисунки лягушки «пага тацма» в качестве родовой тамги.

Рядом с лягушками располагались две змеи «сыр-чылан» в виде семиглавых драконов, изображаемые обыкновенно черною краскою. Одна из них считалась самцом («улуҕ сыр чылан» – большая змея), другая самкой («Кічіг сыр чылан» – малая змея). Змеи «сыр-чылан» жалили нечистого духа и уводили его на расправу к Ирлик-хану. По поручению кама указанные пресмыкающиеся зывали к Ирлик-хану, чтобы последний избавил человека от глазных и зубных болезней.⁸⁵

В нижней части мембраны бубна рисовались два серых волка (көк пүүр) и медведь (аба). Волки охраняют шамана во время камлания. Они по запаху определяют болезнь, но никуда не отлучаются и охраняют двери шаманского жилища. Фигура медведя рисовалась черной краской. Грозный дух медведя тоже охранял вход в юрту шамана и никуда не отлучался. От медведя шаман заимствовал силу для борьбы со злыми духами. Рядом с медведем рисовались две черные собаки – «Изер-Кизер». Они своим лаем извещают шамана о приближении нечистой силы. Две черные собаки и два серых волка вместе с шаманом не путешествуют, т.е. не сопровождают кама к Адам-хану. Но когда шаман камлает над тяжело больным, то они помогают быстро найти и схватить злого духа – айна и вывести его из жилища больного. Они наравне с хозяйкой огня охраняют тыл шамана, когда тот уходит в дальний путь к Адам-хану или в царство мертвых «үзүт чир». Шаман орбою направляет их действия. Например, шаман Эгиджох Абдорин лечил больного, который мучался болезнями живота. Во время камлания, подойдя к дверям, он три раза засвистел. Прибежали две черные собаки Изер-Кизер. Эгиджох показал орбою на живот больного и собаки по приказу разорвали внутренности. Из живота вылетели две летучие мыши – самец и самка. Шаман Эгиджох схватил их, устроив допрос. Летучие мыши признались, что они два нечистых духа – «айна». Однажды за ними погнался грозный шаман, чтобы пригвоздить к скале. Они залетели через дымовое отверстие в юрту и спрята-

лись в кадке с водой. Утром ничего не подозревающий юноша выпил воды и проглотил их. Ээгиджох орбою погладил по животу больного, рана затянулась, после чего молодой человек поправился.

В правом секторе нижней части мембраны бубна рисовали самого владельца атрибутов, т.е. шамана в виде всадника с луком и стрелой в руках, либо стоящим в шаманском одеянии с бубном и орбою.⁸⁶ Рисунок духа шамана носил название «пугра». Кам тщательно охранял свою «пугру», пряча изображение от глаз неприятелей.

У каждого бубна имелся свой дух-хозяин, который именовался «түбен». Идентичное название «тумен» применялось и в тувинском шаманизме для духа, повелевающего ударным инструментом (дунгур туткан тумен).⁸⁷ В хакасском языке словом «түбен» – т.е. тумен, обозначались вооруженные силы, т.е. военные отряды духов. В речи некоторых тюркских народов под «туменом» понимается дивизия. Необходимо отметить, что слова «сиріг» и «түбен» используются в языке хакасского шаманизма для обозначения армии служебных духов – тёсей. После того, как шаман распускал своих тёсей, обязательно одного духа оставлял в бубне. Дух-хозяин «түбен» приказывал шаману менять бубны через каждые три или шесть лет.

Изображения персонажей эзотерического мира, а также рисунки различных духов могли варьировать, в зависимости от родоплеменной принадлежности камов, искусства художника и разнообразия армии шаманских тёсей. На внешней стороне ударного инструмента наносили в общей сложности от 23 до 42 различных рисунков. Причем на верхнем секторе их было намного меньше (от 6 до 17), чем в нижней части. Такое же количество изображений отмечается на внешней стороне других саяно-алтайских бубнов, в частности, телеутских.⁸⁸

Шаманы могли помещать в бубен души побежденных врагов. Например, шаман Анах, расправившись с тувинской шаманкой, вбил ее душу в свой бубен. По возвращении домой он положил на пол бубен, гремящий от ее истерики, вытащил нож из ножен и пробил кожу инструмента насквозь. Из разреза брызнула кровь. Кам Анах стал ее глотать, со словами: «Пью твою горячую кровь, не будь с черными мыслями. Ты умрешь, не дойдя до дома». Таким образом он погубил свою неприятельницу.

Камы вбивали в свой бубен души умерших людей и содержали их там вместо своих служебных духов. Например, среди кызыльцев жил кровожадный шаман хромой Давыд. Из-за того, что девушка отказала ему в его похотливых домогательствах, он ее погубил, а душу вбил в свой бубен. Во время камлания душа девушки стонала: «Дьявольский Давыд, зачем ты меня держишь в бубне?». У Давыда был сын, который в 12 лет умер. Он его душу тоже вбил в бубен. Во время камлания при нанесении уда-

ров по инструменту душа сына причитала: «Отец! Зачем ты так сильно бьешь бубен?».

При помощи бубнов шаманы призывали своих тёсей. Например, когда во внутрь кама Джалбака проникла злая шаманка из Крутого лога, то он попросил подать ему бубен и начал призывать своих духов. «Но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими. Сама же она крутила у него внутри сердце. Наконец одному из духов, который помогал шаману держать бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь цепь духов шаманки и вместе с хозяином ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные. Джалбак ударил себя бубном по животу, и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голу-бого горностая».⁸⁹

Когда увозили бубен для камлания в другой аал, то на его место нужно было положить какой-нибудь подарок. Подобный обычай существовал также у тувинцев. Г. Потанин отмечал, что с них «запросили один кирпич, чтобы положить на место бубна (это правило: бубен нельзя снять с места, не положив на его место какого-нибудь подарка)...».⁹⁰ Бубен привязывали сзади короба тарантаса, а снаряжение, шаманский белый войлок и одежду укладывали с почтением поверх повозки. Ритуальные атрибуты нельзя класть на землю, иначе не будет благополучного исхода от камлания. По приезду шаманскую одежду вешали в юрте на мужской половине, а поверх костюма – бубен.

В 1930-е годы, в связи с антирелигиозной деятельностью Советской власти, шаманские атрибуты были уничтожены. Например, по переписи 1934 г. на территории хакасских сельсоветов насчитывалось: 122 чатхана, 29 хомысов и всего один шаманский бубен (в Усть-Чульском с/с)⁹¹

Шаманы для камлания могли использовать и другие музыкальные инструменты. Так, например, на севере Хонгорая кам Чибетей Арыштаев применял в камлании чатхан с колокольчиками. Костюма у него не было.⁹² В долине Абакана рядом с аалом Сапогов жил кам Котой Сарлин, который также шаманил с чатханом. Он был большим мастером горлового пения. Во время сеанса камлания он три ночи подряд пел хаем под аккомпанемент чатхана.⁹³ По данным О. Кулагашевой, шаманы использовали при камлании и варган – «тимир-хомыс». Интересно отметить, что Г. Потанин зафиксировал использование варгана в шаманстве у дархатов Монголии. Он писал, что у дархатов «кроме бубна, при камлании употребляется еще железный инструмент, который вкладывается в рот...».⁹⁴ Употреблялся варган (темир-хомыс) и у тувинцев. В 1958 г. во время работы этнографической экспедиции при встрече с известным тувинским шаманом Тожу Шончуром из Тере-Холя этнограф Каралькин П. И. обратил внимание, что среди его атрибутов находилось бронзовое зеркало и варган – «темир хомыс». Шончур объяснил, что «темир-хомыс» заменяет шаманский бубен. В доказательство своих слов он показал шелковый

платок – хадак, привязанный к футляру «темир-хомыса», здесь же были и металлические стрелы, прикрепляемые к шаманскому костюму. Шончу, сказал, что бубен возить на верховой лошади неудобно, а «темир-хомыс» удобен. По сведениям С. И. Вайнштейна, в Эрзине жил шаман и кузнец Сонам Царин, «камлавший при помощи небольшого железного варгана (демир-хомус), на ручке которого была выкована фигура коня».⁹⁵

В древние времена в качестве шаманских музыкальных инструментов вероятно использовались бронзовые литавры «хола түүр» – букв. бронзовый бубен. Память о них сохранилась в фольклорных текстах, где говорится о бронзовом маленьком бубне «хола түүр» в форме таза. Он применялся как самый сильный ритуальный инструмент.

Итак, любое шаманское действие сопровождалось завораживающими звуками ритуальных музыкальных инструментов, главным из которых считается бубен. Он прошел сложное эволюционное развитие – от первоначальной рукояти с резными рисунками до «переносного алтаря». По своей конструкции, согласно определению Е. Д. Прокофьевой, бубен относится к шорскому варианту южносибирского типа с характерным внутренним устройством – резная рукоять с отверстиями по широким краям и перехватом посередине, поперечным металлическим стержнем с нанизанными на нем коническими подвесками и наличием сложного рисунка на наружной стороне. Однако некоторые особенности хакасского бубна, например, Ф-образные перехваты рукоятей, резные «бабочковидные» отверстия, отличают его от шорских и телеутских бубнов. Учитывая большое историко-культурное влияние Хонгорая на шорцев и северных алтайцев, которые по языку входят в хакасскую подгруппу, можно сказать, что указанный вид шаманских инструментов справедливости ради нужно обозначать хакасским вариантом.

3.3. РИТУАЛЬНЫЙ ЖЕЗЛ

При камлании шаманами обязательно употреблялся ритуальный жезл, носивший хакасское название «орба». В научной литературе за ним закрепился термин «колотушка», что, по нашему мнению, не совсем верно. Шаман мог камлать и без участия бубна, только «орбою». «Орба» во время камлания служила не колотушкой, а орудием управления, наказания и устрашения. Шаман пускал ее в ход для усмирения как людей, присутствующих на сеансе камлания, так и для наказания духов-тёсей, отправленных на задание. Поэтому жезл носил дополнительное определение «алтын хамчы» – букв. золотой кнут. Орба применялась в качестве орудия гадания (төрiк). Она выполняла функции ударного инструмента, под грохочущие звуки которого посылались духи-тёси к Ирлик-хану. Она применялась для лечения больных и представляла особый инструмент в

руках шамана, ограждавший человека от злых сил (хурайлачан агас). Как писал В. Суховской, жезл «имеет целебную силу, а потому при шаманстве над больным его поводят по разным частям тела больного и похлопывают слегка, выгоняя этим болезнь».⁹⁶ При помощи жезла-орба шаман проверял чистоту жилища и приготовленные для камлания атрибуты – «чага», а также невинность задействованных участников – девушек и юношей. Орба в руке шамана выражала «его внутренние помыслы, страсти, намерения и желания; (орба) производит то редкие, то частые, то сильные, то тихие удары по бубну, извлекая из него гармонические звуки, страстные, упоительные, унылые, страдальческие, молитвенные, громовые, пронзительные, так что поневоле все добрые и злые духи убегут из юрты».⁹⁷

Согласно хакасским воззрениям, начинающие шаманы получали жезл «орба» и бубен «түүүр» по решению мифического главы всех шаманов – «Адам-хана». В обычные дни орба хранилась внутри бубна, заложеной за рукоять. После смерти шамана его жезл вешали внутри бубна на дереве у могилы, в некоторых случаях родственники оставляли его дома для передачи следующему преемнику.⁹⁸ Слово «орба» имеет свои аналоги в бурятском языке, где термин «хорьбо» применяется в отношении посоха, ритуальной трости.⁹⁹ Вполне вероятно, что корень слова «орба» связан с близко звучащим термином «хорба» – побеги березы, из которых вырезался ритуальный жезл.

Хакасская «орба» изготовлялась по единой форме, напоминающей загнутую назад большую ложку. Лицевая сторона или ее ударная часть делается выпуклой. Выпуклая сторона носила название «солбы» или «хара солбы» – черная солба. Она считалась при гадании «тёрик» (төрiк) несчастливой. Тыльная сторона делается вогнутой и носит название «арт» – спинка, «олбы» или «ах солбы» – белая солба. Она при гадании определяла счастливый исход камлания. Материалом для изготовления «орбы» служили дерево или кость. В древние времена предки хакасов изготовляли ритуальные жезлы из камня (тас орба) и даже из бронзы (хола орба). Хакассские мифы утверждают, что на дне реки Абакан покоится трехвильчатая каменная орба, спрятанная там великими шаманами до заветных дней. Ныне якобы пришло время ее поднять и вернуть скрытых там могущественных духов. В начале XX в. шаманка Хыджах Райкова попробовала камлать с целью добыть со дна Абакана каменную орбу. Но ее духи не сумели справиться с тяжелой задачей. Когда же она не смогла достать заветный жезл, то ее шаманская сила пропала. Тёси покинули самонадеянную особу и ушли к другому каму.¹⁰⁰ Подобные представления о каменной орбе имеются у тувинцев (даш орба) и алтайцев (таш орбо).

Согласно легендам, крупный бай Нартас Азраков в горах нашел каменный жезл «тас орба». В тайне от всех он начал камлать орбою, и гор-

ные духи преподнесли ему в дар длинноногих, длиннохвостых и длинноухих овец. Благодаря этому покровительству Нартас разбогател. Ежегодно он совершал моления горам, двигаясь от скалы Тапсаачы-хая на восток до гор Харахазылыг.

Деревянный жезл-«орба» изготовлялся из трехлетней березы «тайхазын» или таволожника «табылгат», длиной 250–300 мм. Шаман сам выбирал нужное дерево и окроплял искомый предмет аракой. Предпочтительным материалом служила береза «хорба хазын», из корней которой выросло три побега. Отрезался отросток с солнечной, т.е. восточной стороны. Иногда вырубалась часть ствола березы определенной длины. Оставшееся произрастать на корню дерево не должно было засохнуть, иначе не будет успеха. На место среза клали монету, завязанную в белую тряпицу, или сам ствол обворачивали белой материей. Березу благословляли непробованным первачом «амзабаан арага». Три раза из трех чашек окропляли место среза, три раза совершали обход по движению солнца (күнгер). Затем три раза через плечо бросали чашку с ложкой, производя гадание «төрйк». Если они упадут вверх углублением, то значит сделан прекрасный выбор («алтын төрйк» – букв. золотая судьба). Если лягут разными сторонами («олбы-солбы»), то все равно ожидалась польза. Но если чашка с ложкой упадут вверх дном, значит выпало плохое предзнаменование («хара төрйк» – черная судьба). В последнем случае место, где росло дерево, очишали окуриванием богородской травой.¹⁰¹

Бурятские посохи «хорьбо» так же, как и у хакасов, вырубали из березы. По данным В. А. Михайлова, буряты «вырезают из живой березы со стороны солнца, т.е. восхода, два бруска конных тростей – морин хорьбо. Березу, из которой вынимают бруски для тростей, тщательно завертывают корой, чтобы дерево не завяло, а продолжало расти, так как иначе трости не будут иметь живой силы».¹⁰²

В сагайской части Хонгорая для жезлов использовали ствол красного таволожника. Выбирали крупный куст, имеющий корни с тремя разветвлениями в виде вилки. Орба из него делалась длиной 200–250 мм., при ширине 50–60 мм. Ударная часть делалась шире, чем рукоять. Аналогичные орба изготовлялись телеутами и северными алтайцами, у которых они делались обязательно из таволожника. «При этом разыскивали такой таволожник, у которого на стволе росли ветки пучками, из одного узла не менее трех веток (иногда пять). Обшивалась кожей с лапы самца косули». К ней привязывали ленты, аллегорически называемые «алтын туу» – золотой флаг. Орба у тубаларов делалась или из таволожника и обтягивалась шкуркой зайца, или из березы и «обтягивалась шкурой курана, взятой с правой ноги».¹⁰³

Костяные жезлы являлись прерогативой сильных шаманов, которые, отправляясь к Ирлик-хану, обязательно должны были предстать перед

ним с костяной орбой в руках. Последние изготавливались из плоских рогов трехлетнего лося и назывались «мүүс орба» – букв. роговой жезл. Костяной жезл из рога лося, хранящийся в Хакасском республиканском краеведческом музее, имеет длину 225 мм.; длина ударной части – 140 мм., ширина – 68 мм.; длина рукояти – 85 мм., ширина – 25 мм. (оф. № 4217/8). Орба из рога лося предназначалась для действия в отношении сильных духов-покровителей небесных «ызыхов» (сивой масти), которые могли поразить людей молнией.¹⁰⁴ Кроме того, у пожирателей душ «чеек хамов» встречались жезлы, сделанные из лапы медведя (аба табанныг орба), а их бубны, соответственно, обтягивались медвежьей шкурой. Некоторые сильные шаманы имели по две орбы – одну костяную, другую – деревянную. Например, шаман Тодан Канзычаков обладал двумя жезлами «орба».

Лицевую, ударную часть деревянной орбы (в основном из таволожника) обтягивали зимней шкурой зайца-самца, меховой стороной вверх. Во время камлания шаманы величали такой жезл «ах хозан тирігліг азыр табылгат саптыг алтын хамчым» – мой золотой кнут с ручкой: из таволожника, со снаряжением из белого зайца. Если орба обтягивалась заячьей шкурой, то на поверхности бубна изображался заяц, считавшийся духом-покровителем жезла.¹⁰⁵ Существовала определенная зависимость типа покрытия жезла от мембраны бубна. Так, например, если обтяжка бубна – «чагыг» была из маральей кожи, то орба покрывалась камусом марала, если козлиной, то камусом козла.¹⁰⁶ В XVIII в. среди качинцев встречались жезлы орба, обтянутые шкурой бобра.

Тыльная сторона орбы (орба арты), имевшая слегка вогнутую поверхность, часто покрывалась геометрическим орнаментом, резными изображениями священного дерева, животных и птиц. Если она обивалась медью, то жезл получал дополнительное имя «чис орба» – медная орба. Вдоль медной поверхности укрепляли металлические кольца числом до девяти штук, причем в верхней, средней и нижней частях тыльной стороны жезла укреплялось по три кольца.

На конце рукоятки в отверстие вдевали ремешок «үлдүрбе», который завязывался петлей. Петля, в виде кожаного браслета (пілектös), надевалась на кисть правой руки и в течение сеанса не снималась. Жезл нельзя было выпускать из рук или ронять. Если во время камлания орба выпадала из рук, то духи, рассердившись, «могут разлететься, и их трудно будет собрать».¹⁰⁷ К ремешку «үлдүрбе» привязывалось кольцо, куда вешались флажки под названием «туғ». В шаманской речи флажки жезла именуются «золотой туг» (алтын туғ), «святой туг» (арығ туғ), «грозный туг» (хазыр туғ). Они были синего, красного и желтого цветов. Общее количество флажков составляло девять штук, поэтому жезл называли «тоғыс туғлыг орба» – девятизнаменная орба. Наличие девяти боевых знамен у

древних тюрков считалось высшим числом, свидетельствующим о могуществе правителя. Если шаман отправлялся в царство умерших душ «ўзут чир», то красные и синие «туги» жезла завязывались, а распускались желтые ленты.

Хакасское название флажков «туг» восходит к древнетюркскому слову, обозначавшему понятие «бунчук, боевое знамя». Согласно представлениям тюрко-монгольских народов, в боевом знамени сосредоточен боевой дух народа. В связи с данным представлением название «туг» для флажков на жезле приобретает особое значение: как символ знамени рода и места сосредоточения его жизненной силы. При завершении камлания, когда шаман распускал своих тёсей, то он притягивал непослушных духов в «туг». Делалось это с определенной целью, чтобы грозные тёси не разбежались и не навредили народу Солнечного мира.¹⁰⁸

Духи-хозяева шаманского жезла величаются «оджаны» (очацнар). Вероятнее всего смысл слова «оджан» имел аналогию с именем духа-хозяина бубна «тубен» и в таком случае обозначал военную силу. Действительно, в тюркских языках, как например, в турецком, термин «оджак» обозначает военный корпус.¹⁰⁹ Если шаман является полководцем духов, то значит, духи его жезла представляют своеобразное военное подразделение. При обращении к духу-хозяину жезла говорится: «орба тутхан очацнарым» – мои духи-оджаны, держащие жезл орба. Идентичный призыв к духам-хозяевам шаманского жезла отмечается в молитвах шорских: «орбу шабарга очаннар» и тувинских шаманов: «орба туткан оптугларым» – мои матерые воины, держащие жезл.¹¹⁰ Тувинское слово «оптуглар» М. Б. Кенин-Лопсан переводит в значении «мои предки». Исходя из данных тувинско-русского словаря, указанное выражение лучше понимать как «матерый воин», что сближает его по смыслу с хакасским «оджацнар».¹¹¹

Глухими ударами жезла по бубну кам укреплял уверенность тёсей в победе над врагами, которые благодаря звуковой поддержке теряли страх перед любой злой силой. От жезла зависела жизнь шамана. Чтобы лишить жизни избранника духов, достаточно было «украсть у шамана колотушку от бубна и привязать ее к хвосту собаки; шаман заболел и вскоре умирал».¹¹²

Деревянные жезлы «орба» представляют древнейшие ритуальные инструменты шаманов, бытовавшие еще до употребления бубнов. Первые бубны, как гласят предания, появились в сагайской части Хонгорая. Затем от сагайцев они были позаимствованы качинцами и кызыльцами. С тех давних пор качинские и кызыльские шаманы среди хакасов считаются намного слабее сагайских. «По словам качинцев, бубнов ранее не было и еще не в далеком прошлом хорошие шаманы их не употребляли. М. Ив. Райкову несколько лет назад приходилось видеть пользовавшегося

ся славой старика, шаманившего без бубна; он не пускался в дикую – бурную пляску, и у него не было сильных вздрагиваний; изгонявшиеся из большого духи вгонялись в животных». ¹¹³

В старые времена качинские и кызыльские шаманы камлали только орбою («орбалыг хам» – кам, имевший орбу). Во время сеанса камлания применялись две орбы. Одна из них, которая называлась «улуг орба» – великая орба, служила ударным корпусом и исполняла роль бубна. Она имела вид двух полусферических чаш, соединенных ручкой. На инструмент «улуг орба» привешивали семь или девять колец, изготовленных из железа или меди. Другая под именем «кічіг орба» – малая орба, служила колотушкой для отбивания ритмов.

Во время своего путешествия во второй половине XVIII в. П. Паллас отметил, что качинский шаман вместо «бубна в руках держал (...) переро, посреди круглое, а по концам лопатками, как весла, к коим обоим привешены были колокольчики; по сему дереву бил палкою весьма искусно то по тому, то по другому концу. И кызыльские шаманы обязаны так же шаманить. После такового дерева, как они объявляют, духи им позволяют употреблять бубен, или лучше сказать, пока они довольно не разбогатеют, чтобы смочь, убив лошадь, обтянуть его ее кожей, ибо для делания бубна неотменно потребно принести в жертву лошадь». ¹¹⁴ Указанный инструмент у кызыльцев и качинцев носил общее наименование «хам тимі» – шаманское снаряжение. ¹¹⁵ Такие старинные атрибуты в начале XX в. видел наш информант Толстухин Харатай. Они принадлежали шаману Илгену Итегеневу и после его смерти были повешены на дереве, растущем на вершине горы Сохпах-хая в горном массиве Малые Оглахты.

В XIX в. недалеко от с. Тесинское, по долине р. Туба, в пещере вместе с остатками костюма были найдены две орбы, названные Д. Клеменцом рукоятками от бубнов. Они были длиной 670 мм, при ширине 90 мм. «Одна из рукояток плоская, состоит из двух расширяющихся к середине усеченных треугольников. Посередине с обеих сторон полукруглые выемки». «Вторая рукоятка иной формы. Плоский, чрезвычайно вытянутый, срезанный по концам вал. В середине наружной стороны выпуклый продольный валик, переходящий в выпуклую ручку. Под ручкой овальное отверстие». С обеих сторон вырезаны вглубь непрерывной чертой разные изображения. На наружной стороне последовательно сверху вниз представлены: небольшой четвероногий хвостатый зверь, большая и малая птицы, изображение солнца в виде кружка. Ниже идут изображения змеи, потом рыбы и лягушки. На тыльной стороне: олень, под ним последовательно три всадника. Ниже среднего отверстия – зверь, похожий на волка; затем олень, а в самом низу фигура стоящего человека. ¹¹⁶ Вырезанные фигуры (птицы, солнце, всадники, змея, рыба, лягушка) идентичны изображениям, нарисованным красками на кожаных мембранах бубнов. Эти

сведения служат подтверждением нашего вывода, сделанного на основе языковых и фольклорных данных о том, что первоначально сакральные рисунки «пизег» не наносились краской, а вырезались на твердом материале, т.е. на дереве.

Присутствие изображения оленей на ритуальных предметах не говорит об оленеводстве у хакасов, а раскрывает представление о служебных духах шаманов. Кроме того, шкуры этих животных применялись для покрытия ритуальных инструментов. Находки Л. Р. Кызласова уникальных фигурок верховых оленей из сырского чаатаса, относящихся к таштыкской эпохе, свидетельствуют не иначе как о существовании древнего феетишизма. Надо иметь буйное воображение, которым обладает сей археолог, чтобы представить стада оленей, пасущихся в засушливых степях Хонгорая.

Согласно преданиям северных хакасов – кызыльцев и мелетцев, они бубнов в древности не имели. Камляли при помощи двух деревянных инструментов – орба. Ударные инструменты представляли собою палку с изображением коня, увешанного девятью кольцами. Они исполняли «ту же роль, что бубен у других татар».¹¹⁷ У мелетцев деревянный корпус (улуғ орба) носил название «хам теми». К нему прикреплялись девять медных колец. Ударный инструмент (кічіг орба) носил название «халлах» (букв. лопасть) и был в виде лопаточки.¹¹⁸ «Начинающий шаман у кызыльцев камлал не с бубном, а посохом с колотушкой, – отмечала В. П. Дьяконова. – Посох (...) представляет собой палку с вырезанным на ней изображением коня. К нему (колл. 1833–6, дл. 61 см.) прикреплена скоба с семью железными кольцами. Как сообщают собиратели, во время камлания шаман садился верхом на палку у порога двери и бил по ней колотушкой. Колотушка (дл. 33,5 см.) к посоху лопаточкообразной формы вырезалась из дерева, с петлей для руки (колл. 1833–7)».¹¹⁹ Посохи, считает В. П. Дьяконова, являлись одним из древних видов культовых принадлежностей.

Аналогичные посохи употреблялись шаманами Северного Алтая. Г. Н. Потанин сообщал, что у черневых татар, т.е. тубаларов, применялись два посоха. Один «из них состоит из простой палки и называется таях, то есть палка, посох, другой называется тайджан и на одном конце имеет утолщение, а на другом – две подвески; это, по толкованию кама, – конь».¹²⁰ Большой интерес представляют культовые предметы бурят под названием «морин хорьбо», что значит конская трость, заменявшая у шаманов бубен. Бурятские «хорьбо» всегда имели на верхнем конце изображение конской головы. В Аларском ведомстве Г. Потанин видел шаманские «костыли» под названием «хорьбо». Это была пара деревянных четырехгранных немножко кривых палок. Один конец имеет вид лошадиной головы. Посохи у бурятских шаманов были «у каждого, тогда как бубны не у всех; как более дорогой предмет бубен заводится после».¹²¹

В музейных материалах кызыльской коллекции А. В. Адрианова под № 25380-4а упомянута «орба, колотушка кызыльского шамана – березовая, граненая, с округлой частью посередине для держания рукой. В верхней части прикреплен железная дужка с набором медных и железных колец, длиною 33,5 см.».¹²²

Многие известные кызыльские шаманы в XIX – начале XX вв. продолжали пользоваться парными ударными инструментами «орба». Например, шаман Аралай Тайдонов из сеока хамнар не имел бубна, а шаманил орбою. Великий кам Ээгиджох Абдорин, носивший шаманский костюм, имел только орбу. Больных людей он лечил при помощи жезла. Вместе с тем, уже в XVIII в. среди кызыльцев появлялись крупные шаманы, камлавшие с бубнами. Такими были кам Кудестей из аала Усть Парная, шаман Ямандыков Тискин из Ошколя и др.

В результате дальнейшего эволюционного развития ударяема. часть «улуғ орба» стала обтягиваться кожей. По сообщению И. П. Янгулова, в начале XX в. среди кызыльцев модернизированный атрибут в виде двух суповых тарелок, соединенных ручкою, покрывался сыромятью. Обтянутая кожей «улуғ орба» носила название «түўр» – т.е. бубен. Подобным бубном пользовалась последняя великая кызыльская шаманка Подось Тайдонова.¹²³

Итак, ритуальный жезл «орба» прошел длительную эволюцию – от посоха, сделанного из побегов дерева «хорба», первоначально служившего кнутом мифической лошади, до символа власти шамана, представлявшего его боевое знамя, бунчук. Силой ритуального орудия «орба» шаманы прикрепляли пойманную душу «хут» к бубну, которую затем ударами жезла возвращали больному человеку. Во время камлания «орба» служила плетью для мифического коня и поэтому носила иносказательное название «хам хамчызы» – букв. шаманская плеть или «алтын хамчы» – букв. золотой кнут. Исходя из вышеприведенных примеров, «орбу» можно считать ритуальным жезлом и символом власти шамана. Поэтому мы считаем, что вместо названия «колотушка» необходимо применять или определение «ритуальный жезл», или слово «орба», известное во всех языках тюрков Саяно-Алтая.

3. 4. ОБРЯД ОЖИВЛЕНИЯ АТРИБУТОВ

Шаманское снаряжение для начинающего кама готовилось коллективным трудом, в спешном порядке и за короткий срок. Шили костюм, обувь и шапку непорочные девушки, относящиеся к роду шамана, а бубен и жезл изготавливали только мужчины. Приготовленные атрибуты для профессиональной деятельности шамана необходимо было «одушевить». Обряд их одушевления носил общее название «тигіг тіргізерге» – букв. оживить вооружение. Аналогичное священнодействие совершалось у

всех тюрков Саяно-Алтая. Известный исследователь алтайского шаманизма В. Вербицкий называл его родовым празднеством. Проф. тапов, поддерживая его мнение, увязывал эти данные со своими наблюдениями о недопущении женщин к участию в процессе изготовления и относил обряд к родовым пережиткам.¹²⁴

Обряд «оживления атрибутов» проводился на новолуние весны. Выбирались девять юношей и семь девушек, которые еще не были в браке и сохраняли невинность. Среди девушек в первую очередь выбирали мастерицы, шившие шаманский костюм. Вожаком парней выступал впечатлительный юноша, быстро приходящий в экстаз («ниик сарыг», букв. с легкой костью) и умеющий подражать камланию («хам ыргыч», букв. с шаманскими задатками). Вожак парней (оол пасчызы) получал название Толбан-Хара, а глава девушек (хыс пасчызы) именовался Чилбен-Сарыг. Их названия связаны с персонажами подземного мира, в котором руководителями девяти черных парней (хара оол) и семи дев (сарыг хыс) носили имена Толбан-Хара и Чилбен-Сарыг. Они считаются детьми «хуу-хатов» – подземных ведьм из царства Ирлик-хана.

После изготовления одежды, бубна и жезла совершали обряд «тириг тойы» – празднование снаряжения. Около дверей юрты шамана собиралась молодежь, которая распевала шаманские гимны. Затем парни и девушки по очереди примеряли на себя одежду, предварительно окуривая ее дымом родской травой (ирбен) перед очагом. До тех пор, пока атрибуты не оживлены, самому шаману к ним нельзя было прикасаться, иначе его жизненный век станет коротким (час чох). Начинающий шаман «пробовал» своих духов-тёсей к вожакам молодежи Толбан-Хара и Чилбен-Сарыг, а те, примерив на себе костюм, вели себя словно настоящие шаманы. Чтобы тёси не пристали к другим участникам празднования «тириг тойы», последние брали в рот угольки (хара көс) из очага. Обряд надевания одежды на невинное юношество носил дополнительное название «тириг нииктирге» – букв. облегчить, т.е. ввести в транс вооружением. До тех пор, пока костюм и ритуальные инструменты – бубен с жезлом не оживлены, не пройдут обряд оживления, они значились как «хара тириг» – черное снаряжение. Не прошедший обряд оживления бубен назывался «хуруу түүр» – пустой бубен или «пизегі чох хара түүр» – не имеющий рисунков черный бубен. Пустой атрибут не имел ни изображения, ни появившихся лент «чалама». Аналогичное название «пизегі чок хара түүр» бытовало у шорцев.¹²⁵ Черными обозначались также атрибуты умершего шамана, ибо они покидались духами-хозяевами.

В общем русле течения праздника снаряжения над «черным» бубном проводили ритуал «түүр нииктендірге» – букв. облегчить, т.е. отделить бубен от земной тяжести. Инструмент обязательно отдавали на

рать молодежи. Каждый из участников молодежной игры привязывал к поперечной перекладине бубна ленты «чалама».

Утром обвязанный лентами бубен «чаламалын туур» и костюм оглавались в руки юношам и девушкам, которые верхом отправлялись по близлежащим аалам, чтобы обвезти их по сорока юртам. Это действие носило название «тириг ааладарга» – отправить в гости снаряжение. Девять парней на трехлетних конях и семь дев. оседлав трехлетних кобылиц, объезжали сорок юрт в течение трех дней. Во время движения кавалькады по дорогам Хонгорая царилو большое веселье.

Вожак парней, называемый Толбан-Хара, надевал на себя головной убор «хамдых пöрик», шаманскую куртку «хамдых тон», брал в руки бубен и жезл. Руководительница девушек, называемая Чилбен-Сарыг, помахивала в руках опахалом «чилбег» из березовой ветви. По пути она собирала ритуальные ленты «чалама» и вела на поводу коня вожака парней Толбан-Хара. Если начинающим шаманом оказывалась женщина, то шаманский костюм сначала надевала руководитель девушек (хыс пасчызы) Чилбен Сарыг, а глава парней, наоборот, вел ее коня. Когда обвозили по селениям снаряжение «хам тирии», то его по очереди должны были надевать все участники обряда. Бубен с орбою также по очереди передавали юношам, а «чилбег» девушкам, чтобы камлали все участники обряда. Поочередное ношение костюма простыми людьми до предоставления его шаману носило название «хам тиринн тилідерге» – укреплять (силы) шаманского снаряжения.

Кавалькада молодежи с шаманскими атрибутами объезжала каждую из сорока юрт три раза по солнцу. Потом ставили коней перед дверями помещений и, не заходя внутрь, пели молитвы. Хозяева каждого дома выходили на улицу встречать приезжих посланников, угощали их вином, привязывали на новую шаманскую куртку ленты «сызым», прикалывали раковины каури, а на бубен и на жезл вешали флажки «чалама» (манчы) и знамена «туу». Вожаку Толбан-Хара, наряженному в шаманский костюм, вручали молочную водку «арак» и съестные припасы. Подарки и продукты, собираемые участниками обряда «оживления» шаманских атрибутов, назывались «чүлүг». Вместе с девятью парнями и семью девами на телеге ездил специальный человек «чүлүгчи» – собиратель приношений, который отвечал за подарки и складывал в телегу все преподнесенные продукты. Материальные средства на приготовление снаряжения для костюма нового шамана собирались всем миром. Кавалькада молодежи могла ездить по аалам не более трех дней.

После посещения сорока дворов участники обряда возвращаются в юрту шамана, где делается праздник «кiчiг той» – малое празднество или «түүр ойны» – игрище с бубном. Словом «ойын» – букв. игра. У многих тюркских народов называются шаманские церемонии, пляски и пение.

Утром, на следующий день после возвращения из трехдневной поездки «тириг аалатханы», избранный художник начинал разрисовывать бу-

бен. Когда краска нанесенных изображений достаточно высохла, ритуальные инструменты передавались в руки юношам и девушкам, которые по очереди играли на них. Игрище с бубном «түүр ойны» проходит при песнях и танцах, на улице, иногда за селением. Во время праздника «түүр ойны» бубен мог брать любой юноша. Молодежное веселье продолжалось в течение трех дней. До тех пор, пока еще рисунки не были нанесены на бубен, разрешалось подросткам поиграть с бубном. Каждый из присутствующих юношей имел право побарабанить на бубне. Такие игры носили специальное обозначение «нииктендірге» – т.е. открыть дорогу в астральный мир (букв. сделать бубен легким).

На третий день праздника «түүр ойны» все снаряжение торжественно передавалось шаману, который его «бронировал» своими духами. Наступал завершающий этап празднования – оживление шаманских атрибутов, которое называлось «түүр тойы» – празднование бубна или «улуг той» – букв. большое празднество. Для оживления одежды, жезла и бубна молодой шаман камлал вместе со старым, который открывал ему дорогу. Обряд оживления бубна – «түүр тіргізерге» начинали ко времени захода солнца.¹²⁶ Ночью в юрте устанавливали девять кадок с ритуальным напитком «абыртва», приготовленным из талкана. Ставилась ритуальная березка, забивался жертвенный барашек.

Согласно сведениям Л. П. Потапова, сначала шаман восстанавливал индивидуальную историю тальника или березы, «из которых были сделаны обечайка и рукоятка, от начала их роста и до момента заготовки для бубна».¹²⁷ Во время обряда «түүр тіргізерге» он «должен был во всех подробностях восстановить всю обстановку, при которой происходила работа по заготовке и частичному изготовлению деревянной основы бубна». Шаман «брызгал жертвенной брагой на обод бубна. Обод оживал и через шамана рассказывал присутствующим о том, как он жил в лесу, будучи деревом, страдал от мороза и т. д.». Рассказ духа обода заканчивался клятвой хорошо служить шаману.¹²⁸ Затем шаман брызгал вином на кожаное покрытие «чагыг» и начинал искать душу – «хут» животного, шкурой которого обтянут бубен. Шаман отправлялся в поход и в «иллюзорном» мире обходил все места, где были добыты зверь или скот. Когда оживляют бубен, покрытый шкурой коня, то нужно идти и искать душу той лошади, из шкуры которой сделан бубен. Проверяют все ее поколения и даже ту первую дикую лошадь, которую впервые поймал и приручил человек. Душа лошади, из шкуры которой сделан бубен, сама поведет шамана к своим предкам. Шаман катал бубен по полу, подражая ржанию матери того жеребенка, которого надо заманить. Когда кам ловил душу лошади, то в это время нельзя было смеяться и смотреть в сторону бубна. Бубен ставился на пол ребром, а сам шаман становился рядом на одно колено. Молодой шаман имитировал обучение лошади для верховой езды. Он как будто бы набрасывал аркан, надевал подпругу

и засовывал ногу в стремя и имитированного коня, при этом ударяя и поглаживая бубен орбою. Он садился верхом на бубен и катал его по полу. Укротив свое ездовое животное, камы только тогда могли отправляться на нем к хозяину всех шаманов – Адам-хану. «Не исключена возможность, – писал С. Иванов, – что отдельные фигуры коней (на бубне) с развевающейся гривой изображали первоначально диких коней, когда-то во множестве водившихся в степях между Абаканом и Енисеем, о чем неоднократно упоминают старые авторы. В далеком прошлом предки хакасов также могли охотиться за дикими лошадьми и приручать их...».¹²⁹

Если бубен был обтянут козлиной шкурой, то шаман отправлялся к месту, где дикая коза была убита, затем следовал до того места, где она родилась. Если мембрана «чагыг» была сделана из маральей шкуры, то шаман отправлялся в тайгу, где убили марала. Он бегал словно марал или дикая коза, следуя по их дорогам. Нужно было найти место их рождения, ибо там осталась душа – «хут». Найдя место рождения, шаман ловил душу животного и вбивал ее в бубен. Только с момента внедрения души – «хут» в бубен тот считался оживленным. Тогда марал (козел или олень) оживал и «устаами шамана также рассказывал о себе. Олень или марал говорил о своем рождении, родителях, детских годах, зрелом возрасте, о том, как питался, по каким местам ходил и т. д. Оживленный марал или олень доводил свой рассказ до того момента, когда он погиб от руки охотника, и тоже заканчивал свое повествование обещанием хорошо служить шаману».¹³⁰ Камлание оживления продолжалось вплоть до утра. После своего оживления бубен получал название «ах түүр» – белый бубен или «тігір түүр» – живой бубен.

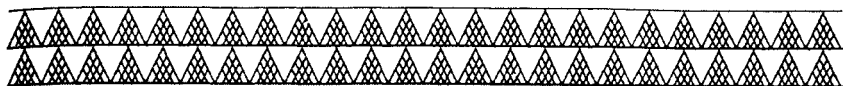
«Во время первого камлания с новым бубном шаман предсказывал судьбу каждого из тех присутствующих, кто этого желал, и привязывал к перекладине бубна ленту из цветной материи. При этом считалось, что у человека, которому предстояла близкая смерть, лента от бубна обрывалась, словно срезанная ножом. Обрывание ленты считалось самым дурным предзнаменованием для привязавшего ее».¹³¹

Неоживленный жезл носил название «хара орба» – черная орба. До тех пор, пока его не освятил шаман, жезл давали подросткам и юношам поиграть. После оживления бубна шаман приступал к священнодействию над жезлом – «орба». Дерево, из которого его должны были сделать, и где оно росло, определялось шаманом заранее. Сородичам надо было найти необходимую лесину и принести заготовку. Во время «оживления» орбы шаман отправлялся за душой на место рождения дерева. Например, шаману Степану Килежекову жезл сделал Маган Кинзенов из верхнего изгиба полозьев саней. При оживлении орбы Степану долго пришлось искать следы ее происхождения. Сани были сделаны русскими мастерами из долины Енисея. Поэтому Степан, изнемогая, долго камлал, пока, наконец, на правой стороне Енисея не нашел то место, где выросло это дерево.

У соседних шорцев, как и у сагайцев, орба изготовлялась из таволожника и обтягивалась «шкуркой белого зайца-самца. Считалось необходимым, чтобы заяц был пойман без участия собаки. Шкурка его сшивалась на колотушке суровой ниткой».¹³² Если орба была обтянута шкурой зайца, надо было также определить место, где он был убит, а затем подкрасться к месту его рождения для захвата души – «хут». Шаман гнался по всем местам, где бегал заяц. В месте его рождения он хватал его душу, говоря: «худын хаптым» – поймал его душу. С этого момента орба считалась оживленной. После обряда оживления жезл получал название «ах орба» – белая орба. Только потом, с оживленным снаряжением шаману можно предстать перед ханом шаманов – Адам-ханом.¹³³ Адам-хан измерял окружность обода бубна, определял количество подвесок – «сюнгиоров», колокольчиков, проверял высоту рукояти «марс» и т. д.

«Оживленный» бубен служит исправно в течение трех лет, а затем по решению духов-хозяев его надо было обновлять. Жезл, по всей видимости, не обновлялся. У северных алтайцев и шорцев жизнь шамана исчислялась количеством бубнов, предопределенных духами родовых гор. «В течение своей жизни телеутский шаман имел от трех до девяти бубнов, делая их поочередно, по мере истечения срока камлания каждым бубном, назначенного духом-покровителем шамана. Одним бубном шаман у телеутов камлал от трех до пяти лет, а затем делал новый», – писал Л. Потапов.¹³⁴ «У тубаларов воззрение на прямую связь бубна с жизнью шамана выражалось в поверьи о том, что если шаман во время камлания случайно ломал свой бубен, то его ожидала болезнь, в предотвращение которой он должен был принести в жертву духу-покровителю лошадь или корову, а затем получить разрешение сделать новый бубен».¹³⁵ Среди тюрков Саяно-Алтая бытовало представление о связи ритуальных атрибутов с жизнью самого шамана. Если уничтожить бубен или жезл, то таким образом можно было умертвить шамана.

Итак, обряд оживления шаманских атрибутов «тиріг тіргіскені» относился к родовому празднику и состоял из четырех действий: 1) «тиріг тойы» – праздник изготовленного снаряжения, где нужно было «тиріг нийкирге» – «облегчить» вооружение, для этого молодежь надевала шаманскую одежду и таким образом освобождала ее «от земной тяжести»; 2) «тиріг аалатханы» – объезд сорока юрт кавалькадой из девяти парней и семи девушек с шаманским снаряжением в течение трех дней; 3) «түүр ойны» – игра с бубном или «кічіг той» – малый праздник, т.е. молодежная игра с «голым» бубном в течение трех дней; 4) «түүр тойы» – праздник бубна или «улуғ той» – букв. большое празднество, т.е. когда шаман во время камлания, отправившись за душой ритуальных животных, оживлял бубен и жезл. Обряд оживления требовал от участников ритуальной чистоты и проводился на новолуние.

ГЛАВА 4. ШАМАНСКИЕ КАМЛЕНИЯ

4. 1. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИНОЙ МИР

Шаманские путешествия в мир иной реальности представляли основу священнодействия камов и осуществлялись при тщательной подготовке со стороны руководителя сеанса камлания. Время проведения обрядов шаманы назначали в зависимости от фазы луны. Если случай выпадал на старый месяц, который не соответствовал необходимому сеансу, то переносили действие на новолуние. Как отмечал Н. Ф. Катанов, если шаман камлал «ызыху», то время назначалось на новый месяц, а если при болезни от нечистой силы «айна», то на старый.¹

В юрте заранее готовилось место камлания «хамнир орын», которое должно располагаться вокруг очага. Для выполнения обряда шаман привозили домой в первой половине дня и после угощения давали отдохнуть. Он ложился спать, чтобы набраться сил до вечера. Пользуясь возможностью, он прислушивался к разговорам, определяя причины вызова. По этому поводу хакасская поговорка гласила: «Искен хам көрігчи, көрген хам пілігчи» – Слышавший шаман – ясновидец, видевший шаман – знаток.

Обряд шаманского радения всегда совершали только ночью, после захода солнца. Ритуал камлания носил хакасское название «хамдых» (хамных) – путешествие в шаманский мир или «хамдыхха чөрерге» – поехать в шаманский мир, т.е. совершить путешествие в иную реальность. Если шаманский поход оказывался очень далеким, то он приобретал особое название «салбы» – путь великих боевых подвигов. Во время грандиозного похода кам мог по Енисею достичь Северного Ледовитого океана (Пустыг тиңіс талай) и погрузиться на дно его морей. Он имел возможность отправиться на юг и добраться до мифического медного обелиска «Чир кині чис обаа», находящегося в центре Земли. Шаман мог взять курс на запад, пролететь над Великой степью и достичь Каспийского (Хаспа талай хайрахан), а затем и Средиземного (Чир ортазы Чирім талай) морей. Он был в силах подняться в открытый космос и добраться до Полярной звезды, представляющей центр Вселенной. В Солнечном мире нет ни одного моря, ни одной крупной реки и горного хребта, о которых бы не ведал шаман. Во время путешествия он, пролетая над горами, реками и морями, называл их имена, сопровождая ударами по бубну. Каждый удар свидетельствовал о

преодолении препятствий. Например, если на пути встречается река, то он называет ее по имени и просит у речного духа – «суг-ээзи» разрешения для переправы. Духи-хозяева названных рек требовали кропления им аракой. Помощники шамана черпали вино из чашки, брызгали в сторону дымового отверстия и просили речных духов вкусить предлагаемых даров. Таким же образом шаман перечисляет все встречающиеся горы и хребты. При одном ударе он перелетает одну гору, при втором – вторую. Обратный путь шаман не комментировал, а прямо возвращался домой.

Перед облачением в ритуальный костюм присутствующие девушки прикалывали к шаманской куртке «хамных тон» новую пару лент «сы-зым», а к шапке – новую «чалама», красную и синюю или белую и синюю. Ленты и металлические подвески дарили верующие, получающие облегчение от болезни. «Но каждая юрта имела право пришить к полукафтаны только один лоскуток, или одну вещь в первое посещение шамана. В каждой юрте он мог лечить 20 раз и 20 больных; но другого лоскутка он уже не получал», – сообщали наблюдатели XIX в.² Когда шаман достигал звания «пугдура», т.е. старшего, то к его кафтану давали не по одной ленте с юрты, а по числу живущих в ней душ. Перед камланием к стропилам юрты хозяин подвешивал белые и синие ленты «манчы» с привязанными к ним монетами, раковинами каури и перламутровыми пуговицами «тана». После камлания ленты «манчы» прикреплялись к внутренней части бубна.

К назначенному вечеру в юрте собирались все жители аала, чтобы «сесть перед шаманом» (хамга одыарга). Камлание являлось коллективным мероприятием с обязательным присутствием соседей. Однако детям присутствовать нельзя. Во время сеанса зрителям запрещалось иметь при себе ножи («ханнуг піліг» – букв. окровавленное лезвие). Чтобы оградить жилища соседей от шаманских напастей, к дверям всех других юрт аала обязательно прислоняли острое оружие – топор, лезвие косы или нож. Кроме того, при входе в каждую юрту подвешивали женские штаны, обладавшие нечистым духом «пуртах», и закрывали дымовое отверстие. Указанные средства служили защитой от черных сил – «айна», которые могли изувечить оставленных дома маленьких детей.

По заданию шамана в юрте устанавливали необходимый реквизит – принадлежности, необходимые для шаманского действия. На столик ставили девять бутылей никем не пробованной араки (амзабаан арага) для питья и кормления духов-тёсей. Вином из девяти бутылей угощали собравшихся соседей. Если кто-либо проливал напиток на пол или даже только капал, то шаман бил его орбою. За время камлания надо было выпить все количество спиртного. Ритуальное кормление для шаманского путешествия называлось «ат кōдїрбес пай сабан» – букв. священный сосуд, который не поднимет конь.

Производилось кропление кровью. Забивалось жертвенное животное – белый ягненок с черной головой. Кровь из грудной полости (көгіс хан) наливали в чашу и ставили на стол. Кропление производил мужчина. Для кормления тёсей делался горячий пар «хам пузы». Отваривали правую половину грудной части ягненка. Мясо в казане готовили незамужние девушки, принадлежавшие к сеоку хозяина. Поверх казана, где готовилось мясо, раскладывали дощечки, на которых на пару варили легкие и сердце. Горячее мясо, легкие и сердце клались на столик. От них поднимался вверх пар – «оор-пус», которым кормили духов гор и рек. Голову и ноги жертвы, опалив и отварив, ставили под столик.

Когда хозяину нужно было получить жизненную силу «хут» на разведение скота, то перед камланием через дымовое отверстие «түнүк» заносили трехлетнюю березку с корнями и устанавливали в почетной части юрты (төрпазы). На нее вешали семь и девять женских сережек «ызырга». Шаман орбою проверял чистоту березы и повешенных на нее атрибутов.³

В сагайской части Хонгорая ставились три кадки с ритуальным напитком «абыртва». После того, как шаман получал от горных духов жизненную силу «хут» для скота хозяина, он стряхивал эту душу из бубна в кадки с «абыртва». Горный хозяин мог выделить счастье на развод жеребят, телят и даже цыплят.⁴

Значительную роль в шаманизме играли родовые горы, где хранились души детей рода. Например, родовой горой сеока сайын является гора Талбырт по р. Таштып. Именно оттуда повелители духов получали детские души. Зимой горные духи засыпали, поэтому в снежное время года шаманы их не тревожили. В холодный период, когда горные духи находились в глубоком сне, камланий, им посвященных, как и зимних праздников, у хакасов не существовало.

Для шаманских обрядов применялась деревянная чашка «хара чірче», до черноты обожженная на огне, и такая же деревянная ложка «хара сомнах». Поднос для культового служения, сделанный из бересты, носил название «хам типсізі» – шаманское корытце. Сюда клались мясо, семь кандыков, семь трехлетних хариусов, девять отваренных картофеля, девять мучных блюд – «теертпеков».

К дверям юрты привязывали жертвенный выкуп – «толыг» в виде черной телки или коня, которых после камлания шаман забирал себе. Во время шаманского сеанса закрывались все иконы. Запрещалось креститься, произносить слова «о господи!» и производить другие знамения, связанные с христианством.

Обычно каждую весну и осень, на третий день новолуния полагалось в каждой юрте совершать жертвоприношение покровителю скотоводства – «Ызых-хану». Если нерадивый хозяин забывал почитать «Ызых-хана», тот в гнев напускал болезни. При недомогании человека от действия покровителя

скотоводства совершали обряд «ызых кӧдӱртерге» – заставить подняться «ызых». Весной, когда вскроются реки и растает земля, когда закукует кукушка, и осенью, когда все замерзает, приглашали шаманов очищать место жительства. Обряд носил название «чурт айназын кӧдӱртерге» – заставить подняться нечистую силу жилища. В результате совершения обряда из дома выгонялась поселившаяся черная сила «айна». Шаман открывал серебряные двери какой-нибудь скалы и закрывал там нечистую силу «айна».

Хакасские охотники перед выходом в тайгу специально обращались к шаманам за помощью. По просьбе промысловиков камы совершали обряд «ан худын тартырарға» – притягивания счастья – «хут» зверей. Обычно так поступали при охоте на соболей (албагы худы), медведей (аба худы), лосей (пулан худы), маралов (сыын худы). Под влиянием шаманских сил нужные звери пригонялись на тропу охотника. Духи-тёси выступали в качестве пастухов. Они следили за зверями и не давали им разбегаться.

Для каждого сеанса камлания выбирались помощники, которые носили названия «идекчин» – т.е. паж, или «чачок» – т.е. дьячок (термин, заимствованный из христианства). Из среды присутствующих назначали от трех до девяти и больше энергичных помощников, играющих большую роль в успехе шаманского радения. На северной стороне, около дверей, находился человек «ізікчі» – букв. привратник, который при словах шамана – «мой журчащий царский родник», плескал водой на улицу из ведра. Водные процедуры делались для того, чтобы тёси не засыпали в пути.

С южной стороны находились помощники «таахпычы», которые зажигали и прикуривали трубку. Во время краткого перерыва, при шаманских словах: «Мои подлунные, жалко ли вам горькой травы, которую не ест собака?» – подавалась раскуренная трубка. Табак прикуривали от угольков очага. Запрещалось разжигать трубку от спичек, которыми шаман брезгует. После курения кам, держа трубку в зубах, бросал ее через голову. Собравшиеся караулят, хватают ее, не допуская падения на землю. Если трубку уронят на землю, то ее очищали дымом богородской травы. Помощники, под названием «аласчы», в нужный момент, когда шаман произносил: «можжевельник из Алтайского хребта» или «моя богородская трава из девяти вершин», встав за спиной шамана, окуривали его богородской травой. Следующий вид помощников носил название «нааныгчы» (качинцы), «сӱӧктечең кізі» или «ілігчі» (сагайцы) – т.е. кропильщики. Они стояли у очага со стороны дверей и кропили в сторону дверей аракой или молоком. Их насчитывалось до трех человек. При словах «горькая родниковая вода, которую не пьют собаки», помощники «нааныгчы» кропили вином. Кропильщики, брызгая аракой, восклицали: «Сеек, сеек!». Когда шаман произносил: «ах тамырым» – мой белый корень, то брызгали молоком. Если помощники «нааныгчы» не успевали вовремя совершить кропление, то шаман бил их по голове орбою. Счита-

лось, что если помощник в нужный момент не подаст табак или араку, то после камлания больной человек еще больше заболит. Задержка кормления тэсей ритуальными напитками отрицательно влияла на пользу камлания. При столкновении на пути с другим шаманом руководитель моления, пораженный соперником, может упасть в обморок. При потере чувств его поддерживали помощники-мужчины, не давая упасть на пол. Женщинам было запрещено прикасаться к телу шамана.

В юрте, где проводились радения, спать запрещалось. Кам просил присутствующих бодрствовать, ибо ему трудно будет совершать шаманское путешествие, особенно при подъемах на высокие снежные горы – тасхылы. Если кто-нибудь из зрителей засыпал, то шаман будил людей ударом своего жезла «орба» по лбу или обливанием водой. Соблюдались гипнотизирующая тишина. Запрещалось вставать и переходить путь движения шамана от очага к дверям. Нельзя было во время камлания выходить на улицу. Если кто-нибудь не выдерживал и мочился за сундуками юрты (кõндей), то при этом нарушении ритуальной чистоты шаман терял сознание. Его приводили в чувство окуриванием богородской травой (ирбен), дым которой очищал шамана и помещение юрты. Все это подавляло сознание присутствующих людей и у них во время сеанса возникали массовые галлюцинации.

Перед началом камлания обязательно совершали обряд окуривания «алас». Обряд с использованием дымящихся ароматических трав связан не только с ритуальной чистотой. Запах ирбена притягивал чувствительных гвардейцев шамана. Окуренная богородской травой юрта радует духов-тэсей. Для камланий ирбен заготавливали летом с семи или девяти холмов. Богородской травой очишалось также и снаряжение шамана. Кам, облаченный в костюм, окуривался сам, начиная с ног, и вдыхал в себя дым, исходящий от ирбена, положенного на совочек с горящими девятью углями. Затем закуривал табак, перемешанный с богородской травой.

После наступления темноты шаман вооружался своими доспехами. С южной стороны юрты стелился белый войлок, стоя на котором он облачался. Сначала надевались сапоги, затем куртка «хамдых тон», и потом шапка. Помощники, окурив богородской травой «хамдых тон», накидывали одежду ему на плечи. Затем ему в руки подавали бубен и орбу.

Перед началом камлания бубен сушили, держа его внутренней стороной над очагом. Делал это старший мужчина, относящийся к людям – «ник сõõктг», т.е. легко впадающим в транс (букв. с легкой костью). Женщина не имела права прикасаться к бубну, даже если он принадлежал шаманке.⁵ Степень накаливания бубна определялась самим шаманом ударами орбою по инструменту. Подогревание или подсушивание бубна у огня очага перед камланием носит название «аба-» – букв. притягивать пламя.⁶ В подтаежных селениях Хонгорая процесс сушки бубна на огне называли

«ханырат-» – заставить звучать, «хахтыр-» – заставить бить или «хахсахтыр-» – заставить рассохнуться. Термин «аба-» применялся вероятно уже в древнетюркскую эпоху, ибо соответствует уйгурскому глаголу «аба-» – бить в бубен при гаданиях и лечении.⁷

Встав перед очагом со стороны дверей (от соо), шаман водружал бубен на спину и кланялся огню. Сначала он, обернувшись лицом к очагу, благословлял богиню огня «От ине». Вокруг очага втыкали девять шампуров с нанизанными на каждый тремя кусочками сала и ленточками «чалама» красного и белого цветов. Обойдя очаг от трех до девяти раз по солнцу, шаман левой рукой бросал шампуры в огонь. Жирная пища с красно-белой «чаламой» служила жертвой – «толыг» для «От ине». Шаман испрашивал у духа-хозяйки огня благополучия для своего путешествия. Получив благословение, он бросал чашку с ложкой через плечо, производя гадание. Если чашка с ложкой упали вверх углублением, то все восклицали «алтын төрік» – золотая судьба, значит, кам получал поддержку со стороны «От-ине» в виде огненного заслона (отха хуяхтанча). Дух-хозяйка огня не сопровождала его в боевых походах, но она открывала путь шаману и зорко охраняла его тыл (т.е. жилище больного) во время сеанса камлания.

После жертвы для «От-ине» кам приступал к вызову своих духов-тёсей. Он открывал дверь и, оглядываясь по сторонам, издавал очень сильный свист. Затем шаман пятился от дверей к очагу, где, сев с южной стороны по-турецки на белый войлок, раскачиваясь, читал молитвенные призывы. Он начинал бить в бубен сначала тихо, затем громче, изредка свистя «глухо и протяжно, призывая этим свистом духов, причем слышится попеременно два различные свиста: внутренний, производимый при вдыхании воздуха, и наружный – при выпускании его из груди сквозь губы». Вызывание тёсей и песнопение соответствуют такту и звукам музыки. Шаман производит его то медленно, чуть слышно, углубив лицо во внутренность бубна, то скоро и громко. «Чистый и звонкий тенор шамана имеет свою особенную мягкость и приятность, а грустный, умоляющий напев наводит тоску в безмолвии ночи, он звучит странной и дикой прелестью, поражающей ухо европейца; особенно приятны волнующие звуки его голоса, когда он, выскочив из юрты на улицу, громко поет унылую, дикую свою арию голосом отрывистым, трогательным, падающим на душу».⁸

Явившиеся духи-тёси – как тени человека, падающие от месяца в светлую лунную ночь. Они дают ответы на понятном для шамана языке, но внутренним голосом, не слышным присутствующим, как будто бы человек говорит про себя. «Сначала бубен держался вертикально перед лицом, и шаман бил в него без особого шума, сопровождая удары тихим бормотаньем. Бормотанье становилось все быстрее и громче – до тех пор,

пока не превращалось в настоящее неистовство», – записал свои наблюдения И. Гмелин.⁹

Прилетевшие по вызову духи плотной стеной окружали фигуру шамана. Процесс объединения кама с духами-тёсями носит название «оба-чибе тартынарга» – поглощать вовнутрь (содрогаюсь всем телом) или «оба тартарга» – т.е. глотать. По всей видимости, имелись тёси, которых шаман поглощал вовнутрь себя, а после камлания отрыгивал. По сведениям наших информантов, для понятия объединения шамана с духами употреблялось также выражение «тёс хостирга» – присоединять тёсей или «тёс чагарга» – прилепить тёсей. Большую часть духов он вбивал в бубен и окружал ими свою персону. Поэтому человека, имеющего связь с нечистой силой, называют «хостагылыг кизи» – букв. присоединенный (к духам).

Когда шаман объединится с тёсями в одно целое, то становится грозным воителем и может совершать суровые поступки. Окруженный духами, он впадает в транс, называемый «икселген» (букв. непрерывное раскачивание). Старики и старухи приобретают легкость молодости. У шамана пропадает ощущение боли, жары и холода. Тёси сотрясают его спину и плечи, заставляют его рот и язык петь гимны. Поэтому при завершении камлания шаман просит их развязать его спину и плечи, отпустить его рот и язык. Во время камлания шаман кукует кукушкой, ухает филином, воет волком, ревет как медведь, поет горловым пением с громким свистом. С помощью указанных действий, как говорили хонгорцы, у него «разыгрывается кость» – «сёбк ниидир» (букв. облегчается кость), благодаря чему шаману делается легче и он поднимается, то есть может мысленно летать.

Чтобы духи-тёси не боялись далекого путешествия «салбы», он оберегает их силою атрибутов. Шаман закрывает тёсей в бубен, троекратно обводя вокруг него орбою, постоянно стуча по нему и читая молитвы.

По данным Н. Ф. Катанова, в шаманских молитвах «о каждом духе говорится: 1. Где он живет и где любит отдыхать; 2. На каком коне ездит, каким кнутом погоняет коня и в каком море поит своего коня; 3. На какой постели он спит и каким одеялом накрывается; 4. В какой костюм он одевается и какую шапку носит; 5. Чему покровительствует и помогает; 6. Какие приносятся ему жертвы и какие кони, коровы, овцы ему посвящаются; 7. Куда он ездит и где кормит своего коня. Если шаман не выполнит этой программы, то его старания не всегда будут удачны, так как дух (ээзи) не достаточно будет уговорен и умилоствлен. Плохие шаманы это те, которые не умеют умилоствлять духов».¹⁰ Шаманы, как сообщает Н. Ф. Катанов, поют свои молитвы ямбическими стихами и через каждые четыре стиха бьют в бубен от четырех до шестнадцати раз.

Когда шаман отправляется в далекий поход вместе со своей невидимой гвардией, то люди тех мест слышат его голос, звуки бубенчиков и

удары бубна. Кам совершает свое путешествие, превратившись в филина (үгү) или ворона (хусхун). Если ночью кричит ворон или ухает филин, то значит, летает шаман. Преобразившегося в филина шамана можно узнать по глазам, вокруг которых отсутствуют перья. Кам может превращаться и в других хищных птиц: ястреба, коршуна, орла. Хакасы говорят, что если съест мясо ястреба или коршуна, то шаман не сможет тронуть человека вкусившего против него это противоядие.

Во время своего шаманского путешествия кам бывает уязвимым. На пример, когда фольклорный герой Хыяр заболел во время охоты в тайге то родители пригласили шамана узнать о судьбе сына. Кам прилетел к стрелку Хыяру в балаган в образе филина. Стрелок, испугавшись оборотня, застрелил ночную птицу из своего оружия. Шаман, камлавший в юрте, в тот же момент скончался.

Если повелитель духов во время своего шаманского путешествия проголодается, то он со скрипом опускался на дымовое отверстие любой юрты. Хозяин, догадавшись, должен был бросить в очаг три ложки сметаны, масла или каши «потхы». Если камлающего шамана заставал в пути рассвет, то он, спрятавшись в степи, вынужден был пережидать время до темноты. Днем шаман не может камлать. Так, например, Коче Арыштаева не смогла вовремя вернуться из шаманского путешествия. Ей пришлось укрыться у подножия одного кургана в образе филина, где она пролежала весь световой день. Коче боялась встретиться как с человеком, так и с волком или собакой.¹¹ На территории Хонгорая имеются специальные горы, где шаманы в случае наступления рассвета могли пережидать опасные часы. Например, по р. Табат, рядом с аалом Усть-Киндира, по р. Белый Июс, около аала Телячкин находятся горы под названием «Хам чатчаң таг» – т.е. место шаманских лежаний, где коротали время шаманы, застигнутые дневным светом.¹²

Кам путешествует в ином мире «хамных чир» на мифическом «коне», которым служит бубен, обтянутый лошадиной шкурой. Он спускается под землю через «дымовой проход с семью отверстиями», где совершает подвиги в борьбе с нечистой силой. Он поднимается на небо к Ульгенхану, делая сорок прыжков по лестнице с сорока ступенями, или проходит через отверстие «тигир өткічі», расположенное на краю земли в месте соединения с небом. На севере Хонгорая в кызыльских аймаках шаманы летали по небу на берестяных лодках (тос киме). Например, великий шаман Аралай Тайдонов из сеока хамнар, живший в аале Сеектиг, во время камлания летал на берестяной лодке. У него имелся шаманский костюм, но камлал он орбою, без бубна. Однажды из-за того, что у него умирали дети, Аралай решил переселиться в другое место со своей семьей. Он посадил домочадцев в берестяную лодку и полетел вниз по Черному Июсу. Когда он приземлился в устье р. Печище, то один ясновидец увидел

злого духа «айна», летевшего вместе с семьей Аралая спрятавшись под разводами в его лодке. Надев костюм, Аралай сумел поймать злого духа «айна», которого отвел на север и запер среди северных скал.¹³

Прежде чем отправиться в путь, шаман оставлял для охраны жилища на пороге одного из своих тёсей. В случае гибели шамана оставленный дух приобретал местожительство под порогом. Например, во время обряда «закрепления» душ потомства у двух братьев Корбе и Соолека, у которых умирали дети, кам оставил на пороге сторожить двери одного из своих тёсей. Но в иллюзорном мире «хамных чир» ему встретился могучий шаман, в битве с которым он погиб. Шаман не вернулся обратно и духи-стражи дверей навечно остались под порогом. От братьев Корбе и Соолека происходят фамилии Курбижековых и Сулековых, которым до сих пор нельзя опираться на порог, иначе заболят руки. В их жилище остался дух-тёсь, которого шаман призвал для лечения их детей и не забрал обратно.¹⁴

Когда шаман подкрадывался к нечистой силе «айна», то он ложился ничком на землю поверх бубна и камлал лежа, рыча, как кошка. В такой момент тушился свет в очаге перевернутым казаном. Форма камлания лежа на земле называлась «чирлек». Как правило, так шаманили камы в своем жилище.

В некоторых случаях шаманы не приезжали по вызову к пациентам, а камлали на расстоянии, не выходя из дома. Они ложились ничком на кровать и в таком положении – «чирлек», впадая в состояние летаргического сна, из своей юрты отправляли тёсей на задание. Камлание продолжалось в течение трех суток. Обычно таким образом изгонялись злые силы «айна». При обрядовой форме «чирлек» людям слышались удары бубна среди ночного селения – аала. Камлание на расстоянии носит название «аргартын» – потустороннее (от основы «ары» – по ту сторону).

Дух суицида, толкавший людей на самоубийства через повешение, носит название «поончах» (моончах). Этот злобный дух не приходит к людям из нижнего мира, как пытается представить философ Л. Анжиганова (Возрождение шаманизма и шаманских традиций в современной Хакасии. С. 206). Он представляет один из многочисленных видов шаманских тёсей и обитает в среднем мире вместе с другими невидимыми силами, по берегам рек среди чернотала. Кам мог напустить этого духа на любое семейство. Если человек погибал от духа суицида «поончаха», то приглашенный шаман находил приемы для суровой расправы с ним. Он сбрасывал духа в ручей, уходящий под землю «пилтірі чох хара суг» – букв. родник без устья. Простые скотоводы боялись подобных мест, не пользовались этой водой, а детям запрещали там играть и купаться.

Камы в моменты битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых. Мужчина шаман может превращаться в жеребца, в быка марала или лося, четырехглазую черную

собаку. Например, в 1930-е годы, когда комиссары отправляли в ссылку шаманов, среди ссыльных оказался крупный шаман Дмитрий Шульбаев. В Новосибирске, как рассказывают, один комиссар ради шутки попросил его показать камлание, чтобы он доказал свою силу. Во время сеанса в помещение комендатуры вдруг ввалился медведь. Это Дмитрий принял облик дикого зверя. После этого случая комиссар попросил помочь отыскать их пропавший скот. «Если ты сумеешь найти пропавший скот, то мы тебя отпустим», – пообещал он. Шаман Дмитрий начал камлать. Через определенное время из-за ближайшей горы появилось стадо из 15 коров, которых гнал медведь. Комиссар вынужден был Дмитрия Шульбаева отпустить домой.¹⁵

Шаман, отправившийся в далекое царство Ирлик-хана, обязан был, вернувшись на землю, очиститься ароматическими травами на священной горе Сумеру. После того, как повелитель духов находил душу «хут» больного человека, которую вбивал в бубен, он, выйдя на поверхность земли через туннель – «отверстие с семью ртами», направлялся в сторону горы «Сүбүр таг» и озера «Сүт көл» (букв. Молочное озеро). Шаман обмывался молоком из Молочного озера, окуривался священным дымом можжевельника горы Сумеру. Он очищал себя и душу «хут» от запаха злых сил, он вбирал запах людского духа. Потом, вернувшись к сородичам, он вливал больному душу – «хут», говоря: «Ала худың ал!» – Возьми свою пеструю душу! Хозяин юрты в этот момент кропил кровью жертвы, лоток с горячим мясным паром поднимал сам шаман (пусты хам тутча).

Если шаману надо было отправиться за душой «хут» больного человека к Ирлик-хану, или к Адам-хану, или в страну «узютов», то для процесса камлания требовались семь дев, поставленных на женской половине, и девять парней, которых помещали на мужской стороне. На почетных местах, в начале шеренг, находились вожак парней (пасчы оол), называемый Толбан-Хара, и руководитель девушек (пасчы хыс), именуемая Чилбен-Сарыг. Они помогали каму петь гимны. В редких случаях, при отсутствии людей, ставили трех девушек и четырех парней, т.е. семь человек, или одну девушку и двух парней, т.е. три человека. Если не находилось семь дев и девять юношей, то шаман мог выбрать семь женщин и девять мужчин, которых он ставил вместо молодежи. Если не хватало девушек, то вместо них вешали женские платья. Если не хватало мужчин, то вместо них вешали мужские шапки. Приглашенных молодых людей окуривали богородской травой, совершая обряд «алас», дабы оградить их огненной защитой (хуях). Затем шаман у всех проверял невинность и целомудренность, обходя вокруг каждого с громким храпом и обводя его орбою. Нужна была чистая, целомудренная молодежь. Если он обнаруживал потерявших невинность девушек, то выгонял их из юрты.

Когда шаман уставал, то он окружал своими тёсями (тос хурчирга) главу парней и руководителя девушек, чтобы самому передохнуть в пути. Иногда шаман «прилеплял» своих тёсей к простому человеку – «халу», особенно в том случае, если тот относился к нему с недоверием. Участник сеанса, закольцованный духами, впадал в транс и вместо шамана начинал камлать. Например, у Анаха Мягашева из Большого Бора при камлании не хватило армии духов. Тогда он обратил защитную силу присутствовавших людей, рядом находившихся коней и даже собак в своих помощников-тёсей. Когда он достиг противника, то его многочисленные тёси стали успешно бороться с вражескими духами. Сумев победить врага, шаман Анах отобрал у того душу «хут» своего сына Мыхылана, который скоро выздоровел.¹⁷

Во время камлания шаман команду из девушек и юношей «бронировал» при помощи орбы и уводил с собой в шаманское путешествие. Рядом с поющими девятью юношами, на мужской стороне юрты вешали девять «чага», т.е. мужских халатов. На месте нахождения девушек развешивали семь «чага», т.е. женских платьев. Команда девушек и юношей вторила в такт движению и пению шамана. Завершающим действием сеанса, после возвращения из далекого путешествия, были танцевальные кружения. Шаманский танец носил название «пеелбек». Танцевальные пары составлялись из шамана и молодых людей, которых он выстраивал в ряд, напротив друг друга. Шаман становился посередине. Пары подавали друг другу руки и трижды наклоняли головы, что напоминало немецкие танцы, – сообщил И. Гмелин. Затем танцор, прыгая, трижды проходилась вокруг шамана, после чего возвращался на свое место. Кам по очереди, начиная с вожака юношей, брал за скрещенные руки девушек и юношей и кружил их по направлению к очагу. В подобном вихрю танце он по очереди три раза крутил девушек и юношей вокруг себя. Таким образом молодежь очищалась огнем от злых сил – «айна».¹⁸

«У минусинских шаманов нет безобразных, отвратительных кривляний, кувырканий, (...), ужасных криков и рева как у других кочевых народов, – писал автор статьи «Шаманство и шаманы» (Нива. 1871. № 4), – но голос и напев их шаманов необыкновенно звучен, имеет свою особенную дикую прелесть (...), такт размерен, движенья живы, поступь облагорожена и рассчитана».

При камлании шаман мог демонстрировать различные фокусы или необычные представления, дабы показать людям наличие своей особой сверхъестественной силы. Например, кам Сампир гипнотизировал змей, которые в качестве стражи стояли вокруг него, поднявшись на кончике хвоста. Другие били ножом по мембране так, что оттуда брызгала кровь: через дымовое отверстие юрты опускали скелет в бубен; пронзали себя ножом; брали в рот горящие угли и т. д.

После возвращения из шаманского путешествия производят гадание «төрйк» при помощи деревянной чашки «хара чйрче» и ложки «хара со мнах». Шаман со словами: «Если моя святая польза достигнет этого дома то пусть выпадет белый тйрик, если не будет моей пользы, то пусть выпадет черный тйрик», – бросал чашку с ложкой. Если после броска чашка с ложкой упадут вверх углублением, народ восклицал «алтыч тйрик» – золотая судьба, т.е. хорошее предзнаменование. Если чашка ляжет вверх, а ложка вниз дном, то говорят «олбы-солбы» – т.е. тоже хорошо. Если чашка с ложкой упадут вверх дном, то произносили «хара тйрик» – черная судьба. В таком случае шаманское путешествие было неудачным и пользы не ожидалось. Повторяют бросание до трех раз, сопровождая каждый бросок кроплением вина. Если три раза подряд выпадал «хара тйрик», то, значит, виновен шаман, который плохо провел сеанс камлания.

После завершения камлания шаман проверял состояние всех собравшихся. Он выяснял наличие больных среди присутствующих, выгонял прицепившихся к кому-нибудь «айна». Шаман вещал также, что было в прошлом и что будет в этом году с тем или другим человеком. Он предсказывал судьбу людей. По сведениям И. Гмелина, шаман бросал жезл – орба «по три раза каждому из зрителей, который отдавал ее ему обратно, после чего он предсказывал, что эта персона будет в будущем здорова. Совершалось пророчество. Это бросание и отдача обратно колотушки происходило для всех присутствующих в юрте людей».¹⁹

При завершении камлания шаман становился спиной к дверям и затягивал прощальную песнь духам. Он пел жалобно, тоскливо, прерывисто, как будто мучился, не мог перестать камлать и освободиться от влияния духов. Попрощавшись с тйсами, шаман их распускал, запирая в горах и лесах. Со словами: «Мои духи – хозяева девяти пуговиц, расстегнитесь!», – он орбою проводил по пуговицам. Куртка, якобы под воздействием духов, сама расстегивалась. Тряхнув плечами, шаман сбрасывал с себя одежду. Два помощника, караулившие его, подбегали к шаману, не давая упасть одежде на пол. Первый набрасывал куртку на свою спину, а второй подхватывал бубен. Если снаряжение упадет на землю, то его окуривали богородской травой. Если же одежда попадет в огонь и сгорит, то кам лишался своего звания. В таком случае будет горе ему и всем присутствующим. Поэтому хакасы, зная, когда кам начнет «отшаманиваться», подхватывали одежду на лету. Шаманы при камлании держали лица закрытыми под забралом (тумага) головного убора. Глаза их на протяжении всего сеанса оставались зажмуренными. При возвращении из иного мира кам просил духов вернуть ему зрение. В некоторых случаях, когда шаманы распускали духов, то последние могли забрать «огонь глаз» с собой. После окончания сеанса, когда тйси отправлены по своим стоянкам, шаман вновь возвращался в мир людей

и становился обычным человеком. Сбросив одежду, он умывался около дверей, ополаскивал рот водой и «бледный, изнеможенный, шатаясь как пьяный, едва глядя полузакрытыми глазами, едва передвигая ноги, подходит к огню, садится и отдыхает, не говоря ни слова. Платье его окуривают богородской травой и складывают». Весь сеанс камлания длится более пяти часов.

Мир иной реальности, куда отправлялся шаман, называется «хамдых чир». В иллюзорной стране кам совершает свои подвиги. Там бьются его духи, там он встречается с врагами, оттуда он забирает душу «хут». Основной смысл камлания связан с борьбой со злыми силами за возвращение потерянной души «хут», необходимой как людям, так и животным. Во время сеанса камлания сам шаман спиртного много не употреблял. Нужен был трезвый ум и память, иначе он потеряет выход и не вернется назад из иллюзорного мира «хамдых чир». Бывали случаи, когда шаманы погибали в битве с другими сильными шаманами или злыми силами. В таком случае их духи-тёси оставались в местах их гибели.

Камы, обладавшие тёсами в образе горных духов, под конец сеанса могли войти в транс, лишиться чувств и даже забиться в конвульсиях. Например, таким образом закачивала камлания шаманка Тырлак из Усть-Соса. Многие исследователи считают наличие техники экстаза обязательным условием для шаманских камланий. Шаманизм, по их мнению, этим и выделяется из прочих ранних форм религии. Данные материалов о хакасском шаманизме подтверждают наличие техники экстаза в камланиях, присущих шаманским мистериям и других регионов.

4.2. ГОРНОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Большинство кровнородственных сеоков Хонгорая ведут свое происхождение от великих предков, многие из которых застыли в виде величественных гор Саяно-Алтая. Они почитаются как родовые горы, которым надо было совершать периодические жертвоприношения. Подавляющая часть родовых святынь и культовых мест возникла на территории первоначального обитания легендарных прародителей. Почитаемые вершины носят эпитет «хан». Например, Хан Пургус, Хан Прадай, Хан Чалбарт, Ханым и т. д. Все родовые горы, за редким исключением, располагаются на таежных хребтах Хонгорая, что свидетельствует о местных истоках хакасских родов. Хонгорцы считаются рожденными от гор (тагдаң төрөөн чон) и поэтому горные духи при молениях назывались не иначе, как «ағалар» – предки. Женщинам, как инородкам, горные духи-хозяева не разрешали подниматься на священные вершины, за осквернение которых те могут поплатиться жизнью, ибо не имели соответствующей защиты («тағ хуйағы» – букв. горную броню).²⁰

На территории Хонгорая насчитывается около 130 родовых гор и культовых мест, где совершались жертвоприношения. Согласно традициям, культовые места для проведения общественных шаманских молений были постоянно закреплены за определенными родами. Например, сеохобый совершал горное моление под г. Имчек-таг в долине р. Таштын, сеок аба – на г. Пис-таг по р. Камышта, сеок том под г. Иней-таг в долине р. Аскиз, сеок ичеге – на г. Азыр-тас по р. Бай, койбалский род чода – на г. Тапсаачы-хая и т. д. Родовые жертвоприношения часто проводились перед входом в горные пещеры, где зародились мифические предки. Для общественных молений шаманами не воздвигались специальные храмы «Татары сии не имеют ни кумиренных, ни молитвенных домов», — сообщила русская администрация в XIX в.²¹ Камы приносили торжественные жертвы на высоких горах, а больных лечили в их же юртах. Со временем бурханизм, отвергая деятельность шаманов, вобрал в себя большую часть бывших шаманских культов. В начале XX в. из общественных молений в ведении камов остались только горные жертвоприношения.

Родовые святыни требовали к себе почтительного отношения. Если население не совершало горных жертвоприношений, или неуважительно относилось к родовым горам, или не держало посвящаемых родовых коней – «ызыхов», то горные духи могли наказать сородичей. Так, рассказывают, что фамилия Шоровых (сеок таяс) вымерла из-за проклятия родовой горы Хуртан.²²

Один раз в три года сородичи под руководством камов совершали горные жертвоприношения – «таг-тайыг» (таг тайии), в честь своих родовых покровителей. На севере Хонгорая среди кызыльцев эти общественные шаманские моления носили названия «чир тайии» – жертвоприношения земле, т.е. духам-хозяевам местностей (чир ээзи). У кызыльцев и качинцев горное жертвоприношение проводилось аальной общиной (аал-күн), тогда как койбалы, бирюсинцы, бельтыры и сагайцы сохраняли родовой характер молений. Редкие из хакасских родов сохранили древние радения на вершинах своих родовых гор. Восхождение к ним занимало несколько дней. Например, члены рода чити-пююр отправлялись в верховья реки Ниня на гору Хоорабас; представители сеока хахпына поднимались на гору Ызых-таг в верховьях реки Большие Арбаты. Иностранцы сеоки, переселившиеся в Хонгорай в XVIII- XIX вв. и вошедшие в состав хакасов, своих родовых молений не имели.

На горном жертвоприношении обязательно должен присутствовать освящаемый конь – «ызых», карей (хара күрен) или гнедой (торыг) масти, посвященный духам – хозяевам гор.²³ Поэтому указанное общественное моление носило параллельное название «ызых тайии» – жертвоприношение со священным конем – «ызыхом». Согласно хакасским мифам, культ «ызыхов» возник под влиянием горных духов, от которых хонгор-

цы заимствовали основные черты своей культуры.²⁴ Посвящаемые лошади «ызыхи» выполняли охранительные функции по отношению к стаду своего хозяина. Они оберегали скот и семьюномада от болезней, способствовали увеличению приплода, ограждали стадо от нападения хищных зверей и даже от воров. Посвященные животные – «ызыхи» носили также иносказательные названия: «мал худы» – жизненная сила скота; «малның ээзі» – дух – хозяин скота; «кізі хуяғы» – броня, т.е. оберег человека; «кізі хадарчызы» – страж человека и т. д.

Освящаемые кони карей масти (хара күрен) служили повседневными ездовыми животными горным духам и поэтому именовались «таг ызығы» – горные «ызыхи» или «чир ызығы» – земные «ызыхи». В обычные дни на освящаемом коне карей расцветки запрещалось ездить самому хозяину табуна, иначе горные духи оскорбятся и отвернутся от скотоводов. Невесткам не разрешалось даже носить одежду коричневого цвета. Хонгорцы, не державшие в своем хозяйстве «ызыхов» карей масти, не имели права возглавлять горные моления.

Главная цель моления на горных жертвоприношениях – получить защиту у духов-хозяев родовых гор от стихийных бедствий, укрепить жизненную силу рода и испросить благополучие для своего скота – основы хонгорского богатства. Скот – это движимое имущество горных духов, состояние которого зависит от урожая трав. Для защиты здоровья и благополучия своего хозяйства хонгорцы регулярно проводили «таг-тайыг». Например, Сагайская степная дума 10 июня 1877 года сообщала, что жители Киндирилинского аала «всегда через два в третий год от этого улуса в расстоянии 20 верст на горе Бирадай (Празай) при сборе многого народа по вере и обычаю инородцев шаманствуют на том предмете, чтобы шел дождь, который им нужен для всхода хлеба и рашения на полях травы».²⁵

Проведение горных мероприятий лежало на плечах выборных людей, называемых «тайыг-ээзи» (тайыг ээзі) – хозяин жертвоприношения или «тайыг пасчызы» – глава моления. Ответственные «тайыг-ээзи» назначались согласно установленной очереди «теес» после проведения каждого моления на родовом пиршестве. Символическим знаком ответственности служило опахало из березовой ветви «чилбег» с привязанными к нему ритуальными флажками «чалама», передававшееся через каждое трехлетие по очереди в виде эстафеты. В случае сжигания «чилбега» оскорбленные духи прекращали свое покровительство. Очередь «теес» исчезала в силу ненадобности, а родовые жертвоприношения навсегда прекращались. При Советской власти люди, решившие завершить горные моления, сжигали ритуальные опахала «чилбег».²⁶ Деньги (тайыг ахчазы) для проведения родового общественного моления собирал чайзан – родовой башлык во время сбора ясака. Обычно они взимались в тех родах, где в

качестве жертвы забивался крупный скот, который надо было покупать. Например, кивинцы забивали трехлетних бурых волов, пожертвованных от каждого представителя девяти основных фамилий, т.е. всего девять животных.²⁷ По р. Чулым качинцы аала Узун-хая на собранные деньги специально покупали трехлетнего темно-бурого вола с мухортой мордой. По сведениям наших информантов, в начале XX в. одна лошадь стоила 12 рублей. С каждого сородича могли собрать по одному рублю. Как правило, чайзан отдавал в жертву коней из своего табуна, а затем осенью, во время сбора албана, взимал за него деньги с ясакоплательщиков.

У кивинцев приготовления к празднеству начинались с марта, когда происходила раскладка необходимых денежных и натуральных расходов. Денежных расходов на проведение мероприятия «бывает от 60 до 80 рублей, а натуральные ограничиваются 5–6 фунтами хлеба». Деньги шли на покупку жертвенных животных и водки, а хлеб – на приготовление особого напитка – абыртха.²⁸

Горное жертвоприношение – «таг-тайыг», совершали летом, в июне-июле, на белое полнолуние (ах толы) или на новолуние. В это время подрастали молодые барашки, необходимые для жертвы. Скотоводы перекочевывали на летние стоянки, где отдыхали после тяжелого зимнего труда.

Горное моление состояло из двух этапов. Первый – «иб тайии» – букв. домашнее жертвоприношение, начинался накануне вечером в юрте «тайыг ээзи» – ответственного хозяина за проведение моления.²⁹ К вечеру перегоняли айран на араку и готовили напитки для угощения горных духов. Около дверей юрты «тайыг-ээзи» привязывали карего или гнедого коня, посвященного хозяину горных духов (согласно сведениям Н. Ф. Катанова – Хубай-хану).³⁰ В юрту через дымовое отверстие заносили трехлетнюю березку, выкопанную вместе с корнями. Ее устанавливали в почетном углу. На ветви березки привязывали ритуальные флажки «чалама» из синей дабы и красного сукна. На южной стороне юрты натягивали веревку, на которой развешивали девять «толыг» – жертв, закладов, состоявших из девяти разных хакасских платьев и рубаш.³¹

Вечером хозяином забивался жертвенный трехлетний белый валух способом «өзеп», т.е. разрыванием аорты. Сваренные куски горячего мяса ставили на жертвенник в деревянном корытце и горным духам держали жертвенный пар «пулаг». Рядом помещали прессованный творог «пызлах», посуду с кипяченым молоком и девять (или семь) бутылок неоскверненной араки. Бутылки и посуда с мясом во время камлания открывались, чтобы пар от всех даров, поставленных на стол, поднимался для духов. В подтаежных районах долины Абакана, среди бирюсинцев, для домашнего жертвоприношения «иб тайии» готовили семь «теертнеков» – колобков, испеченных в золе, семь отваренных хариусов «ах сарга» трехлетнего возраста, семь кандыков. Соль на горных молениях в

пищу не употреблялась. На жертвенном столике находились ритуальная деревянная плоскодонная чашка «хара чірче» и деревянная ложка «хара сомнах». Ночью в юрте шаман камлал в полном своем снаряжении и с бубном.

Перед камланием избирались три помощника шамана: 1) подающий трубку с табаком; 2) подающий чашу с водой; 3) подающий чашу с аракой. Один из присутствующих мужчин сначала нагревал бубен, поворачивая его над огнем. Другой окуривал богородской травой шаманский костюм. Затем повелитель духов снимал свою рубашку и на его голое тело набрасывали куртку, увешанную бубенцами и флажками. После чего он водружал на голову свою шапку. Экипированный шаман, вооружившись бубном и жезлом «орба», сидел на черной кошме с южной стороны юрты. Призвав духов – тэсей, он превращался из человека в шамана. Ему подавали ложку и чашку, куда наливали неоскверненной, никем не пробованной араки. Сначала, сидя на кошме, он молился духу огня, обратив взор к очагу. Потом обходил юрту три раза по ходу солнца. По данным Н. Ф. Катанова, кам, призывая духов, «называл каждого ласкательными именами, называл их покровителями людей и скота, описывал их постели, одеяла, пищу и жилища, описывал их любимых коней».³² Шаман льстил им, говоря: «Называть ваши имена для меня почтительно, величать вас самих для меня уважительно. Я молюсь и кланяюсь вам. Я не называю вас нечистой силой – «айна», я не обманиваю вас, говоря, вы демоны – «чик»».³³ При завершении камлания производилось гадание «тёрик». В конце моления шкура и задняя часть барашка отдавались шаману.

Второй этап моления – «ызых тайи» проходил на следующий день. После рассвета, часов в 10 утра, сородичи отправлялись на установленное предками культовое место. Всех собак закрывали в скотных дворах, чтобы они не увязались за хозяевами в горы. Вперед отправлялись верховые, которые везли шаманские атрибуты. Один всадник увозил березу и на горе устанавливал ее между камнями. Второй вез в руках опашало «чилбег» из березовой ветви, а третий, надев шапку и шубу шамана, сидел на посвященного горному духу карего коня. Жертвенных овец везли, положив поперек седла (үнеріп). Перед выездом помощники шамана обязательно объезжали три раза по солнцу юрту «тайыг ээзи» ответственного за жертвоприношение.

Дрова и воду в бочках на место моления привозили на повозках. Жертвенного быка приводили к культовому месту, привязав к телеге. Руководил горным молением шаман в полном облачении, с бубном в руках. Женщинам разрешалось присутствовать и они, накрывшись платками, садились за 40–50 метров с северной (женской) стороны от березы «бай-хазын». Им запрещалось находиться в южной части ритуальной площадки и близко подходить к священной березе. Для шаманок не было

исключений. Они близко не допускались ни к березе «бай-хазын», ни к освящаемому коню – «ызыху». Шаманки, согласно хонгорским канонам, занимались в основном врачебной практикой и камлали над больными. На священные горы, как, например, на вершину Хоорабас, женщинам и невесткам подниматься запрещалось, ибо они считались народом нечистым и чужеродным. Чистыми «считаются лишь мужчины, юноши, девушки и дети обоего пола».³⁴

Горное жертвоприношение совершалось вокруг ритуальной березы «бай-хазын». Если таковая не росла на горе, то ее устанавливали. Привозили молодое деревце вместе с корнями. Священная береза «бай-хазын», растущая на культовой площадке, требовала почитания. Весною окружающая местность очищалась от сухой травы и мусора, дабы во время весенних палов огонь не коснулся дерева. Кызыльцы горное жертвоприношение устраивали рядом с лиственницей. Например, на г. Хызыл-хас в долине Белого Ююса моление проводили вокруг лиственницы, на которую также привязывали флажки «чалама».³⁵

На ритуальной площадке рядом с березой «бай-хазын» с северо-восточной стороны вкапывали коновязный столб «сарчын» для освящаемого коня «ызыха» карей или, в редких случаях, гнедой масти. С западной стороны от березки «бай хазын» устанавливался жертвенник «тасхах». Вбивали четыре колышка метровой высоты с развилками, на которые устанавливали перекладины. На жертвенник «тасхах» клали поднос с мясом, ставили девять бутылей неоскверненной араки (амзабаан арага), трубку с табаком. Здесь же устанавливали посуду с кипяченым молоком и хакасским сыром «пызлах». Бочонок араки, ведро «абыртхы» и «пызлах» обязан был привезти ответственный «тайг-ээзи». Горные духи употребляют крепкие напитки и им надо кропить аракой. Без угощения аракой они не станут помогать черноголовому народу. Поэтому на шаманское празднество «таг-тайг» везли очень много спиртного. Каждая семья для застолья привозила с собой бочонок (одырта) вина. Однако до совершения жертвоприношения пить араку запрещалось. В подтаежных местах Хонгорая, среди бирюсинцев, около жертвенника устанавливали от трех до девяти берестяных кадок с неоскверненным хмельным напитком «амзабаан абыртхы». В некоторых случаях его прямо на горе перегоняли в самогон.

На культовом месте зажигался священный огонь и устанавливался таган с котлом. Огонь зажигался при помощи огнива. На месте горного жертвоприношения возжигали от семи до девяти костров.

Все мужчины и юноши к своим головным уборам прикалывали парные ленточки «чалама» белого, синего, красного и черного цветов. Девушки привязывали их к своим косичкам. На освящаемом коне – «ызыхе» ленточки привязывались к гриве и к хвосту. Соблюдалась цветовая символика. При молениях в шаманизме Хонгорая применялись «чалама»

следующих цветов: 1) красного и синего; 2) синего и белого; 3) белого и красного; 4) белого и черного. Чалама желтого цвета в горных жертвоприношениях не употреблялась. Желтый цвет ленточек избегался и в дархатском шаманизме.³⁶ Среди хонгорцев считалось, что для горных духов требовались чалама черного цвета в сочетании с другими, а для небесного (у бурханистов) – белого цвета в сочетании с синим.

Перед выездом из дома на место молений ленточки «чалама» окуривались богородской травой. Процедура повторялась, когда флажки, с поклонами «бай-хазын», привязывали к ветвям священной березы. Всадники, поднявшиеся на гору верхом, вешали «чалама» прямо с коня. Флажки прошлых лет не убирались, сохраняясь на ветвях в виде украшений. Привязанные к «бай-хазын» флажки носили название «сызым».

На месте горного жертвоприношения шаман первый свой троекратный обход ритуальной березы совершал в обыкновенном хонгорском наряде (рубаше и брюках), держа в правой руке опахало «чилбег». Обход начинался с востока и осуществлялся по движению солнца. При этом кропили духам окружающих гор «непробованной» аракой. Затем шаман облачался в свою одежду, надевал шапку с приколотыми лентами «чалама». Качинские и кызыльские шаманы камлали без бубна, но с опахалом «чилбег» и орбой, сагайские и бирюсинские – с бубном и орбою. У сагайцев и кызыльцев горное моление возглавляли по нескольку шаманов. Например, на родовом молении сеока хобый камлали два шамана – старый и молодой (могли шаманить даже девушки, но незамужние).

Прежде чем привязать коня – «ызыха» к коновязному столбу, шаман обводил его три раза по солнцу вокруг березы «бай-хазын». Он окроплял его аракой из чашки «хара чірче», а остаток давал выпить коню. Седло и уздечка окуривались богородской травой, а затем надевались на священную лошадь. Конь – «ызых» или, по крайней мере, сбруя принадлежали ответственному за моление лицу – «тайыг-ээзи».

Первый обход вокруг березы и коня – «ызыха» совершали с живым жертвенным животным, обычно белым валухом, имеющим черную голову. Ему подгибали правую ногу, на которую надевали кольцо из березовой ветви. В некоторых случаях жертвенных барашков насчитывалось семь или даже девять штук. У кого скот не «держался», тот по своему желанию привозил на «таг-тайыг» кастрированных годовалых баранов. Самки для жертвы не годились. На севере Хонгоря у чулымских качинцев и кызыльцев в качестве жертвы приносились валухи черного цвета и даже волы. Бирюсинцы забивали лошадей и волов. Например, каргинцы приносили в жертву трех лошадей – одну вороную, одну рыжую, одну чубарую. В аале Ботин в долине р. Чулым при жертвоприношении на горе Ирджа забивали черного быка с мухортой мордой. Сеок сарыглар (фамилия Сагалаковых) проводил горное моление в истоках р. Тарбаган на горе Улуг-Хамах, где приносилась в жертву одна лошадь

При обходе березы шаман шел впереди, за ним двое мужчин, ведущих жертвенное животное, затем дети и родичи. Шаман брызгал ложкой в разные стороны вино горным духам, перечисляя все окрестные реки и горы. Как только кончалась в чашечке арака, он с плеча бросал чашечку с ложкой на землю, чтобы узнать, принята ли его молитва горным духом.

После обвода жертвы вокруг березы животное забивалось способом «озеп», т.е. разрыванием аорты. Хонгорцы были уверены в том, что если на «таг-тайыге» не применять такой способ, то не будет прироста скота. Кости разделяли по суставам. Голову и конечности оставляли в шкуре. Однако нижнюю челюсть овцы отрезали вместе с горловиной. В долине Чулыма, помимо черноголового белого валуха, в жертву приносили черно-бурого вола с мухортой мордой. Например, в аале Узун-хая на горе Окунек под священным деревом забивался жертвенный вол способом «озеп». Ему закручивали петлей рот, вспарывали солнечное сплетение и разрывали аорту. Шкуру вола вместе с конечностями, хвостом, головой с рогами растягивали на тальнике (шарып), где привязывались четырехугольные флажки «чалама» синего и красного цвета. Все шкуры, кроме первой, шли затем шаману.

Жертвенная кровь «кёгіс хан», находящаяся в грудной полости, наливалась в ритуальную чашу «хара чирче». Шаман брал в руки чашу с кровью и, обходя последовательно «бай-хазын» и коня-ызыха, окроплял ею окружающую местность и родовую гору. На горных молениях, в отличие от небесного праздника, делались кровавые жертвы. Ритуальный огонь разводили высеканием искры из огнива.

Внутренности животных и содержание кишок сначала складывали под жертвенник «тасхах», а затем бросали в огонь. Кызыльцы и сагайцы шкуру забитой жертвы вместе с головой и конечностями вешали на дерево (лиственница, береза), называемое «хам ағачы» – шаманское дерево или «ызых ағачы» – священное дерево. Повешенная шкура посвящалась горному духу.

Второй троекратный обход с мясом шаман совершал в шапке и костюме, но без бубна и жезла. Впереди шествия двигался шаман, держа в руке опухало «чилбег», затем его помощники с подносами горячего мяса, а за ними шли сородичи. Люди молились, заложив руки за спину и склоняя головы. Все, кроме шамана, во время жертвоприношения снимали головные уборы. Шаман, читая молитвы, перечислял ближние горы, потом дальние и достигал родовой горы. Называя горы, он восклицал «сбёк» и кропил аракой. На общественных молениях шаманы просили дождя для всходов трав и хлебов. Если при этом шаман покачает березу «бай-хазын» и произнесет магическое заклинание, то пойдет проливной дождь. Духи родовых гор вручали шаману жизненную силу скота (мал худы) и защиту от несчастий для сородичей.

Так, например, кивинцы (сеок хобый) во время горного жертвоприношения отправлялись к мифическому праотцу, вскормленному в бронзовой колыбели на их родовой горе Коль-Тайга. Камлали по очереди два шамана, один из которых пожилой, а второй молодой. Они отправлялись к истокам реки Таштып, где и находится родовая гора Коль-Тайга (но не Каратаг, как утверждает Л. П. Потапов). На своем пути шаман называл все горы и их духов, которые принимали родовых предков: «Вот Имчекты, которые кормили наш род, когда он шел от Коргыша к геперешним нашим жилищам. Имчекты – наше последнее стойбище». Когда жертва принята родовой горой, то шаман входил, по его словам, внутрь ее и беседовал с родовым духом-хозяином. За предоставленное угощение дух-хозяин родовой горы обещал блага сородичам, изобилие хлеба и скота.³⁷ Девушкам легкого поведения запрещалось находиться на кивинском молении. Но если они переплетут девичьи косички «сүрмес» в две косы «тулуң», показывая этим знакомство с половой жизнью, то запрет снимали.

Однажды для проведения горного жертвоприношения кивинцев были приглашены кам Харас Токмашев и дева-шаманка Субракова из долины р. Тёя. Стояла жаркая погода. Весь хлеб и травы выгорели. Когда дева Субракова достигла Коль-Тайги, то выпросила у горного духа два ведра града. Пошел град, побивший растения. Тогда стал камлать шаман Харас. Он принес от хозяина Коль-Тайги три ведра воды. Пошел проливной дождь, который длился три дня. После этого вырос прекрасный урожай хлебов и трав. Как правило, после горного моления три дня собирались тучи, затем шесть дней лил дождь, т.е. результаты проявлялись в течение девяти дней.

Шаманы сеока том отправлялись к родовой горе Харлыган, стоящей в истоках р. Томь. Они кланялись мифическому главе шаманов их рода – Адам-хану, угощали его жертвенным паром (оор-пус) и просили счастья. Каргинцы долины р. Тёя жертвоприношение совершали в июне (месяц сдирания бересты) на горе Тюне-хая (Түўне хайа). Их шаманы поднимались к родовой горе Падын-тасхылу, где проживал мифический глава родовых шаманов Адам-хан. Каргинцы приносили ему в жертву семь ягнят и двух-трех лошадей. Дух горы Падын-Тасхыл за преподнесенную священную пищу каргинцев (харға чоннын арығ айағы) одаривал их подарками (Падың тағның сыйығы).

На родовом молении кыйцев, проводившемся в нижнем течении Матура, «приносилась жертва духу гор, леса и вод. Праздник начинался камланием, причем резали теленка и брызгали его кровью. Затем брызгали напитком – «поза», кормили духа хлебом. Камлание начиналось с утра. Камлали попеременно три кама. Один испрашивал у горного духа сохранения стад. Другой спрашивал у духа тайги изобилия зверей в тай-

ге. Третий обращался к духу вод с просьбой о том, чтобы в реках и озерах рыбы было полно».³⁸

При молениях шаману нельзя ошибаться или путать слова, иначе дух-хозяин родовой горы исполнит ошибочные пожелания. Например, однажды при горном молении жителей аала Агаскыр шаман Р. Курбижеков вместо слов: «хадарган малдаң албанар, хара пастыг чонга хайбаңар» – не берите (души) пасущегося скота, не губите (души) черноголового народа, произнес: «хара пастыг чоннаң алыңар» – возьмите (души) от черноголового народа. В тот год погибло много людей из аала Агаскыр, и шаман горько раскаивался в своих словах.³⁹

В результате каких-нибудь знамений или необычных природных явлений сородичи могли отказаться от проведения молений «таг-тайыг». Например, члены сеока ах-чыстар совершали горное жертвоприношение в местности Хамхазы. Однажды во время моления при наступившей засухе шаман произнес: «Потрясу священную березу с золотыми листьями». Если шаман тряс «бай-хазын», то должен пойти дождь. Народ зашумел: «Тряси, тряси!». После того, как шаман потряс березу, пошел крупный град, который разогнал собравшийся народ. С тех пор ах-чыстары прекратили проводить «таг-тайыг».⁴⁰

При заключительном этапе горного жертвоприношения шаман производил гадание «тёрик». Обойдя три раза березу, шаман клал чашку «хара чирче» с ложкой на круп коня – «ызыха», стоявшего все время на привязи у березы с восточной стороны. «Ызыха» отпускали и смотрели, как упадут положенные предметы. Если чашка с ложкой упадут вверх дном, то значит моление было неудачным («хара тёрик» – черная судьба) и его надо повторить.

После возвращения шамана из путешествия к родовой горе начиналась общая трапеза. До тех пор, пока не остынет мясо, паром которого кормили горных духов, людям нельзя прикасаться к еде. Горячее мясо раскладывали на девять подносов «ызых типсізі» – букв. священный поднос. Семь подносов оставались для застолья, а два подноса, куда клались: правая часть грудной клетки, правая лопатка, целое сердце, накрошенные легкие – для обряда. Подносы «ызых типсізі» ставили на зеленую скатерть – «салаачы», сплетенную из ветвей березы. После трапезы «таг-тайыга» остатки мяса, кости, внутренности вместе с жертвенником «тасхах» сжигались на костре. Нельзя оставлять после себя мусор. Никаких продуктов с места жертвоприношения (кроме шкур для шамана) увозить нельзя, иначе «горные люди» оскорбятся и будет несчастье. Кости для извлечения костного мозга кололись вдоль, размывать пополам их запрещалось.

В завершение горного моления устраивались игры «ойын». Девушки водили хороводы и пели песни, а парни боролись. Согласно старинным

традициям девушкам запрещалось в общественных местах находиться в кругу мужчин. Но на «таг-тайыге» молодые люди могли познакомиться друг с другом. Во время возвращения с празднества «таг-тайыг» парни устраивали погоню за приглянувшимися девушками, пытались сорвать с их головы платок или колечко с пальца, чтобы получить предмет верности «киртис», означавший согласие выйти замуж.

Закончив горное пиршество, люди возвращались в аал к юрте «тайыг-ээзи». Всадник с опахалом «чилбег» ехал впереди, а за ним верховой в шаманской шапке и шубе. Подъехав к юрте, прежде чем зайти в нее, они объезжали усадьбу по движению солнца три раза. Почетные сородичи собирались в юрте хозяина «тайыг-ээзи», где продолжалось угощение до вечера.

За камлание шаман получал в качестве натуральной платы шкуры забитых животных и заднюю часть туши жертвенного животного – «теер-кочик». Кроме того, с каждой мужской души он получал по 5 копеек деньгами.⁴¹

Последний раз в Хонгорае проводили горные моления в 1927–1928 гг. перед началом коллективизации.⁴² Например, из-за гонений Совстской власти Тота Щетинин, брат деда Аалджыбая, прекратил горное жертвоприношение в 1928 г. Когда пришла очередь Тоты, то он со словами: «Пусть после меня никто не делает жертвоприношений!» – сжег опахало «чилбег» и чаламу, которые передавались по очереди руководителю молений.⁴³

Итак, горы Хонгорая обладали духами-хозяевами, которые защищали хакасские роды при содействии шаманов. Платой за неустанную их заботу служили регулярные дары в виде кровавых жертв. Собравшиеся сородичи через радение облаченного в костюм шамана просили от родовой горы благополучия для своих семей. Тот, кто желал жизненной силы для скота (мал худы), получал большой приплод. Тот, кто хотел иметь детей (пала ымайы), получал душу детей (хут). Особого внимания заслуживал хозяин горного жертвоприношения «тайыг ээзи». Несоблюдение почтительности влекло за собой проклятие священных гор. Общественные моления, возглавляемые шаманами, относились к почитанию духов родовых гор и не были обращены к великому Небу, которому поклонялись бурханысты.

4.3. ЛЕЧЕБНАЯ ПРАКТИКА

Когда шамана вызывали к больному, то он расспрашивал самого страдающего или окружающих его родных о времени начала болезни, о ее симптомах и о самочувствии пациента. Для определения диагноза шаманы проверяли биение пульса (кiзi тамырын тутча) захворавшего человека и заодно применяли гадание. Обычно, опустив на дно чашки серебряную монету, предварительно подержанную больным, смотрели на ее блеск через налитую воду или водку. Например, шаманка Чанкова Ксения из аала Тёрт-тас, 1927 г. рождения, для определения болезни захворавшего смотрит в стакан с положенной на дно монетой, наполненный водкой. Серебряную монету она носит с собой, завернутую в белую тряпицу. По всей видимости, монета хакасских шаманов, используемая при гадании, выполняет аналогичную функцию, что и зеркала у тувинских и бурятских камов.

После того, как шаман произведет гадание и поставит диагноз больному, он определял возможности своих духов – тёсей. Если кам вызывал не тех духов-помощников, силы которых не справлялись с лечением, то болезнь могла прогрессировать (хам хаахтыр салчых). В юрте устанавливали определенный реквизит, необходимый для шаманского действия. Заносили приготовленные ветви от шаманских деревьев (хам агастары): три ветви ольхи (үзүт агазы), девять веток черемухи (нымырт), девять веток боярышника (тоо), по семь веток шиповника (iттиген) и желтой конопли (сарыг киндiр). На столик ставили девять (женщинам – семь) бутылей никем не пробованной араки (амзабаан арага) для питья и кормления духов-тёсей. Сначала вино давали шаману, затем кормили огонь. Остаток вина на дне чашки после кормления духов назывался «сартых». Его обязательно давали выпить больному человеку. «Сартых» давался на счастье, ибо содержимое дна сосуда связано с понятием удачи.

Со стороны родных, которые приглашали шамана к больному, делалось все необходимое, что от них требовалось. Готовилась арака, варилось мясо, собиралась публика. Для обряда лечения требовался жертвенный барашек – «пулаг», белой масти с черной головой. Если человек болел опухолью, то забивалась овца желтой масти. С наступлением вечера, после захода солнца, шаман начинал облачаться в свое снаряжение. Он снимал с себя рубашку, надевал на голое тело шаманский костюм, после чего призывал своих духов – тёсей.⁴⁴

Всякое камлание открывалось обращением к духу огня, который считается матерью человека, его кормилицей, охраняющей жилище и согревающей всякое живое существо. Лечение любых болезней начинали с обряда окуливания под названием «алас». В качестве дезинфицирующего

средства применяли богородскую траву (ирбен) или можжевельник (ар чын), дымом которых очищали помещение от нечистых сил. Ароматические травы кладутся на железный совочек с девятью горящими угольками. Больного начинали окуривать с ног, затем кадили над головой и заканчивали окуриванием постели и жилища. Богородская трава «ирбен» в Хонгорae считалась первым лечебным средством. Черный «ирбен» был лучше плохого шамана, а белый «ирбен» равен по силе хорошему шаману.

Обряд окуривания младенцев назывался «ызырых». Он применялся при лечении ребенка от испуга или от сглаза. При окуривании «ызырых» на совочек клали девять горящих угольков, девять зернышек ячменя, девять щепоток соли (для девочек указанных атрибутов должно быть семь) и богородскую траву. Возникновение обряда «ызырых» уходит в древнетюркские времена. Буквальный смысл этого слова таков: «Пусть будет укушен злой дух», – и происходит от глагола «ызыр» – кусать.

Если ребенок захворал от испуга, то шаман выяснял место нахождения души – «хут». Когда «трясущаяся» от страха душа – «хут» еще находилась у напуганного малыша, то шаман брал чашку с молоком три раза обводил ею вокруг головы ребенка со словами «хурай, хурай». Он успокаивал дитя, давал выпить молоко, после чего хворь пропадала. Если душа – «хут» была потеряна, то шаман отправлялся в поход, чтобы ее отыскать. Он находил душу, вбивал ее в бубен, чтобы в целости донести маленькому чаду. Шаман стряхивал его душу в чашку с молоком и давал выпить больному ребенку. Малыш получал свою душу «хут» обратно. В некоторых случаях шаман душу «хут» больного ребенка прятал в ухо родовой священной лошади «ызыха». «Ызых» охранял дитя. Когда малыш подрастал, то «хут» кам забирал обратно и «вливал» ребенку.

Согласно представлениям хакасов, болезни – «афырыг» связаны с душами – хозяевами заболеваний, проделками злой силы «айна» и различной нечистью, называемой «пуртах». Многие из них представлялись в образе невидимых гостей под названием «аалчы», прибывших из мифических стран.⁴⁵ Так как кочевник всегда в пути, то и болезни подстерегали его в дороге. Поэтому названия многих недугов происходят от слов, связанных с обозначением поездок и странствий по дорогам. Например, «чорых» – грипп, поветрие (букв. поездка, путешествие); «салбы» – тяжелая болезнь (букв. долгий путь); «теенчек» – грипп (букв. девичья поездка к родне); «кизім» – грипп, поветрие (букв. странствие, путешествие); «кизім аалчы» – тиф (букв. путешествующий гость); «кискек» – поветрие, грипп (букв. странник, путешественник); «кискек көзі» – предзнаменование болезни (букв. глаз странника) и др. Странствование шамана за душой «хут» больного обозначалось древнетюркским словом «кес» – путешествовать, подтверждающим древнетюркские основы хакасского шаманизма.⁴⁶

Фольклорные герои, чтобы отделаться от преследования нечистой силы при переходе через реки или ручьи, седло коня, на котором ехали, седлали в обратную сторону (төдiр изерлеен). Злая сила «айна» из-за переворота седла в обратное направление теряла около речек конский след. Так обязательно в обратную сторону седлали коня умершего человека – «хойлага» на поминках.

Когда совершалось камлание над больным, то в юрте развешивали одежду под названием «чага». Она служила в качестве орудия обмахивания больного от злых сил. На мужской половине юрты от косяка дверей до главной мебельной секции «пас параан» на веревке вешали девять «чага», т.е. девять мужских рубах (или девять мужских халатов, или девять мужских штанов). На женской половине с северной стороны юрты вешали семь «чага», т.е. семь женских платьев (или семь женских халатов). Если камлание будет проводиться над душевнобольным, который заболел от горных духов, то с южной стороны вешали девять женских нагрудников – «пого», собранных от соседей. Великие шаманы требовали вывесить трижды по девять мужских «чага» и дважды по семь женских «чага». Все одежды выворачивались наизнанку.⁴⁷ Среди одежды не должно находиться одеяние вдовы или вдовца. Ритуальную чистоту «чага» проверял сам шаман при помощи своего жезла «орба». Он, с отворачиванием храпя «хоох, хорт», обнюхивает и тычет орбою. Если платье или рубаха окажется траурного человека «тул», то выкидывается на улицу. Стоит выбросить подобную «чага» на улицу, как болезнь перейдет на другого человека. Развешанная одежда имела дополнительное определение «толыг» – т.е. заклад, выкуп, ибо служила жертвой, приносимой вместо души больного. Употребляемые платья и халаты становилисьместищем духов болезни при обряде обмахивания больного. Шаману подавали их в руки помощники, окуривая богородской травой. Заключительным действием обряда обмахивания было бросание одежды за дверь на улицу со словами: «Пусть мои девять выкупов закончатся! Пусть мои семь выкупов обвеются! Пусть на черную землю не прольется кровь, пусть на рыхлую землю не рассыпается зола!». Кам якобы обменивался этими подарками с горными духами. Одежду «толыг», куда был помещен дух болезни, шаман после камлания забирал себе. Если хозяин недостаточно серьезно подготовился к проведению камлания, то выкуп – «толыг» мог не достигнуть цели и усилия шамана оказывались напрасными.

Этнограф Т. М. Михайлов отмечал своеобразный метод психотерапевтического лечения бурят под названием «долиг», имеющий прямую аналогию с обрядом «толыг» в Хонгоре. При сильном заболевании пациента «шаман делал из мучного теста фигурку человека или просто чучело, которое предлагалось духам ... взамен больного человека, душа которого оказалась якобы в плену; т. о. плененная душа как бы выкупалась».⁴⁸

Шаман приказывал своим духам, чтобы они отправлялись по свету и обыскивали все уголки земли в поисках жизненной силы «хут», украденной у больного. Невыполнение приказа грозило физической расправой в виде битья их голов орбою до крови. Если след, по которому уведи душу – «хут» больного был черный, то здоровье вернуть трудно, а если красный, то имеется надежда на излечение. По черному следу духи – тэси, носясь взад и вперед, делая разнообразные зигзаги и разноухивая местонахождение жизненной силы «хут» больного.⁴⁹ Если человек заболел из-за нарушения запретов по отношению к огню, то забрать «хут» у богини огня «От ине» очень трудно. Подойти к ней может только великий шаман – пугдур. Болезнь человека могла произойти от «узютов» – душ умерших людей, которые старались унести его жизненную силу «хут» в загробное царство «Ўзүт чирі». Если душа больного человека перевалит гору Пулан-таг, то больше она сама не вернется на белый свет. Душа «хут» скрывается и оберегается от прилетевших духов-помощников шамана духа ии «узютами», ранее переселившимся на тот свет. Ее может возвратить из страны умерших «Ўзют-хана» только опытный шаман.

Шаман мог предотвратить беду в случае эпидемии, произошедшей среди родственников в результате мести души погибшего сородича. Например, в сеоке бурут невестки бросили на произвол судьбы старую деву. Она скончалась в муках от голода и холода. Погибшая дева превратилась в каменное изваяние «Хозан хыс» – букв. заяц-дева, а ее душа «сүне», обернувшись зайцем, настигла свой род и наслала болезни. Шаман поместил ее душу в образ фетиша «хозан тэсь», и буруты с тех пор обязаны совершать ей жертвоприношения, чтобы сохранить здоровье рода. Каменное изображение старой девы под названием «Хозан-хыс» стояло в долине Черного Юуса. Хакасы через каждые три года совершали ей жертвоприношение.

Среди кызыльцев был великий шаман Аралай Тайдонов. У него случилась беда. Все его дети заболевали в раннем возрасте и умирали. Когда у шамана Аралая заболел последний от оставшихся в живых сын, то он пришел вместе с больным наследником молиться каменному идолу. Но «Хозан-хыс» не смогла избавить его от напасти, и сын скончался. Тогда Аралай-кам в гневе разбил каменную скульптуру.⁵⁰

Когда шаман отправлялся за душой «хут», увенчанной покойником в царство мертвых, то на стропила юрты вешали «манчы» – ленты с привязанными пуговицами, серебряной монетой и перламутровой пластиной «тана». «Манчы» служили местом притяжения души «хут». Шаман погружал в одну из бутылей с аракой три кварцевых камушка – «ўзүт тас» (букв. камень узюта) молочно-белого цвета. Во время камлания он пил араку с кварцем, под действием которых приобретал особую способность различать призраков в царстве мертвых. В том же помещении, где совершался обряд, сооружался плотик из семи дудок боршевика (хобырах).

Семь связанных в пучок дудок борщевика наполнялись абыртхой, необходимой для угощения охранников Узют-хана, стоящих на пути. В придачу к плоту изготовляли два весла. К каждому веслу привязывали по глиняному человечку. Когда шаман вместе с тёсами отправлялся в путь, то он командовал этими глиняными человечками, чтобы те сильнее грести, дабы быстрее плыть.

Кам в царство мертвых едет сначала на плоту по какой-то неведомой большой реке, текущей на север. Перед отправлением его в путь кормили дух-хозяйку огня «От ине».⁵¹ После угощения богини огня «От ине» шаман приступал к вызову своих духов. Затем он давал команду двум глиняным человечкам сильнее грести, чтобы ускорить путь. По дороге к Узют-хану духи гор и рек не угощались.

Долгое время шаман на плоту плывет по реке на север. Затем причаливает к берегу и, привязав плот, отправляется в царство мертвых в сторону юго-запада. Он пересекает препятствие в виде голой степи – «хуу чазы», лишенной растительности. Далее шла извилистая узкая тропинка «саар азах чол» между скал. Шаман вынужден здесь продвигаться прыгая на одной ноге. Пройдя по узкой тропинке, кам выходил на просторы песчаной степи «хум чазы», где не было никаких признаков жизни. После преодоления этой степи дорога разделялась. Первый путь представлял тропу грешных людей, а второй – дорогу для душ безгрешных. Шаманы двигаются по второй дороге. Завершающим препятствием в пути являлась широкая река, которую надо было преодолеть по волосяному мосту «хыл кёбїрткї». Он, даже при отсутствии ветра, постоянно качался. Никакое живое существо не в состоянии по нему пройти. Волосяной мост «хыл кёбїрткї» мог пересечь только «узют», т.е. душа умершего, которая не обладала весом. Шаман при помощи тёсей переходит мост. За большой рекой стояла высокая черная скала «Юттиг-тас», имеющая отверстие. С двух сторон отверстия скалы стояли два черных богатыря в кольчугах и шлемах, которые проверяли следовавших в царство мертвых «узютов». Каждый из проходящих отвечал на вопросы о причинах смерти и о том, что действительно идет к месту своего нового назначения, т.е. «узют чир». Шаман, достигнув стражников, угощал их абыртхой из семи дудок борщевика. Ублажив и обманув охранников, кам проникал сквозь отверстие скалы «Юттиг-тас».

В первые моменты после трех ударов шамана в бубен орбою «небо сходится с землею, поднимается страшный ураган, гремит гром, сверкает молния и падает град величиной с человеческую голову». После первых трех ударов орбою в бубен «узюты» уже знают, что к ним скоро явятся духи – тёси, с шаманом во главе, за жизненной силой «хут» их бывшего сородича. Когда жизненная сила «хут» найдена, шаман хочет ее схватить, но души – «узюты» крепко цепляются за нее и всеми силами стараются не выпустить из рук. Начинается жестокая борьба умерших душ с духами

– тѣсями. После отчаянного сопротивления «узютов» победа остается на стороне тѣсей. Захватив душу, кам говорит тѣсям: «Нужен красивый перстень для руки, нужны блестящие пуговицы для шубы». Тѣси сразу понимают о чем идет речь и, подхватив шамана вместе с душой «хут», быстро несут его обратно. На обратном пути за шаманом гонятся охранники, но тѣси летят быстрее урагана. В таких случаях кама выручает чудоптица «Хан-Кирети». Она сразу поднимает шамана на громадную высоту и с молниеносной быстротой несет его на родину. Кам, по возвращению из царства умерших душ, первым делом стряхивает душу «хут» в чашу с молоком, поставленную в переднем углу юрты, у постели больного. Затем предлагает больному выпить из чаши глоток молока. С выпитым глотком молока, по мнению шаманов, возвращается к больному жизненная сила «хут». Душа соединяется с телом хозяина. В конце обряда шаман брызгал по направлению к дымовому отверстию юрты вино из чашки, которую потом бросал через плечо на землю, производя гадание «тѣрик». Если чашка упадет вверх углублением, то камлание проведено успешно.⁵² После этого следует выздоровление. Ленты «манчы» снимали на третий день после вливания «хут» больному.

Однажды шаман Пысха Амзороков отправился в царство мертвых к «узютам» за украденной жизненной силой «хут». Он поднялся вверх по реке Абакан, прошел сквозь отверстие скалы «Юттиг-тас», достиг семиной Лось-горы. Там кам Пысха преобразился в душу умершего человека, обманывая «узютов». Он нарочно стал причитать: «Я перевалил из подлунного мира, я прошел солнечный мир, куда я иду, куда я заложу?». «Узюты» насторожились: «Ой-ой, как бы это не был шаман, пусть он не хитрит. Надо его подкараулить. Только что принесенную душу «хут» живого человека надо спрятать под кожаную подстилку». После чего «узюты» спрашивают у Пысха-кама: «Почему у тебя красные глаза? (как у филина, в которого превращаются шаманы)». Шаман отвечает: «Как же не быть им красными, ведь столько дней я рыдал». Шаманские помощники – тѣси не видны духам – «узютам», так же, как и простым людям. Пысха-кам приказал тѣсям: «Схватите жизненную силу «хут», спрятанную под кожаной подстилкой». Он разбил чугунный таган на очаге, потушив свет. В царстве мертвых стало темно. На службе у духов – «узютов» имеются пестрые собаки. Духи стали науськивать их на шамана. Но Пысха-кам быстро сумел схватить душу «хут» и со своими тѣсями вернулся к больному человеку.⁵³

Когда-то в аале Чулдагы жил Денис Ульчугачев. После того, как он умер, заболел его сын Прокопий. Для лечения привезли из аала Чобыях качинскую шаманку. Оказалось, душу «хут» Прокопия забрал его отец. Дева-шаман в стране мертвых нашла Дениса и стала просить вернуть душу. Но тот спрятал душу за спину и ни за что не отдает. Шаманке же он наказал: «Скажешь моей жене Торгы, когда Прокопий пойдет ко мне.

пусть вместе с ним отправит мои сапоги с суконными голенищами». Шаманка не смогла вернуть душу «хут», захваченную умершим отцом. После смерти сына Торгы положила ему в гроб сапоги Дениса.

Иногда в человека вселялась злая сила «айна», вызывающая заболевание. В таком случае шаман проводил обряд изгнания ее из тела больного. Он обходил три раза вокруг недомогающего и громко бил в бубен. Сильными ударами шаман отделял от больного нечистую силу «айна» и захватывал ее. Прокламации против «айна» («айнаны чара сабарга» – букв. отбить чертей «айна») обязательно надо было приготовить в качестве атрибутов девять железных предметов, а перед дверями положить девять болотных кочек. Для женщин все атрибуты необходимы в семикратном количестве. В некоторых случаях за юртою на берегу реки ставили девять (для женщин семь) конусообразных шалашиков – «алачиков». При изгнании «айна» шаман помещал их или в кочки, или в «алачики», или вбивал в бубен. Если злую силу «айна», досаждавшую человеку болезнями, кам вбивал в бубен, то он увозил ее в далекие горные страны, где находились черные скалы. Там он приковывал ее за руки и за ноги внутри гор и говорил: «До прилета лебедей – белых птиц, засохните до белизны. До прилета орлов – черных птиц, высохните до черноты». В том случае, когда схваченная злая сила была помещена вовнутрь кочек или «алачиков», шаман выбегал на улицу и, прокукував кукушкой, прыгал через ограду в сторону реки. После окончания камлания хозяин юрты бросал «алачики» или кочки в реку, чтобы они уплыли вместе с «айна». Железные предметы оставляли на счастье дома.⁵⁴

Над некоторыми людьми висел рок – заклятие «арсы». Такие люди – «арсылыг кізі» не имели детей. Свое заклятие они получали от «знакомства» с горными духами. Шаман разбивал и снимал заклятие (арсыны хам чара саапча), после чего рождались дети.

Во время камлания над больным ребенком шаман поражал своим шаманским оружием какого-нибудь зверя в качестве выкупа за душу ребенка. В ответственный момент он поднимал бубен в виде зонтика над головой больного и при ударах по мембране зрители видели кровь, бегущую каплями по бубну. Шаман заявлял, что он убил животное для угощения злого духа. Кровь на бубне нужна для того, чтобы злой дух оставил ребенка и взял убитое шаманом животное. Обряд обмена души больного на душу забиваемого животного в Хонгореае скотоводы совершали сами при сильном недомогании от оспы или ветрянки. Такая жертва называлась «өтер».⁵⁵

В редких случаях шаманы применяли обряд высасывания болезней под названием «соргах» (соргах). Как правило, таким способом лечили людей, страдающих кашлем. Шаман вселял духа болезни в кожаный ремень и сосал его до очень тонкого состояния. Всосанный в себя дух болезни затем выплевывался в сосуд, который прятали подальше от селения.

Шаманы лечили людей и животных от бешенства. Например, однажды девушку Сене Мойнагашеву укусила бешеная собака, после чего она заболела водобоязнью. Родители вынуждены были ее держать на привязи в углу дома. Если кто-то подходил близко, то она прыгала и кусала того человека. Обратились к шаману Адорс-каму. Он попросил поставить отдельно хакасскую юрту, вокруг которой привязал сорок черных собак. При лечении бешенства необходимы сорокакратные действия – посетить сорок юрт, съесть сорок кусков хлеба и т. д. Три дня и три ночи Адорс-кам совершал радение и достиг обители духа – хозяина собачьего бешенства. От него он забрал жизненную силу «хут», которую вбил в бубен. Вернувшись из шаманского путешествия в юрту, он поднял ударный инструмент над головой Сене и, после ударов по нему орбою, вдруг стряхнул бронзовое колечко. Посаженной в углу дома девушке Адорс-кам сказал: «Вливаю в тебя твою душу «хут». Затем он надел ей на палец колечко. Девушка пришла в себя и тихо села. «Это колечко – твоя душа · хут». Ее береги, – сказал Адорс. – Если колечко потеряется, ты умрешь». После чего девушка долго жила в здравии. Но дело было во времена Красного Переворота. Однажды нагрянули бандиты, вскрыли сундуки и все вещи унесли, в том числе и бронзовое колечко. После этого случая на Сене Мойнагашеву опять напало бешенство и она умерла.⁵⁶

Шаманка Мандюн-кам из Усть-Лырсы излечивала от бешенства собак. При камлании она отправлялась к Ирлик-хану. После обряда посещения главы подземного мира собаки поправлялись.⁵⁷

Камы были бессильны против оспы – «улуг аалчы». Однажды у шамана Киислепа умерла старшая дочь от оспы. Согласно хакасским представлениям, человек, умерший от оспы, присоединяется к «невидимым гостям». Спустя некоторое время заболел младший сын. Шаман Киислеп стал камлать, обратился к горным духам: «Мои агалары – предки! Помогите, мой сын при смерти». Но горные духи сказали: «Мы раньше воевали с «великими гостями», но проиграли битву. Теперь даже наш горный народ они забирают в свое царство». Возвращаясь из иного мира, Киислеп увидел свою дочь, которая уносила на спине его младшего сына. «Отец! Не печалься, я увожу младшего брата. На чужбине мне одной тяжело», — сказала дочь. Когда он вернулся из шаманского путешествия домой, сын уже скончался.⁵⁸

После завершения сеанса камлания над больным шаман проверял состояние здоровья у собравшегося народа. Кам приказывал тёсам: «Обойдите хоорайский народ (т.е. хакасов), всех людей проверьте!». Тёси выявляли хворых, находили прицепившиеся к ним злые силы.

Шаманы могли лечить различные душевные болезни, находя оригинальные способы исцеления при помощи великой силы своих духов – тёсей. Духам болезней предлагались в обмен на души людей в качестве выкупа как жертвенные животные, так и одежда. Шаман в корыстных

целях мог установить определенный срок действия своего лечения. Когда срок истекал, то больной опять заболел. Заболевания людей оборачивались прибыльным делом для шаманов. Хакасы сложили нелестные пословицы, бичующие лечебную практику шаманов: «Мал ѓлзе — адай тох, кїзі агырза — хам тох» – Еслидохнетскот, то собака сытая, если болеет человек, то шаман сытый; «Хычалыг чылда адай симіс хорыглыг чылда хам симіс» – В год падежа скота собака жирная, в год эпидемий шаман жирный.

4.4. ДОРОГА К БОГИНЕ УМАЙ

Шаманы постоянно привлекались для участия в совершении ритуалов жизненного цикла, связанного с беременностью женщин, рождением детей и смертью человека. Когда женщина страдала бесплодием, то проводили обряд «ымай тартханы» – букв. притягивание жизненной силы ребенка, с участием сильного шамана – «пугдура», обладавшего чистыми духами-помощниками. Души детей, согласно представлениям как шаманистов, так и бурханистов, хранятся в храме богини Умай, который находится внутри горы «Ымай-тас» среди Саянских хребтов (по-русски г. Амай напротив современного г. Саяногорска).⁵⁹ Богиня Умай не ограничивалась количеством душ, хранимых только в своем храмовом комплексе в Саянах. Она частично содержала души детей в местах своего отдыха среди других горных вершин Хонгорая. Так, например, в долине реки Сойгачы находилась гора «Омай хазың таг» – гора березы Умай, где в тени березовых деревьев любила нежиться покровительница женщин. Под горой стояло женское изваяние «Тулуңыг обаа» – т.е. стела с двумя заплетенными косами, являющаяся тайником для хранения детских душ. Шаманы совершали моление указанному месту, откуда притягивали душу ребенка (омай тартчан). Вполне возможно, что многие вершины под необычными названиями, например «Имчек таг» – букв. гора (имеющая вид) женской груди, служили тем же целям.

Камлание для обретения материнства совершалось в ночь белого полнолуния, т.е. на четырнадцатый день нового месяца. Для выполнения обряда «ымай тартханы» хозяевам требовалось привезти молодую трехлетнюю березку вместе с корнями. Вносили ее через дымовое отверстие юрты и помещали на мужской половине в углу между средними (ортын параан) и головными (пас параан) мебельными секциями. Под березку стелили белую кошму, на которой устанавливали маленький столик. На него ставили деревянную красную чашечку. Шаман наливал в деревянную чашечку специально приготовленное молоко, надоенное от белой коровы непорочной девушкой, и, для стерильности, закрывал его белой

тряпицей. К дверям юрты привязывали гнедого коня, на котором совершал путешествие шаман.

В качестве жертвы закалывался белый ягненок жертвенным способом «őзеп», т.е. разрыванием аорты. Правая сторона грудной клетки животного отваривалась в казане, а легкие и сердце готовились на пару. Перед камланием куски горячего жертвенного мяса: два правых верхних ребра, сваренная вместе с шерстью голова, позвонки, правая передняя нога, легкие и сердце – ставились в корытце на столик под березой. Пищей богине Умай служил горячий пар – «оор пус», поднимавшийся от мясных даров. Для кормления тёсей под березкой ставили «турсук» вина.

К ветвям березки привязывали фетиш «хуруг ымай» – букв. сухая Умай. Он состоял из трех полуметровых шнуров с разными символами. Один шнур делался из серебряной мишурной нити – «ах алтын», другой – из синей (или зеленой) шелковой нити – «көк чібек» и третий – из белой (или красной) крученой шелковой нити – «ах чібек» (хызыл чібек). К свободным концам серебряной нити привязывалась серебряная монета, служащая выкупом. На конце синего (или зеленого) шнура прикреплялась бронзовая самодельная пуговица (хола марха), являющаяся сердцем фетиша. На красную (или белую) нить подвешивалась раковина каури, где сосредоточивается душа ребенка. По представлению хакасов, фетиш «хуруг ымай» притягивает к себе внимание богини Умай, которая якобы в образе белой птички прилетает и садится на ветвь березки рядом с ним.

Женщина, над которой совершали обряд, садилась на белую кошму, разостланную на почетном месте во главе очага. Она повязывала на голову белый платок, носимый ею в течение трех дней после обряда.

Приступая к камланию, шаман облачался в свой костюм, находясь на белой кошме. По канону он сначала благословлял огонь, упоминая, что богиня огня От-ине и богиня Умай – две родные сестры. Шаман, кланяясь, обходил три раза огонь, каждый раз бросая туда по кусочку сала, завернутого в красно-белые флажки «чалама». Затем он вызывал своих духов-помощников. Только испросив разрешения у богини огня От-ине и призвав гвардию тёсей, кам «отправлялся» в поход за душой ребенка. Он якобы уносился вместе с духами-помощниками из юрты в далекие страны, поднимался ввысь до облаков, перелетал через высокие горные хребты и т. д.

В обряде «ымай тартханы» участвовали девять невинных юношей и семь непорочных девушек, которые вторили за шаманом, повторяя его движения и песнопение. Глава девяти парней, называемый Толбан Хара, и глава семи дев – Чилбен Сарыг, являлись ответственными за игру и танцы собранного коллектива. Богиня Умай, как считалось, любила смотреть на театрализованное представление молодежи.

Достигнув священной горы «Ымай-тас», шаман кланялся хранителю детских душ и просил ее открыть золотые двери дворца. «На правом плече я принес большой турсук вина, – говорил шаман, – на левом плече я принес белого жертвенного барашка. Я привел с собой семь невинных дев, я взял с собой девять чистых парней. Большую игру мы покажем, девяносто различных песен исполним, семьдесят разных мелодий пропоем».

В этот момент старик – хозяин горы «Ымай-тас», якобы заглядывая на игру молодежи и, умиротворенный, пропускал шамана во внутрь храма, где его встречала богиня Умай. Держа бубен за спиной, он кланялся, просил помощи (в этот момент брызгали вином и поднимали поднос жертвенным мясом). Шаман произносил следующие слова:

«Мать Умай – Святая мать!

Ты защитница пасущегося скота! Ты душа черноголового (т.е. хакасского) народа! Ради того, чтобы не прервалось животворное семя, ради того, чтобы не кончилось потомство, испытывая большую нужду, проси безвинную душу, я пришел к тебе, госпожа мать Умай!».

После долгих уговоров богиня Умай, насытившись жертвенным паром, соизволяла провести шамана во внутрь своих апартаментов. Согласно хакасским представлениям, на стенах многочисленных комнат храма «Ымай-тас» висели миниатюрные колыбели с душами детей: жизненная сила девочек в виде коралловых бусинок, а мальчиков – в виде стрел. Шаман, выбрав соответствующую душу и «вколотив» ее в бубен, быстро возвращался обратно через дымовое отверстие юрты, где проводился обряд. После возвращения из дворца «Ымай-тас» кам первым делом поклонялся фетишу «хуруг ымай» – заместителю богини Умай, обращаясь к нему с молитвой:

«Притянутый из белой ясности (т.е. неба),
Окруженный белым золотом,
Обвязанный белой шелковинкой,
Кормящийся белым молоком от белой коровы,
Ты превратился в белую Умай!
Обернувшись в белую птичку,
Щебеча пиджир-паджир,
Ты спустился на крону священной березы,
Имеющей золотые листья!
Имеющей серебряный ствол!». ⁶⁰

Затем шаман обращался к огню: «Тридцатизубая мать-огонь От-ине! Вместе с богиней Умай вы были двумя сестрами! Сороказубая дева-мать Хыс-ине! Вместе с матерью Умай вы имеете один язык! Положив на белую березовую дощечку, вы перерезали мою чистую пуповину! Под сияющим небом, над раскинувшейся землей нет ничего величественнее вас!».

Во время этих молитв шаман обводил женщину три раза сначала вокруг березки, потом вокруг огня. Женщина каждый раз, обойдя огонь, кланялась ему и бросала по кусочку сала, завернутого в белую и красную ленточки «чалама».

После камлания шаман ставил красную чашечку с освященным молоком на голову бездетной женщины и три раза по солнцу обводил вокруг нее фетишем «хуруг ымай», говоря: «Хурай, хурай! – т.е. храни и помилуй! Пусть будет дана жизненная сила!». Одновременно, перевернув бубен внутренней стороной над женщиной, он три раза ударял по поверхности инструмента, как бы стряхивая принесенную душу в молоко. Завершающее действие называлось «ымай уурага» – т.е. вливать душу младенца. После этого кам опускал в молоко привязанные к фетишу «хуруг ымай» раковину каури и бронзовую пуговицу со словами: «Ты имеешь душу в виде белой раковины каури, ты имеешь сердце в виде бронзовой пуговицы». Опущенные предметы якобы притягивали душу и указывали дорогу богине Умай которая, по верованиям хакасов, посылала в молоко кровь и плоть ребенка (в виде белой птички). Потом женщина брала в рот раковину каури от фетиша «хуруг ымай» и медленно выпивала молоко из чашки. Причем чашку держал шаман, изредка произнося «хурай – хурай», а женщина крепко зажимала уши обеими руками. Считалось, что таким образом душа ребенка вместе с молоком попадала в чрево женщины, после чего последняя становилась беременной. Шаман после этой процедуры не позволял пациентке сильно выдыхать воздух наружу, «велел дышать внутрь». Некоторое время нельзя сплевывать слюну, чтобы все молоко попало во внутрь.

После того, как женщина выпивала молоко, шаман гадал, три раза бросая чашку с ложкой на землю. Если она падала вверх дном, то это плохое предзнаменование, если наоборот — камлание будет успешным.

Заканчивая обряд «ымай тартханы», шаман предсказывал физические данные ребенка и будущую судьбу. После совершения обряда в течение трех дней из юрты ничего не выносили. На третий день с березки снимали фетиш «хуруг ымай» и до рождения ребенка хранили его завернутым в белую материю в шкатулке, находящейся у изголовья кровати. Обрядовую березку выносили через дымовое отверстие и привязывали стоймя к дереву в укромном месте. Иногда ее специально высаживали где-нибудь в роще. Хакасы верили, что если посаженная березка не засохнет, то в этой семье будут расти дети.

Мальчики, рожденные благодаря благосклонности богини Умай, получали имена: Соган – Стрела, Ухчын – Стрелок, Саадах – Сагайдак, а девочки – Суру – Коралл, Тана – Перламутр, Мончых – Бусина и т. д. Дети, получившие жизненную силу в образе прилетевших на священную березку птиц, получали «птичьи» имена. Например, сына Акельдея Мишакова называли «Лачын» – Сокол, в связи с тем, что шаман Оолгын

Сульбереков после посещения храма «Ымай-тас» поймал его душу, имевшую вид сокола. Кыскараков Хартыга – букв. Коршун был назван честь своей детской души, полученной из рук богини Умай в образе кошуна.⁶¹

Посредственные шаманы «пулгосы», в отличие от «пугдуров», имевшие сил отправиться за душой ребенка к храму богини Умай в «Ымай-тас», практиковали кражу душ у здоровых детей из Тувы, Алтая, Монголии или других аймаков Хонгорая. Такой обряд «добычи» душ носил название «ымай талирга» – букв. разбивать умай. Во время сеанса камлания шаман подкрадывался к какому-нибудь многодетному семейству и у спящего ребенка выхватывал душу – «пала ымайы». В момент «выхватывания» души младенец вскрикивал от испуга, но шаман тихо ударял по бубну и, успокаивая его, произносил: «Хурай, хурай». Считалось, что ребенок, у которого была «украдена» жизненная сила, обречен на смерть. Если тело и рот умершего от неизвестной причины ребенка были посиневшими, то это считалось явным признаком черных «проделок шамана».

Повелитель духов, прикрепив украденную душу «пала ымайы» к бубну, возвращался назад. Вернувшись в юрту, шаман приказывал открыто приготовить чашу с молоком. Затем он один раз ударял по бубну и произносил «хуррр, хуррр, хурай», «стряхивал» душу в сосуд с молоком. По хакасским поверьям, женщина, выпившая это молоко, проглатывала душу ребенка. Тело и кровь ребенка якобы переходили в молоко. Обряд «разбивания умай» обычно совершали во время беременности женщины, у которой часто умирали дети.

Украденную душу «хут» необходимо было хорошо закрепить, иначе дети после рождения могут умереть. Кроме того, надо шаману обязательно обезопасить свой тыл и проследить, чтобы не было погони. Например шаман Таслаас украл душу ребенка из Тувы. Он, не скрывая следов, вернулся по открытой дороге сразу в юрту, где камлал. В результате погони тувинская дева-шаманка выследила Таслааса. Она нагрянула в виде сильного ветра, который гнул большие деревья, и забрала обратно душу ребенка.⁶²

Участникам камлания нельзя было произносить слова из христианских молитв. Однажды шаман нес души «хут» детей из Тувы для женщины из Усть-Таштыпа. Он сказал, что у нее родятся близнецы по имени Ах-Чачах и Ах-Ахмет. Когда он так изрек, то женщина произнесла: «О, господи!». Шаман повернулся к ней и сказал: «Милая! От тебя души детей отскочили к твоей свояченице». После камлания свояченица родила близнецов.

Шаман, укравший душу младенца, хорошо знал его внешние признаки. Если он «разбивал умай» у русских, то должен был родиться ребенок, похожий на русского, если у тувинцев — на тувинца. Дитя, обретшее

душу, которую «разбил» шаман, получал отметину в виде дырявой мочки уха. Им запрещалось посещать места гибели младенцев, души которых «разбиты» шаманом. Кам строго наказывал матери следить за тем, чтобы ребенок в будущем никогда не появлялся в местах кражи «разбитой» души. В противном случае даже в зрелом возрасте человек заболит и умрет. Например, Ултургашеву В. С., жившему в Таштыпе, нельзя было ездить в Туим, ибо шаман оттуда украл для него душу другого ребенка.

В семье родителей нашего информанта Манит Толмашевой шорский шаман «разбил Умай» и их дети внезапно скончались. Их губы были посиневшими, а ногти на руках почернели. Нужно было «держаться» новую Умай. Поэтому в 1929 г. мать Манит пригласила камлать Номой Угдыжекову. Номой отправилась в Калы, где у одной русской женщины, имевшей семь детей, выкрала две души. «Родятся две девочки, — сказала шаманка. Одна будет с русыми волосами, а одна с черными. Одна девочка будет очень капризной». Последней девочкой оказалась наш информант — бабушка Манит. Ей нельзя было появляться в деревне Калы (Хал) Бейского района. Когда шаман приносит душу ребенка, то стряхивает ее из бубна в чашу с молоком, куда клали серебряную монету. После того, как мать бабушки Манит выпила молоко, она монету завернула в белую тряпочку и спрятала на дне ларца. При рождении нашему информанту дали в честь принесенной души имя «Манит», т.е. монета. Она вплоть до последних дней держала эту монету у себя в ларце.

Однажды шаман Ефим Саражаков отправился за душой младенца в Туву. В одном из аалов по реке Кемчик он обнаружил много детей. Ефим проник через дымовое отверстие в юрту, где ему не препятствовала богиня огня. Он, при страшном крике детей, схватил душу «хут» одного из малышей и «вбил» ее в свой бубен. По дороге в Хонгорай Ефима стали преследовать два тувинских шамана. В тот момент, когда они стали его настигать, Ефим превратился в мышь и юркнул под землю. Тувинские шаманы не смогли его найти. Уйдя от погони, он опять принял свой облик и двинулся в сторону Хонгорая. Через некоторое время тувинские шаманы опять его обнаружили. Тогда Ефим превратился в серого волка, но противники не отставали и бежали вслед за ним. Затем Ефим обратился в ястреба и взмыл вверх под облака. Тувинские шаманы, не обладавшие подобной силой, не смогли подняться в небо. Когда Ефим достиг границы Хонгорая, проходящей по хребту Ыргах-Таргах, он осмелился выстрелить в одного из преследователей змеиной стрелой (ух чылан). Стрела выбила глаза тувинскому шаману, и тот ослеп. После рокового для них выстрела тувинские шаманы отстали. Вернувшись из путешествия по Туве, Ефим влил душу «хут» женщине и она благополучно родила ребенка. Но ребенок внешне походил на тувинца.⁶³

Итак, проблемы рождения детей шаманами решались двумя способами. Обряд «ымай тартханы», связанный с получением жизненной силы

ребенка от богини Умай, практиковался служителями духов высшей категории. Другой обряд «ымай талирга», характерный для шаманов средних способностей, заключался в краже душ чужих детей. Слабые камы не могли осилить дорогу к великой матери Умай. Второй способ нес счастья в чужие семьи.

4.5. ПРОВОДЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Шаман выступал проводником душ умерших людей на тот свет. После смерти человека его прежняя жизненная сила «хут» переходила в разряд душ умерших, приобретавших иное содержание. Иной вид субстанции получал имя «харан» или «харазы» – т.е. черная душа. После завершения последних поминок, на годовщину смерти умершего человека, приглашался шаман для изгнания души «харан» из домашних покоев. Обряд проводов черной души в царство мертвых носил название «хара сүрерге» – изгнать черную душу или «харан көдіртерге» – заставить подняться «харан». Игнорирование данного действия влечет за собой несчастья оставшимся членам семьи. Вероятно, черная душа «харан» становилась причиной таких болезней, как: «харан ағырыг» – тиф, «харан аалчы» – чума; «сарыг харан» – желтуха. Она тяжело действует на домочадцев, являясь причиной их подавленного состояния, особенно в ночное время суток (харан пасча).

Для обряда изгнания черной души в качестве реквизитов необходимо использовать череп (хуу пас) и четыре кости голени (хуу азах) лошади. Во время камлания кости конечностей коня возрождались в ездовое животное шамана. Заранее готовили девять колючих веток шиповника, девять веток черемухи, девять черных камней, девять веток боярышника и лезвие косы. Для женщины необходимо приготовить по семь указанных атрибутов. В юрте, где совершался обряд, сооружался плотик из семи дудок борщевика (хобырах), представлявший «ладью мертвых». В придачу к нему изготавливали глиняного человечка, посаженного на плот. Приготовленные реквизиты клали у дверей и закрывали черным платком. Вечером к дверям юрты привязывали черной масти быка или коня, если умерший был мужчина, а для женщины – черную телку или кобылицу. В юрте надо было повесить девять видов одежды, называемых «толыг» – т.е. жертва, выкуп. Во время камлания шаман, показывая своими действиями, что в одежду «толыг» вселяется «харан», выбрасывал ее на улицу. Затем эти платья и рубахи он забирал себе.⁶⁴

Обряд изгнания «харан» совершали на исходе старого месяца, ночью. Во время сеанса камлания шаман приказывал: «Мой лунно-солнечный народ, придавите белое пламя!». Люди закрывали дымовое отверстие юрты шкурой черной козы, а очаг тушили перевернутым ка-

заном. Шаман мазал свое лицо сажей или золой и в таком виде совершал камлание.

В кромешной темноте кам начинал искать душу «харан». Согласно обычному праву, соблюдаемому и на том свете, душа умершего мужчины пряталась на южной (мужской) половине юрты, а у женщины – на северной (женской). Люди тихо переминались, стоя на ногах вокруг потушенного очага, дабы она не пробралась между ними. Шаман, видящий тонкий мир духов, находил и внезапно хватал душу «харан», которая начинала рыдать, стенать и жалобно плакать. Она не хотела уходить из дома и умоляла оставить ее здесь. От искусного подражания шаманом голосу мертвого никто не оставался равнодушным. Все начинали плакать навзрыд. Однако жалеть «харан» нельзя, иначе каму будет тяжело отправить черную душу в потусторонний мир, и она превратится в злого духа среднего мира. Как только шаман ударит в бубен, знаменуя звуком пойманный объект, зажигали огонь. Кам вбивал «харан» в бубен, сажал на черное животное, привязанное к дверям юрты, и гнал ветками колючих кустарников за пределы мира людей в сторону царства умерших душ. Сам он ехал на коне, оживленном из черепа и костных конечностей лошади.

Шаманы качинцев отправляли «харан» на север вниз по Енисею до Северного Ледовитого океана и на дне какого-то Черного моря запирали ее в черной скале. Койбалы уводили черную душу в Саянские хребты и замуровывали в горах Ыррах-Таргах (Ергаки) или Тораасхыр (Горос-Дабага). Кызыльский род ачинцев возвращал «харан» на древние родовые кладбища у мифического озера «Сана-кёль», где когда-то проживали их предки. Большая часть кызыльцев отводили души умерших на запад, на гору Ханым-Тасхыл, стоящую в истоках Черного Июса или, как и качинцы, на север. Сагайцы, бельтыры и бирюсинцы отправляли душу «харан» в сторону захода солнца в верховья Абакана, на мифическую гору «Читі путтыг Пулан таг» – Семиногую Лось-гору, именуемую по-русски Шаман (в истоках р. Кызас). На вершине Пулан-тага находилась страна умерших душ – «узютов».

Путь в царство мертвых – «үзүт чолы», пролегал через множество преград. Шаман по дороге проверял истинность смерти у души умершего человека. Он проводил «харан» по степной дороге, где была насыпана зола (күл урган чазы). Если на золе не оставалось отпечатков ног, и она не клубилась, значит душа относится к невесомой субстанции. Затем шаман отправлялся с черной душой по степи, заросшей сухой травой (хуу от ёскен чазы). Если трава под ногами не гнулась и не шевелилась, то душа действительно отделилась и значит смерть была истинной.⁶⁵ После фиксации действительной смерти шаман заставлял душу «харан» пройти по волосяному мосту «хыл көбірткі», натянутому над рекой. Если она

была грешной, то падала вниз. Грешников шаман передавал черной женщине «хара-хат» с девятью косами.

Черная женщина «Хара-хат» проходила с грешными душами по особой тропе, которая пролегла по местности, заросшей боярышником, шиповником и другими колючими кустарниками. В некоторых местах тропа пролегла через острые скальные камни. Грешников вели босиком, не разрешая надевать обувь. Стоны и плач беспрерывно раздавались на протяжении этого пути.

Затем душу «харан» шаман проводил сквозь круглое отверстие скалы Юттиг-тас («Ўзүт өтпес Ыттиг тас» – букв. камень с отверстием, сквозь который не пройдет назад «узют»), расположенной вверх по Абакану выше устья р. Аны. В огромной скале «Юттиг-тас» имеется узкий проход. Снаружи прохода находится железная дверь, которая сама открывается и закрывается. У дверей стоит большая очередь душ умерших, идущих на тот свет. Пройдя сквозь отверстие скалы Юттиг-тас, «харан» получает название «узют» (Ўзүт). Душа «узют» уже не сможет вернуться обратно в мир живых, ибо отверстие дырявой скалы ее сожмет.

Сквозные скалы «Юттиг-тас», находящиеся на территории Хонгорая обладают, якобы, карающей силой. Например, в долине р. Чыланы около аала Тарбаган находилась дырявая скала Юттиг-хая. Хакасы долины Таштыпа заставляли пролезать сквозь ее отверстие людей, подозреваемых в воровстве. Считалось, что эта гора зажимает грешников.⁶⁶

Черная душа, прошедшая сквозь отверстие скалы «Юттиг-тас», попадала на мифическую гору Пулан-таг, где находилось царство мертвых – «Ўзүт чир». Шаман, закончив свою миссию, произносил: «Черная земля стала могилой, твердое дерево стало гробом, а ты сама перевалила гору Пулан-таг, став узютом». На следующий день глиняного человечка, воплощавшего душу «харан», всем аалом выносили из юрты и отправляли на плоту, сделанном из стеблей борщевика, по текущей реке. Подобный обряд совершали и шорские шаманы, подвергшиеся культурному влиянию Хонгорая.

На территории царства мертвых находился вход в подземный мир «чир түндүгі». После преодоления хребта «Ыргах-Таргах» нужно было пройти сквозь отверстие скалы «Ўттиг хайа» и только затем за страной «узютов» достигали мифического входа «чир түндүгі».

Царство душ умерших делится на две страны: «ах ўзүт чирі» – земля белых узютов и «хара ўзүт чирі» – земля черных узютов.⁶⁷ Сначала располагается страна черных узютов, а через нее далее – белых узютов. Души мертвых перед входом в назначенное местообитание проходили дальнейшую проверку у стражников «Узют-хана» – главы печального царства. Души хороших людей попадают в страну белых узютов, а грешные – в страну черных. В царстве белых душ находятся души добрых людей

вечно борющихся со злом. Узюты живут родовыми общинами по сеокам. Они ходят охотиться, имеют охотничьих собак. Жилищами им служат конические шалаши «алачики», покрытые берестой, и четырехугольные «атибы», покрытые лиственничной корой.

В царстве черных душ обитают представители нечистой силы и души завистливых людей, с темными замыслами. Умершие шаманы также попадают в страну черных узютов, ибо получают дары благодаря силе злых духов – «айна». ⁶⁸ В царстве черных узютов оказываются непочтительные дети. Хакасы обязаны почитать своих родителей. У того, кто пререкался с отцом, в царстве узютов вынимали два передних зуба, а вместо них вставляли песчаные копии. Если кто пререкался с матерью, то у него на том свете отрезали кончик языка. Если мать не благословила сына, тогда он будет ходить голодным.

В царстве душ умерших людей – «узют чир», очень строго относятся к потере выпавших зубов, обрезанных ногтей и состриженных волос. Они отождествлялись с жизненной силой «хут» человека. Их нужно собирать и сжигать на огне. Зубы, выпавшие у взрослых людей, вбиваются у очага со словами: «Когда-нибудь я возьму их оттуда». Когда человек умрет, с него на суде Ирлик-хан требует наличия всех обрезанных ногтей, волос и зубов. Дух-хозяйка огня «От ине» доводит до сведения, какое количество отживших частей тела она приняла. Если человек не соблюдал обычай, то Ирлик-хан заставлял его найти все разбросанные волосы, зубы и ногти. Душа «узют» в качестве наказания проводит несколько лет в поисках потерянных частей своего тела.

Необходимо отметить, что племена Северного Алтая отправляли души своих умерших людей в бассейн верхнего Абакана, в местность «Уйту-таш» (т.е. Юттиг-тас). Например, шаманы челканцев на сороковой день после похорон отводили души умерших сородичей в землю кыргызов (т.е. Хонгорай) в урочище «Уйту-таш», где якобы находилась страна их предков. Души умерших должны были пройти через реку по волосяному мосту (кыл көрүк), а затем через круглое отверстие в скале «Уйту-таш». ⁶⁹ По всей видимости, единое представление о царстве душ умерших у северных алтайцев и хакасов долины Абакана возникло в результате бывшего общего культурно-исторического центра под эгидой Хонгорая.

На ответственности шаманов лежало изгнание душ (суне) захороненных предков, приносящих вред живым людям. Как правило, так происходило из-за того, что скотоводы ставили дома рядом с древними кладбищами. Например, в долине Белого Ююса в аале Хызыл хас один хозяин поставил свою юрту на холме, где находился кыргызский могильник. У него стали умирать дети. Причиной явились умершие души кыргызских предков – «хыргыс сүнези», которые начали забирать жизненную силу

«хут» детей. Шаманы путем камлания отправили души «суне» кыргызов в страну мертвых.⁷⁰

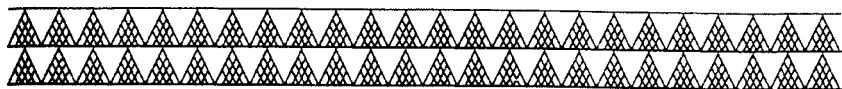
Если в доме умирали малолетние дети, то значит в семье обосновался злой дух «хара ымай» – черная умай, т.е. «черная» часть душ умершего ребенка («хара ымай түскен» – букв. упала черная умай). И гоняли черную душу умерших детей шаманы, совершая обряд под названием «хара ымай көдиртерге» – поднять черную умай.⁷¹

Камлание совершали ночью при старом месяце. Специально делалось изображение злого духа «хара ымай» в виде куклы из глины, дерева или старых тряпок. Куклу одевали в платьице, сшитое из одежды умершего ребенка. Огонь в юрте тушили перевернутым котлом. В темноте и жуткой тишине кам начинал искать спрятавшуюся душу «хара ымай», оставшуюся после смерти детей. Черную душу девочки он «искал» на женской половине, а мальчика — на мужской. В конце концов кам ловил «хара ымай», которая вдруг голосом умершего ребенка (импровизация шамана) начинала плакать, причитать, не желая покидать юрту родителей. Но кам не поддавался на уговоры. Он бил в бубен, как бы вбивая в него черную душу ребенка. Затем шаман отправлялся в страну мертвых душ «үзүт чирі», где «стряхивал» «хара ымай» и для надежности там ее «запирал».

На следующий день изображение «хара ымай», сделанное из глины, дерева или тряпок, одевали в войлочную шубку и, посадив на плотик из дудок борщевика, пускали по реке, произнося: «Спускайся по устью девяти морей!». При этом в воду бросали раковину каури, которая была привязана к фетишу «хуруг ымай» умершего ребенка.

Итак, проводы души «харан» в царство мертвых было одной из важных обязанностей шамана. После обряда изгнания черной души, приносящей вред живым, хозяева переносили юрту на другое место. Животные черной масти, использованные для целей камлания, шли в пользу кама.

Царство душ умерших располагалось за пределами территории Хонгорая и у разных этнических групп хакасов находилось в разных частях света: на севере – в Северном Ледовитом океане, на западе – в горах Пулан-таг и у мифического озера «Сана-кёль», на юге – в г. Ыргах-Таргах и г. Тораасхыр среди Саянских гор. Границей перехода из реального мира живых людей в страну мертвых душ служила скала «Юттиг-тас». В отличие от героических сказаний страна Узют-хана, по представлениям шаманистов, находится на земле. В шаманском иллюзорном мире душ умершего не сопровождается в подземелье, хотя страшный суд находится в руках Ирлик-хана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хакасский шаманизм «тадар чозагы», зародившийся в условиях родового строя, представлял религиозную систему, отражавшую древний уклад жизни охотников и скотоводов, с его верованиями, обычаями и обрядами. В нем господствовало анимистическое мышление, где основную идею представлял вечный дух, стоявший вне времени и пространства. Служители духов должны были отвечать чаяниям людей и потребностям рода в здоровом потомстве, умножении скота, удачном промысле, богатом урожае. Шаман выступал в роли жреца, исполнял функцию врача, предсказывал судьбу сородичей. Он возглавлял родовые моления, участвовал в важнейших ритуалах жизненного цикла традиционного общества.

Шаман занимал особое социальное положение благодаря своим способностям и знаниям. Сокровенные знания, полученные им от учителей и духов, были недоступны простому народу. Хакасский шаман являлся знатоком географии Центральной Азии, хранителем фольклорного наследия, а также обладателем поэтического дара. Поэтический язык шаманских молитв сложился на базе древнетюркской речи, в которой встречаются монголизмы, проникшие в хакасский язык в позднее средневековье. Шаман владел техникой экстаза, способностью вызывать гипнотическое состояние. По своему уровню он приближался к верхним слоям общества, хотя напрямую к ним не относился, а его статус стоял особняком и даже изолированно. «Халы» же в результате религиозного невежества держались в рабстве.

Шаманы вплоть до советской эпохи сохраняли полный комплект своих атрибутов со сложной символикой. Согласно воззрениям хакасов, шаманский костюм представлял собой боевые доспехи. Кроме того, шаманское одеяние олицетворяло оперение птицы, ибо шаман во время камлания не только воевал с врагами, но и совершал путешествия в образе филина или ворона. Он мог подняться в небеса, где общался с высшим духом Ульгеном, мог опуститься в подземное царство Ирлик-хана. Он был способен впасть в летаргический сон и даже, якобы, оживить умершего человека.

В течение тысячелетий своего существования шаманизм не оставался неизменным. Напротив, наблюдается определенная религиозная эволюция. Формирование шаманской обрядности Хонгорая происходило под сильным влиянием сагайской этнической группы. Утвердились межплеменные общие божества, выработаны правила сеансов камланий, возникла одинаковая ритуальная атрибутика. Локальные особенности в какой-то степени

сохранялись у кызыльцев. В традиционном шаманизме Хонгорая выделяются общие пласты с духовной культурой тюрко-монгольских народов (обряды инициации, шаманские путешествия, служебные духи, пантеон божеств и т. д.). Шаманизм мог мириться с иными религиозными системами, вбирая в себя от них новые элементы. Например, имя «Кормес ха» идентично названию верховного божества «Курбустан» у алтайцев. «Хурмуста» тувинцев, заимствованного из монгольского языка, которое восходит к зороастрийскому богу Хормузда. Образы сторожевых собак «Изер – Кизер» встречаются в мифологии многих тюрко-монгольских народов. Подобные персонажи «Эзер-Казар» известны в алтайском фольклоре и в монгольском эпосе «Гэсэр». Тувинцы называют сторожевых собак мифического главы шаманов Адам-хана «Эгер-Казар». Возможно, изображения зловонных собак позаимствованы из греческой мифологии, где имеется пегас Кербер, стоящий на страже владыки царства мертвых.

Вместе с тем мир шаманизма Хонгорая имеет свою неповторимую особенность, которая заключается в проведении уникальных видов камланий и обрядов, в представлении о различных духах и душах, в наличии особой шаманской иерархии, в цветовой символике и других ритуалах, представленных в данном исследовании. В результате процесса консолидации родов и этнических групп хакасов в XIX в. возникли условия для принятия и понимания единобожия, которым стал бурханизм.

Патриархально-родовые отношения в целом давно ушли из общественной жизни хакасов. Следом за ними сдала свои позиции и сопутствующая им религия родового строя. Уже в XIX в. явно стали проявляться следы вырождения шаманизма. «Теперешние шаманы – обманщики», говорили Е. Яковлеву хакасы в конце XIX в., потерявшие веру в могущественных духов. Д. Лаппо, впервые исследовавший в 1903 г. хакасский бурханизм, отмечал, что «былой авторитет шаманов пал; сильных и могущественных шаманов теперь не стало: они перевелись; житье шаманов самое несчастное, (...). Теперь и замуж за шаманов идут неохотно, (...). прежде они имели по три – четыре жены, живших в отдельной юрте кадая». ¹ В начале XX в. религию родового строя сменила новая национальная форма религии – бурханизм, отвечавшая новым потребностям хакасского общества, с верой в единого Белого Творца. ²

Шаманская деятельность относилась к разряду незавидных видов труда. Жизнь камов, как считали хонгорцы, связана с тѣсами и нечистой силой «айна». Они общаются с духами, с их помощью лечат больных, получают за это плату от людей. Поэтому они хоронились отдельно от родового населения, а души умерших шаманов после их смерти определялись в страну черных узютов. «Кам обладает нежной и тонкой психической организацией, – писал Д. Лаппо, – мир его представлений совершенно не похож на мир представлений обыкновенных людей. Ныне кам является мучеником своих воззрений: (...) он также проникнут страстно

непоколебимой верой в свое назначение, в свою судьбу быть служителем темной силы. (...) он жертва предопределения, но не убеждения; ему на роду написано быть камом».³

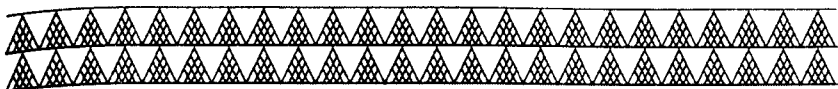
Традиционный шаманизм ныне полностью ушел из жизни Хонгорая. Последняя шаманка Сарго Мойнагашева, 1924 г. рождения, хочет закрыть в горах своих тёсей, дабы они не достались детям, которым она не хочет той же тяжелой участи, доставшейся ей. По представлениям Сарго, шаманские духи-тёси относятся к силам зла.

В наше время некоторая часть хакасской интеллигенции пытается отождествить свою этничность с шаманизмом. «Интерес к традиционным практикам оказался настолько захватывающим, – отмечает В. Харитонов, – что многие деятели культуры, науки, искусства попали в число неошаманов».⁴ С их стороны предпринимаются шаги в сторону возрождения пропущенного этапа истории и делаются попытки выпустить замурованного джина. Новоявленные шаманы, «способности которых пробудились в достаточной степени случайно», стали объединяться в разные общества традиционной религии. Так, например, Т. В. Кобежикова является председателем правления организации традиционной религии «Хан Тигир», В. И. Киштеев – председатель «Центра хакасского шаманизма», А. И. Котожеков или, как он себя именует, «Абый Адж» – председатель местной религиозной организации Тенгриан. В основе вероучений указанных обществ лежит множество культов поклонения различным духам: культ почитания творца «Хан Тигир Хайрахан», культ почитания небожителей «Тигирдегилер», культ почитания матери земли «Чир Ине», культ почитания «Чир Суу», культ поклонения «Ызых», культ почитания духов великих предков или тёсей рода, культ «ызых чирлер», культ почитания духов – тёсей, чаянов, хут прародителей племени, рода, местности. На самом деле, как становится ясно из нашей монографии, ни одного из перечисленных культов в традиционном хакасском шаманизме не существовало. Неошаманы не делают отличий культов бурханизма от шаманской веры. Мало того, в основах их вероучения прописано: «В шаманской религии главное – это уверовать в Бога – Творца (Хан Тигир Хайрахан), создателя всего, что есть на небе и на земле, почитать его мыслями, душой и сердцем». Значит, неошаманы стали монотеистами! Они постулируют: «Шаманство – своеобразная религия, ставящая Небо как высшую реальность, как высшую сущность. Шаманство не простой культ предков и духов местности, философия Неба в основе всего». Даже название своей религиозной организации «Хан Тигир» (букв. царское небо) или «Тенгри» (небо) они связывают с древнетюркским тенгрианством. Тогда при чем здесь хакасский шаманизм? Главный их идеолог А. Котожеков пишет: «Тенгрианство как религия имеет разработанную целостную систему мировоззрения и культовую практику, которая является ядром этнической культуры южно-сибирских тюрков в течение тысячелетий». Громкие заявления А. Котожекова зиждутся на пустом месте, ибо

никогда не было разработанной религиозной системы тенгрианства. В времена тюркских каганатов небесные моления возглавлялись каганами у хакасов на небесных жертвоприношениях, связанных действительно древним тенгрианством, руководили служители бурханизма. Шаманы местам проведения небесных молений даже близко не допускались. Получается, что в основе вероучения неошаманов лежат голые умствования построенные на личных домыслах. Учитывая одну из пяти основ неоплатонического устава – не говорить неправду, – можно посоветовать новаторам от шаманизма – не обманывать людей и не прикрываться именем «традиционной религии хакасского народа».⁵

Шаманская деятельность превратилась в доходное дело. Пользуясь невежеством людей, не знающих традиционной культуры, неошаманы выдают себя за истинных служителей духов, устрашая их местью злых сил. Обладающие мастерством слова, они на своих речениях нечленораздельно бубнят или с неистовством тарабанируют по бубну. Ими придумываются всевозможные, небывалые ранее обряды и действия, которые выдаются как родные. Например, в ночь 19–20 марта 2003 г. на г. Уй-таг неошаманом И. Котожековым был совершен обряд камлания встречи Нового года «Чыл пазы». Сначала сложили «черный костер», где поленья были расположены колодцем. Как объявил А. Котожеков, черный костер необходим для очищения земли от темных сил, приносящих людям беды и несчастья. Все присутствующие должны пройти три круга против часовой стрелки вокруг черного костра и мысленно собрать все негативное – все болезни, все плохое с территории – треугольника от Омска до Улан-Удэ и от Улан-Удэ до Якутска. Все черное должно быть помещено в черный костер и отправлено в нижний мир. Следующие три круга направлены на очищение территории Хакасско-Минусинского края и Саяно-Алтая. Последние три круга присутствующие чистили каждый свой родной дом, родную деревню, родовую гору. По окончании процедуры все присутствующие сожгли черные ленточки чалама, предварительно сделав по три узелка. Далее в костер была брошена шкура овцы, что должно означать закрытие двери в нижний мир и не дать всему черному обратного пути наверх.⁶ Указанные действия неошаманов относятся к новаторским обрядам, которых никогда не было в ритуалах хакасского традиционного шаманизма.

Современные неошаманы появились на волне интереса хакасского общества к своим историческим корням и к своей религии, после долгих лет запретов ее советской властью. «С одной стороны, это – несомненная дань моде и романтическим увлечениям юности, с другой – попытка освоить своеобразный бизнес, с третьей – стремление осмыслить мир с новых позиций».⁷ К сожалению, самозванные таланты не понимают тяжелой доли служителей духов, предпочитая отдавать дань современной моде. Нечистота может взять верх. Поэтому надо помнить слова известного этнографа Л. Я. Штенберга, который писал: «Талант шамана не дар, а бремя».

ПРИЛОЖЕНИЯ

А) ШАМАНСКИЕ МОЛИТВЫ.

1. Таг тайин

Сөөк! Сөөк!

Адап турған тискер миис Типсей хайрахан!

Арға чахсы чонның тайии читсін!

Хадарған малның чулазызың!

Хара пастығ чонның хуйағызың,

Читі күрең чидектігің!

Чилбе күрең мүндүттігің,

Алтын арали чиліннігің,

Алтын халбах туйғактығың,

Хара кілің чабынчылығың,

Хара камчат пөріктігің.

Хара сапйан өдіктігің,

Хара хамнос хамчылығың,

Тіріг чылан тіннігің,

Хоос чылан хосхынныңың,

Хорым хайа турлағлығың,

Чалым хайа чадығлығың,

Алтын пүрліг күмүс тостығ

Пай хазың сөдерлігің!

Хадарған малға туза опыңар,

Хара пасха хаалха опыңар,

Тик кізінің тигірізің,

Хал кізінің хағбазызың,

Хараағызың хадар турыңар!

Күнөрткізін күзет турыңар!

Хол көдірзем – ілиим читсін!

Холтых ассам – нааниим читсін!

Ағаларым-уучаларым!

Адирға адыңар аарлығ,

Постирға поэңар аарлың!

Алданчам-пазырынчам.

Айна тіп адабинчам,

Чик тіп чилбебинчем.
Чылан арғалығ тай ториим,
Чыланмастығ пос ториим.
Ікі харағың пістел турзын,
Ікі хулағың сиртей турзын!
Төрт табаның пізел турзын!
(Трр- түүрлерін саалада саапча).
Хадарған малға аң-хус кірбезін!
Хадарған малға хасхах ағыл пир!
Арға чоннын үлүзін тартсын! Сөөк!
Айнаны ирбен оттан сүрінер,
Чикті чилбегнең сабынар,
Айлығларның чуртын арачыланар,
Күнніглернің өргезін күзедіңер.
Тамах чахсы ползын! Сөөк!
Мал чахсы турзын! Сөөк!¹

1. Молитва горному духу при горном жертвоприношении

Величавый владыка Тепсей, смотрящий на запад!
Пусть жертвоприношение трудового народа дойдет до тебя!
Ты душа – «чула» пасущегося скота,
Ты защита черноголового народа!
Ты имеешь семь коричневых (горных духов), водящих тебя на поводе,
Ты, имеющий темнобурое летучее ездовое животное,
Ты, имеющий гриву вперемешку с золотом,
Ты, имеющий золотые монолитные копыта,
Ты, имеющий накидку из черного бархата,
Ты, имеющий черную бобровую шапку,
Ты, имеющий черные сафьяновые сапоги,
Ты, имеющий плеть из черной выдры,
Ты, имеющий поводья из живой змеи,
Ты, имеющий подхвостник из красивой змеи,
Ты, имеющий стоянку в скальных россыпях,
Ты, имеющий лежанку на отвесной скале,
Ты, имеющий отдых в прохладе святой березы
С золотыми листьями и серебряной берестой,
Будь полезным для пасущегося скота,
Будь защитой черноголовым.
Ты добрый дух-хранитель простого человека.
Ты добрый дух-защита рядовых скотоводов,
Ночью охраняй, днем сторожи!

Если подниму руку, то пусть дойдет до тебя кропление вином,
Если открою подмышку, то пусть дойдет до тебя брызгание вином.
Мои предки! (дедушки-бабушки по отцу)
Называть ваши имена для меня почтительно,
Величать вас самих для меня уважительно.
Я молюсь и кланяюсь вам.
Я не называю вас нечистой силой – «айна».
Я не обмахиваю вас, говоря, вы бесы – «чик».
Мой трехлетний гнедой конь со змеиной спиной (т.е. бубен),
Мой свободный гнедой конь с раковинами каури,
Пусть два твоих глаза станут пронзительными!
Пусть два твоих уха станут настороженными!
Пусть четыре твоих копыта станут острыми!
(«Трр» – останавливает мифического коня, сильно бьет в бубен).
Пусть звери не нападают на пасущийся скот,
Принесите счастье пасущемуся скоту,
Принесите счастье трудовому народу.
Воскурением богородской травы прогоняйте нечистую силу – «айна»,
Обмахиванием опахалом «чилбег» отбивайте бесов – «чик»,
Оберегайте жилища людей подлунного мира!
Стерегите дворцы людей солнечного мира!
Пусть будет хороший урожай хлебов и трав,
Пусть будет здоровым наш скот!
Сеек, сеек!

2. *Апсалин хамның ахсанғаны*

(Төс тартыным).

Мыннан пірге мыннан пас!
Орба сапчаң очаннарым,
Ўс частығ тай пуланнарым,
Ай чолына тартылып одыр!
Алты көстіг ала марсым,
Алды-кестіме оралып одыр!
Ахсы-тіліме айланып одыр!
Оң табанға пічік пасхан,
Оң пілекке таңма сапхан,
Адам ханның илчілерім,
Хырых кигде хыырганнарым,
Хадырада танааннарым,
Тас кніге хығырганнарым,
Таплада сөлееннерім,
Тас теербенге тартып аннарым.

Тас илгекке илгелгеннерім,
 Чис теербенге тартылганнарым,
 Чис илгекке илгелгеннерім,
 Хара абанаң көк пүүрні мин тарт көрим!
 Адай іспес хара сугды сурзалар,
 Чоғыл теейзер айлыгларым.
 Алтын пырғыдаң хыссалар,
 Чоғылох теейзер күнниглерім.
 (Ілгіде одырчатханнары: че, че – тіп хысхырчалар).
 Пір харағың таң солбаны,
 Пір харағың иир солбаны.
 Тас бочка харынныңзың,
 Тозырал парған харахтыңзың.
 (Ағырың кізіні үс хати айланып, түүрін тың саапча. Иди айназы чара хаап ал пари).
 Айназы сыхтап пари:
 Йо, йо хайран позым, хайди полим!
 Хайда хал паризын сірбекейім (ағырың кізі).
Апсалин хам ахсанча:
 Улуғ сыыдыңны саларда
 Адаң пазы күстенме
 Күнниг чирзер чик айна!
 Мыны пілгем ползам
 Хачан хачанох аал аралы парыбызарчыхпын.
 Улуғ хыйғыңны салын парарда
 Инең пазы күстенме
 Айлығ чирге чик айна.
 (амды Ағбан хазына читті)
 Ағарып аххан Ағбан пайдың ээлеріне іліг ползын!
 (Ілігде одырчатханнар араға сеектепчелер – сеек, сеек, сеек!)
 (Аннанар кимее одырып, иски тарт пари. Ағбанны кизіп, ал апча)
 Ағарлап аххан Ағбан пай
 Хоора палыхтаң хойып ах!
 Мин кис парған Ағбан пай
 Сарға палыхтаң тырлығып ах!
 (Айна пиктечен Хызыл хайаға читті. ізігін астырча)
 Алтын хаалхаң ази пирдек.
 Хызыл хайа хайрахан!
 Күмүс ізігін ази пирдек,
 Хызыл хайа хайрахан!

(а-и, а-и, а-и)

Ноо ханнан чайалгазың?

(а-и, а-и, а-и)

Адың-солан аданын одыр.

Ай алтынан ады сабыххан,

Күн алтынан күлүгі саабыххан,

Хам Кызластың төлі

Хам Апсалин найхал килген.

О,о! Апсалин сват читті ноо!

Пу полған чик чабалды

Чир алтына али пирдек!

Апсалин хам ахсанча:

Күн тискер турған хара хаалхан,

Хара замоктаң пазыл халзын

Хызыл хайа хайрахан!

Ай тискер турған хара хаалхан

Халын замоктаң пазыл халзын

Хызыл хайа хайрахан!

Хачан хачан даа позытпассар

Хачан туста хам Апсалин

Хара чирдің алтына кірген туста

Сыйба сөгім сайлалған туста

Анда позытхайзар чик айнаны.

(Айна пиктеп салып, читі хара хыс сүр пари)

Адам чирі ачиим ползын!

Инем чирі чачиим ползын!

Ойымға кірзем хырға сыхчалар,

Хырға сыхсам ойымға кірчелер.

Хайди чидіп алчаң, ниме полчаң.

Хахпай турған тасхылга

Харал турған хайаларға

Хол көдірзем іліг ползын!

Холтых ассам чачығ ползын!

(Іліг ілчелер: сеегей, сеегей, сеегейлерім)

Хам таңмазы сапчаң хара сыбы

Тикперге пастыр партыр.

Хыра чахсы сығар чыл полар, күнніглерім.

(Андағ ла ползын! Андағ ла ползын!)

Хам Пысканың ну таңмазы

Пір чүс үс хам азыра сааптыр.

Хам Сорласка таңмазы
Иліг ұс хам азыра саантыр.
Хам Сырайның пу таңмазы
Ам даа ачых-чарых турчаттыр ноо.
Ам даа чайхап парар сиіліг.
(Анаң иртіп Адазына кірче)
Алтын хаалхаң ази пирдек!
Адам хан хайрахан.
А-и, а-и.
Ай алтынаң ады сабыххан
Хам Кызлас төлі
Хам Апсалин найхап килді.
(Адазы кіріп алды)
Ірік чохта икселдім,
Ірік чохта мин чайхалдым,
Хам полғаннаң пеер
Ўзінчі иреді читкен тіп истіп
Аны читірчееме тіп килдім.
(Адазы Апсалинни хачаптур)
Ай, ай, хызыл үгүнің ой, ой!
Ахсы сіліг ай, ай, хузуруғы ноға хыйыр?
Ай, ой чайал парған ой, ай!
Хабырғадаң хал күнніңлерім
Нымырхадаң туйухтар.
Чайап салған нима ле нии
Алар полза ал халынар.
Адай іспес хара суғды.
(Чорых кізі маңзырапча)
Апсалин хут хаап алып,
Сарнап ала нанып одыр:
Адазы алзын, айлар аладыр
Ай нимезі ай-тидір.
Ўгү чілеп үктеп одыр,
Хартыға чіли хартлап одыр.
Худын айландыр кили пиріп
Ўс хати ағырығ кізіні айландыра чөріп алып
Түүрін түнере тудып алып, тың саапча.
Хурии, хурии, хурии!
Хара пазың ағарғанча
Хасха тізің сарғалғанча

Син чӧргейзиң идекчи.
Иргектиге иттирбес пол!
Иринниге индертпес пол!
Сағынғанағың чаза парбазын, хоорайым!
Хам төстерін таратча
Хурчанаңа хара чылан
Ас пилімнең сайалып одыр!
Алты көстіг ала марсым
Ўс частығ тай пуланым
Алты путтығ (Пулан) таға парғайзар.
Хачан полза хам Апсалин
Адап сөлеен туста
Анда килгейзер халых чоным.
(Хам түүрін кізее пирібізің, сырайын чаба тудунып алып, изепче,
анаң сир парча).²

2. Камлание шамана Апсалина Кызласова

(Вызывание служебных духов-тёсей)

(Мои духи) Отсюда вместе пошагаем!

Мои духи – оджаны, бьющие жезлом орба!

Мой трехлетний лосиный бык (из рога которого сделана орба),

Притягивайтесь к подлунной дороге!

Шестиглазый мой пестрый тигр! (т.е. ручка бубна)

Обвейтесь вокруг меня!

Повернитесь к моим устам!

Написавшие на правой подошве письмо,

Поставившие на правое запястье тамгу,

Послы моего Адам-хана,

Читающие сорок книг,

Громогласно узнающие меня,

Читающие каменные книги,

Четко говорящие со мною,

На каменной мельнице меня размолотившие,

На каменном сите меня просеявшие,

На медной мельнице меня размолотившие,

На медном сите меня просеявшие.

Черного медведя и сивого волка (духов) я попробую притянуть.

Если они попросят воды, которую не пьёт собака,

То скажите «нет» – мои подлунные!

Если будут требовать «золотую трубку» (т.е. табак),

То скажите «нет» – мои солнечные!

(В этот момент люди, ему помогающие, кричат «че, че!», т.е. ладно.)

Один твой глаз – утренняя Венера!
Другой твой глаз – вечерняя Венера!
Ты имеешь живот наподобие каменной бочки,
Ты имеешь выпученные глаза.
(В это время шаман обходит три раза вокруг больного, сильно бьёт в бубен. Так он, отделив, забирает нечистую силу «айна» от больного).
«Айна» причитает:
Ой-ой! Горемычный я, что буду делать!
Где ты находишься, мой подопечный? (т.е. больной)
Апсалин-кам произносит:
Предок Адам-хан!
Совершаем великий плач:
Пусть не стремится в солнечный мир нечисть «чик-айна».
Если бы это я знал, то давно бы прошелся по аалу.
Прародительница Инем-хан!
Произносим великий клич:
Пусть не направляется в подлунный мир нечисть «чик-айна».
(Шаман достигает берега Абакана).
Духам-хозяевам святого Абакана совершите кропление!
(Кропильщики брызгают аракой, произнося «сеек, сеек!»)
Затем шаман садится в лодку, гребет веслами. Переплывая Абакан, читает благословение)
Белеющий святой Абакан!
Протекай с множеством хариусов.
Святой Абакан, который я пересек,
Наполняйся молодым хариусом.
(Шаман достиг Красной скалы, в которой закрывают нечистую силу «айна»). Открывает двери скалы).
Открой, пожалуйста, свои золотые ворота,
Владыка Красная скала!
Открой, пожалуйста, свои серебряные двери,
Владыка Красная скала!
(а-и, а-и, а-и)
«От какого хана ты сотворился?
Назови своё имя и звание».
«Под Луной прославленное имя,
Под солнцем славный удалец.
Из поколения шамана Кызласа.
Шаман Апсалин в трансе к вам пришел».
«Оо, Апсалин-сват нас достиг!» – говорит горный дух.
«Эту отъявленную нечисть возьми, пожалуйста, под землю!» – приказывает.

Апсалин-кам читает далее молитву:

В обратную сторону от солнца стоящие черные твои ворота

Пусть закроются на черный замок!

Владыка Красная скала!

В обратную сторону от луны стоящие твои черные ворота

Пусть закроются на массивный замок!

Владыка Красная скала!

Чтобы вы никогда не отпускали.

Когда же шаман Апсалин

Ляжет под черную землю,

В то время, когда мои кости станут прахом,

Тогда можете отпустить эту нечистую силу.

(Закрыв нечисть «айна», догоняет семь черных дев).

Отцовская земля вызывает мои переживания,

Материнская земля требует мои кропления.

Если я зайду в долину – на холм взбираются,

Если я взойду на холм – в долину спускаются.

Как их достичь, что делать?

Выступающим тасхылам, темнеющим скалам,

Если подниму руку, то пусть будет возлияние,

Если открою подмышку, то пусть будет кропление.

(Помощники кропят вином, со словами «сеегей, сеегейлерим»).

Черная ель, где выбивают шаманские тамги,

Вся покрылась куржаком.

Значит, будет хороший урожай в этом году,

Мои люди солнечного мира.

(Народ кричит: «Пусть так будет!»)

Тамга шамана Пысха выбита выше ста трех шаманов.

Тамга шамана Сорласка выбита сверху пятидесяти трех шаманов.

Тамга шамана Сырая до сих пор светится.

До сих пор находится, раскачивается.

(Затем проходит к Адам-хану)

Открой, пожалуйста, золотые ворота твоего дворца,

Владыка Адам-хан.

(а-и, а-и.)

Прославленное под луной имя

Поколения шамана Кызласа,

Шаман Апсалин, войдя в транс, пришел.

(Адам-хан пропустил)

Поневоле раскачался,

Поневоле покачнулся.

С тех пор как стал шаманом.

Услышав, что третий бокал вина поднесен,

Его пришел я преподнести Адам-хану.
(Адам-хан куражится перед Апсалином).
Ай-ай, у красной совы красивый рот,
Но почему хвост раздвоенный?
Ай-ай, так созданный.
Мои миряне, непробиваемые. как ребра.
Глухие, как яйцо.
Таким образом сотворенные.
Если будете брать, то забирайте родниковую воду,
Которую не пьёт собака.
(Путник торопится)
Апсалин схватив душу – «хут»,
С песней возвращается:
«Пусть возьмёт Адам-хан, говорит,
Подлунную вещь, говорит».
Ухает как сова,
Клеочет словно коршун.
Возвратив душу «хут»,
Обойдя вокруг больного три раза,
Перевернув бубен вниз внутренней стороной,
Сильно бьёт, говоря «хурии. хурии».
Ты, «идекчи», будешь жить до тех пор,
Пока твоя черная голова не побелеет,
И твои белые зубы не пожелтеют.
Чтобы тебя не могли толкнуть те, кто имеет сильные руки,
Чтобы ты не был повергнут теми, кто имеет злословие.
Мой народ хоорай!
Пусть мимо не пройдут твои мечты!
Шаман распускает своих тёсей:
Величиной с поясницу черная змея,
Отделись от моей поясницы.
Шестиглазый мой тигр,
Трехлетний мой лосиный бык,
Отправляйтесь на шестиную Лосиную гору (Пулан таг).
Во время, когда Апсалин-кам
Назовет и призовет. тогда придете, мой народ!
(Шаман отдает народу бубен, закрывает лицо руками и силь
затем возвращается в реальный мир).

3. *Хам Чонахтың хамныхха чӧргені*

(Тӧс тартханы)

Ас алныма айланыңар,
Ахсы-тіліме кибеііңер,
Орай часта танааннарым,
Харлығасча халых чоным,
Хара сеекке ойнанғазар,
Хара пулутча чайылназар,
Кічіг часта танаазар,
Уйа пазым үркүткезер,
Ортха сӧӧгім санаазар,
Уйа сӧӧгім сайғарғазар,
Ұс хулахтың күлер хазана хайнатхазар,
Оң хулағым күүлеткезер,
Ікі харағым одын алғазар,
Ікі іксіміңі чіметкезер,
А! ду-ду, ду-ду.
Табан ідім чазытырғазар,
Ікі танаамны хоолатхазар,
Читі сарығ хыс чидектігезер,
Читі тигейде ойынныңзар,
Чилбе хуйун сабыттығзар,
Ас алныма айланыңар,
Ахсы-тіліме кибеііңер.
А! Ду-ду-ду-ду.
Отыс тигей ойынныңзар,
Оң пілегімде таңмалығзар,
Орба сапчаң Очаң сариим,
Олбы-солбы хамчылығзар,
Читі чылан чилбеглігзің,
Читі хараат миндеттігзің,
Читі тигей ойынныңзың,
А! ду-ду-ду-ду.
Палтах тӧстіг пай хазың,
Парбах пастығ тай хазың,
Халын тикпер тартып турчаңзың,
Хатығ чылға пӧледігзің,
Читі пастығ сыр чылан
Чир алтында чирленгезің.
Чир харазы тартынғазың

Аас алныма айлан турдах!
Тоғыс хадыл тон хуйағым
А! ду-ду-ду-ду
Тоғыс хара кізі чидектігзер,
Тоғыс хараат миндеттігзер,
Тоң молат тимір тайахтығзар,
Чир харазы чөрістігзер,
Чирден хара сырайлы зар.
Хайадаң хатығ чүректігзер.
Ас алныма айлан көріңер.
Ахсы тіліме кибел көріңер.
Ұстүгі иксің хара хан полып,
Алтыгы иксің хызыл хан полып,
Алды-кистіме тартыл көріңер.
Хара Моолдың сай оолгы (Хара Тума)
Хара талай пилтірінде чирлігің.
Хара тулаа частыхтығың,
Тоғыс хара тас төзектігің,
Хара чылан хамчылығың,
Хара тубан азахтығың.
Көк тубан тыныстығың,
Ас алныма айлан көр!
Ахсы-тіліме кибел көр!
Хан Килегей хайрахан! (ухаанчы төс)
Читі хан чирін тооза сынаазың.
Тоғыс хан чирін тооза пілгезің.
Хара тубан азахтығың
Көк тубан тыныстығың.
Ас алныма айланып одыр!
Ахсы-тіліме кибеліп одыр!
А! Ду-ду-ду-ду
Көгер сыххан күн алтында
Улуғ кічіг хара хус.
Ағар сыххан ай алтында
Тигір хурын тартынғазың
Ікі ханадың сыыладып одыр
Ұзун тырғағың пістеп одыр!
Ас алныма айланып одыр!
Ахсы-тіліме кибелін одыр!
А! Ду-ду-ду-ду

Хартха хусча хартлазын одырыңар!
Ылачын хусча ыгразын одырыңар,
Көрбес нимені көріп одырыңар,
Пілбес нимені піліп одырыңар,
Көк пораат миндеттігің.
Көк айаста турлағлыгың,
Күмүс чүген суғынғазың,
Көк чібек тіннігің,
Көк тубан ойынныңың.
Ах пораат миндеттігің,
Ах айаста турлағың,
Алтын чүген суғынғазың,
Ах чібек тіненгезің,
Ах тубан ойынныңың,
Табан пірде танаалығың.
Танаа пірде пырғылығың.
Хызыл хамнос хамчылығың,
Хызыл тубан азахтығың.
Ас алныма айланып одыр!
Ахсы-тіліме кибеліп одыр!
А! Ду-ду-ду-ду
Харлығасча халых чоным,
Хара сеекче хыңназыңар!
Алды-кистіне китеніп одырыңар!
(Төстөрін тартып алып, хам ағырыг сынап сыхты)
Сүрдебестең сүрдеп турған,
Илебестең илеп турған,
Идекчіні сынап көріңер,
Хара пазын сыстат турған,
Ханы – сөөлін іс турған.
Уйа-сөөгін салдат турған,
Ноо нименің айғады полчан?
(хоохырча)
Хорт! хорт! хорт!
Сай сөөгін сайғарыңар,
Сын сөөгін сынап көріңер,
Аспас чирдең ас парбазын!
Иртпес чирдең ирт полбазын!
Улуғ чурты узирға чөр.
Кічіг чурты ұрирге чөр.

Иткен холым им ползын!
Тутхан холым том ползын!
Тамырағын сали пиінер,
Тынычағын позыди пиінер,
Талбагазын тасты пиінер,
Тамырағын позыди пиінер,
Тузаан паан систін пиінер,
(Аалчыдаң ағырганына алданды)
Ара тура кір турған,
Холға төзін хохлаң турған,
Тамағы төзін тахлаң турған,
Чарым хараа чадыг бирбинчатхан,
Ноо нименің айгады полчан?
(Чидірліг ағыриин сынапча)
Хара көлде чирлен турған,
Тоғыс ханның сымылы ба?
Хара тубан улын чайыл турған.
Читі сарыг тас төзен чатхан.
Чил-тан улын ойлаң турған.
Аның сымылы полчан ма?
Хара пасты хабырған,
Улуғ чуртты узутхан.
Чурт айназы полчан ма?
Сарыг талай хазындағы
Сарыг сеекке хубул турған,
Сарыг тубанча чайыл турған,
Өскен чирі сарыг хырчын,
Сарыг киндір сабыттыг
Айартхастың киби полчан ма?
(Айартхас – чидіртпичеткен айнаның ады)
Алай чир харазы чөрістіг,
Тағ харазы чорыхтыг,
Торыспахча тулуңныг,
Тоғыс хулас арғамчылыг,
Хара хаттың киби полчан ма?
Алай иргіден инчіленген,
Пурунғудан пустанған
Адам ханның сымылы полчан ма?
Ай пазында ах оорлыг,
Ах хураған пустыг,

Чыл пазында тайынлыг,
Читі теертпек пустыг,
Аның сымылы полчаң ма?
Пуртағын чай турған,
Хол көдірзе іліг ползын!
Холтых асса чачығ ползын!
Алтон тағдың арчын оды,
Иліг тағдың ирбен оды
Чик чызын чилбечен,
Айна чызын арытчан,
Аластанар идекчіні.
(Прай айнаны сынады. Чабал айнаның чолына кір сыхты)
Алты көстіг ала марсы,
Атчаң соған тимненер,
Күстен көдіріңер, күчүрдең азыңар,
Чир алтындағы чик – айнаның сымылы ба?
Азыр холға кирелер,
Хызыл тынын хыйалар,
Хызыл иирде китенер,
Хызар көйген отты харасхы идіңер!
(ИБ ээзі от үзібісті. Хам ізік наағында парып түүрін чирге турғузып, ахсанча)
Айлығ-күннің чоным!
От айландыра одырыңар!
Пір дее кізі хорыхпазын!
Хара айнанан хабызарға итчем.
(Хам от айландыра түүрін ағырин саап, ибірче, тура істі сымзырых. Ұзінчизін айланып ізік наағына парып, кинетін түүрін тыыда саап, үс хатап пырлахтанып күүске чілеп маңнапча. Айназын сұр пари.)
Пийе чорых парарда
Чоохтаам хайза күнніңлер,
Чочыбассар теєм хайза,
Айлығ күнніңдін худын хаап
Азыр холға кирип алтырлар.
Соонаң сүріп паритсам
Соон харахсын парчалар.
Хайзы чочыды? – тіп ахсанды
(Пір ипчі мин хорых парам- тіпче.
Андағ чон чоохтаптурлар.

„Худын нандыра хап!“- тiiп хысхыр турлар.)
Амды пийегі хам айна холына кір парған хутгы
Чабал төстерін тартып алып
Айнаның холынаң пылазып алды.
Анаң андары сүр пари айназын.
Төстеріне чахыг пирче:
„Хайа пагындырбанар, хылчацнатпанар“ –тидір.
Хыйа ойлатпаңар, таға-суға таратпаңар.
Харчы көргенін хази саап одырыңар!
Тоғыры сегіргенін тоора саап одырыңар!
Көк тубанча чайылдырбанар!
Хара чирге сигдірбенер!
Алты көстіг ала марсыны
Алты хадыл хуйахтаңар.
Хахнай турған хара көлзер
Көрс көсти сүріңер!
Хум полып чайылчалар.
Тас илгекке илгеп турыңар,
Хамыстың хара көлге
Харызып ойлап сегірчелер.
Сай чілеп сайралыбыстылар,
Хум полып чайылыбыстылар.
Анаң көдіріп иртірчее чох полыбысты.
Чир харазы тартыныбыстылар.
Азырчаң киби чоғыл.
Алты хадыл хуйахтаңар!
Алтон чылға сыхпас ползын!
Читі хадыл хуйахтаңар,
Читон чыла сыхпас ползын!
Чик айнаның чызы чох ползын!
Хара айнаның сымылы сыхпазын!
Айлыг-күнніге айланмазын!
Азырылбас парбас киби ползын!
Көгер турған пу көлден
Айлыг күннiгзер айланалар!
Тибселiгзер тебiнелер!
Тепкен чирiбiс тимiр ползын!
Хапхан чирiбiс хайа ползын!
Азырылбас парбас мында пиктелзiн!
Хара сеекче хайнасахазар.

Хара тубанча ойнасхазар.
Тағ пазынча тартылынар.
Хыр чирлерче хыылазынар!
Хуйун чілен хуйбурызынар!
Чил чілен чилбелінер!
Хартха хусча харлазынар!
Улуғ-кічіг хара хус
(Хам айланчатханда, түүрде хоостан салган хара хусха
одырыбысча)
Ікі ханадын сыыладып одыр,
Көк пулутты арали
Көк тасхылдың пазынча
Көк тайганың үстүнче
Сархай турган тасхылларча
Хахпай турган хайаларча
Алды-кистілерің китеніп одырынар.
Хобырахтығ холларында
Хорлап аххан сугларында
Табылғаттығ тағларында
Тарлап аххан сугларында
Тик кізінің тигірі улуғ,
Хам кізінің хағбазы улуғ (төстері)
Хол көдірзе іліг ползын!
Холтых асса чачын ползын!
Ээліг тасхылларға іліг читсін!
Чайхап париған чолыма чарых ползын!
Иксел париған чолыма инніг ползын!
Ахсан сыххан чурт ээзіне айланынар!
(Амды чурт ээзі чоохтантур: аал-хончих сынабох көрінер, чуртха
түзерде)
Ырах таа нимес алты хринда
Хара пырын тартыл партыр.
Ноо кізінің чурты полчаң пілбинчем.
Хара тубанча чайыл партыр.
Хазаалығ малы сайбалчаттыр – тіпче.
Орай палазын азыран полбинча,
Хара чол тартыл партыр,
Хара чир хазыл партыр,
Харах чазына харлыхчаттыр.
Хайзының чурты полчаң пілбинчем.

(Анда ир Петрук тiп кiзi нала азырап полбинчаттыр, аны илтiр
 пу хам)
 Хартлан килiп чуртха тiндiктен тустi
 Арын тагдын арчын оды,
 Алас, алас кунниглерiм!
 Илiг тагдын ирбен оды,
 Алас, алас айлыгларым,
 Ибiре хримнаң аластанар!
 Чик чызын чилбезiн!
 Айна чызын арытсын!
 (Амды тiстерiн таратча)
 Тарай хусча таранар,
 Пiдiрчiн хусча пытыраңар,
 Ирiк чохта икселгебiс,
 Чалых чохта чайхалабыс,
 Хараазын хадарчы полыңар,
 Кiнiрткiзiн кiзет турыңар!
 Чир алтынаң чик кiрбезiн!
 Чир iстiнен тан кiрбезiн!
 (Чуртха тiс тургусча)
 Ахсы-тiлiм позыдыңар!
 Хадыл хуйагым систiнер!
 Турлаг чирiң ах тасхылда
 Тiнир чирiң хара талайда
 Хол кiдiрзе илiг ползын!
 Холтых асса чачың ползын!
 Читi тигей чирлiг полчаңзың
 Тоыс тигей турлаглыгзың,
 Ала харагымнын одын алгазар,
 Азыр холымны позыдыңар,
 Алты кiстiг ала марсым,
 Азыр холыма али ириңер,
 Айлыг чоным! – тидiр.
 (Хамнын тiурiн iл салдылар, хам сир парды. Хара чiрчсенең арага
 тiлен алып, туiрiне iлче)
 Алты кiстiг ала марсы
 Атан-пугаан тiсепенер
 Хараазын хадар турыңар!
 Кiнiртсiн кiзет турыңар!
 (Хам хара чiрчезiн сомнаынаң тiрiк кил тастады)

Арыҕ тузам чидер полза,

Ах төрік түссін!

Арыҕ тузам читпес полза,

Хара төрік түссін!

(Күн чолынча айланып ах төрік кил түсті. Хамнапчатхан ээзі ах төрік тіп кил өрініп хаап алды чірчезін. араҕаның ачиинаң астамахтың тадиинан амды хамны сыйлантур).³

3. Камлание шаманки Чонах Боргаяковой

(Призыв духов-тёсей)

(Мои духи) Повернитесь ко мне!

Станьте моей стихотворной речью.

Узнавшие меня в младенчестве,

Мой народ, – вы легаете как ласточки,

Вы снуёте как мухи,

Вы растеклись по черной туче.

Узнавшие меня в младом возрасте,

Испугавшие мои сочленения.

Вы считали мои позвонки,

Вы проверяли кости моих сочленений,

Вы варили меня в бронзовом котле о трех ушах,

Вы звенели в моем правом ухе,

Вы забрали огонь моих двух глаз,

Вы двигали концами моих губ,

А! Ду-ду-ду.

Вы стерли мясо моих подошв,

Вы заставляли дышать моими двумя ноздрями,

Вы имеете поводьями семь желтых дев,

Вы имеете игры на семи вершинах.

Вы имеете опахалом летучий вихрь.

Повернитесь ко мне,

Говорите стихами через мои уста.

А! Ду-ду-ду.

Вы имеете игры на тридцати вершинах,

Вы имеете тамгу на правом моем запястье.

Мой дух Оджан Сарыг, бьющий жезлом – орбою,

Вы имеете плеть, обладающую правой и левой сторонами (олбы-солбы),

Вы имеете опахало из семи змей.

Вы имеете семь вороных верховых коней,

Вы имеете игры на семи вершинах.

А! Ду-ду-ду

Священная береза «пай-хазынг» с толстым основанием,

С развесистой кроной трехлетья береза,
Ты притягиваешь крупный куржак,
Ты стоишь крепко в тяжелый год.
Ты, семиглавый дракон,
Обосновался под землей,
Ты притянул черноту земли,
Предстань перед моими устами.
Девятислойная моя крепкая броня!
А! Ду-ду-ду.
Ты имеешь поводьями девять черных людей,
Ты имеешь верховой транспорт из девяти черных вороных коней,
Ты имеешь трость из чистой стали,
Ты едешь (в виде) земляной нечисти,
Ты имеешь лицо чернее земли,
Ты имеешь сердце тверже скалы,
Попробуй предстать передо мною.
Верхний край твоей губы обагрился черной кровью.
Нижний край твоей губы обагрился красной кровью.
Попробуй обвиться вокруг меня.
Истеричный сын черного монгола (т.е. тёс Хара Тума).
Ты имеешь обиталище в устье черного моря,
Ты имеешь подушку из черной кочки,
Ты имеешь постель из девяти черных камней,
Ты имеешь плоть из черной змеи.
Черный туман – твои ноги.
Синий туман – твоё дыхание,
Попробуй предстать передо мною,
Попробуй заговорить стихами через мои уста.
Владыка Хан Килегей (имя ясновидящего тёсы),
Ты полностью проверил семь государств,
Ты полностью познал девять ханств,
Черный туман – твои ноги,
Синий туман – твоё дыхание,
Повернись ко мне,
Стань моей стихотворной речью.
А! Ду-ду-ду.
Под взошедшим солнцем,
Большой и малый орел (изображение на бубне),
Под белеющей луною
Вы притянули радугу.
Зашумели двумя крыльями.
Длинные когти заостряете.
Повернитесь ко мне.

Заговорите стихотворной речью.
А! Ду-ду-ду.
Издавайте клекот как ястребы,
Заверешите как соколы.
Незримую вещь зрите,
Непонятную вещь узнавайте.
(Обращается к небесному духу)
Серо-сивый конь – твой верховой транспорт.
Ты имеешь стоянку в синей ясности,
Ты надел серебряную уздечку,
Ты имеешь поводья из синего шелка,
Бело-сивый конь – твой верховой транспорт.
Ты обитаешь в белой ясности,
Ты зануздан золотой уздечкой,
Ты имеешь поводья из белого шелка,
Ты имеешь игры среди белого тумана,
Иногда ты дышишь ступнями,
Порой ты куришь ноздрями.
Ты имеешь плоть из красной выдры,
Ты имеешь ноги из красного тумана,
Повернись ко мне,
Стань моей стихотворной речью.
А! Ду-ду-ду.
Мой народ величиной с ласточек.
Вы жужжите словно мухи.
Окружайте меня спереди и сзади.
(Притянув тёсей, шаман проверяет болезнь).
Страдающие, которые не должны страдать,
Мучающиеся поневоле,
Проверяйте «идекчина», (т.е. больную женщину).
Заставляющие ныть ее черную голову,
Выпивающие ее кровь,
Обгладывающие ее сочленения,
Чьим духом – «айгат» вы являетесь.
(Издает звуки, проверяя чистоту помещения)
Хорт, хорт, хорт!
Мелкие кости пересчитайте.
Проверьте кости станового хребта!
В месте, где нет перевала, пусть не переваливает!
В месте, где нет перехода, пусть не переходит!
Великая страна замирает.
Малая обитель разрушается.
Пусть мои умелые руки станут лекарством.

Пусть мои держащие руки станут исцелением.
Отпустите её дыхание,
Освободите её душу,
Сбросьте её кожу,
Освободите её дыхание,
Развяжите её путы.
(Шаман исполнил просьбу человека, болеющего оспой).
Во внутрь вошедший,
Надрывающий основание аорты,
Заставляющий кашлять основание горла,
Не дающий в гечение полуночи спать,
Дух – «айгат», кому ты принадлежишь?
(Проверяет болезнь кашля).
Обосновавшиеся в Черном озере,
Черные силы – «сымылы» девяти ханов, что ли?
Расстелившиеся черным туманом,
Сделавшие ложе из семи черных камней,
Летящие, словно ветер-зефир,
Злые силы – «сымылы», чьи вы?
Сжимавший черную голову (хакаса),
Заставивший спать великую обитель,
Был ли это черт – «айна» жилища?
Превратившийся в комара, живущего на берегу желтого моря,
Растекшийся словно желтый туман,
Обитающий среди желтой лозы,
Имеющий опахало из желтой конопли,
Не являешься ли ты оболочкой
Духа-хозяина болезни «Аяртхас», заставляющего людей кашлять?
Ходящая (в виде) нечисти земли,
Двигающаяся (в виде) горной нечисти,
Имеющая косы толщиной с чурбан,
Имеющая аркан длиною в девять сажень,
Не являешься ли ты обликом черной ведьмы «хара хат»?
С древности получивший духов в наследство,
Со старины получающий жертвенный пар,
Был ли это образ – «сымыл» Адам-хана?
Имеющий белый пар в начале месяца,
Имеющий жертвенный пар (от мяса) белого ягненка,
Имеющий на Новый год – «Чыл пазы» жертвоприношение,
Имеющий жертвенный пар от семи лепешек «теертпеков»,
Был ли это образ – «сымыл» Адам-хана, который распространил
его нечисть – «пуртах»?
Если подниму руку, то пусть будет кропление,

Если открою подмышку, то пусть будет брызгание
Можжевельник – «арчын» шестидесяти гор. алас-алас!
Богородская трава – «ирбен» пятидесяти гор. алас-алас!
Пусть обмахиванием прогоняет запах нечистой силы – «чиков»,
Пусть окуриванием очищает жилище от запаха чертей – «айна».
Окуривайте «идекчина».
(Шаман всех чертей – «айна» проверил. Выходит на дорогу злобного духа).
Шестиглазый тигр – «алабарс».
Приготовьте стреляющие стрелы.
С силой поднимитесь, с уловкой победите.
Духи ли это подземных злых сил – «чик-айна»?
Возьмем их пальцами рук.
Погубим их красные души,
Подкрадывайтесь красным вечером,
Краснеющий горящий огонь потушите,
(Хозяин дома потушил огонь. Шаман, встав в проеме дверей, поставив бубен на землю, читает молитву)
Мои люди, имеющие луну и солнце!
Рассаживайтесь вокруг очага.
Пусть ни один человек ничего не боится!
Собираюсь вступить в схватку с черным демоном (хара айна)
(Шаман, обходя вокруг огня, тихо бьет в бубен. В юрте полная тишина. Обойдя третий раз очаг, подойдя к косякам дверей, внезапно сильно бьет в бубен. Три раза прокружившись, мяукает как кошка. Таким образом прогоняет злую «айну».)
Давеча, когда я отправлялся в путь,
Говорил же я, люди солнечного мира,
Говорил же, чтобы не пугались.
Теперь же, схватив душу «хут» человека солнечно-лунного мира,
Нечистая сила взяла его в руки.
Затем, когда я буду гнаться,
Сзади давайте будем присматривать.
Который из вас вздрогнул от страха? – произносит шаман.
Одна женщина говорит: «Я испугалась».
Тамошний народ закричал:
«Ее душу – «хут» схвати обратно».
Сейчас шаман душу – «хут», попавшую в руки «айны»,
Притянув своих злобных тёсей,
Из рук черных сил «айна» отобрал.
Затем дальше гонит «айну».
Дает приказ своим тёсям:
– Не давайте оглядываться назад. – говорит.

Не заставляйте бежать в сторону, не позволяйте разбредаться по гор. . .
рекам,
Приколачивайте тех, кто оглядывается назад.
Перебивайте тех, кто прыгает поперек.
Не давайте растекаться синим туманом.
Не позволяйте впитываться в черную землю.
Шестиглазого тигра – «алабарса»,
Окружите шестислойной броней.
К высохшему черному озеру, прицелившись, гоните.
Нечисть, став песком, рассыпалась.
Просеивайте сквозь медное сито.
В камышовое черное озеро, споткнувшись, прыгает,
Рассыпается как галька, рассыпается как песок.
Поднять её и гнать дальше стало невозможно,
Притянула земную черноту –
Нет возможности отделить.
Одевайте в шестислойную броню,
Закройте на шестьдесят лет,
Окружайтесь семислойной броней,
Пусть не появляется семьдесят лет!
Пусть исчезнет злой дух!
Пусть не приходит душа – «смысл» черных сил,
Пусть не возвращается к людям солнечно-лунного мира,
Пусть будет вечным обычай.
От синеющего этого озера
Вернемся к людям солнечного и подлунного мира.
Пусть не прибывается к скотным дворам,
Пусть будут железом места, где мы ходим,
Пусть будут скалой места, к которым мы прикасаемся.
Пусть закрепится навек.
Вы кишели как мухи,
Вы играли среди черного тумана.
Притянитесь к вершинам гор,
Жужжите по земным окраинам,
Закружитесь словно вихрь,
Вейтесь словно ветер,
Клекочите словно ястребы,
Большой и малый орлы,
(При обращении шаман садится на орла, который изображен на бубне)
Два крыла заставьте зашуметь
Сквозь голубые облака,
Над вершинами синих тасхылов,
Над зеленой тайгой,

Над торчащими тасхылами,
Над выступающими скалами
Крадитесь спереди и сзади (вокруг) меня
По логам, заросшим дудками борщевика,
По журчащим речкам,
По горам, заросшим таволожником,
По речкам, текущим в теснинах.
У простого человека добрый хранитель – «тегир» великий.
У шамана защитная аура – «хагба» великая (т.е. тёси).
Если подниму руку, то пусть будет кропление вином.
Если открою подмышку, то пусть будет брызгание аракой!
Пусть кропление достигнет священных тасхылов.
Пусть моя шаткая дорога будет светлой!
Пусть моя качающаяся дорога будет широкой!
Возвращайтесь в камлающее жилище.
(Сейчас хозяин юрты говорит: «Прежде, чем вернуться в мой дом, проверьте собравшихся соседей»).

Недалеко, рядом с северной стороной юрты.
Черная пыль расстилается.
Не знаю, чей это дом.
Расстелился, словно черный туман.
Происходит урон скота во дворе,
Маленьких детей владелец не может выкормить.
Черная дорога протянулась.
Черная земля (могила) выкопана,
Слезам захлебывается,
Но чей дом не знаю.
(Там один человек по имени Петрук не мог вырастить детей, его узнал шаман).

Подойдя к жилищу, спустился через дымовое отверстие,
Можжевельником священной горы,
Алас-алас, мои солнечные люди.
Богородской травой жертвенной горы,
Алас-алас, мои подлунные.
Вокруг меня совершите воскурение.
Пусть обмахнется дух демонов – «чик»,
Пусть очистится жилище от запаха нечистых сил – «айна».
(Сейчас приступил к распусканию тёсей).
Разлетайтесь словно жаворонки,
Рассыпайтесь как перепелки.
Поневоле вошли в транс, поневоле трудились.
Ночью будьте сторожами, днем охраняйте.
Пусть из-под земли не придет злая сила – «чик»,

Пусть поверх земли не будет расстилаться легкий зефир – «тан»,
 (В помещении ставит фетиш – тесь)
 Освободите мои уста.
 Расстегните мою многослойную броню.
 Место твоей стоянки на белом тасхыле,
 Место твоей ночевки в черном море.
 Если подниму руку, то пусть будет кропление вином.
 Если открою подмышку, то пусть будет брызгание аракой.
 Ты имеешь место обитания на семи сопках (вершинах).
 Место твоей стоянки на девяти вершинах.
 Вы взяли огонь моих пестрых глаз.
 Освободите мои руки и пальцы.
 Мой шестиглазый пестрый тигр «алабарс»
 Дайте в мои руки, мой подлунный народ!
 (Шаманский бубен повесили, шаман перестал быть шаманом. Попроси
 араку и чашку «хара чирче», плещет в сторону бубна).
 Шестиглазый тигр «алабарс».
 Не шалите, ночью сторожите, днем охраняйте.
 (Шаман бросает чашку с ложкой, производя гадание «тёрик», бросает её
 на землю)
 Если моя святая просьба достигнет цели,
 То пусть выпадет белый «тёрик»,
 Если не будет моей пользы,
 То пусть выпадет черный «тёрик»!
 (Чашка, покружившись по солнцу, упала углублением вверх, предвещая
 удачу – «белый тёрик». Человек, которому производили камлание, с ра-
 достью крича «белый тёрик», схватил чашку. Затем угощает шамана
 лучшими яствами и крепким вином.)

4. *Хам ыры*

Ах инектің ах тамырын – ох,
 Аасха салып амзаңардаң – ох,
 Сугдаң полза сухсабанар,
 Астаң полза астабанар!
 Сухсаньсха суг ічінер – ох,
 Аарсыбасха асты чінер – ох,
 Отыс тістіг от иненің – ох,
 Ахсы-тілін пілчең төзім – ох,
 Ээ-күлиіңе хости одырып – ох,
 От инезіңең тіллес пирдек – ох,
 Хырых тістіг хыстар инем – ох,
 Отыс тістіг от инем – ох.

Астаан поэң тозың одыр - ох,
Арған поэң симірін одыр ох.
Айнаның чолы алтон азыр ох,
Амалын таппин алдан килдім – ох,
Чиктің чирі читон азыр ох.
Кичиин таппин хы ыра килдім ох.
Ағып түскен Ах Ыс хайрахан ох,
Алтирға итсем, азах полба ох,
Арчан одым, алас, алас!
Харал турған Ханым тасхыл ох,
Хаалағ салзам, харығ полба ох.
Ирбен одым, алас, алас!
Алты хурлығ ах хайанны – ох.
Аалчы агылзам ачын ширерзің – ох,
Алтон тағнын ханы полчатхан - ох.
Хос Хулах тағ , харығ полба –ох.
Алас, алас!
Алты хурлығ Азырай тағны алты айланып одыр ох.
Алтон азиин айна-чикті ох.
Алты чылға харғай полчан,
Хази тастадым айлығларым - ох.
Ачығ одын, хычых, хычых. хычых!
Хурр, Хурр!⁴

4. Шаманская песнь

Белый корень (т.е. молоко) белой коровы
Пригуби, вложив в уста.
Не страдайте от жажды,
Не страдайте от голода.
Выпейте воды от жажды,
Поешьте пищу от голода.
Мой тёсь, понимающий язык
Тридцатизубой богини огня,
Присядь рядом со своим хозяином-господином.
Пообщайся с богиней огня «От ине».
Сороказубая дева мать,
Тридцатизубая огонь-мать!
Сама проголодавшаяся – насыщайся!
Сама похудевшая – поправляйся!
Дорога нечисти – айна (бывает) из шестидесяти развилок.
Не найдя подхода, пришел с просьбой.

Земля нечисти – чик (бывает) с семьюдесятью развилками,
Не найдя брода, пришел с просьбой.
Владыка текущий Белый Июс,
Если я решу перешагнуть, не будь помехой!
Мой святой можжевельник, алас-алас!
Темнеющий Ханым-тасхыл,
Если я решу перепрыгнуть, не будь помехой!
Моя богородская трава, алас-алас!
Свою белую скалу с шестью поясами,
Если я приведу гостя, ты откроешь.
Великий Кош-Кулак, являющийся ханом шестидесяти гор,
Не будь мне помехой! Алас-алас!
Гора Азырай, имеющая шесть поясов, повернись!
Открой шестьдесят переходов.
Нечисть «айна-чик» я там пригвоздил на шесть лет,
Мои люди подлунного мира.
(Дайте мне) горькую траву (т.е. табак).
Хычих-хычих, хурр-хурр.

5. *Хам Соконың хамныхха чӧргені*

Айгатханым Адам хан!
Танытханым Инем хан!
Хара чирнең хада пӱткезер,
Хан тигірің тин чайалгазар!
Адам ханның төрелләрі
Ікі наан ыма тартынып одырыңар,
Ахсы-тіліме чапсынып одырыңар.
Орба сапчан очаннарым,
Оң пілекке оралып одырыңар,
Тӱӱр тутчан тӱбеннерім,
Сол холыма чайалып одырыңар!
Холтых ассам нааним читсін!
Холым кӧдірзем ілиим читсін!
Хара чірче харахтыңларым,
Хазан тӱбі хамахтыңларым,
Хармахча тістіглерім,
Арға – мойным чайхааннарым,
Идім – сӧбгім ырғааннарым,
Арға – мойныма чайалып одырыңар!
Час кичірім тайнааннарым,
Час оорхам органнарым,
Час орайда танааннарым,

Сай сөөгүм санааннарым,
Хара чурухха сөргөөннөрүм,
Хара пизикке тискер пөлөөннөрүм,
Хара хазанда хайнатханнарым,
Чул сөөгүмнү чүллөсөннөрүм,
Ала хараам одын алганнарым.
Тас теербенге тартхан чоным,
Тас илгекке илгесен чоным,
Сын сөөгүм сыныхтаан чоным.
Көйчөткөн оттаң тартылгазар,
Чарып турган чылтыстаң чарылгазар,
Хызыл чохыр аттыг
Хызыл чалын сүрбөстүг,
Хызыл отха көйбөс,
Хызыл чылтызым!
Адай испес хара суу нааныгларым,
Адай чибес ачыг-хазыр пырғылыгларым.
Халых чоным хан сириим,
Хара сеекче хайназыңар,
Халыспин хада чөріңер,
Пір дее ниме хорыхпаңар,
Пір дее ниме чалтанмаңар!
Ас алныма айланызып одырыңар
Халын идиң чулалары,
Хара пазым хағбалары,
Алын чолын ачынып чөрің одырыңар!
Тасхыл пазын ыргааннарым,
Талай түбін салгааннарым!
Хара чирнің чағазына ысхан чоным.
(Төстөрін тигір паарынаң тартыңча)
Хан тигір паарынаң чөрчөң тоғыс хартыға,
Хартығалазып парып одырыңар,
Харлых хустың ханат чүгүм
Хан тигірге көдіріп одырыңар!
Хара чир үстүн харап сынап чөріп одырыңар!
Танытханым – тағ ээлерім,
Таптырғаным – ағаларым!
Хоор хамнос хосхынның зар,
Хара хамнос хамчылың зар,
Хара кірбе сағаллың зар,

Хара сикпен киптенгез,
Хара камчат пөріктің,
Хара чібек хурлыңзар,
Хара сапйан өдіктіңер,
Көгіс ханы чачынлыңзар,
Өкпе-чүректен оор-пустыңзар,
Тоғыс толиим тоозыл халзын,
Читі толиим чилбел халзын!
Хара чірче харахтыңларым,
Хазан түбі хамахтыңларым,
Хармахча тістіңлерім,
Адай іспес хара суу нааныңларым,
Адай чібес ачың пырғылыңларым,
Хызыл тамкы чоочалыңларым,
Халых чоным хан сириим!
Ас алныма айланызып одырыңар,
Алын чолын ачынын чөріп одырыңар!
Хайраханнарым!
Холтых ассам нааниим читсін!
Хол көдірзем ілиим читсін!
Хамых чоным хан сириим, хайраханым!
Сөбгей-сөбгей
Парған чирінзер читпин нанмас ползын!
Атхан уым тастаң тайбас ползын!
Ысхан илчім чолдаң айланмас ползын!
Сөлеен сөзім толдырбин айланмас ползын!
Көрігчілерім! Көстегчілерім!
Көрбеен чиріңер халбазын!
Ала харахха салынған нимені
Алчаастабин чоохтанаңар!
(Ол туста орба көдіріп кизенче)
Арған тайма нимені чойлан пирзепер,
Хара пазынаңарга хан чалбырадам,
Салбы чолда хорыхпанаңар,
Хорбаларны хорғытпанаңар,
Чарбаларны чарчыхтырбанаңар!
(Худын тілеп парча)
Хайа тастың чирде паризар,
Хаахтыстыра паспастарым,
Талай түбін салгааннарым.

Тасхыл пазын ырғааннарым,
 Ҷарба чарчихтырбин,
 Хорба хорғытпин чөрінер,
 Тоғыс хара тазым! (олар түүрде турчал Ҷ,
 (Хам үстүнзарых тоғыс оолны тургусча, алтынзарых читі хысты.
 Ойын саларға кирек)
 Алнымда турған Алтай сын,
 Ал соома халған оңмас парбас Ах чазы.
 Кистімде турған Кирім сын,
 Кидер хрима халған оңмас парбас Көк чазы.
 Читі хыстың пасчызы Чилбен Сариим!
 Читі тигейде ойналғазың,
 Читі хати толғалып одыр,
 Чил чили чилбен одыр,
 Көксін күнереп одыр,
 Көөк чили көглен одыр!
 Тоғыс оолның пасчызы Толбан Харам!
 Тоғыс тигейде ойналғазың,
 Тоғыс хати толғалып одыр,
 Хуйун чили хуйбурып одыр,
 Тон көксін күнереп одыр!
 Ыро Сарыг чили ырлап одыр!
 Читі хыстың пасчызы Чилбен Сарыг,
 Тоғыс оолның пасчызы Толбан Хара!
 Хыйа пуза ырлазаңар,
 Хара пазыңардан хан алам!
 Артых-пузух ырлазаңар,
 Халын идінерні тіле сабам!
 Алты тигей арчын одым,
 Алас-алас!
 Тоғыс тигей ирбен одым!
 Алас- алас!
 Алтын хаалхалыг ибге айлан кірсенер,
 Түнүктіге түзінер,
 Түбе Хоорайға тараңар!
 Тооза чонны сынаңар!
 Ізіктіге кірінер,
 Ал Хоорайны ибірінер,
 Аал чонын сынаңар!
 Хатыг сөөгін сыли сынаңар

Ханнын чүрөгүн тобыра көрүнөр,
Хызыл идін алзанаарда,
Хыйганнын сөөгүн халдырыңар,
(Төс таратханы)
Адам ханнын пузурлары!
Инем ханнын илчилери!
Арга – мойным иксееннерім, поэдып одырыңар!
Тоғыс марха ээлерім тооза систіп одырыңар!
Хан тигірниң наарынан,
Хара сугның пазынан,
Хара чирниң төзінең килген чоным.
Таргай чіли тараза халыңар,
Пүдүрчүн чіли пүрлесе халыңар!
Айланып нанып одырыңар.
Хачан табызымны иссеңер, чыпылызарар.⁵

5. Камлание шаманки Соко Котожековой

Адам-хан, избравший меня,
Инем-хан, узнавшая меня,
Вы были созданы вместе с черной землей,
Вы были сотворены вместе с великим небом!
Создания, произошедшие от Адам-хана,
Притянитесь к моим двум щекам,
Прилепитесь к моим устам.
Мои духи «оджаны», бьющие жезлом «орба»,
Обернитесь вокруг моей правой руки.
Мои духи «тубены», держащие бубен,
Обвейтесь вокруг моей левой руки.
Если я открою подмышку, то пусть достигнет мое возлияние вином.
Если я подниму мою руку, то пусть достигнет мое кропление вином.
Мои (духи), имеющие глаза величиной с черную чашку,
Мои (духи), имеющие лоб величиной с дно казана.
Мои (духи), имеющие зубы величиной с крючок,
Мои (духи), раскачивающие мои хребет и шею,
Мои (духи), двигающие мое тело.
Соединитесь с моим станом.
Мои (духи), жующие мои молодые хрящи.
Мои (духи), разделяющие мои молодые позвонки,
Мои (духи), познавшие меня в младенчестве,
Мои (духи), считавшие мои мелкие кости,
Мои (духи), завернувшие меня в черные пеленки,
Мои (духи), уложившие меня в черную колыбель в обратном направлении.

Мои (духи), варившие меня в черном казане,
Мои (духи), разделившие мои сочленения,
Мои (духи), забравшие огонь мои пестрых глаз,
Мой народ (т.е. тёси), моловший меня в каменной мельнице,
Мой народ, просеявший меня в медном сите,
Мой народ, проверивший мой становой хребет,
Вы были притянуты от горящего огня,
Вы были отделены от светящейся звезды.
Ездящая на красно-пестром коне,
Имеющая косички из красного пламени,
Моя красная звезда, не горящая в огне.
Мои (духи), имеющие возлияние родниковой водой, которую не пьют собаки,
Мои (духи), имеющие горькие трубки, которые не едят собак (т.е. табак),
Мои массы ханского войска.
(Мои теси) роящиеся словно мухи,
Не отставая, идите вместе,
Заходите в дом с золотыми воротами.
Ничего не бойтесь,
Ничего не устрашайтесь,
Предстаньте передо мной.
Душа «чула» моего крепкого тела,
Хранители «хагба» моей черной головы,
Идите, открывая переднюю дорогу.
Мои (духи), исследовавшие вершины тасхылов,
Мои (духи), изучившие дно океанов,
Мой народ, отправленный на край земли.
(Шаманка притягивает тёсей из-под небосвода)
Мои девять ястребов из поднебесья!
С клекотом прилетайте!
Мои перья крыльев птицы харлых,
Поднимайтесь в царское небо,
Девять ястребов, летающих под небосводом.
Двигайтесь с клекотом,
Посмотрите и проверьте поверхность земли!
Мои горные духи, познавшие меня,
Мои предки – «агалары», нашедшие меня.
Вы имеете подхвостник из кауры выдры,
Вы имеете плоть из черной выдры,
Вы имеете черные усы.
Вы надеваете халат из черного сукна,
Вы носите шапки из черного бобра.

Мой народ (т.е. төси), пришедший
С небосклона, с истоков рек,
Со стороны горизонта,
Рассыпайтесь словно жаворонки.
Разлетайтесь словно перепелки.
Возвращайтесь назад.
Но когда опять услышите мой голос, то обратно вернитесь ко

6. *Хам Питуктың хамныхха чөргені*

(Хам тадар ибнін ізиине парын, төстүбін тартынча)

Адам ханның адарлары,
Инем ханның илчiлерi,
Иннiм-мойным иксеткен чоным.
Табаным таралганча сегiртчезер,
Тамагым харылганча хорлатчазар,
Орба сапчаң оцаңнарым.
Оң холыма сарып одырыңар,
Түүр тутчаң түбеннерiм,
Сол холыма оралып одырыңар,
Хамных тоныма хазап иткен сызымнары,
Хамыс чiлi пүгiлдi,
Хуйахтын кибиm илiг хоңрозы
Хустар чiлi ырласча,
Хосто осхас чыланнарым,
Ухтар чiлi атылды.
Ходыр пыдыр пағаларым,
Сар айаста учухаңнарым,
Сарбах салаалып пағаларым
Мачых маймахтың абаларым,
Малның худы тилег төстерiм,
Көлечке өткен күрең аба,
Кiзi худы хус төстерiм,
Пас параанның пазында,
Пас парханың пала худы
Ымай iс сайгөтха.
Ах чылаңмаспаң хола марха.
Хызыл чiбектең сөзiргезiң,
Хам Артамон хағбалары,
Хам Питуктың төстерi,
Хан тигiрнiң хырын тартыңар,
Хара чирнiң наарын харбанар.

Хыдат ханнаң чайалған,
Аттыг Сойаннаң асхан,
Аттыг Сабына азыра килген,
Атхан уы чирге түспес,
Атып часпас Хан Солағай!
Хара Моол чирінен сыххан.
Чир ортазы чис өргенге палғалған,
Чирден хара сырайлыг Хара Тума.
Хара чирнің от тамырын,
Хан тигірінің чылтызын,
Чохти көріш чол алыңар!
(Тооза төзін тартынып алып, ізіктен төрзер пас килип, отха
пазырынып от инезін алғапча.)
Отыс тістіг От инем,
Хырых тістіг хыс инем,
Айның полза иргізінде
Аар частыг иней полчанзың,
Айның полза наазында,
Абахай чахсы хыс полчанзың.
Астааннарны тосхыргазың,
Тоңаннарны чылытхазың,
Ўс азахтыг тас очинны
Ырғаң чайхан тургузып одыр!
Ўс хулахтыг тас хазанны
Пағыр пағыр хайнадып одыр!
Ой киик чатхан чирлерде,
Ойдаң пастыг от өскен.
Оттыг чалынның көйген чирде,
Отыс чыл от өспесен,
Хызыл киик чатхан чирлерде
Хыйған пастып от өскен.
Хызыл чалынның көйген чирде
Хырых чыл от өспесен.
Хара пастың чулазызың,
Хадарғанның хаалхазызың,
Айна тибес алғанмадым.
Чик тибес чилбенмедім,
Алдарапчатхан айлыңны,
Чоғар турған тоғыс чайачы,
Оң холтиинаң көдірзін!

Илепчеткен күнниги
Үстүндегі Ус Муйгах чылтыс
Үлүс пирзін хатабох!
(Чон пір табыснаң тансасча:
Андаг ползын! Худайлар полызын пирзін!
Чара пөле сабынар!
Хазырадаң хал нообысса
Пызодаң мухах нообысса!)
(Анаң хам отгы үс ибірс пазыр чөрче)
Сөөк, сөөгейім! Сөөгейім!
Холтых ассам ілиим читсін!
Хол көдірзем нааниим читсін!
(Нааның да турған кізі нааныңча „сөөк, сөөк“ тіпче.)
(Хам ағырған кізінің худын сүрүсче)
Адалың турған Ирт таг хайрахан!
Алычың пириң халың одыр,
Алным чолым ачых ползын!
Ал соомны тулгап тур!
Хол көдірзем нааниим читсін!
Холтых ассам ілиим читсін!
Майдас хайа хайрахан!
Күнү таг хайрахан!
Тискер миистіг Тиңсей хайрахан!
Туран таг хайрахан!
Улуғлыг кічигліг Пілө тағлар хайрахан!
Көп хуйулыг Хара тасхыл хайрахан!
Хан Пургус тасхыл хайрахан!
Хам төстерім сыххан чирім!
Хам төрелім чайалған чирім.
Ырғах Тарғах тимір тістіг Ымай тасхыл хайрахан!
Хызыхханда сурунып килдім,
Тарыхханда тартынып килдім,
Хара пастыг ах хураған оорлыг килдім,
Тоғыс тазор амзабаан араң алыг килдім,
Ах сілеке оорым алыңар,
Тоғыс чірче нааниим алыңар!
Алдарапчатхан айлының алтын худын
Азыр холыма пириңер,
Илепчеткен күннигнің кумүс худын
Пик холыма пириңер!

Чайан худаидан чахаанныг килгем.
(Хам хутты түүринс хуйахти санхан, төстүбүнөн хада пур-нар чорых алганнар)
Пулан чили мустанып одыр,
Пу чирге сабылып одыр,
Пулут алтынан чохсаптур,
Хада чөргөн төстүптері.
(Суға турған ир кизи хара суғны нааныпчалдыр, ағас хамыстан түнүк өтире, сөөк тибес тастапчадыр)
Салғахха сантырған сал чили,
Улуғ салбыда килин одыр!
(чорых чөрин ниме көргөнүн ахсанча)
Алдарапчатхан айлиңар
Айландырчаа аны сидик нөө,
Хайран поэма чобаг ноо,
Хара чирі хазыл партыр,
Хатыг ағачы хаглан партыр.
Арған тайма полчан ма?
Арығ сын полчан ма?
(Одырған чон хысхырызыпчалар)
Ноға андаг полчан?
Иди поларға чарир ба?
Чара пөле сабыңар,
Сіердең иріктіг полар ба,
Ниме пілчебіс, ниме туйчабыс,
Піс хазырадан хал нообысса,
Пызодан мухах нообысса
Хабырғадан хал нообысса,
Нымырхадан туйух нообысса,
Пір дее ниме пілер чоғылбыс,
Пір дее ниме туйар чоғылбыс).
Албаты чоным!
Хыйа паспин көріп одырынар,
Ибіре хри хылчаннап одырынар!
Алным ачых ползын,
Ай соом туйух ползын!
(Амды хам ағырған кизини имнирге ізіксер апардырча)
Паға улып палбыри хал,
Чылан улып чылбыри хал!
Азырылбас ларбас айна полба!

Ирікпес парбас ирлік полба!
Айна пазы төбін ползын!
Айлыг пазы чоғар ползын!
Көрінместі төбін ползын!
Күннің чонни чоғар ползын!
Хара пазын хазарғанча
Хасха тізің сарғалғанча
Узада хонихтыг пол!
Улу чурттың ээзі пол!
Иир солбаны истіп турзын!
Таң солбаны көріп турзын!
Чоғар турған тоғыс чайачы,
Он холтиинаң көдір турзын!
Ұстүнде тұрған Ұс Муйғағын
Ұлүзін пирзін поэынның.
Пас паранның пазында,
Ах чылаңмас чулалығың,
Хола марха чүректігің,
Хызыл чібектең сөзіргезің,
Ымай іче сайи отха
Чонның худын пиктирзін
Алтынзарых тилег төс,
Поча потхы чоочалығың,
Арба-чарба азыхтығың,
Хадарғанның хаалхазығың,
Ұстүнзарых хус төс,
Ах інектің ах тамыры,
Ах сүттең суғаттығың,
Хара пастың чулазығың.
Ізіктегі көлечке өткен,
Күрең аба син төссін.
Хоорпахпынаң нимістенген,
Айна кірзе айғырып одырзың,
Парчан тимінең тооза сап!
(Ағырған кізінің ағыл ан худын сүтнең ічірче, ағаа хут урча)
Артын килдім арығ худын.
Ал поэыңа он ползын!
Иинен килдім илбек худын,
Илесн поэын туза ползын!
Айна чызы арың халзын!

Айлығ чызы сиин халзын!
 Хурай, хурай, хурайым!
 Худайлардан улыс ползын!
 Чайаннардан часка ползын!
 Алты тигей арчан одын,
 Арыглап халзын поэңны,
 Читі тигей ирбен одын
 Чууп халзын поэңны,
 Хурай, хурай, хурайым!
 Ымай ічен сайғодын,
 Ах чыланмаснаң хола марха,
 Хызыл чібек сөзірте,
 Аарлығ худын пикте!
 Сөөк, сөөк, сөөгейім!
 Хол көдіріп ілиим читсін!
 Холтых ачып нааниим читсін!
 Төөр, төөр, төөрім!
 Түнүк өтіре хара суум!
 (Ағырығ кізіні төрзер апарыбысчалар, арағаны ізіксер, сугны
 түнүксер тастап турчалар)
 Ат тирін соодын алим тіп ахсанча.
 Адай іспес ачығ хара суғ айаң полар ба айлығларым?
 Ханнығ көксім хахсап парир.
 (Тамкы тартарға итсе, ахсанча)
 Ай алтында палыңначаң
 Алтын пырғым тимнеңер,
 Күн алтында палыңначаң
 Күмүс пырғым тимнеңер!
 (чорыхтаң айлан килгенде, ахсанча)
 Толы Хоорайны ибіріңер,
 Тооза чонны сыныхтаңар!
 Хызыл идін сордырыңар,
 Хатығ сөөгін халдырыңар!
 (Пірее өлер кізі пар ба тіп сыныхтапча.
 Анаң төстүбін таратча)
 Хан тигірің чылтызын
 Чахсы көріп тараңар,
 Хара чирің от тамырын
 Сани-көре тараңар!
 Аттығ Сойанны асхан.

Атын часпас Хан Солагай
Хам Артамон хағбаларын,
Хам Питуктын төстерін,
Хатығ чахаан пирерзін,
Хайла мында хондырбассың,
Хара сеек осхас халых чоным,
Турған чир-сугларыңа тарап халғыланаң!
(Төстерін таратхан соонда сир парча.)⁶

6. Камлание шамана Питука, жившего в начале XX в. в аале Сапого.

(Шаман, подойдя к дверям юрты, призывает духов-тёсей).

Духи – «адары» Адам-хана,

Духи – посланцы Инем-хана,

Вы сотрясаете мои плечи и шею,

Вы заставляете меня прыгать до трескания подошв,

Вы заставляете меня реветь до надрыва горла.

Мои духи оджаны, держащие жезл орба,

Обвейтесь на правой моей руке.

Мои духи тубены, держащие бубен,

Обвернитесь на левой моей руке.

Приколотые ленты – «сызымы» моего шаманского костюма

Словно камыш изогнулись,

Пятьдесят колокольчиков моего бронированного костюма,

Вы запеваеете словно птицы.

Мои духи – змеи в виде стрел – «хосто»,

Мои духи – шершавые лягушки,

В желтой ясности летающие,

Мои духи – лягушки с растопыренными лапами,

Мои духи – косолапые медведи.

Мой фетиш «тилег-тёсь», являющийся жизненной силой скота,

Мой фетиш «аба-тёсь» – бурый медведь, смотрящий через кольцо,

Мой фетиш «хус-тёсь», являющийся жизненной силой человека,

В начале мебельной стенки «пас параан»,

(находится фетиш) Величавой богини – матери Умай.

Ты, госпожа Умай, притянула жизненную силу первого ребенка,

(благодаря фетишу в виде) белой раковины каури, бронзовой пуговиш-

С красной шелковинкой!

Духи защитной ауры шамана Артамона,

Духи-тёси шамана Питука,

Притягивайте край великого неба.

Произошедший от Китайского хана,

Прибывший из именитой Тувы,

Переваливший Хребет Сабына,
Меткий стрелок Солагай хан,
Стрелы которого никогда не упадут на землю.
Вышедший из черной Монголии,
Привязанный к медному колу центра Земли,
Хара Тума с лицом чернее земли.
Травяные корни черной земли,
Звезды великого неба,
Поднимаясь, дорогу открывайте,
(Всех духов-тёсей притянув, от дверей к почетному месту придя, поклонившись богине огня у очага, благословляет «От-ине»)
Тридцатизубая моя мать огня!
Сороказубая моя дева-мать,
На старую луну
Ты превращаешься в дряхлую старуху,
На новую луну
Ты превращаешься в прекрасную деву,
Ты насыщаешь голодных,
Ты согреваешь замерзающих.
Трехногий чугунный таган
Раскачивая, ставь на огонь,
Чугунный казан о трех ушах,
Булькая, кипятит.
В местах, где лежала буланая косуля,
Выросла буйная трава,
В местах, где горело огненное пламя.
Тридцать лет не росла трава.
В местах, где лежала красная косуля,
Выросла трава с узкими краями.
В местах, где горело красное пламя.
Сорок лет не росла трава.
Ты душа – «чула» черноголового народа.
Ты защита пасущегося скота.
Я не благословлял вас, говоря, что это нечисть «айна».
Я не отмахивался от вас, говоря, что это бес «чик».
Обессилевшего человека подлунного мира
Всевышние девять творцов
За правую подмышку пусть поднимут!
Страдающему человеку солнечного мира
Пусть счастье даст небесное созвездие Орион (букв. звезды Трех маралух).
(Народ в один голос произносит: «Так пусть будет, боги пусть помощь дадут, пусть не разбивают душу! Мы проще телки. Мы глупее теленка».

Затем шаман три раза обходит очаг)
 Сеек. Сеегей. Мой сеегей!
 Если открою подмышку, то пусть кропление вином достигнет.
 (Помощники, стоящие на кроплении, брызгают аракой со словами «сеек, сеек», шаман отправляется в погоню за душой «хут»)).
 Называемый владыка горы Ирт (Самохвал),
 Дай свое благословление.
 Пусть передняя дорога будет открытой,
 Пусть за мной дорога закроется.
 Если подниму руку, пусть достигнет кропление,
 Если открою подмышку, то пусть достигнет брызгание вином.
 Владыка гора Майдаш,
 Владыка гора Куня,
 Владыка Тепсей, держащий лицо вспять,
 Владыка гора Туран,
 Владыки малой и большой гор Белё,
 Владыка Хара-тасхыл, имеющий много пещер,
 Владыка Ханский Борус!
 Место происхождения моих тёсей,
 Место зарождения моего шаманского корня.
 Владыка Умай-тасхыл, имеющая железные зубья в виде крючьев!
 Я пришел с просьбой, испытывая стеснение,
 Я пришел с желанием, испытывая страдания.
 Я пришел с паром горячего мяса черноголового белого ягненка,
 Я пришел с девятью бурдюками непробованной араки,
 Возьмите священный мой пар белого холощенного ягненка.
 Примите девять чашек моего кропления,
 Вручите мне в растопыренные руки золотую душу
 Страдающего подлунного мирянина,
 Дайте мне в мои крепкие руки серебряную душу
 Измученного человека солнечного мира.
 Я пришел с поручением от верховных творцов.
 (Шаман, окружив душу – «хут» защитой, вбивает ее в бубен и вместе с тёсями отправляется в путь)
 Ревет, словно сохатый, к своей земле приближается.
 Под облаками задремали ходившие вместе с шаманом тёси.
 (Помощники плещут родниковой водой из деревянного ковша вверх через рез дымовое отверстие с возгласом «сеек»)
 словно плот, раскаченный волнами,
 Возвращается из великого путешествия.
 (Докладывает все, что видел в своем путешествии)
 Страдающий мирянин подлунного мира,
 Вернуть его душу очень тяжело.

Бедному мне печаль,
Черная земля (т.е. могила) уже выкопана,
Твердое дерево выдолблено (т.е. колода, гроб),
Гора разрушилась,
Море расплескалось,
Было ли это ложью?
Было ли это истиной?
(Сидящий народ закричал: «Почему это так, так не должно быть, отведи-
те, разрубите беду, все зависит от вас, имеющих свободу. Что мы знаем?
Мы же проще телки, мы же глупее теленка, мы же непробиваемые как
ребро, мы же глухие как яйцо, Мы ничего не знаем, мы ничего не разуме-
ем»).

Мой подданный народ!
Наблюдайте, не уходя в сторону,
Оглядывайтесь вокруг.
Пусть впереди дорога будет открытой,
Пусть пройденный путь станет закрытым!
(Сейчас шаман ведет больного лечить к дверям)
Став лягушкой, ускачи,
Став змеей, уползи,
Не будь неотделимой нечистой силой «айна»,
Не будь исчезающей подземной нечистью – ирликом.
Пусть голова нечисти «айна» будет внизу (под землей),
Пусть голова подлунного человека будет вверх,
Невидимые черти пусть будут внизу,
Люди солнечного мира пусть будут наверху,
Пусть твоя черная голова держится до поседения,
Пусть твои белые зубы держатся до пожелтения,
Будь с длинной жизнью,
Будь хозяином большого жилища.
Пусть слышит вечерняя звезда «солбан»,
Пусть видит утренняя звезда «солбан».
Всевышние девять творцов
Пусть поднимут за правую подмышку,
Наверху стоящие звезды Орнона (Трех Маралух)
Пусть отдадут свое счастье.
В начале мебельной стенки «пас параан»
Находится фетиш госпожи матери Умай,
С душой в виде белой раковины каури,
С сердцем в виде бронзовой пуговицы,
Ты притянулась красной шелковой нитью.
Ты, мать Умай,крепишь людскую душу – «хут».
Фетиш женской половины юрты «тилег тёсь»,

Ты имеешь приношение в виде каши «поджа-потхы»,
 Ты имеешь пищу из ячменной крупы.
 Ты защита пасущегося скота.
 Фетиш мужской половины юрты «хус-тёсь»,
 Ты имеешь водою из белого молока белой коровы,
 Ты душа – «чула» черноголового народа.
 Ты фетиш бурый медведь «аба-тёсь»,
 Прошедший через дверное колечко,
 Ты питаешься сухими дудками борщевика.
 Если зайдет айна, то пугай (прогоняй),
 Всем своим снаряжением бей его!
 (Шаман принесенную душу «хут» дает выпить больному человеку вместе
 с молоком, т.е. вливает душу «хут»)
 Я, взвалив, принес твою чистую душу – «хут»,
 Пусть будет тебе удача.
 Я на плечах принес просторную твою душу – «хут».
 Пусть будет польза тебе, страдающему,
 Пусть очистится твое тело от злого духа,
 Пусть окрепнет душа человека подлунного!
 Хурай-хурай!
 Пусть будет помощь от богов.
 Пусть будет счастье от творцов.
 Можжевельник шести вершин
 Пусть тебя очистит,
 Богородская трава семи вершин
 Пусть тебя омоет.
 Хурай-хурай!
 Твоя госпожа мать Умай
 Пусть притянет душу через фетиш из белой раковины каури,
 Бронзовой пуговицы и красной шелковой нити.
 Закрепи твою дорогую душу – «хут»!
 Сеек, сеек.
 Подняв руку, пусть достигнет кропление,
 Открыв подмышку, пусть возлияние достигнет.
 Тёёр-тёёр. Мой тёёр.
 Моя родниковая вода, плескаемая через дымовое отверстие юрты!
 (Больного уводят к почетному месту, помощники плещут вином к дв
 рям, воду – в дымовое отверстие)
 Пусть расстилаются твои священные стяги,
 Пусть растворится ваша гордость,
 Пусть разойдется ваш гнев,
 Пусть разрушится ненависть.
 (Обращается к помощникам с просьбой выпить)

Жалко ли вам, моим подлунным,
Горькую родниковую воду, которую не пьет собака.
Моя кровавая грудь иссохлась.
(Шаман хочет закурить)
Под луною пламенеющую
Золотую трубку приготовьге!
Под солнцем сияющую
Серебряную трубку приготовьте!
(Вернувшись из своего путешествия, шаман произносит)
Обойдите Великий Хонгорай,
Проверьте весь народ!
Снимите красное тело.
Оставьте только твердые кости.
(Шаман проверяет, нет ли среди присутствующих больного.
Затем шаман распускает тёсей)
Расходитесь, хорошо глядя на звезды царского неба.
Расходитесь, считая – смотря на травяные корни черной земли.
Переваливший именитую Туву,
Меткий стрелок Солагай хан.
Строгий наказ дашь
Духам-оберегам шамана Артамона,
Духам-тёсям шамана Питука.
Не заставляй ночевать в разных местах.
Мои народные массы (т.е. тёси), похожие на мух,
Расходитесь по местам стоянок.
Хозяин шестиглазого тигра (т.е. бубна)
И днем и ночью стой на страже!

7. Хам Аркуттың хамдыхха чӧргені

(Тӧс тартханы)

Сеек, сеек!

Адам ханнаң алған хуйағымның ээлери
Азыр холыма чайалып одырынар.
Инем ханнаң алған хуйағымның ээлери
Иңні-мойныма пиктелин одырынар.
Халын хуйағымның ээлери ибiрiн килiнер,
Алтон сызымның ээлери айланып килiнер,
Ала марсым ээлери ибiрiн одырынар,
Сазан тӱӱрiм ээлери айланып одырынар!
Орба сапчан очаннарым,
Оң пiлекке оралып одырынар!
Алты кӧстiг ала марсым ээлери,

Азыр холыма чайалып одырынар!
Он читі частыҥда сомнах таа тутпаам,
Орба тутхам, хайран позым!
Саарбах олган тузында чүген дес тутпаам,
Түүр тутхам, хайран позым!
От инезін илчең төзім алғызын пир тур.
(От инезін алгабаза, хамнап полбас. От инезі төстерін позытнас
Хыбы-хыбы!
Отыс тістіг От инем!
Хырых тістіг Хыс инем!
Ханалығ ибнің пигі улың, хадарып одыр.
Халын чурттың ханы улып хадарып одыр.
Хадарған малның ээзі улып хадарып одыр.
Хара пастығ чонның хаалхазызың,
Нымырт харахтығ чонның чулазызың!
Хамых чон хадар тур,
Ил чон ибір тур!
Ўс азахтын тас очыхты ыргап чайхап тіккезің,
Төрт хулахтығ күлер хазанны үле-тала хайнатхазың,
Хамых чонны азыраазың,
Астаанны тосхырғазың.
Тоңанны іріткезің,
Халтыраанны чылытхазың,
Ўс частығ пай хазынны төзек пазында түнеткезің,
Ўс частығ хызырах поэырах мўндўлігзің,
Хаалхалығ ибні хадарғазың,
Хара пастығ чонны өлчейлесің,
Хазых чуртирға улысхазың,
Атар таңның алнында ах ойба улып чайылғазың,
Ах чалынның пір дес чирде хызыл хыбын тоолатшин одыр.
Хара пастығ чонны хадарып одыр,
Ах-хызыл чаламаны хазанғазың,
Алтын нўрліг пай хазыңны төр пазында түнеткезің,
Ахсы-пурның чағланып одыр,
Ах ибіңе айна-чикті кирбин одыр,
Хара пастығ чоңына хаалха пол тур!
Хыбы-хыбы!
(Төстерін тартча)
Тағ пазынча тарааннарым,
Тартыслап одырынар!

Суҥ пазынча тарааннарым
Субалыстырын одырынар минзер!
Хара ізікті асханнарым,
Хара пічікке пасханнарым,
Хара чөргекке орааннарым,
Хан тигірге кірген чоным.
Хазан улиинча харахтыҕларым,
Пора үгүче пурунныҕларым,
Тигейінде харахтыҕларым,
Эчегінде аастыҕларым.
Харах аразы харыс читнес,
Хулах аразы хулас читнес,
Хамых чоным.
Олбы-солбы тістіҕлерім.
Хомысхайах наахтыҕларым
Мончыхча харахтыҕларым.
Алтын хамчылыҕ хан-ниҕлерім,
Ханым чоным хайраханым.
сеекей-сеексий!
Хам Аркуттын хаҕбалары,
Хам Торлаңнын салдылары,
Көзір тастың илчілері.
Сілердең улуҕ хан даа чоҕыл,
Сілердең улуҕ ниҕ дее чоҕыл!
Оорха сөөгімні орган чоным!
Хабырҕа сөөгімні сыстатхан чоным!
Ат көдірбес пай сабанныҕзар,
Ах чаблаах азыхтыҕзар,
Ах абыртхы суғаттыҕзар.
Хол көдірзем ілиим читсін!
Сеек! Сеек!
Холтых ассам нааниим читсін!
Сеек! Сеек!
Хызыл үгүм!
Пір ханады хара тубан,
Пір ханады хызыл тубан.
Сеек! Сеек!
Ат пазынча ала хас.
Ах аясха өөрленіп одыр.
Хыңай-хайҕа!

Ах тигірдің алтынан хастаң одыр.
Хыңдай-хайғағ!
Хартха хусча хартхылап одыр!
Айлығларым!
Пір дее харахтаң көрбинчезер,
Күнніңлерім!
Пір дее хулахтаң испинчезер,
Миннең пасха аны кем пілер!
Ах тамырым тізем – сүтнең чачығ пирерзер,
Айлығларым!
Хан хара суум тізем – арағанан чачығ пирерзер.
Күнніңлерім!
Ачығ хазырым тізем – тамкы тамызарзар.
Күрең адым тізем – пугулдан іліг ілерзер.
Өкістернің үчүн өзен чоғар өзел парим,
Чабыстарның үчүн тағ чоғар талас парим,
Хайран позым!
Хорлаң аххан суг-холаттарынча,
Хобырахтығ хол-холаттарынча,
Пістел парған хырларынча.
Підісел парған хайаларынча.
Саны чох суу кис парим,
Пігіні чох тағ ас парим.
Ах тасхыл талал партыр,
Ах талай сайбал партыр,
Ат сөөгі азыр тағча ұул партыр,
Ир сөөгі изер тағча ұул партыр.
Арған тайма полчаң ма?
Ары сын полчаң ма?
Читі там алтындағы
Чик айнаның сымылы полчаң ма?
Чир үстүндегі алыптын хубулғады полчаң ма?
Тағ көлегін тартхынның
Хара чылан тулуңның
Хара хаттың сымылы полчаң ма?
Тағ харазы чорыхтығ
Чоон портағыча имчектіг
Хара хаттың сымылы полчаң ма?
Айна чолы чорыхтығ,
Айна пиктең Сабына сын,

Алтын ізігің аза сал!
Чик чолы чөрістіг.
Чик пиктечең Чир кінніг чис обаа,
Чис ізігің аза сал!
Чик чызын чилбечең ирбен одым,
Айна чызын арытчаң арчын одым!
Алас-алас!
Алтын хуйах тілеп килзем,
Алтын тағның алтын хаалхазы азыл турзын.
Күмүс хуйахты тілеп килзем,
Күмүс тағның күмүс хаалхазы азыл турзын.
Іліг тағның ирбен оды, алас-алас!
Азыр тағның арчын оды, алас-алас!
Алтын хуйах Алтын тағдан тартылзын
Күмүс хуйах Күмүс тағдан тартылзын!
Көлемеліг көк тайга,
Чаламалыг час тайга.
Көлеменер изіл турзын!
Чаламанаң чазыл турзын!
Тарыхханыңар таразын!
Пурухханыңар пузулзын!
(Хам кізі сиргелекке, чорыхтан айлан килзе,
Кізі хазых одырар ба? – тіп чуртас сынапча, ахсанча)
Толы Хоорай өтіре көріңер,
Тооза чонны парчан сынаңар!
Тиле Хоорай тизе көріңер,
Тилексей чонун ибіре сынаңар!
(Сеектечең кізілерні алғапча)
Пасхан ізіңер пагыр ползын!
Тепкен ізіңер тимір ползын!
Хара настарыңар хазарганча чөріңер,
Хасха тістеріңер сарғалғанча чөріңер!
(Төс таратханы)
Ікі идегін түре тудың,
Айланып нанып одырыңар.
Сырлап килген сыр чылан чіли сыыласпачаң.
Сойлап килген соосхан чіли сойласпачаң.
Чалбах нанга чадын пирбечең,
Ікі харахха уйу пирбечең
Харлыгас осхас хамых чоным!

Алты көстіг ала марсымнын ээзі,
Хараа күнөрте хадагда турынар!
Алды-кистіме тартынган
Албаты чоным!
Тутхан холың салыңар.
Хорымның тагларға тарап турынар,
Хобырахтын холларға тарап турынар!
Турлағ чиріне айланып одырынар.
Түнег чиріне ибіріп одырыңар.
(Төстерін таратхан соонда сир парча).⁷

7. Камлание шамана Аркута Сунчугашева

Сеек, сеек!

Хозяева моей золотой брони, взятой у Адам-хана,
Появитесь на моих растопыренных руках,
Хозяева моей золотой брони, взятой у Инем-хана,
Закрепитесь на моих плечах.
Хозяева моей крепкой брони, окружите меня,
Хозяева моих шестидесяти лент – «сызымов», повернитесь ко мне,
Хозяева моего алабарса (т.е. рукояти бубна), окружите меня,
Хозяева моего сыромятного бубна, повернитесь передо мною.
Мои оджаны, держащие жезл-орба,
Обернитесь вокруг моего правого запястья.
Мой алабарс с шестью глазами,
Сотворись на моей развилистой руке.
В свои семнадцать лет я даже не держал ложку,
Но держал жезл-орбу, горемычный я!
В свои подростковые годы я не держал даже уздечку,
Но держал бубен, горемычный я!
Мой тёсь, знающий богиню огня, дай благословление.
(Если шаман не получит благословление от богини огня «От-ине», то не сможет шаманить. Богиня огня не отпустит тёсей).

Молитва богине огня:

Хыбы-хыбы!

Моя тридцатизубая мать «От-ине»,

Моя сороказубая Дева-мать!

Став князем деревянной юрты, охраняй,

Став ханом крепкого жилища, охраняй,

Став хозяином пасущегося скота, охраняй.

Ты защита черноголового народа.

Ты душа – «чула» народа с глазами спелой черемухи.

Весь народ охраняй, лучший народ береги,

Чугунный треножник ты поставила,
Бронзовый котел с четырьмя ушками ты кипятишь.
Весь народ ты кормишь,
Ты насытила голодающих,
Ты отогрела замерзающих,
Ты согрела дрожащих от холода.
Ты водрузила у основания ложа трехлетнюю священную березу,
Ты едешь на трехлетней рыжей кобылице,
Ты охраняешь юрту с воротами.
Ты приносишь счастье черноголовому народу.
Ты помогаешь жить нам в здравии,
Накануне зари ты рассыпаешься, став белым пеплом.
Нигде не роняй красные искры своего белого пламени.
Стереги черноголовый народ.
Ты приколола бело-красные флажки – чалама,
Ты установила в изголовье почетного места священную березу
С золотыми листьями,
Улади салом свои уста,
Не пускай в святое жилище нечисть «айна-чик»,
Будь защитой черноголовому народу.
Хыбы-хыбы!
(Притягивает тессей)
(Духи) Рассыпанные по вершинам гор.
Притягивайтесь ко мне.
(Духи) Рассеянные по истокам рек.
Очередью выстраивайтесь ко мне,
Мои (духи), открывшие черные двери,
Мои (духи), записавшие меня в черную книгу,
Мои (духи), завернувшие меня в черные пеленки,
Мой народ, взошедший на царское небо!
Мои (духи), имеющие глаза величиной с казан,
Мои (духи), имеющие носы как у серой совы,
Мои (духи), имеющие глаза на макушке,
Мои (духи), имеющие рты на пятке,
Расстояние между вашими глазами больше четверти.
Расстояние между вашими ушами больше сажени.
Имеющие криво торчащие зубы,
Имеющие выступающие щеки,
Имеющие глаза наподобие бусинок,
Мои ханы и беги, имеющие золотую плетть,
Мой владыка, мой царский народ (т.е. тесси)
Сеекей-сеекей!
Ангелы-хранители шамана Аркута.

Ханы чоным! Хайраханым!
Чарым чулам алганнарым,
Чарым сагызым тартхан чоным,
Он идегім килін хатха алтатпадым!
Хайрахан чоным!
Сол идегім туған хатха тинсетпедім!
Хан- пиглерім!
Тастычаамда кірім чоғыл,
Істісесмде тадым чоғыл, Хайрахан!
Ұттіг хайаға син өткесін,
Ұзұт ханына син читіргезін,
Он холыма син тутхазың,
Хатыи тиріг тудынмадым,
Хара плат чилбеглігбін,
Хара чоным! Хайраханым!
Улуғ ханыңа чол пирерде,
Улуғ тибееге тартынмас пол!
Хайрахан! Хайраханым!
Ас алныма айланып одыр!
Ахсы-тіліме кибелін одыр!
(Төс таратханы).
Хайраханым!
Хан даа чоным!
Хара пазым хағбалары!
Халын идім чулалары!
Тарғай чіли тарап көрінер!
Пүдүрчін хусча пурлап көрінер!
Айлыг-күннің хал чоныма
Айланып халим, хайрахан чоным.
Тағ көлене соланмаңар,
Хыр көлене киштелбегер.
Ахсы-тілім син алғазың,
Ікі иннім пос салып одыр!
Ікі хараам одын поэдып одыр.
Ары а-мойным систіп одыр
Ахсы – тілім нандырып одыр!
Хайраханым!⁸

8. Призывание духов шаманки Сарго Мойнагашево

Отпрыски Адам-хана,
Посланники Инеем-хана!
Добрые духи-хранители моей черной головы,
Души-хозяева моего брэнного тела,
Встаньте передо мной!
О мой великий господин! Хайрахан!
Повелевающие моими устами,
Сотрясающие мой спинной хребет,
Избравшие меня в раннем детстве,
Пеленавшие меня в тугие пеленки,
Качавшие меня в золотой колыбели,
Обвейтесь вокруг моего тела,
Мое ратное войско, моя царская армия!
О мой великий господин! Хайрахан!
Записавшие меня в черную книгу,
Начертавшие мое имя в черном списке,
Разрубившие мои позвоночные кости,
Сосчитавшие мои мелкие кости,
Скрутившие мое брэнное тело,
Нашедшие мою лишнюю кость.
О мой великий господин! Хайрахан!
Острому языку моему не давайте спотыкаться,
Тупому языку моему не давайте стесняться,
На правое мое ухо вы поставили метку.
На правой моей лопатке вы выбили тамгу.
О мой великий господин! Хайрахан!
Мой великий народ, мой владыка!
Не шумите по чёрной тайге.
Не вейтесь как снежный буран.
Мой народ, моя царская армия!
О мой великий господин! Хайрахан!
Прошедшие сквозь отверстие горы Уттиг-хая,
Проникшие в гору Тапсаачы-хая.
О мой великий господин! Хайрахан!
Узнавшие мой крик
При бедственном состоянии.
Пришедшие на мой голос
В спешном порядке.
О мой великий господин! Хайрахан!
Начиная от устья девяти морей,
Ты являешься ханом, хорошо знавшим меня.
Начиная от устья двенадцати морей,

Ты являешься бегом, насквозь видящим меня.
О мой великий господин! Хайрахан!
Притянись на мой крик.
Во время кризисного состояния моей души,
Начиная от девяти морей,
Ты узнал меня.
О мой великий господин! Хайрахан!
Варившие меня в бронзовом котле,
Моловшие меня на каменной мельнице,
Просеявшие меня через медное сито,
Переправившие меня по волосяному мостику,
Заставившие меня пройти 40 ступеней,
Поднявшие меня к семи творцам,
Моя царская армия!
О мой великий господин! Хайрахан!
Взявший половину моей души,
Притянувший половину моего рассудка,
Я не давал невесткам перешагнуть через мой правый подол,
Я не позволял женщинам топтать мой левый подол.
Мои ханы и беги!
На моем теле нет грязи,
В моих внутренностях нет ржавчины.
О мой великий господин! Хайрахан!
Ты прошел через отверстие горы Уттиг-хая,
Ты довел меня до Узют-хана
(главы царства духов умерших людей),
Ты держал мою правую руку,
Я не имею грозного оружия
(т.е. бубна и шаманского костюма).
Я камлаю только черным платком.
Мой простой народ!
О мой великий господин! Хайрахан!
Предоставляя твоему великому хану дорогу,
Не притягивайся к большой усадьбе!
О мой великий господин! Хайрахан!
Встаньте передо мной.
Дайте поэтическую речь моим устам!
(Распускание служебных духов-тёсей).
О мой великий господин! Хайрахан!
Моя царская армия!
Добрые духи – хранители моей черной головы.
Души-хозяева моей плоти.
Попробуйте разойтись словно жаворонки,

Попробуйте разлететься словно перепелки.
Я возвращаюсь к своим людям Солнечного мира.
О мой великий господин! Хайрахан!
Не прячьтесь, укрываясь в горах,
Не устраивайтесь, укрываясь в холмах.
Вы повелевали моими устами.
Попробуйте развязать мои суставы.
Отпустите мои плечи,
Отдайте огонь моих глаз.
Верните мою речь!
О мой великий господин! Хайрахан!

9. *Хам Анистың ахсанғаны*

Чон алнынға кер адычаам, кер шолашхан,
Алнынғай кер адычаам, күрең чылғым!
(Кізі адын адап) тіген идекчінім,
Арығ чолға алас турды.
Хайдағ ханның ізі полчан,
Хайдағ шигдің ізі полчан.
Арбышчылар айлан тур ба?
Сыбырағчылар сайлан тур ба?
Күнніглерім минденшчелер
Хорбаларым минденшчелер
Чалбах тілім чара шалды
(Ира) теген идекчінім
Улуг иблер тибелелчары
(Пиктор) теген ир көкчінім
Ир көкчін ас алдыма чайылып одыр!
Арығ иблер тебелелчары.
(Айахтағы арағаны үс хати пычахнаң кисче)
Иранаң Пикторны ал халғыла!
Чабалға пирбегле!
Читкерге пирбегле!
Сыбырағчыларың пирбегле!
Улуг хуях пол!
Арығ хуях пол!
Тоң чүрекке толғалбанар,
Шыхла, парғыла!
Хатығ паніха хахсалбанар!
Чалбах паарға чалбырабанар!
Хызыл пилге истелбеңер.

Күннiглерiм миндешчерлер.
Хорбаларым миндешчерлер.
Арын чобаг алыснаңар.
Чалбах тiлiң чара шалгыла.
Ишке тiлiң ик шалыла.
Хааа кööб
Хаа кöö илöö.⁹

9. Текст камлания шаманки Анисьи Сыргашевой

Перед народом соловая моя лошадка проложила дорогу,
Передо мной соловый конек и бурая лошаденка,
Моя «идекчин» по имени (далее называет имя),
На чистый путь отправляясь, очистись дымом «алас».
Какого хана след являлся,
Какого бега след остался,
Колдуны ли вернулись?
Шептуны ли проказничают?
Мои солнечные спорят,
Мои отпрыски соревнуются,
Мой широкий язык рассекли.
Моя «идекчин» по имени (называет имя женщины),
Возводятся большие усадьбы,
Мой «ир-кокчин» по имени (называет имя мужчины)
Возводятся чистые жилища,
(В это время чашу с налитым вином три раза перекрещивает ножом),
Спасите (называет имена людей).
Не отдавайте злым,
Не отдавайте чертям,
Не отдавайте колдунам,
Будь великой защитой,
Будь святой защитой,
Не скручивайте чистое сердце.
Выходите, уходите
(В это время шаманским тесаком обводит вокруг больного, как будто бы
отделяя болезнь),
Не приставайте к крепкой голове,
Не прилепляйтесь к широкой печени,
Не устраняйтесь на красной пояснице.
Мои солнечные миряне, спорьте,
Моя молодая порось, соревнуйтесь,
Не поддавайтесь горю.
Разрубите их широкий язык.

Вырвите их тонкий язык,
Хаа-кёёё.
Хаа-кёёё-илёё!

10. Хам Туданың хамдыыха чөргені

(От иненің алғыстары)

Отыс тілліг От ине,
Хырых тістіг хыс ине,
Синнен улуг хан чох,
Синнен улуг пиг чох.
Ўлген төснен ўзўктігін.
Чарыхпаң чарғылыгын.
Иир хариинда хызыл сикпен тоннызың,
Таң хариинда пора сикпен тонныгзың,
Хола ізенеге хазағлыгзың,
Көстіг ханга киберленгезін,
Тимір ізеңе хазағлыгзың,
Көстіг ханга киберленгезін,
Хатығ хуйағың хатан хал,
Тимір хуйағың тиштен хал!
(Төс тартханы).

Хам Өзектің хағбазыбын,
Хам Хоорғыстың инчізібін,
Табылғаттын тағларым,
Тарымча аххан сұғларым,
Хобырахтығ тағларым,
Хоолап аххан сұғларым,
Сыбырғастығ сыннарым,
Сырлап аххан сұғларым,
Читі сарығ хыс мұндүрлігбін,
Хатығ хайа хазанғам,
Хазыра – нүге тартылғам,
Тас теербенге тартылғам,
Тас илгекке илгенгем,
Хара Ханнаң килген,
Читі хырлығ оғым чалбах тасха урунза, тайлыхпассын,
Хара ханнаң килген,
Алты хырлығ оғым чалым хайа тигзе, частыхпассын,
Күзүр хайа тартхылыбын,
Ойын тигей ойыннын бын,

Хумныг тигей хумнаглыгбын,
Хан Киреті хус ханым-нигім,
Абын ан пазы Ах тасхылда чурттыгзын,
Хорба хазың тайыглыгзын,
Ах хураан пустуглыгзын,
Пузулган чирің Пустын талай,
Азыраан Адаң Ах Тасхыл,
Сыххан чирің Абын ан пазы Ах Тасхыл!
Имискен ічен Игір хайа,
Азыраан адан Азыр хайа,
Пуўнгі күнде килзең – кирексін.
Пуўн чохта, кирек чохсың.
Улуғ-кічіг хан хара хустар,
Хан Хоорғыстың инчілері,
Хан сын тайыглыг,
Пуўнгі күнде килзер-кирекссер,
Пуўн чохта, кирек чохсар.
Ханым-нигім хара алып,
Тимір хуйағың тимненгенче,
Хатың хуйағың хатанғанча,
Хара сойын пөрігінні кискенче кил!
Минің алдымча тиисеп чөріп одыр.
Адаң чирі Абын ан пазы Ах тасхыл,
Пузулган чирің Пустын талай,
Хорба хазың тайыглыг,
Ах хураан пустуглыг,
Имискен инең Игір хайа,
Азыраан адаң Азыр хайа,
Пуўнгі күнде килзең-кирексін,
Пуўн чохта, кирек чохсар.
Ээліг хайа инеліг,
Хан Хулаххай адалың,
Ўрбекей састың Хара хат
Тимір хуйағың тимненгенче,
Хатың хуйағың хатанғанча,
Алтон арбасчыларыңны,
Читон тарбагчыларыңны алына килерсін.
Хара таңдың аңына чүлеркіс хара аба,
Ікі тізі пора пуўрлер,
Пуўнгі күнде килзер-кирекссер.

Пуун чохта, кирек чохсар.
 Алты хулас сынның
 Чаппа хулахтыг ікі тізі хара адай,
 Пуун килзер-кирексер.
 Пуун чохта, кирек чохсар.
 Хан Хулаххай ханым-пигім!
 Хол көдірзем іліг ползын!
 Холтых ассам чачын ползын!
 Хам Чалбарт
 Сарыгларның таглары,
 Сарыгларның хамнары,
 Паза сыхпас хам кізі
 Сарыгларның сөбгінең.
 Хол көдірзем іліг ползын!
 Холтых ассам чачын ползын!
 Сеек – сеек!
 (Сарыгларның таглары іліг чоғыл сагаа!)
 Хамнар өтчен Ыттиг тас!
 Изере парған үс хазын тайыглыгзың,
 Изере парған үс хузух чеенілігзың,
 Ыттиг тасты өт парибын.
 Хам харачан хара тас,
 Хара сүбе пөріктігзың.
 Хол көдірзем іліг ползын!
 Холтых ассам чачын ползын!
 Хамнар асчан Хан Хоорыс!
 Читі сарын хаттын,
 Пилтірлернің таглары!
 Хол көдірзем іліг ползын!
 Холтых ассам чачын ползын!
 Сеек-сеек!
 Ханым-пигім Хан сын!
 Абыған хастада турған,
 Хол көдірзем іліг ползын!
 Холтых ассам чачын ползын!
 Сеек-сеек!
 (төс таратханы)
 Тутхан холыңны позыдын одыр.
 Чалбах нанга чадыг пир,
 Нымырт хараама уйгу пир,

Ахсым-пурцымны пос салынар.
Ікі инніме ин салынар!
Таргай хусча тапсассанар.
Тага суга таразанар.
Туруглыг чир туруглыг опынар,
Пүдүрчүн хус чілеп пырлазанар.
Хол-суларга таразанар,
Харлыгас хусча хайназанар,
Хайалыг тагларга таразанар!¹⁰

***10. Камлание шамана Туда Юктешева
(Моление богине огня)***

Тридцатиязычная мать – огонь,
Сороказубая дева – мать,
Старше тебя нет хана на свете,
Могущественнее тебя нет бега на свете,
Ты поражаешь своих врагов, словно могучий дух-тёсь Ульген,
Ты совершаешь суд ярким, ослепительным светом,
Вечерней порой ты одеваешься в красную суконную шубу.
Утренней зарей ты одеваешься в серую суконную шубу,
Ты украшена бронзовыми стременами,
Словно хан с горящими глазами,
Ты украшена железными стременами,
Словно хан с горящими глазами.
В твердую кольчугу наряжайся,
Железной кольчугой бронируйся.
(Дух-хозяйка огня бронирует очаг, охраняет жилище и хозяйство больного-
го, не допускает злых духов).
Я – раб, потомок шаманки Хам Озек,
Я приданое горы Хан Хооргыс,
Мои горы, поросшие таволожником,
Мои реки, текущие словно жилы.
Мои горы, поросшие дудками борщевика,
Мои реки, текущие с журчанием.
Мои хребты, поросшие хворостом,
Мои реки, текущие с шумом.
Мои повелители – семь желтых дев,
(Семь дев – дочери небольшой скалы Сарот тигей у ж. д. ст. Сартак)
Я прикован к твердой скале,
Я выгибался как дуга.
Я размолот на каменной мельнице.
Я просеян на каменном сите.

(Шаман Т. Юктешев говорит о болезни, которой подвергли его духи – тёси за первоначальный отказ от шаманства).

Моя семигранная стрела, полученная от Хара-хана.

Если ударится в плоский камень, то пусть не скользнет,

Моя шестигранная стрела, полученная от Хара-хана.

Если заденет отвесную скалу, то пусть не пройдет мимо.

(Кам восхваляет силу своих духов – тёсей, подаренных Адам-ханом, т.е. Хара-ханом).

Мой повелитель – рассыпчатая скала,

Мое место для игры – игровая сопка,

Мое место для отдыха – песчаная сопка.

Мой хан и бег – птица Хан-Кирети,

Живущая в верховьях Абакана на горе Ах-Тасхыл,

Ты имеешь в качестве жертвы молодые березки,

Ты имеешь жертвенный пар от мяса белого ягненка,

Место твоего выхода Ледяное море,

Воспитавший тебя отец Белый тасхыл,

Место твоего происхождения Белый тасхыл в верховьях Абакана,

Мать, вскормившая тебя, Горбатая скала,

Отец, вырастивший тебя, Раздвоенная скала,

Если сегодня придешь, то будешь нужен,

Если не придешь, то не будешь нужен.

Два орла (супруги) – большой и малый «Хан-хара-хус»,

Наследство Хан Хооргыса,

Имеющий жертву Хан-сын,

Грудью вскормила вас мать – Горбатая скала.

Вырастил вас отец – Раздвоенная скала,

Если сегодня придете, то будете нужны.

Если не придете, то не будете нужны,

Мой хан и бег черный богатырь,

Твердую кольчугу надевай в два ряда, железную кольчугу держи наготове,

Надевай железный шлем и иди ко мне,

Родина твоего отца – гора Ах-Тасхыл в верховьях Абакана,

Место выхода – Ледяное море,

Ты имеешь в качестве жертвы молодую березку.

Ты имеешь жертвенный пар из мяса белого ягненка,

Грудью вскормила тебя мать Горбатая скала.

Вырастил тебя отец – Раздвоенная скала,

Если сегодня придешь, то будешь нужен,

Если сегодня не придешь, то – не нужен.

Твоя мать – черная женщина, дух-хозяин скалы Ээлиг-хая,

Твой отец – дух-хозяин горы Хан-Хулаххай.

Железную кольчугу наготове держи.
Твердую кольчугу в два ряда надевай,
Шестьдесят своих колдунов,
Семьдесят своих волшебников
Возьми с собою.
Черный медведь, похожий на зверя черной горы,
Два серых волка.
Если сегодня придете, то будете нужны,
Если сегодня не придете, то не будете нужны.
Две черные собачьи сучки, с повисшими ушами,
Величиной в шесть саженей,
Если сегодня придете, то будете нужны,
Если сегодня не придете, то не будете нужны.
Хан-хулаххай – мой хан и бег!
Если подниму руку, то пусть будет возлияние,
Если открою подмышку, то пусть будет кропление!
Кам Чалбарт!
Гора сеока сарыглар!
Шаманы сарыгларов
Больше не появятся в роду сарыглар.
Если подниму руку, то пусть будет возлияние,
Если подниму подмышку, то пусть будет кропление.
Сеек-сеек!
(У шаманов нет обычая кропления родовой горе сарыгларов)
Гора Юттиг-гас, которую проходят шаманы,
Ты имеешь дядьев по матери из трех поставленных святых берез,
Ты имеешь племянников из трех поставленных кедров.
Я прохожу сквозь отверстие горы Юттиг-гас.
Черный камень шаманского наблюдения,
С шапкой из черной пихты!
Если подниму руку, пусть будет возлияние.
Если подниму подмышку, то пусть будет кропление.
Гора Хан-хооргыс, которую переваливают шаманы,
Имеющая семь желтых дев, – это гора сеока бельтыр.
Если подниму руку, пусть будет возлияние.
Если подниму подмышку, то пусть будет кропление,
Сеек-сеек!
Мой ханский хребет «Хан-сын»!
Стоящий вдоль Абакана,
Если подниму руку, пусть будет возлияние.
Если подниму подмышку, то пусть будет кропление,
Сеек-сеек!
(Распускание духов)

Скованные руки освобождай,
Широким бокам моим дайте покойствие,
Черным глазам моим, цвета спелой черемухи, дайте сон,
Дыхание мое (рот и нос) свободно отпустите.
Двум моим плечам наложите метку.
Как птица «таргай» перекликайтесь,
Расходитесь по горам и рекам,
Находя места для стоянки, живите там.
Как птицы перепелки разлетайтесь,
Расходитесь по логовам и рекам.
Как ласточки на лету кружитесь,
Расходитесь по скалистым горам.

11. Хам Нураның ахсанған сөстөрi

Адам ханнан алғаннарым,
Хобый чонымда төстесеннерім,
Сан сөөгім санаан чоным,
Хабырға сөөгім хырган чоным,
Оорха сөөгім сытатхан чоным,
Отыс тістіг от ічем,
Отыс тасхылға тари ойлап көрінер,
Отыс төстөрім айландырыңар.
Хырых тістіг хыс ічем.
Хырых тасхыл тари ойлап көрінер,
Хырых төстөрім айландырыңар.
Таға сыхсам,
Пора үгү улыш учуам,
Суға кірзем.
Сортан палых улыш, чүзем.
Отыс тістіг От ічем!
Пора үгүм төзім.
Хара Ымай көдіртін,
Күннің сузы салбас чирде
Хара хайа алтына пиктеп салим.
Хырых тістіг Хыс Ічем,
Сортан палых төзім,
Чабал Ымай тартыш.
Айнын сузы салбас чирде
Чар алтына пиктеп салим.
Хара хухун төстөрім.
Иир хараазы чорыхтыгзың,

Тасхыл назы мўндурлігің,
Хара кўрең ызыхтыңың,
Хара чылан хамчылығың,
Таң алнында тынан турзың,
Хара суңнан іліг іл турыңар,
Ирбеннен аластаң турыңар.
Адам хан чирі – Хам тасхылға чит парим,
Ала пўўрге мўнгелекпін,
Инем хан чирі – Хам Тасхылға чит парим,
Ачын пўўрге мўнгелекпін.
Ўғу хусха хубулчабын,
Ылачын хусха чўлесчебин.
Ылачын хузым!
Ала пўўрім систіп одыр,
Андаң-мындаң сайбағ ит салбазын!
Ала пўўрге мўндім!
Чеек пўўрге алтандым.
Ачын пўўрім сым одырыңар,
Чеек пўўрім чиис пириңер
Улуғ тасхылларға іліг чачығ чигіріп одырыңар!
(іліг тастанча)
Ўттіг тасты ирте халдым,
Чылан мостаны кизе халдым,
Хам адазы Хам тасхылға чиде салдым.
Адам Хара Көс!
Хара кўрең миңделігің,
Хара миик сағаллығың,
Хара көміске чоҳсың.
Ўс частың тай хазың тайахтығың,
Хорба хазың көлектігің,
Читі хара тайлах чидектігің.
Ачын пўўрім аңырин назып одырыңар,
Чеек пўўрім инген чадып одырыңар,
Кўн харағы көрбес узўт чирінде
Чабал Ымайны чар алтына пиктен салдым,
Ай харағы аңдыбас узўт чирінде
Хара Ымайны хара хайа алтына пиктен салдым.
Ибіре учухчаң сығырай хустарым!
Алтын Ымай тартың,
Сығырай хусхачаң чили тапсап түссін.

Кічіг пала чіли күлүніп одырынар!
 Күмүс Ымай тартып,
 Сығырай хусхачах чіли тапсап түссін,
 Орай пала чіли күлүніп одырынар.
 Ічем хулуны ах порам ікі хулағы пістеліп одыр!
 Хырых пасхысха хырых хати сегірген,
 Ах пулутха сыхты, сығырайларым!
 Абам хулуны көк порам ырах чолын чолланып одыр,
 Отыс пасхысха отыс хати сегірген,
 Көк пулутха сыхты, сығырайларым!
 Ай осхас алтын тостыг,
 Күн осхас күмүс пүрліг Пай Хазың,
 Алтын хамчың алынып одыр!
 Алтын хуяңың тартынып одыр!
 Күмүс Ымай сындырлыгың,
 Алтын Ымай тигірлігің,
 (төстөрін таратча)
 Оорха сөөгім орылча,
 Сын сөөгім сыстанча.
 Орай позым иб-чуртыма айланчам.
 Пора үгүм хайа хоолында тынан чат!
 Сортан төзім нандыра теспкісте чылыг суғда тынан чат'
 Ылачын хузым ала пүүрімні тыс турыңар,
 Аал-хончыхха сайба салбазың!
 Хам Адазы Хам Тасхыла
 Ала пүүрні интел читтіріп одыр,
 Чеек пүүрні хада үдезіп одыр,
 Ічем хулуны ах порам ибіме айлан килді,
 Абам хулуны көк порам чуртыма айлан килді.¹¹

II. Камлание шаманки Ньюры Субраковой

Мои (духи), взятые у Адам-хана,
 Мои (духи), обосновавшиеся в моем роде хобый,
 Мой народ, пересчитавший мои разрозненные кости,
 Мой народ, скобливший мои ребра,
 Мой народ, заставивший ныть мой позвоночник.
 Тридцатизубая огонь-мать,
 Пробеги по тридцати тасхылам,
 Верни тридцать моих тессей,
 Сороказубая дева-мать,
 Пробеги по сорока тасхылам,

Верни сорок моих тёсёй.
Если я взойду на гору.
То, став серым филином, полечу,
Если я войду в воду,
То, став щукой, поплыву.
Тридцатизубая огонь-мать,
Мой тёсь – серый филин,
Подняв черную душу ребенка,
В земле, где не светит луч солнца,
Под черною скалою закрою.
Плохую детскую душу притянув,
В земле, где не светит луч луны,
Под высоким берегом я закрою.
Мой тёсь – черный ворон.
Ты ходишь вечерней ночью,
Ты поднимаешься на вершины тасхылов,
Ты имеешь черно-карего коня-ызыха,
Ты имеешь плеть из черной змеи,
Ты отдыхаешь на рассвете.
Кропите родниковой водой!
Окуривайте дымом богородской травы,
Я достигла земли Адам-хана, горы Хам-тасхыл.
Я еще не села на пестрого волка,
Я достигла земли царицы Инем-хан, горы Хам-тасхыл,
Я еще не села на хищного волка,
Я превратилась в сову,
Я преобразилась в сокола.
Мой сокол!
Развяжи моего пестрого волка,
Смотри, чтобы он не навредил.
Я оседлала пестрого волка,
Я оседлала хищного волка,
Ведите себя тихо, мои хищники.
Не грызите друг друга, мои хищники.
Мое кропление пусть достигнет великих тасхылов!
Я прошла через отверстие скалы «Юттиг-тас»,
Я перешла через змеиный мост,
Я достигла дворца Адам-хана, горы Хам-тасхыл,
Великий Адам-хан!
Ты имеешь черно-карего коня,
Ты имеешь черные усы,
У тебя нет бровей.
Ты опираешься на посох из трехлетней березки,

Ты отдыхаешь в березовой поросли,
Ты имеешь поводьями семь черных молодых коней.
Мой хищный волк, потихоньку трогай,
Мой прожорливый волк, осторожно приляг,
В стране узютов, где не светит солнце,
Черную детскую душу-умай
Под черной скалой я закрыла,
В стране узютов, где нет луны,
Страшную детскую душу-умай
Под высоким берегом я закрыла.
Мои снегири, летающие вокруг меня,
Притянув золотую Умай,
Пусть зашебечет, словно снегирь,
Пусть улыбается, словно маленький ребенок.
Притянув серебряную Умай,
Пусть зашебечет, словно снегирь,
Пусть улыбается, словно младенец
Мой бело-сивый конь – жеребенок моей матери.
Два уха наострил,
По сорока ступенькам сорок раз проскакал,
Поднялся на белые облака, мои снегири.
Мой небесно-сивый конь – жеребенок моего отца,
Держи дальнюю дорогу,
По тридцати ступенькам тридцать раз проскакал,
Поднялся на голубые облака, мои снегири.
Имеющая золотую бересту, словно луна,
Имеющая серебряную листву, словно солнце.
Священная береза!
Возьми свою золотую плетъ (т.е. жезл-орбу).
Притяни свою золотую броню,
Ты имеешь характер серебряной Умай,
Ты имеешь покровительство золотой Умай.
(Распускает тёсей)
Мой позвоночник раскалывается,
Мой становой хребет ноет,
Горемычная я сама, возвращаюсь домой.
Мой серый филин,
Отдыхай в гроте скалы,
Моя шука,
Отдыхай в теплой воде заводи.
Мой сокол!
Усмири пестрого волка,
Пусть не навредит соседям.

В землю Адам-хана, на гору Хам-тасхыл
Сопроводи осторожно пестрого волка,
Проводи вместе с собой хищного волка,
Мой белый конь. жеребенок своей матери, (т.е. бу
В мой дом вернулся.
Мой сивый конь. жеребенок своего отца,
В мое жилище вернулся.

1. Аар таг (г. Ары-таг по р. Есь около аала Абрамов) – место горных жертвоприношений рода сайын.

2. Аба кӱзее (Аба-кюзе) – стела с изображением медведя, находящаяся у г. Кирба, около аала Н. Тёя. Культное место жителей Н. Теи.

3. Агдым (г. Агдым в долине р. Ниня) – место горных жертвоприношений сеока сарыглар. В вершине лога «Устыг озен» на г. Агдым совершала жертвоприношение фамилия Костяковых. В ущелье «Агдым Хапчалы», около горного сооружения Свее, делала моления вторая часть Костяковых.

У подножия г. Агдым совершали моление Китежековы из сеока июс-сагай.

4. Азыг ой (Азынгой) – долина среди гор Чити-хыс, на вершине которой совершали жертвоприношение люди сеока харга из фамилии Сунчугашевых.

5. Азын пил (г. Азыгбиль в долине р. Черный Июс около аала Пугалар) – место горного жертвоприношения (чир тайии) сеока пуга из фамилии Итеменевых.

6. Азыр тас (г. Азыртас по р. Бай, впадающей в р. Аскиз) – место горного жертвоприношения сеока ичеге из фамилии Саражаковых и Пакачаковых. Жертвоприношение делалось родовой горе Сахчах.

7. Ай пазы (г. Айбажы или Баклаев в истоках речки Айбажы, впадающей в р. Тангу в долине р. Чулым) – место горного жертвоприношения Баклаевых из сеока ызыр.

8. Ала таг (г. Алатаг в устье р. Тунгужуль) – место горного жертвоприношения сеока бурут из фамилии Щетининых.

9. Албанах холы – название лога около аала У-Киндирла, в начале которого делали горное жертвоприношение Чебодаевы из сеока харапилтир. Жертвоприношение делалось родовой горе Борус.

10. Алтын таг (Алтынтаг по р. Юзик, впадающей в Саралу) – родовая гора Янгуловых из сеока ажыг.

11. Апчай тайии – гора в долине р. Абакан около ст. Чертыковская, где проводил горное жертвоприношение сеок тиилег. Названа по Апчаю Тюнестееву, проводившему здесь жертвоприношения.

12. Ат теерізі (г. Ат теризи в долине р. Таштып, около аала Карагай) – место горного жертвоприношения жителей Карагая. В жертву приносили лошадей, шкуры которых вывешивали на культовом месте.

13. Ах хыйыг (г. Ах-Хыйыг в долине р. Черный Июс) – место горного жертвоприношения аала Тагдагы.

14. Ибірбес таг (г. Ибирбес по р. Камышта около аала Балганов) – место горного жертвоприношения сеока бурут.

15. Изер таг (г. Изер-таг в долине р. Базаинская Бейка) – в седловине горы у каменного сооружения совершал жертвоприношения сеок сайын.

16. Илец таг (г. Элен в долине р. Черный Июс) – место горного жертвоприношения жителей аала Сеектиг.

17. Имчек таг (г. Имчек-таг) – место горного жертвоприношения сеока хобый. Под этой горой, в истоках ручья «Имчек хара суг» или «Хамначан хара суг» (Родник шаманских камланий) через каждые три года члены сеока хобый совершали моление своей родовой горе Коль-тайга.

18. Иней хуюзы – пещера на горе Иней-таг (в долине р. Иней), являющаяся местом горного жертвоприношения сеока иргит.

19. Иней таг (г. Иней-таг в долине р. Аскиз рядом с аалом Казанов) – родовая гора сеока том фамилии Мойнагашевых.

20. Инеске таг (г. Инеске находится в долине р. Чулым около аала Додонков) – культовое место, где проводил горное жертвоприношение сеок соххы фамилии Додонковых.

21. Ирт таг (г. Самохвал, в устье р. Абакан) – место горного жертвоприношения сеока пайгудуг фамилии Собакиных.

22. Ирче таг (г. Ирджа или Два брата, в долине р. Чулым около аала Конгаров) – место горного жертвоприношения сеока соххы фамилии Конгаровых.

23. Кетүг таг (г. Кетюг в горном массиве г. Чити-хыс) – культовое место сеока харга основной части фамилии Сунчугашевых, где совершалось родовое жертвоприношение.

24. Кечилей хайа (г. Кечилей по р. Черный Июс напротив аала Подкамень) – культовое место жителей Хуюлыг-хая.

25. Кизенек хайа (г. Кизенек в долине р. Абакан напротив аала Катанов) – культовое место Катановых, которое находилось у входа в пещеру этой горы.

26. Кис тигей (г. Кистигей по р. Есь около аала Сафронов) – культовое место, где совершали жертвоприношения Тинниковы.

27. Кичіг Хыйыг (г. Кичиг Хыйыг) – место горного жертвоприношения сеока хызыл-хая.

28. Көзеедіг таг (г. Козелиг в долине р. Бай) – культовое место сеока ичеги фамилии Саражаковых, которые проводили здесь горное жертвоприношение.

29. Көк пуга (г. Кок-пуга, стоящая в верховьях р. Хойза) – место горного жертвоприношения сеока харга фамилии Кызласовых.

30. Кодем-Тасхыл – почтительное женское название родовой горы сеока хобый.

31. Көл тайга (г. Кюль-Тайга) – родовая гора сеока хобый, находящаяся в истоках р. Большой Таштып. Носит также название «Улуг Көл Тайга» – Большая Кюль-Тайга.

32. Көлергіт (г. Колергит по р. Уйбат) – культовое место сеока иргит.
33. Көлім тасхыл (г. Куйлюм по р. Ортон) – родовая гора сеока суг-харга.
34. Күн көрбес таг (г. Кюн-корбес по р. Абакан выше устья р. Матур) – почитаемая гора сеока хара-чыстар.
35. Мүүс хуйу (г. Мюс-хую среди горного массива г. Чити-хыс) – место горного жертвоприношения сеока сибичин фамилии Толмашевых.
36. Ниске хыр (г. Ниске-хыр по р. Абакан около аала Кистим) – место горного жертвоприношения сеока аара фамилии Сапоговых.
37. Нымырттыг өзен (лог Нымырттыг-өзен по р. Абакан около Бейской заимки) – место жертвоприношения сеока чарджа фамилии Кургундаевых.
38. Окүнсак таг (г. Окунек по р. Чулым) – место горных жертвоприношений сеока соххы фамилии Сабуровых из аала «Узун хая» и сеока хасха фамилии Ербягиных из аала «Чирикпей».
39. Падот таг (г. Падот по р. Пыгыс) – место горного жертвоприношения сеока кыргыз фамилии Арыштаевых из аала Пыгыс.
40. Падың Тасхыл (г. Падын, находящаяся в истоках р. Кобырзы) – родовая гора сеоков сибиджин и харга.
41. Парбанах таг (г. Парбанах около Божьего озера) – место горных жертвоприношений жителей аала М. Озера.
42. Пис таг (г. Пис-таг в долине р. Узунджул) – место горных жертвоприношений сеока аба фамилии Межековых. Моление проводили рядом с культовыми пещерами.
43. Пізселіг хайа (г. Пизелиг, находящаяся по р. М. Арбаты.) – почитаемое место хакасских охотников.
44. Пізім таг (г. Бизим в долине р. Улень) – священная гора сеока иргит фамилии Кирбижековых, где они совершали горные жертвоприношения.
45. Пос таг (г. Бос-таг по р. Абакан около д. М. Арбаты) – родовая гора сеока хара-чыстар.
46. Пөзік сагыт (г. Пёзик-Сагыт по р. Уйбат) – место жертвоприношений сеока соххы фамилии Аевых.
47. Пөзік Сорах (г. Пёзик-Сорах по р. Уйбат) – место горных жертвоприношений сеока бурут фамилии Кабельковых.
48. Пулан таг (по-русски г. Шаман) – культовая гора, стоящая в истоках р. Кизас. Здесь находится царство умерших душ – уютов.
49. Пүрүс (г. Борус) – великая гора в Западных Саянах, где, согласно мифам, пристал плот Боруса (хакаского Ноя) после всемирного потопа. Здесь же находится мифический дворец Адам-хана. Борус является национальной святыней и поэтому носит название «Хан Пургус» – Царственный Борус. Родовая гора сеока хара-пилтир.

50. Пус таг (г. Музтаг в верховьях р. Мундыбаш) – родовая гора сеока шор.

51. Пус тайга (г. Пус-тайга, находящаяся в верховьях р. Матур) – родовая гора сеока хый.

52. Пустыг таг наары (г. Пустубары в долине р. Аскиз в устье р. Бай.) – место горных жертвоприношений сеока чити-пююр фамилии Сербигешевых.

53. Пырадай таг (г. Прадай или Братова в верховьях р. Сос) – место горного жертвоприношения сеока таяс фамилий Мишаковых, Мистряевых, Иредековых.

54. Саар таг (г. Сартаг) – родовая гора сеока сарыглар, находящаяся в долине р. Абакан в междуречье Камышты и Уйбата.

55. Сагыр хайа (г. Сагар-хая около ст. Уйбат) – родовая гора сеока кыргыз. В пещере этой горы выросли два мальчика, ставшие прародителями кыргызского рода.

56. Сана көл (озеро Чаны) – культовое место, куда шаманы отправляли души умерших кызыльцев из сеока ажыг. Сана-кёль – прародина этого рода.

57. Сахчах тасхыл (г. Сахчах, находящаяся в истоках р. Есь) – родовая гора сеока ичеге, члены которого спаслись на ней во время всемирного потопа. Их медный плот до сих пор покоится на вершине.

58. Ситтиг пас (г. Ситтигбас по р. Есь) – место горного жертвоприношения сеока халар фамилии Кидиековых и сеока туран фамилии Чанковых.

59. Сівсе таг (г. Свеетаг по р. Черный Июс) – место горного жертвоприношения жителей аала Устинкино.

60. Содан сын (г. Соданг-сын по р. Уйбат) – место горного жертвоприношения сеока соххы фамилии Аевых.

61. Сойып таг (г. Соиб в долине р. Ниня) – место горного жертвоприношения сеока сарыглар. На горе Малый Соиб проводили горное жертвоприношение Чыпашевы и Чыстановы из «Састагы аал». На горе Большой Соиб – Костяковы.

62. Соох суг (р. Сохсуг в долине р. Белый Июс) – в истоках этой реки проводил горное жертвоприношение сеок кыргыз фамилии Аешиных.

63. Сортах тигей – культовое место жителей аала Ораки.

64. Сохай таг (г. Сохай-таг в междуречье Б. и М. Еси) – место горных жертвоприношений сеока сайыннар и сеока харга фамилии Боргояковых.

65. Сохыр хайа (г. Сохыр-хая в устье р. Сир) – место горного жертвоприношения сеока чити-пююр фамилии Сербигешевых.

66. Сыхпа (г. Сыхпа по р. Есь) – место горного жертвоприношения сеока оох сайын.

67. Таг тайычаң (г. Таг-тайыджан по р. Камышта) – место горного жертвоприношения сеока бурут фамилии Балгановых.
68. Тайыглыг тигей (г. Тайыглыг по долине р. Абакан) – место горного жертвоприношения сеока ах-хасха фамилии Чаптыковых.
69. Тайычаң таг (г. Тайыджан-таг по р. Сойгачы) – место горного жертвоприношения сеока ах-хасха фамилии Тазминых.
70. Талбырт (по-русски Монашья гора) – родовая гора сеока сайын, находящаяся в долине р. Таштып около с. Таштып.
71. Тапсаачы хайа (г. Тапсачы-хая, находящаяся в долине р. Бея) – место горных жертвоприношений сеока чода фамилии Алахтаевых.
72. Таптан туразы (г. Таптан-туразы, находящаяся по р. Сыры) – культовое место сеока чити-пююр фамилии Анжигановых.
73. Тигір пурны (г. Тигир-пурны в верховьях р. Тея) – место горных жертвоприношений сеока харгалар.
74. Типсей хайа (г. Тепсей по р. Енисей) – родовая гора сеока кыргыз фамилии Марьясовых.
75. Тистіг хыйың (г. Тистиг-хыйыг по р. Б. Есь) – место горного жертвоприношения сеока сайыннар из аала Картоев.
76. Тораасхыр сыны (по-русски Торос-дабага) – культовая гора в Западных Саянах, куда шаманы отправляли души – «харан» умерших людей.
77. Тоска тайычаң таг (г. Тоска-тайыджан по р. Уйбат) – место горных жертвоприношений жителей аала Капчалы.
78. Тохтыгас (г. Тохтагаш по р. Абакан) – место горных жертвоприношений сеока туран фамилии Чертыковых, сеока бурут фамилии Катановых и сеока кыргыз фамилии Кыжинаевых.
79. Тёөнөг хайа (г. Тюне-хая по р. Тёя) – место горного жертвоприношения сеока харгалар. Во время моления шаманы отправлялись на г. Падын-гасхыл.
80. Тумзух таг (г. Тумзух-таг по р. Белый Июс) – место горного жертвоприношения (чир тайи) жителей аала Белый Балахчин.
81. Тунчух таг (г. Тунджух-таг по р. База) – место горного жертвоприношения сеока туран фамилии Чертыковых.
82. Туран хайа (г. Туран-хая в долине р. Мрассу) – родовая гора сеока туран.
83. Турун таг (г. Турун-таг в долине р. Есь) – у подножия горы по названию Сабах-Азии внутри лога Чазой совершали жертвоприношение члены сеока сайыннар фамилии Тинниковых.
84. Түлүн таг (г. Тюлюн по р. М. Есь) – место горных жертвоприношений сеока харга фамилии Кызласовых.

85. Тыттыг хыр (г. Тыттыг-хыр около аала М. Монок) – место горных жертвоприношений сеока табан из аалов М. Монок, Хызыл хара, Усть-Сос.

86. Уятпас таг (г. Уятпас по р. Уйбат) – место горных жертвоприношений жителей аала Усть-Тибик.

87. Улуг таг (г. Улуг-таг по р. Ч. Июс) – место горных жертвоприношений жителей аала Пугалар.

88. Улуг тайычаң таг (г. Улуг-тайыджан по р. Котен-Булук) – место горных жертвоприношений жителей аала Котен-Булук.

89. Улуг хайа (г. Улуг-хая по р. Тунгужуль) – на вершине южного склона (ирет пазы) – место горных жертвоприношений сеока бурус фамилии Щетинных.

90. Улуг хайа (г. Улуг-хая по р. Камышта) – место горных жертвоприношений сеока чити-пююр фамилии Колпаковых.

91. Улуг хамах таг (г. Улуг-хамах в верховьях р. Тарбаган) – место горного жертвоприношения сеока сарыглар фамилии Сагалаковых.

92. Улуг Хара Сорах (г. Кара-Сораг в верховье р. Бейки) – место горного жертвоприношения сеока чода фамилии Кучендаевых.

93. Устанах (г. Устанак или г. Церковь по р. Ниня) – место горных жертвоприношений жителей аала Сенявин.

94. Учурлыг таг (г. Учурлуг по р. Ниня) – место горных жертвоприношений сеока сарыглар фамилии Костяковых и сеока том фамилии Чыстановых.

95. Ыттиг хайа (г. Юттиг-хая по р. Уты) – место горного жертвоприношения койбальского рода ханг фамилии Капсаргиных.

96. Ыу таг (г. Уйтаг по р. Абакан) – место горных жертвоприношений сеока ах-хасха фамилии Сафьяновых и жителей аалов Толмат и Усть-Камышта.

97. Хамхазы (г. Хамхазы в истоках одноименного ручья) – место горного жертвоприношения сеока ах чыстар фамилии Асочаковых, Иппишевых.

98. Хам хамначаң таг (г. Хам-хамнаджан по р. Б. Арбаты) – место горного жертвоприношения жителей аала Арбаты. Жертвоприношение совершали в истоках ручья «Хам хамначаң хара суғ» (Родник шаманских камланий).

99. Хам хамначаң тискер хара суғ (ключ Хам-хамнаджан Касасук под г. Имджек) – место родовых жертвоприношений сеока хобый.

100. Хан Обаазы (г. Хан-обаазы рядом с аалом Маткечик) – почитаемая гора жителей долины Соса.

101. Хам хайазы (г. Хам-хая по р. Тостужул) – культовое место шаманистов.

102. Ханым тасхыл (г. Б. Каным в истоках р. Черный Июс) – родовая гора кызыльцев.

103. Хапчал (г. Капчалы по р. Уйбат) – место горных жертвоприношений сеока иргит фамилии Кирбижековых.

104. Хапчал (г. Капчалы по р. Кискач) – место горных жертвоприношений сеока том фамилии Абжилаевых.

105. Хара таг (г. Каратаг, находящаяся в долине р. Мрассу) – родовая гора сеока таг-харга. Иносказательно ее величали «Улуг таг» – Великая гора.

106. Хара таг (г. Харатаг по р. Камышта) – место горных жертвоприношений сеока бурут фамилии Балгановых. Сначала три года моления проводили на этой горе, потом три года – на г. Иб-тигей.

107. Хара Сорах таг (г. Кара-Сорах по кл. Котен-Бурук) – место горных жертвоприношений жителей Котен-Булука.

108. Хара Хыйыг (г. Хара-Хыйыг по р. Табат) – место горных жертвоприношений жителей аала У-Киндирла.

109. Харлыган тасхыл (г. Харлыган, находящаяся в верховьях р. Томь) – родовая гора сеока том.

110. Ходыр таг (г. Ходыр-таг по р. Уйбат) – место горных жертвоприношений жителей аала Усть-Бюрь.

111. Хооргыс тасхыл (г. Коргыш, находящаяся в устье р. Матур) – родовая гора сеока бельтыр.

112. Хорабас тасхыл (г. Карабаш находящаяся в верховьях р. Ниня) – родовая гора сеока чити-пююр.

113. Хордагаш таг (г. Хордагаш по р. Тарча) – место горных молений аала Половинка.

114. Хуйулыг хол (лог Хуялуг-хол по р. Кюг) – место жертвоприношений сеока том фамилии Костяковых.

115. Хуйулыг хыр (г. Хуялуг-хыр по р. Абакан) – место жертвоприношения (в пещере) сеока кочигес фамилии Азраковых.

116. Хулаххай (г. Хулахай по р. Абакан) – место горного жертвоприношения сеока сорлар фамилии Тюдешевых.

117. Хум тигей (г. Хум-тигей, находящаяся в устье р. Кача около г. Красноярска) – родовая гора качинцев.

118. Хуртын таг (г. Куртан в верховьях р. Киндырла) – место горного жертвоприношения сеока таяс. Жертвоприношение проводили в истоках ручья «Хам хамнацаң хара суг» (Родник шаманских камланий).

119. Хуулган таг (г. Хуулган по р. Уйбат) – место горных молений сеока чити-пююр фамилии Моналтаевых.

120. Хызыл хайа (г. Хызыл-хая, находящаяся по р. Хыйгызы в долине Мрассу) – родовая гора сеока хызыл-хая.

121. Хызыл хас (г. Хылхас по р. Б. Июс) – место горного жертвоприношения (чир тайин) аала Хызыл-хас.

122. Хызыл хас (г. Хызылхас по р. Ч. Июс) – место горных молитв жителей аала Когаев.

123. Хыйы таг (г. Хыйыг по р. Б. Июс) – место горного молитв жителей аала Тарчы.

124. Хыр Хазың таг (г. Хырхазын по р. Парная) – место горных молитв аала Усть-Парная.

125. Чабал өзен (г. Чабал-озен по р. Б. Июс) – место жертвоприношений (в логу Тайычан озен) жителей аала Подзаплот.

126. Чалбарт (г. Чалпан в долине р. Абакан напротив г. Абазы) – родовая гора сеока сарыглар. В молитвах сарыгларов и бельтыров она называется: «Хан-Чалбарт» – Царственный Чалбарт или «Аттыг саптыг Адам Чалбарт хайрахан» – именитый владыка патриарх Чалбарт. Шаманы других родов эту скалу не почитают.

127. Чойынды таг (г. Чойынды по кл. Котен-Бурук) – место горного жертвоприношения жителей аала Котен-Бурук.

128. Ызых таг (г. Ызыхтаг, находящаяся в истоках р. Б. Арбаты) – родовая гора сеока хахпына.

129. Ызых чул (руч. Ызыхчул в долине р. Б. Июс) – место жертвоприношения сеока кыргыз фамилии Барашковых из аала Тарчы.

130. Ымай тас (г. Амай по р. Енисей) – мифический храм богини Умай, находящийся напротив г. Саяногорска.

131. Ыргах Таргах Тигір Тізі тасхыл (г. Ергаки в Западных Саянах) – почитаемое место хакасов, куда шаманы запирали нечистую силу «ачина». Место обитания шаманских тессей.

132. Ыргах Таргах Тигір Тізі тасхыл (г. Поднебесный Зуб, находящаяся в истоках р. Б. Июс.) – почитаемая гора кызыльцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Архив Кунсткамеры. Ф. 11, оп. 1 д. 82, с. 3.
2. Гмелин Иоганн Георг. Путешествие по Сибири Тюрки Красноярского уезда и их шаманы. // Наука из первых рук № 0 Январь Новосибирск, 2004 – С. 122
3. Токарев С. А. Религия в истории народов мира – М., 1986 – С. 167. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков – Л., 1977 – Т. 2 – С. 59; Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь – Абакан, 1999 – С. 107 (в дальнейшем БХРИЭС)
4. Островских И. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина – СПб., 1895. – Г. 5. Вып. 3–4. – С. 337
5. ЦГАРХ. Ф. и-2 оп. 1 д. 306, л. 5
6. Хертек Бабыр Мелдерович, 1922 г. рождения, аал Аксы-барлык, долины р. Алаш Барун-Хемчикского района. Записал Монгуш В. Ч. 13 октября 1987 г.
7. ЦГАРХ. Ф. и-2, оп. 1 д. 325 л. 4
8. ЦГАРХ. Ф. 15 оп. 1 д. 61 л. 33, 34
9. Гладышевский А. Н. Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность / Автореф. канд. ист. наук – М., 1954. – С. 6
10. Там же. – С. 8
11. Комаров В. Шестнадцать дней, которые... // Абакан. Городской литературно-художественный и общественно-политический журнал № 3 2004
12. В Минусинском музее находится черновой вариант, а готовая рукопись хранится в Центральном государственном литературном архиве в Москве. Рецензию на нее написал Л. П. Потапов в заметке: «Религиозные и магические функции шаманских бубнов (Рукопись И. Т. Савенкова)». // Краткие сообщения Института этнографии 1946 В. 1 – С. 41–45

Глава 1.

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.-Л., 1950. – С. 353
2. ЦГАРХ. Ф. и-2, оп. 1 д. 325, л. 4, об.
3. ЦГИА. Ф. 1264 оп. 1, д. 280, л. 81
4. ХакИИИЯЛИ Рук. фонд. № 84, № 87 – С. 45.; Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999 – С. 194.
5. ЦГАРХ. Ф. и-2 оп. 1 д. 1400, л. 6-15
6. ЦГАРХ. Ф. Р-1, оп. 1, д. 8 л. 38
7. Толмашева Майна. 1901 г. рождения, сагайка, аал Колпаков, ОДНН ЦАРХ. Ф. 1 оп. 1 д. 161 л. 47-49, Ф. 1 оп. 1, д. 266, л. 28-46.; ЦГАРХ. Ф. 189 оп. 3 л. 13 л. 122-130; Ф. 80, оп. 1с. Л. 1, Безвинно расстрелянные. Мартиролог погибших от рук ОГПУ-НКВД в 1920–1940-е годы в период тоталитарного режима в СССР. Абакан, 2004.
8. Фонд А. В. Анохина Рук. фонд. Томского КМ. оп. 8, л. 4 с. 70
9. Штыгашев И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева – Горно-Алтайск, 1998 – С. 49; Майнагашев С. Д. Отчет о поездке к тюрским племенам долины р. Абакан летом 1913 года – С. 111
10. Тюмерков В. С., 1913 г. рождения, сагаец, аал Б. Бор
11. Штыгашев И. М. Ук. соч., с. 45.
12. Хоорай чоннын тореллери. – Абакан, 1996 – С. 73–74
13. Гарольд Лэмб. Тамерлан – правитель и полководец – М., 2002 – С. 69

- 14 Островских П. И. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (1894 г.) // Живая старина – СПб., 1895. – Т. 5 – Вып. 3–4. – С. 333
- 15 Кичеева Н. С. 1927 г. рождения, сенок хайра, аал Усть-Чуль
- 16 Толмашева Манит. 1905 г. рождения, сагайка, аал В. Аскиз, Кызласова Абдоки, 1901 г. рождения, сагайка, аал Кызлас
- 17 Курбиджекова А. В. 1913 г. рождения, кызылка, аал Ошколь
- 18 Ярилов А. А. Материалы по исследованию хозяйства хакасов. Хакасия. № 713. Бюджет Н. Кичеева
- 19 Архив кунсткамеры им. Петра Великого. Ф. 3. оп. 1. д. 51. Гугужекова Майра, 1901 г. рождения, качинка, аал Котожеков
- 20 Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1899. – Т. 2 – Ч. 1. – С. 355
- 21 Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884. – С. 125
- 22 Потанин Г. И. Очерки Северо-Западной Монголии – Вып. 4. – СПб., 1883. – С. 56
- 23 Хызыл аал. 1928, 15 апреля
- 24 Ивандеева Хучарай. 1925 г. рождения, сагайка, аал Базинская Бейка; Новосибирск. архив партархив. Ф. 2. оп. 1. д. 507. л. 33. Благодарю за эти данные своего рецензента, д.и.н. Гладышевского
- 25 Попов Н. П. Сведения и материалы для изучения поверий. Архив ГО. Раз. 64. оп. 1. д. 24. л. 20
- 26 Бытотова М. И. 1907 г. рождения, сагайка, аал Усть-Чуль
- 27 Сунчуганев Силке. 1925 г. рождения, сагаец, аал Верх-Аскиз.
- 28 Гугужекова Майра. 1901 г. рождения, качинка, аал Котожеков.
- 29 БХРИЭС. С. 154
- 30 Гмелин И. Ук. соч. – С. 125
- 31 Мишаков Лачын. 1900 г. рождения, сагаец, аал Усть-Сос.
- 32 МФГАКК. Ф. 15. оп. 1. д. 224. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб., 1907. – Ч. 9. – С. 467
33. Генешев Н. Шаманизм у сагайцев. Рукопись 30.06.1957 г. РО библиотеки Хакасии республиканского музея
34. Кунсткамера Архив. Ф. -к-У. оп. 1. д. 475. л. 14, Бутанаев В. Я. Бутанаева И. И. Хорай чоннын тореллери. Абакан, 1996. с. 125., ЦГАРХ. Ф. и-2. оп. 1. д. 138. л. 13
- 35 Укеекова В. С., 1910 г. рождения, сагайка, аал Кызылсуз
- 36 БХРИЭС. С. 141
- 37 Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // СМАЭ, 1949. – Т. 10. – С. 100
- 38 БХРИЭС. С. 231
- 39 Мойнагашева Сарго. 1914 г. рождения, сагайка, аал Верх-Бата
- 40 Улгурташева Н. Хамнын гүүрү. //Хакас Чир. 6 января 2001
41. Мойнагашева Сарго
42. Тенешев Н. Ук. соч. – С. 2
43. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб., 1907. – Ч. 9. – С. 583, Кызласова Абдокин, 1901 г. рождения, сагайка, аал Кызлас, Кулагашева Абдо. 1895 г. рождения, качинка, аал Окунев
- 44 Дыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 109
- 45 Потанов Л. И. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Труды института этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. – М.-Л., 1947. – Т. 1. – С. 10
- 46 Курбиджекова А. В. 1915 г. рождения, кызылка, аал Ошколь, Коче Арыштаева. 1891 г. рождения, качинка, аал М. Спирин
- 47 Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. – М., 1991. – С. 251
- 48 БХРИЭС. С. 85
- 49 Елишкин Оолах. 1917 г. рождения, кызылец, аал Хара суз

50. Кадышев С. П. Хурьдаинан Хулатай. Хак НИИЯЛИ Д № 4 – С 233
51. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900 – С 113.
52. Несколько слов о шаманском бубне (тюр) инородцев, живущих около села Таштыгского. Рук. ф. Красноярского музея. 572 4 (09). № 506 – С 11
53. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Вып. 4 – СПб., 1883. – С. 58.
54. Кенин-Допсан М. Алгыши тувинских шаманов. – Кызыл, 1995 – Т. 1. – С. 342
55. Тенешев Н. Ук. соч. – С 17.
56. Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 59.
57. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая – Абакан, 2003 – С. 12
58. Кызласова Абдокин
59. ЦГАРХ. Ф. 189 оп. 3 д. 13 л. 122-130., Сунчугашев Силке, 1923 г. рождения, сагаец, аал Верх-Аскиз
60. Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии – Абакан, 1998. – С. 16.
61. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор – Абакан, 2001. – С. 20., Кунсткамера. Архив Ф-3. оп. 1 д. 49.
62. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Ук. соч. – С. 25
63. Атыгыч оол Хакас чоннын ныхмахгары – Абакан, 1969 – С. 54.
64. Ай Мичикнеп Күн Мичик. Атыгыч ныхмахтар. – Абакан, 1993. – С. 57
65. Бастаев К. З. Харындас. ХакНИИЯЛИ Рук. ф. д. №96, с. 71, Тохтобин Маадак, 1904 г. рождения, сагаец, аал Усть-Сос
66. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Ук. соч. – С. 66.
67. Сыргашев Халдынаш, 1875 г. рождения, аал Хызыл-суу. Хак НИИЯЛИ. Рук. ф. д. №363 л. 85., ЦГАРХ. Ф. и-2 оп. 1. д. 147. л. 17., Сагалакова Хыргай, 1925 г. рождения, сагайка, аал Усть-Киндырла.
68. ЦГАРХ. Ф. и-2 оп. 1 д. 147 л. 23.; Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хоорай чоннын тореллери. – Абакан, 1996. – С. 105.
69. Кинзенова Х., 1897 г. рождения, сагайка, аал Сагай
70. Красноярский Краеведческий музей. Рук. ф. 572. 4 (09) № 503
71. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами //Советская археология. № 12. – М.-Л., 1950. – С. 151
72. Курбижекова А. В.
73. Сагалаков, Т. 1907 г. рождения, сагаец, аал Усть-Киндырла.
74. Каганов Н. Ф. Ук. соч. Ч. 9 – С. 465-466
75. Торчинов Е. Н. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника – СПб., 1998 – С. 96
76. Арыштаева А. П., 1915 г. рождения, качинка, аал М. Спирин; Спирин Набуш, 1904 г. рождения, качинец, аал М. Спирин.
77. Толбанова Т. И., 1907 г. рождения, мелетка, аал Тудалы, Кызласова Абдокин.
78. Кожакоева А. И., 1913 г. рождения, кызылка, аал Ошколь
79. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Ук. соч. – С. 38-39
80. Кузнецова – Ярилова А. А. Два рассказа о шаманах // Записки ИРГО по отд. Этнографии Т. 34 (Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина). – СПб., 1909 – С. 141-144.
81. Спирин Набуш.
82. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды – Т. 4 – М., 1959. – С. 37
83. Катанов Н. Ф. Ук. соч. – С. 573., Яковлев Е. К. Ук. соч. – С. 55
84. Каратанов И. И. Черты внешнего быта качинских татар // ИИРГО – Т. 20 – СПб., 1884 – С. 630
85. Лаппо Д. Е. Проверки – С. 19-20
86. Галданова Л. Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск, 1987 – С. 51

Глава 2.

- 1 Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003 – С. 101–103.
- 2 Каланов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб., 1907 – Ч. 9 – С. 565, 567. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // СМАУ, 1949 – Т. 10 – С. 122
- 3 Бутанаев В. Я. Ук. соч. – С. 240
- 4 Тенешев Н. Шаманизм у сагайцев – С. 6
- 5 Дыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 131
- 6 Дыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 157; Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая – Горно-Алтайск, 1993 – С. 48
- 7 Мунгуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев – Горно-Алтайск, 2004 – С. 16
- 8 Бутанаев В. Я. Ук. соч. – С. 245–246
- 9 БХРИЭС – С. 37, 77, 166
10. Дыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 142
- 11 БХРИЭС – С. 26, 122, Хакас чоннын киип-чоохтары, ныхахтары. – Абакан, 1960. – С. 186
- 12 Бутанаев В. Я. Ук. соч. – С. 108, Нербышев Гикпер, 1900 г. рождения, бельтыр, аал М. Монок
- 13 Там же – С. 104
- 14 Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М., 2005 – С. 144
- 15 Дыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 138; Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая – Горно-Алтайск, 1993 – С. 46.
16. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования) – Новосибирск, 1984 – С. 30, 53.
- 17 БХРИЭС – С. 155, Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) – Новосибирск, 1980. 238, Рук. ф. ТувиНИИЯЛИ. № 589. л. 22
- 18 Кинзенова Х.
- 19 Тюмерекон В. С., 1913 г. рождения, сагаец, аал Б. Бор
- 20 Нербышев Гикпер, 1905 г. рождения, бельтыр, аал М. Монок
- 21 Чебокаков Скай, 1886 г. рождения, бельтыр, аал Б. Арбаты
- 22 Ипгышева А., 1913 г. рождения, сагайка, аал Онхаков
- 23 Нербышев Каркей, 1930 г. рождения, бельтыр, аал М. Монок
- 24 Тенешев Н. Ук. соч. – С. 1–2
25. Кунсткамера. Архив. Ф. К-У, он. I. д. 475 с. 14; Кызласова Абдокин 1913 г. рождения сагайка, аал Кызлас
26. Сарлин Бико, 1900 г. рождения, качинец, аал Сарлин
27. Балганова Паях, 1887 г. рождения, качинка, аал Балганов, Казачинова Г. Г., 1941 г. рождения, аал Лев
28. Кожаква А. И.
29. Тюмерекон В. С.
30. Кызласова Абдокин
- 31 Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Арханческие обычаи и обряды саянских тюрков. – Абакан, 2005 – С. 27–28
- 32 Функ Д. А. Ук. соч. – С. 144
33. Козьмин Н. Князь Иренак (Эпизод сибирской истории) // Сибирские записки, 1916. №1. С. 47, Штыгашев И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтаец) Ивана Матвеевича Штыгашева – Горно-Алтайск, 1998 – С. 50
34. Кенин-Долсан М. Алгыши тувинских шаманов – Кызыл 1995 – Т. 1 – С. 309, Функ Д. А. Ук. соч. – С. 140

- Сатанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. // Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004 – С. 172–173.
- Толмашева Манит, 1905 г. рождения, сагайка, аал Калпаков
- Цыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 138
- Толмашева Манит
- СакНИИЯЛИ. Р. ф. № 87 с. 35, № 285 с. 167
- Цыренкова Н. П. Ук. соч. – С. 132.
- Лихайлов Т. М. О некоторых параллелях в мифологии бурятов и тюркских народов Сибири // Мифология народов Якутии. – Якутск, 1980 – С. 7
- Мишаков Лачын.
- Он же
- Сунсткамера. Архив ф. 5 оп. 4 д. 72 л. 10
- ХРИЭС. – С. 91
- Мойнагалсэва Сарго
- Сазачинова Када, 1901 г. рождения, сагайка, аал Аев.
- СакНИИЯЛИ Рук. ф. № 146 л. 172–176
- на 3.**
- ХРИЭС – С. 69
- Засилов В. Н. Избранники духов. – М., 1984. – С. 99
- ХРИЭС – С. 123–124
- Трокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири. //Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. – Л., 1971 (Сб. МАЭ. т. 27) – С. 64–69
- Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1 Народы Сибири. – Томск, 1979. – С. 149.
- ЗЕВ, 1884 – № 12 – С. 176
- Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова. Фонды оф. № 1694
- Зайнштейн С. И. Тувинское шаманство М., 1964. С. 6.
- Каталог ТГУ. С. 150., Шаманство и шаманы. // Нива, 1871 – ч. 4 – С. 58
- Мелин И. Ук. соч. – С. 126.
- СакНИИЯЛИ Р. ф. д. № 286. с. 23; № 84.
- Трокофьева Е. Д. Ук. соч. – С. 67, Гыжнов П. Шаманство камов над больными. // Енисейские епархиальные ведомости – Красноярск, 1902. – № 11–12 – С. 344
- Сожаква А. И., 1910 г. рождения, кызылка, аал Ошколь.
- ЗЕВ, 1884 №12 с. 176, ЦГАРХ ф. 588 д. 114 л. 9
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства – СПб., 1788. – Ч. 3 – Кн. 1 – С. 563.
- Трокофьева Е. Д. Ук. соч. – С. 64, Долонкова Катус, 1910 г. рождения, качинка, аал Тоспахтар
- Гыжнов П. Ук. соч. – С. 344
- Зуховской В. О шаманстве в Минусинском крае // Известия ОИИЭ – Казань, 1901 – XVII. – Вып. 2–3. – С. 149
- ЗЕВ, 1884, №12. 1. 176
- Ютанасев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая – Абакан, 2003 – С. 150–151, Бурнаков Иван, 1894 г. рождения, сагаси, аал Магныгас
- Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования) – Новосибирск, 1984 – С. 130–131
- Зурбижкова А. В.
- Ютанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4 – СПб., 1883 – С. 56
- Трокофьева Е. Д. Ук. соч. – С. 69
- ЗЕВ, № 12 – С. 176
- Таможиков С. Е., 1904 г. рождения, кызылец, аал Устинкино.

- 27 Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 53; Потапов Л. П. Алтайский шаманизм – Л., 1991 – С. 217
- 28 Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея – Минусинск, 1900 – С. 55
- 29 Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 52
- 30 Гмелин И. Г. Ук. соч. – С. 125
- 31 Басилов В. Н. Избранные духовы – М., 1984. – С. 99
- 32 Аргудаева Д., 1918 г. рождения, кызылка, аал Сектин.
- 33 Большой академический монгольско-русский словарь. – Т. 2 – М., 2001 – С. 87-8; Древнетюркский словарь – Л., 1969 – С. 331
34. Там же – С. 66, 224. Большой тюрко-русский словарь – М., 1998. – С. 165.
- 35 Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 38; Потапов Л. П. Некоторые аспекты изучения сибирского шаманства – М. 1973 – С. 6; Кенин-Долсан М. Алгыши тувинских шаманов. – Кызыл, 1995 – Т. 1 – С. 326
- 36 Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 9; Сагалаев А. М. Ударные инструменты в ритуалах ламанизма и южносибирского шаманства // Советская этнография. 1981 – № 5 – С. 122.
37. Катанов Н. Ф. Ук. соч. – С. 597; Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции – Новосибирск, 1987. – С. 40
- 38 Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культуры народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник МАЭ, 1955. – Т. 16. – С. 186
- 39 Потапов Л. П. Алтайский шаманизм – С. 164.
- 40 Иванов С. В. Ук. соч. – С. 177
- 41 Кунсткамера. Архив. Ф. 3. оп. 3. д. 36, Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М., 2005 – С. 191.
42. Алексеев Н. А. Ук. соч. – С. 163
- 43 Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Груды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.-Л., 1947 – Т. 1 – С. 166
- 44 Банинов М. Р., 1936 г. рождения, качинец, аал Аршанов.
- 45 Кинзенова Х., 1897 г. рождения, сагайка, аал Сагай
46. Бутанаев В. Я. Бутанаева И. И. Хоорай чоннын тореллери – Абакан, 1996. – С. 127; Голмашева Манит, 1905 г. рождения, сагайка, аал Капкаков.
- 47 Кунсткамера. Архив. Ф.-У. оп. 1. д. 475. С. 14
48. Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 164, 167
49. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003. – С. 160
- 50 Ленин чолы. 10.08.1989
- 51 Кунсткамера. Архив. Ф. 3. оп. 3. д. 36. Рук. ф. ХакНИИЯЛИ. № 482. л. 16
- 52 Доможаков Сыган, 1888 г. рождения, качинец, аал Доможаков
- 53 Тартыгашева А., 1913 г. рождения, сагайка, аал Анжуль
- 54 Катанов Н. Ф. Бубен и колотушка // Избранные научные труды. – Анкара, 2000 – С. 379. Яковлев Е. К. Ук. соч. – С. 55
- 55 Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 173.
56. Клеменц Д. Несколько образцов бубнов минусинских инородцев (с 9 таблицами рисунков) // Записки ВСОИРГО по этнографии – Т. 2. – Вып. 2. – Иркутск, 1890 – С. 25
- 57 Яковлев Е. К. Ук. соч. – С. 56; Катанов Н. Ф. Ук. соч. – С. 370
- 58 Древнетюркский словарь. – Л., 1969 – С. 516
59. Кунсткамера. Архив. Ф. 3. оп. 3. д. 36
- 60 Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 96; Патачаков К. М. Опыт реконструкции хакасского шаманского бубна с интерпретацией его рисунка. // Вопросы древней истории Южной Сибири – Абакан, 1984. – С. 148
- 61 Иванов С. Ук. соч. – С. 181
- 62 Там же – С. 240–242
- 63 Патачаков К. М. Ук. соч. – С. 157

64. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм – С. 193.
65. Иванов С. Ук. соч. – С. 188, 189 : Дьяконова В. П. Хакасские собрания музея антропологии и этнографии АН СССР // Вопросы этнографии Хакасии – Абакан, 1981. – С. 112
66. Иванов С. Ук. соч. – С. 192 : Несколько слов о шаманском бубне (пур) инородцев, живущих около села Талтынского Красноярский краеведческий музей. 572 4 (09). № 506 С. 40
67. Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 193.
68. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях – Абакан, 2004. – С. 29
69. Иванов С. Ук. соч. – С. 192
70. Патачаков К. М. Ук. соч. – С. 152
71. Казачинова Г., 1941 г. рождения, аал Аев (слышала от Кала Казачиновой)
72. Иванов С. Ук. соч. – С. 240
73. ЦГА Татарстана. Ф. 969 оп. 1. д. 8. Личный фонд Н. Ф. Катанова – С. 263., Катанов Н. Ф. Бубен и колотушка – С. 371. Иванов С. Ук. соч. – С. 196
74. Иванов С. Ук. соч. – С. 246.; Арбачаков А. П., Арбачакова Л. Н. Шаманы торной Шюрии. Этнографические очерки и тексты камланий – Новокузнецк, 2004 – С. 74
75. Иванов С. Ук. соч. – С. 202.
76. Там же. – С. 202
77. Там же – С. 217
78. Бутанасев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – С. 142.
79. Иванов С. Ук. соч. – С. 202, 204
80. ЦГА Татарстана. Ф. 969 оп. 1. д. 8. С. 265
81. Иванов С. Ук. соч. – С. 187.
82. Красноярский краеведческий музей. 572 4 (09). № 506. – С. 2
83. Там же. – С. 3
84. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1907 ч. 9 с. 565, 570, 597.
85. Красноярский КМ. 572 4 (09) № 506. – с. 3.; Патачаков К. М. Ук. соч. – С. 156.
86. Иванов С. Ук. соч. – С. 217.
87. Кенин-Лопсан М. Б. Ук. соч. – С. 326.
88. Функ Д. А. Ук. соч. – С. 192.
89. Кузнецова – Ярилова А. А. Два рассказа о шаманах // Записки ИРГО по отд. Этнографии Т. 34. (Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина) – СПб., 1909. – С. 141–144, 142.
90. Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 61.
91. Архив РГМЭ. ф. 2. оп. 1. д. 487
92. Арыштаев А. Н., 1894 г. рождения, аал Аргыстар
93. Баннов М. //Хакас Чир. 7. 09. 1993
94. Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 52.
95. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. – М., 1991. – С. 248
96. Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае // Известия ОИЭ – Казань, 1901. – Т. XVII. – Вып. 2–3. – С. 149.
97. Бурунаков Гойбан, 1881 г. рождения, сагаец, аал Киндирля: Шаманство и шаман // Нива. № 4. 1871 – С. 59
98. Алексеев Н. А. Ук. соч. – С. 165
99. Бурятско-русский словарь – М., 1973 – С. 685
100. Аскирова М., 1888 г. рождения, качинка, аал Куныя
101. Казачинова Када
102. Михайлов В. Религиозная мифология. – Улан-Удэ, 1996 – С. 29. Потанин Г. Н. Ук. соч. – С. 58.

- 103 Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.-Л., 1947. – Т. 1. – С. 172.
- 104 Архив МАЭ ф. 5 оп. 4 д. 72 л. 6
- 105 Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004. – С. 31.
- 106 Бурунаков Гойбан
- 107 Хлопина И. Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по левым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 81.
- 108 Кызласов Адай. 1894 г. рождения, сагаец, аал Кызлас.
- 109 Большой турецко-русский словарь. – М., 1998. – С. 683.
- 110 Кенин-Допсан М. Б. Ук. соч. – С. 326. Арбачаков А. Н., Арбачакова Л. Н. Шаманизм Горной Шории. – С. 92.
- 111.Тувинско-русский словарь. – М., 1968. – С. 324.
- 112 Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 168.
- 113.Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет поездки 1894 г.) // Живая старина – СПб., 1895. – Т. 5 – Вып. 3–4. – С.344.
- 114 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – С. 565.
- 115 ЛЧ ААН. Ф. 1079 оп. 1 д. 183
- 116 Клеменц Д. Несколько образцов бубнов минусинских инородцев (с 9 таблицами рисунков) // Записки ВСОИРГО по этнографии. Т. 2. Вып. 2. – Иркутск, 1890. – С. 34; Нынешние предметы находятся в Минусинском краеведческом музее под номером: кп 654/н-600. Благодаря археолога музея В. П. Леонтьева за предоставленную копию этой пары жезлов «орба».
- 117 ЛЧ ААН. Ф. 1079 оп. 1 д. 183
- 118 Скоблин Василий Иудович, 1924 года рождения, мелет, д. Скоблино
- 119 Дьяконова В. П. Ук. соч. – С. 111.
- 120 Потапин Г. Н. Ук. соч. – С. 54.
- 121.Там же – С. 55, 58.
- 122 Львова Э. Л. Материалы к изучению истоков шаманизма (шаманские атрибуты сибирских народов) // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 85.
- 123 Казачинова Г. Г. Кызыльский бубен. //Чатхан: история и современность. Материалы I международного симпозиума 25–28 июня 1996 г. – Абакан, 1996. – С. 43.
- 124 Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.-Л., 1947. – Т. 1. – С. 176.
- 125 Там же – С. 163.
- 126.Саражакова Байка, 1899 г. рождения, сагайка, аал Гирек Сагай.
- 127.Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – С. 73.
- 128.Потапов Л. П. Обряд оживления. – С. 163.
- 129 Иванов С. Ук. соч. – С. 219.
- 130 Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 163.
- 131 Там же. – С. 168.
- 132.Там же – С. 162.
- 133 Тартыгашева А. 1910 г. рождения, сагайка, аал Нор
- 134 Потапов Л. П. Ук. соч. – С. 159.
- 135 Там же – С. 160.

Глава 4.

- 1 Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004. – С. 54.
- 2 Там же – С. 54. Шаманство и шаманы // Нива, 1871. - № 4. – С. 59.

3. Торбостаева Д., 1910 г. рождения, сагайка, аал Перевоз
4. Чанкова А. Д., 1900 г. рождения, сагайка, аал Верх-Аскиз
5. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи – СПб., 1907 – Ч. 9 – С. 602.
6. Тугужекова М., 1901 г. рождения, качинка, аал Котожеков
7. ХакНийЯЛИ. Р. ф. №146 л. 142. Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. – М., 1967. – С. 138
8. Шаманство и шаманы // Нива, 1871 – № 4 – С. 60.
9. Гмелин Иоганн Георг. Путешествие по Сибири. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // Наука из первых рук. № 0. Январь. – Новосибирск, 2004 – С. 125
10. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая 1896 г. по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губ. // УЗКУ, 1897 – Кн. 3 – С. 25
11. Спириин Пабуш, 1904 г. рождения, качинец, аал М. Спириин
12. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края – Абакан, 1995 – С. 160
13. Кожикова А. И., 1910 г. рождения, кызылка, аал Онколь
14. Курбижекова А. В., 1913 г. рождения, кызылка, аал Онколь
15. Тюмерекон В. С., 1913 г. рождения, сагаец, аал Б. Бор.
16. Тугужекова М.
17. Тюмерекон В. С.
18. Казачинова Када, 1901 г. рождения, сагайка, аал Аев
19. Gmelin J. G. Reise surd Sibiren – Göttingen, 1751 – С. 335
20. МАЭ. Ф. 5 оп. 6 д. 15, с. 521
21. ЦГИА. Ф. 1264 оп. 1 д. 280 л. 84
22. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хоорай чоннын тореллери – Абакан, 1996 – С. 134
23. Яковлев Е. К. Ук. соч. – С. 103
24. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая – С. 136
25. ЦГАРХ. Ф. и-2. оп. 1 д. 1205. л. 20 об
26. Шандаков Аатчыбай, 1911 г. рождения, качинец, аал Туим
27. Мамышев И. И., 1914 г. рождения, сагаец, аал Н. Тея, Сагалаков Оолах, 1914 г. рождения, сагаец, аал Тарбаган
28. Суховской В. Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости, 1884 – № 21 – С. 297
29. Мойнагашева Чивей, 1902 г. рождения, сагайка, аал Б. Сыры.
30. ЦГАТ. Ф. 969. оп. 1 д. 8. Личный фонд Н. Ф. Катанова – С. 23
31. Катанов Н. Ф. Ук. соч. – С. 31, Мойнагашева Чивей
32. ЦГАТ. Ф. 969. оп. 1 д. 8 с. 25
33. Катанов Н. Ф. Ук. соч. – С. 25
34. Там же. – С. 31
35. Гашкова Ману, 1895 г. рождения, кызылка, аал Сектин.
36. Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический очерк о поездке в Монголию в 1927 году – Л., 1930 – С. 48
37. Суховской В. Ук. соч. – С. 297
38. Архив Кунсткамеры. ф. 5 оп. 6 л. 15 с. 72
39. Курбижекова А. В.
40. Нптышев Коледе, 1890 г. рождения, сагаец, аал Онхаков
41. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи – СПб., 1907 – Ч. 9 – С. 566
42. Толмашев А. Сибириннер тайин. //Хакас чирт. 7. 02. 1992
43. Щетинин Аатчыбай, 1911 г. рождения, качинец, аал Улгу-гас

- 44 Тыхнов П. Шаманство камов над большими // Енисейские епархиальные ведомости. – Красноярск, 1902. – № 11–12. – С. 340.
- 45 Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. – Абакан, 2005. – С. 106.
- 46 БХРИУС. – С. 40.
- 47 Шибасева Ю. А. Встреча с шаманкой // СЭ, 1978. – № 1. – С. 140.
- 48 Михайлов И. М. Ук. соч. – С. 168.
- 49 Тыхнов П. Ук. соч. – С. 341.
- 50 Кожиков А. И., 1910 г. рождения, аал Ошколь.
- 51 Тенешев Н. Царство мертвых по верованиям сагайцев. – С. 13–24.
- 52 Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае. // Известия ОАИЭ. – Казань, 1901. Т. XVII. – Вып. 2–3. – С. 150–151.
- 53 Кызласова Абдокин.
- 54 Толмашева Манит.
- 55 Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Ук. соч. – С. 117.
- 56 Сунчугашев Силке.
- 57 Тюмерексов В. С.
- 58 Курбижекова Агба.
- 59 Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – С. 178–187.
- 60 Бутанаев В. Я. Культ боини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1981. – С. 97.
- 61 Мишаков Лачын.
- 62 Торбостаева Д. В., 1910 г. рождения, сагайка, аал Перевоз.
- 63 Нагзузов П. Д., 1914 г. рождения, качинец, аал Аршанов.
- 64 Капчорова А. К., 1898 г. рождения, качинка, аал Аршанов.
- 65 Сазанакоев Кочита, 1913 г. рождения, сагайка, аал Б. Арбаты.
- 66 Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – С. 151.
- 67 Хан орба. Алыгтыл ныхмах. – Абакан, 1989. – С. 34, 36.
- 68 Тенешев Н. Ук. соч. – С. 28.
- 69 Бутанаев В. Я. Монгуш Ч. В. Ук. соч. – С. 135.
- 70 Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Ук. соч. – С. 23.
- 71 Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – С. 186.

Заключение.

1. Лаппо Д. Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. – М., 1905. – С. 12.
2. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003.
3. Лаппо Д. Е. Ук. соч. – С. 19.
4. Харитонова В. И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири. – М., 2004. – С. 9.
5. Устав местной религиозной организации традиционной религии хакаского народа «Хан тигир». Зарегистрирован в Минюсте РХЗ 04. 2000 г.
6. Запись участника обряда М. А. Чертыкова.
7. Харитонова В. И. Ук. соч. – С. 13.

Приложения.

а) Шаманские молитвы

1. Тексты записаны нами в 1972 г. от Сыгана Доможакова, 1888 г. рождения, качинца, аал Доможаков. Перевод наш. Это горное моление проводилось на горе Кирба.
2. Тексты записал В. Н. Мойнагашев от сказителя Караска Пакачакова в Аскизе в 1949 г. Он слышал качание от шамана Апсалин Кызласова. //Рук. Фонд ХакНИИЯЛИ.

№ 146 л. 172-176 Перевод выполнен нами Ансатин был расстрелян в минусинской тюрьме за шаманизм в 1937 г

- 3 Тексты записал В. Н. Мойнагашев в 1949 г. от хайджи Бориса Ивановича Канзычакова в аале Аар-усту. Слышал камлание от шаманки Боргояковой Чонах Яковлевны в 1917 г. // Рук. ф. ХакНИИЯЛИ №146 с. 162-171 Перевод выполнен нами
- 4 Записано А. А. Кенелем от Кокова М. М. // Рук. фонд ХакНИИЯЛИ №145 Перевод выполнен нами
5. Тексты записаны нами в 1974 г. от Обдо Кулагашевой, 1895 г. рождения, качинки, аал Окунев. Слышала тексты молений от шаманки Соко Котожековой Перевод наш
- 6 Тексты записаны нами в 1973 г. от П. Н. Котожекова, 1889 г. рождения, аал Сапогов Перевод наш
- 7 Тексты записаны нами в 1980 г. от Поджахай (Татьяны Васильевны) Домогашевой, 1916 г. рождения, сагайки, аал Хооргай. Слышала камлание от шамана Аркута Сунчугашева, 1890 г. рождения Перевод наш.
- 8 Тексты записаны нами от шаманки Сарго Мойнагашевой (1924 г. рождения, аал Зимник, сеок-томнар) во время фольклорной экспедиции Института ИФФ СО АН СССР в 1989 г. Перевод выполнен нами. Сарго унаследовала тэси от своего прадеда Кечук Мойнагашева. Местобитанием ее духов служит гора Тапсаачи хая. Шаманить начала с 1953 г.
- 9 Текст записан нами в 1985 г. от шаманки Кисковой (по мужу Сыргашевой) Анисьи Дмитриевны, 1905 г. рождения, аал Кызылсуз Перевод наш
- 10 Тексты записаны Н. С. Тенешевым в 1957 г. от шамана Иуда Юктемшева, 1877 г. рождения, аал Усть-Таштып Перевод его же
- 11 Текст камлания записан нами от Н. П. Ултургашева в 1989 г. Перевод наш. Н. П. Ултургашев это моление слышал от своей матери – шаманки Нюры Субраковой (1890 – 1979 гг.), из сеока хобый Н. Субракова прошла обряд посвящения под руководством шамана Тока Гоноева, представителя сеока хобый, жившего в аале Полтаков

Б) Список родовых гор.

- 1 Список составлен на основе полевых материалов автора, отраженных в нашей книге «Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края» Абакан, 1995

Научное издание

Традиционный шаманизм Хонгорая

Бутанаев Виктор Яковлевич

Автор

Редактор Л. Н. Макарова.
Компьютерное обеспечение О. Н. Пичугиной.
Дизайн обложки Д. А. Васильева

Подписано в печать 22.02.2006. Формат 60х84 1/16. Печать – ризограф.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 17,5.
Усл. печ. л. 16,27. Уч. изд. л. 15. Тираж 1000 экз. Заказ № 23.

Издательство Хакасского государственного университета им. П.Ф. Катанова
Отпечатано в типографии Хакасского государственного университета
им. П.Ф. Катанова
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 94